
Россия, Русь! Храни себя, храни!

3
2011

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Дмитрий ДИВЕЕВСКИЙ. Предчувствие перемен	4
Владимир БОЯРИНЦЕВ, Анатолий САМАРИН, Людмила ФИОНОВА. Кто сжигает Россию	10
Михаил ДУНАЕВ. Тупики либерального сознания	205
Александр ХРАМЧИХИН. Медведь в удушающих объятиях	212
Руслан РУСИНОВ. Хохлы и кацапы	233

ПОЭЗИЯ

Николай МЕЛЬНИКОВ. Поставьте памятник деревне. Стихи	3
Олег ДЕМЧЕНКО. Весна неизбежна. Стихи	33
Ольга КОЗЛОВЦЕВА. Свеча горит. Стихи	36

ПРОЗА

Владимир ЛИЧУТИН. Путешествие в Париж. Повесть	38
Виктор МЕЛЬНИКОВ. Последний урок. Рассказ	144
Дмитрий МЕЩАНИНОВ. Светская хроника. Рассказ	178
Иван САБИЛО. Короткие рассказы	197

ДОСЬЕ «МГ»

Виктор ИЛЮХИН. О фальсификации исторических документов советского периода 91

ПИСАТЕЛЬСКОЕ БРАТСТВО

У нас в гостях журнал «Родная Ладога»

Глеб ГОРБОВСКИЙ. Слышно, как дышит страна...

Стихи 256

Геннадий ИВАНОВ. Лучистые холмы. Стихи 258

Валентина ЕФИМОВСКАЯ. Русская игрушка. Стихи 260

Юрий ПЕРМИНОВ. Господь не оставит Россию. Стихи 261

Василий БЕЛОВ. Даня. Рассказ 264

Никлай КОНЯЕВ. Нацпроект. Миниатюра..... 269

Владимир КРУПИН. Россию спасет святость 271

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Владимир ЮДИН. Модернизация как ликвидация 274

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Вячеслав АПРЕЛЕВ. Как улучшить здоровье народа 280

Николай МЕЛЬНИКОВ

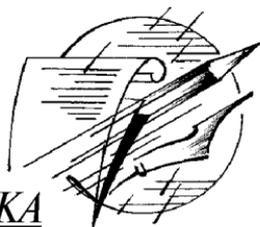
ПОСТАВЬТЕ ПАМЯТНИК ДЕРЕВНЕ

Поставьте памятник деревне
на Красной площади в Москве,
там будут старые деревья,
там будут яблоки в траве.
И покосившаяся хата
с крыльцом, рассыпавшимся в прах,
и мать убитого солдата
с позорной пенсией в руках.
И два горшка на частоколе,
и пядь невспаханной земли,
как символ брошенного поля,
давно лежащего в пыли.
И пусть поет в тоске от боли
не протрезвевший гармонист
о непонятной «русской доле»
под тихий плач и ветра свист.
Пусть рядом робко встанут дети,
что в деревнях еще растут,
наследство их на белом свете —
все тот же черный, рабский труд.
Присядут бабы на скамейку,
и все в них будет как всегда —
и сапоги, и телогрейки,
и взгляд потухший... в никуда.
Поставьте памятник деревне,
чтоб показать хотя бы раз
то, как покорно, как безгневно
деревня ждет свой смертный час.
Ломали кости, рвали жилы,
но ни протестов, ни борьбы,
одно лишь «Господи, помилуй!»
и вера в праведность судьбы.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ПЕРЕМЕН

Нет сомнений в том, что современное общество не может долго существовать без ведущей и организующей идеи. Если говорить точнее, без идеи, консолидирующей ее элиты и заставляющей их мобилизовать остальную массу народа. В США такой ведущей идеей стала глобализация. Этот исторический проект завоевания контроля над миром под маской «экспорта демократии» призван обеспечить Соединенным Штатам процветание на долгие времена. Элиты США едины не только в осознании выгоды для себя перспектив глобализации, но и в аморальности методов, которыми она достигается. Идеино американизированная Европа также тянется в обозе «демократизации», в той или иной мере осознавая опасность и бесперспективность этого авантюрного похода.

В России ведущая общественная идея пока не заявлена (хотя латентно существует) и причиной этому является крайне низкое гражданское сознание «новорусской» элиты, состоящей отнюдь из не лучших представителей общества, тем или иным образом оказавшихся на ключевых постах в стране. Их общим родовым признаком является ущербное мировоззрение, свойственное людям, случайно попавшим во власть. Политик

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

вырастает профессионально не только в процессе долгой и трудоемкой работы. Он изначально должен иметь еще и ряд особых качеств. Это способность глубоко понимать происходящее, сильная воля и что очень важно — гражданское сознание, неразрывно связанное с ощущением себя частью народа. Без этих качеств политик превращается в подобие Михаила Горбачева, глупое самолюбование и безволие которого позволили внутренним и внешним врагам Советского Союза использовать его в качестве марионетки.

В РФ сегодня к высшему эшелону относятся лица, никоим образом не показавшие своей предшествующей работой необходимого масштаба для решения возложенных на них государственных задач. В период правления Ельцина в стране был в основном разрушен главный лифт служебного роста — «лифт послушной», а взамен сложилось два других типа — «лифт по знакомству» (питерская команда) и «лифт коммерческий» — покупка должности за деньги. Естественно, что пассажиры таких лифтов не могут называться ни настоящими политиками, ни профессионалами, ибо оказались наверху совсем не в результате неординарных заслуг в деле служения обществу. Не имея необходимых интеллектуальных, духовных и волевых качеств для решения государственных задач, они закрепляют свои властные позиции путем объединения в замкнутые клановые группировки и ориентируют свою деятельность на личное обогащение. Многие из них в исполнении своих официальных обязанностей являются типичными симулякрами, и ожидать от них масштабной государственной деятельности было бы сверхнаивно. Люди такого уровня не в состоянии осознать исторических императивов развития нации, а если даже до них такие императивы доводятся экспертным сообществом, они не могут адекватно реагировать на них. Отсюда общественный регресс, углубляющаяся пропасть между богатыми и бедными, поголовная деградация институтов власти.

Вопиющим примером профессиональной несостоятельности являются обе палаты российского парламента. Задуманный по конституции как представительский орган для принятия решений на основе всестороннего обсуждения, парламента давно превратился в орган, штампуемый волю всего лишь одной партии, транслирующей позицию руководства государства, которую общество должно принимать как безупречную. Лишение Думы ее основного принципа равнодопустности волеизъявления привело к тому, что в стране создается комплекс законов, противоречащих интересам общества. Так, на фоне пожаров прошлого года мы стали сви-

детелями действия принятого нового Лесного кодекса, и еще долго будем наблюдать действия закона о коррупции, создающего жуликам массу лазеек для легализации наворованного, в первую очередь через взрослых детей.

Призванная обеспечить некое идеологическое обслуживание элиты, партия «Единая Россия» целиком состоит из пассажиров двух означенных лифтов, а также разрастающегося шлейфа приспособленцев. Это, без преувеличения, партия-симулякр, пожирающая огромные деньги и имитирующая представительство воли народа. На самом деле ее нельзя назвать народной партией, так как она безумно далека от нужд и чаяний простого человека и не пользуется его доверием. Ее попытки создать более-менее вразумительную программу обречены на провал, ибо любая вразумительная программа должна начинаться с отмены таких искусственных и очень затратных проектов, как сама эта партия. И то, что «Единая Россия» подстелила себе соломки, протащив закон об отмене нижней планки явки на выборы, четко указывает на ее неверие в собственную «народность».

Реальное идеологическое обеспечение правящей элиты реализует группа либеральных (иногда косящих под консерваторов) политологов и публицистов, находящихся на ключевых постах в СМИ и различных политологических фондах. Их главная задача — отупление населения напористой либеральной демагогией и отрицание всех без исключения завоеваний социализма. Они понимают, что только агрессивное наступление на память о социалистических завоеваниях может предотвратить ренессанс идеи социализма. Они очень хорошо усвоили, что русский народ в свое время принял социалистические преобразования, и не могут ему простить этого. По накалу ненависти, лицемерию и лживости эти люди весьма напоминают безжалостных инквизиторов Средневековья, полагавших, что воплощают собою чистоту веры Господней. Нет ничего удивительного в том, что главной мишенью их критики является сталинский этап советской власти, в котором они надеются найти наибольшее количество аргументов в свою пользу. Однако, как показывает практика, нападки на Сталина ничего не дают, а приносят скорее обратный результат. Популярность Сталина от этого растет, а наиболее известные представители этой группы (Н.Сванидзе, М.Млечин, В.Шендерович, В.Познер, стоящий «за кадром» А.Кох и ряд других) стали объектами презрения широких кругов общественности.

Реальная оппозиция, представленная КПРФ, несет на себе эдипов комплекс позднесоветской КПСС, не сумевшей раз-

глядеть опасности катастрофы и активно ей потворствовавшей. Именно в этом большинство политически мыслящих людей обвиняют сегодняшних коммунистов, и пока они с этим наследием не разберутся, их шансы на обретение широкой популярности будут невелики. Будь у руководства КПРФ достаточно мужества, чтобы по-новому взглянуть на роль И. Сталина, это могло бы изменить ситуацию. **Вообще пришла пора говорить о том, что И. Сталин своим глубинным политическим инстинктом в последние годы жизни уже нащупывал единственно верный исторический вектор развития России. И если бы не его гибель, следующим этапом стали бы полное восстановление роли Церкви и подготовка предпосылок для создания политической системы православного социализма.** Лишь с первого взгляда это звучит невероятно. Но именно Сталин титаническим усилием смог испепелить армию носителей антирусского и антиправославного троцкистского проекта и после этого в 1939 году начал ослабление преследований Церкви. Церковный народ первым понял, от какой беды он спас Россию в лихие тридцатые годы, и именно поэтому Церковь молила Господа об упокоении вождя в Царствии Небесном после его кончины.

Однако продолжить дело Сталина было некому, среди его последователей равных по масштабу личностей не нашлось.

Сложившаяся на сегодня в России ситуация породила в обществе то, что и должна была породить. Двадцать лет антикоммунистического «промывания мозгов» без какой-либо замены на понятную модель развития привели к массовому упадочничеству, резкому снижению патриотической и гражданской мотивации, являвшихся моральными скрепами советского человека. Без этих скреп он пустился во все тяжкие. Сегодня количество людей, нарушающих закон или имеющих к этому отношение, не поддается исчислению. Мы превращаемся в страну поголовного беззакония, и это касается не только окончательно разложившихся государственных структур, но и каждого из нас. Рядовой человек, оказавшийся в окружении враждебных ему сил, норовящих отобрать у него последнее, стал чаще прибегать к незаконным методам защиты, и, что самое главное, — подобное поведение больше не осуждается его окружением. Налицо падение общественной нравственности. Мы все больше и больше напоминаем разложившееся общество царской России накануне революции.

Россия сегодня без сомнения является переходным обществом, ибо отсутствие национально согласованного курса помещает нас в положение нации, не видящей грядущих опас-

ностей и не готовящейся к ним. Кажется, это понимают все, кроме наших руководителей. Вопрос в том, какие подспудные тенденции в общественном сознании сейчас зреют и во что однажды выльется воля народа?

Можно, конечно, предположить, что она выльется для начала в акты гражданского неповиновения, если, скажем, в ближайшую пару лет начнется новая волна мирового финансового кризиса, а той «подушки безопасности», которая была у правительства в 2008—2009 годах, у него уже не будет. Последует резкое усекновение социальных программ и всплеск общественного недовольства. В таком случае могут стихийно появиться новые силы, способные чётко выразить массовые ожидания смены политической системы.

Если же радикального обострения ситуации из-за внешних или климатических факторов не случится, то следует посмотреть, как будут складываться обозначившиеся сегодня тенденции. Есть ли надежда, что усилия власти дадут результат и национальные программы, в том числе наиболее животрепещущая программа борьбы с коррупцией, заработают? Оснований для таких надежд маловато, ибо результаты по ранее принятым программам свидетельствуют о неспособности «взять быка за рога». Всем понятна необходимость принятия куда более решительных и масштабных мер для того, чтобы дело пошло. Если же руководящий эшелон окажется на такие меры не способен, то потенциал протеста будет нарастать. При этом дискуссии об альтернативах созданной в России модели примут активную форму.

Какова же наиболее вероятная альтернатива?

Едва ли популярным станет очередное заимствование из-за рубежа. Кажется, наш народ устал от импортных моделей и сейчас хочет только одного — почувствовать себя у себя дома, а не в декорациях какой-то чужеродной державы. И если глас народа потребует собственного пути, то на авансцену выйдут национальная история и национальная традиция. А то и другое настоятельно указывают на лидирующую роль русского народа в его геополитическом окружении, что потребует пересмотра многих установок политики на постсоветском пространстве, в первую очередь активного выдавливания из него непрошенных гостей в виде натовских структур и наступательной защиты интересов соотечественников. Касательно устройства собственной жизни придется вспомнить общинный (социализированный) стержень народной жизни и патерналистскую роль государства. (Кстати, в периоды испытаний именно демонстрацией патернализма наши руководители набирают себе рейтинги. Они выезжают

на места катастроф, выделяют помощь из государственного кармана, организуют локализацию последствий и т.д., хотя чаще всего это должно быть заботой местных властей). Здесь историческая традиция совпадает с императивами будущего. Все научные прогнозы говорят о том, что только хорошо управляемое и отоброшенное общество сможет ответить на грядущие испытания. А то, что именно социалистически устроенное общество в данном смысле далеко превосходит общество индивидуалистов, не вызывает возражений ни у кого. Каким образом сложится разработка новой модели, сколько в ней будет от рынка, сколько от социализма, сейчас сказать трудно. В целом, это видится как логичное развитие национальной судьбы, которая целое христианское тысячелетие складывалась именно таким образом, а опыт с либеральной рыночной моделью, похоже, оказался лишь исторически кратким и неудачным эпизодом.

Однако для того, чтобы кризисное развитие современной России вылилось в мирную и конституционную корректировку системы, необходимо появление новой политической силы. Брожение ферментов этой силы чувствуется в общественных настроениях. Недовольство существующим положением вещей выражает большинство населения. Очаги дискуссии об альтернативах развития также давно существуют. Начнется ли естественный процесс их консолидации и произойдет ли она? Вопрос далеко не риторический, ведь люди, не равнодушные к судьбе грядущих поколений, не могут и не будут стоять в стороне от этого процесса.

Владимир БОЯРИНЦЕВ,
доктор физико-математических наук
Анатолий САМАРИН,
доктор философских наук
Людмила ФИОНОВА,
доктор физико-математических наук

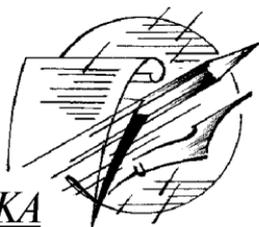
КТО СЖИГАЕТ РОССИЮ

ЖАРА КАК ПРОДУКТ ПОЛИТИКИ ВЛАСТИ

«К сожалению, это стихия!» — таков был ответ президента Д. Медведева на телефонное сообщение премьера В. Путина из горящих лесов Нижегородской области. Далее шли слова о бессилии власти что-либо сделать. О бессилии — позже. Сначала о том, стихийным ли является кошмар, накрывший нынешним летом центральную Россию?

Известно — если постоянно наращивать содержание парниковых газов, температура поверхности Земли и приповерхностных слоев атмосферы будет нарастать. Знают ли об этом те, кто наращивает выпуск автомобилей, которые дают уже более 80% загрязнений воздуха в городах, при том, что мегаполисы поставляют в атмосферу до трети от общего количества парниковых газов? Знают. По долгу службы обязаны знать. Но определяет действия властей всего «демократического» мира только один мотив — выгода, личная выгода. Все остальные надобности игнорируются.

Леса и морская растительность — фабрики, поглощающие важнейший из парниковых газов — углекислый газ, уничтожаются в угоду выгоде. Леса вырубаются на планете со скоростью 11 млн. га в год, а Мировой океан уродуют все, кому не лень: его используют как свалку космического му-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

сора, по дну прокладывают трубопроводы, бурят глубоководные скважины, заливающие нефтью все живое. Исполнительный директор компании «Бритиш Петролеум», отравивший Мексиканский залив, отправляется не в суд, а в кресло главы другой компании, положив в карман 1,6 миллиона долларов компенсации и ежегодную пенсию в 900 тысяч долларов. А тем временем компания «Бритиш Петролеум» обрабатывает разливы нефти химикатами еще более токсичными, чем сама нефть, ибо так дешевле.

К главному загрязнителю планеты — США вплотную приблизился Китай. Подъем его экономики происходит не только благодаря дешевой рабочей силе, но и за счет экономии на очистных сооружениях. Сначала экономика, экология потом, когда страна разбогатеет. Заботы об экологии — удел богатых стран. Таких взглядов придерживается китайское руководство и общество. Итоги такой политики плачевны: в 2009 году в Китае произошло 170 крупных аварий, связанных с загрязнением природной среды, в первом полугодии 2010 года их было уже 102. В текущем году на 98% увеличилось число аварий, связанных с утечками вредных веществ, в том числе нефти. Утечка нефти из нефтепровода в г. Далянь привела к выбросу в Желтое море 60 тысяч тонн нефти. По всей стране 20 тысяч химических заводов сливают грязную воду в реки. «Правительство КНР знает, что выбранная им модель экономического развития долго не продержится», — считает сотрудник «Гринпис» Ян Айлун.

В России внедрение «демократии» принесло резкое ухудшение экологии. Есть множество данных о разливах нефти в Сибири в районах нефтепромыслов, о загазованности городов (например, наши работы: «Глобальный экологический кризис: причины и пути преодоления» — газета «Знание — власть» №13, 2009 г.; «Трагедия Москвы» — журнал «Молодая гвардия» №4, 2009 г.; «Кто в доме хозяин?» — газета «Знание — власть» №17, 2010 г.).

Добавим только один пример лета 2010 года. Волга, превращенная в сточную канаву, становится опасной для жизни. На набережной Рыбинска можно наблюдать, как льются в реку сточные воды, даря городу ароматы канализации и нефтепродуктов. Плакат у входа на пляж извещает, что бактериологическое загрязнение волжской воды превышает предельно допустимую концентрацию (ПДК) в 48 раз, вирусы (включая холеру) в 37 раз, фекалии — в 240 раз. Рыбинская ГЭС в зависимости от нагрузки меняет объем проходящей воды, в результате уровень реки существенно колеблется, обнажая большие участки дна, что не может не сказываться

ваться губительно на речной флоре и фауне. И никого — ни власть, ни жителей не волнует такое издевательство над рекой. Пребывая в состоянии дебильной беспечности, люди полностью уверены в своем праве уродовать природу как им выгодно, не опасаясь наказания. И та же беспечность не позволяет им увидеть наказание, которое они воспринимают как стихию.

Июль 2010 окрасил карту распределения температур на всем евразийском пространстве в красный африканский цвет. Средняя температура в Европейской части России превысила климатическую норму на 8—10 градусов. На всей планете первое полугодие было самым жарким за всю историю наблюдений. В центральной России в июле—августе были побиты все температурные рекорды, достигнутые за 130, 200, 5000 лет — данные разных источников существенно расходились вследствие различия то ли уровня компетентности, то ли степени холуйства о том, что аномальная жара случалась и прежде, а значит, поводов для беспечности и тем более для серьезного изменения политики нет.

Пока центральная Россия два месяца задыхалась от небывалой сорокаградусной жары, Пакистан, Европу, Северо-Западный Китай заливали ливни, вызвавшие оползни и чудовищные наводнения. В Турции к середине августа температура достигла 47 градусов. Жара принесла лесные пожары в Португалии, Хорватии, на испанском острове Ибица, а в Бразилии случилась небывало суровая зима с невиданным снегом. Но телевидение в усиленном режиме показывало климатические катастрофы по всему миру с ключевым подтекстом — во всем мире катаклизмы, значит, у нас ничего выдающегося не происходит! Был и другой многократно озвученный мотив: это — стихия, а, стало быть, поделаться ничего нельзя. В общем, граждан призывали дремать как прежде, ни о чем не задумываться, и, не дай бог, ничего не предпринимать.

Атмосферу Земли лихорадило. После жары температура в конце августа в Москве упала от 32 до 18 градусов. Центральную Россию залили многодневные дожди. Температура упала до 10—12 градусов. СМИ изобрели термин, достойный чеховской институтки Наденьки — «нервозность климата». Хотя температурные скачки можно понять и предсказать, признав существование климатических изменений, обусловленных деятельностью человека. «Неофициальные» экологи давно предупреждали и о негативной роли человека, и о сопряженных с глобальным потеплением резких колебаниях температур, вызванных нарушением нормальной цир-

куляции водно-воздушных потоков из-за перегрева атмосферы и поверхности океана. Власть предпочитает не слушать тех, кто говорит неприятные вещи. У нее есть свои «ученые», которые вообще глобальное потепление и его антропогенные причины отрицают, что очень нравится власти, ибо позволяет ей жить, не думая о последствиях своих деяний.

Признав глобальное потепление, можно было бы дать реальные прогнозы и принять адекватные меры (сокращение выброса парниковых газов, восстановление лесов и морского фитопланктона и др.). Но признать наличие глобального потепления, вызванного антропогенным фактором, значит признать неправильность политики властей «цивилизованных» стран и их хозяев — мировой спекулятивной системы, признать необходимость перемен. Но это означает конец владычества финансовых мафиози, поэтому они изо всех сил цепляются за тезис: «Пока мы наверху, все в порядке, такое было, ничего особенного!» И стоять на этом бастионе они, похоже, будут насмерть. На нашу смерть, ибо они, оберегаемые кондиционерами вилл и спецбункеров, погибнут последними.

18 августа глава Росгидромета Вильфанд на пресс-конференции, как обычно, говорил нечто невразумительное, а его сотрудники во все время жары постоянно плакались, что атмосфера — система сложная, и понять ее законы нельзя. Конечно, нельзя, если наполнять Росгидромет такими, как Вильфанд, и прочими «своими». И не помогает этой публике даже большой компьютер, купленный за 40 млн. долларов. Деньги, выделенные на науку, и так крошечные, уходят в цепкие лапки «своих». И хотя даже С.Шойгу отметил, что отсутствие прогнозов было самой большой бедой нынешнего лета, с должности Вильфанда никто не снял. И никто не вспомнил, что власти сократили втрое число метеостанций.

ПОЖАРЫ КАК СЛЕДСТВИЕ РАЗРУШЕНИЯ РОССИИ

А теперь о бессилии властей, вопиющем, похожем на умысел. Лесные и торфяные пожары, вспыхнувшие по всей центральной России, усердно величали «природными», ввинчивая в головы граждан идею стихийности происходящего, а, значит, безответственности властей. На самом деле основной причиной пожаров стала не природа, а люди, принявшие и воплотившие в жизнь в 2006—2007 годах новый Лесной кодекс. Кодекс изначально был встречен общественностью в штыки, что нимало не повлияло на решение властей. С принятием кодекса были уволены 70 тысяч лесников и более 120

тысяч лесных рабочих. Был уничтожен авиаотряд, обслуживавший лесное хозяйство. Санитарные вырубки были прекращены. Новое лесное законодательство ликвидировало государственную лесную охрану и назначило ответственными за предотвращение лесных пожаров арендаторов лесов и региональные власти. Как сохранил леса новый «эффективный собственник», мы увидели этим летом. Кодекс удобен только для торговцев лесом, впрочем, все законы «демократической» России созданы на потребу ее грабителей. Для торговцев Россия — не государство, где живут люди, а территория, предназначенная к разграблению.

После введения Лесного кодекса объем незаконных порубок леса увеличился в 10 раз. Заявочный принцип рубки леса привел к опустыниванию больших территорий: к обмелению рек, высыханию колодцев, уходу воды из подземных источников. «Демократы» уничтожили и технику, поддерживавшую в советское время влажность торфяников — они не любят лишние траты, предпочитают складывать деньги в свои карманы. По словам главы администрации Московской области Б.Громова, «из-за финансового кризиса остановлена федеральная программа по обводнению торфяников». Однако кризис не помешал миллиардерам России за 2009 год удвоить свои состояния. И при этом, как выяснилось, в России нет пожарной техники, а та, что есть, в негодном состоянии. Все это не могло не привести к катастрофе. По мнению депутата Государственной Думы В.Илюхина, роковую роль сыграла и передача в 90-х годах пожарной службы в ведение МЧС, закрытие пожарного учебного центра под Москвой.

Еще в 2008 году руководитель лесного отдела «Гринпис» России А.Ярошенко писал о лесной реформе в России: «Совокупное действие нового лесного законодательства и других ошибочных решений в области управления лесами, а также неблагоприятных внешних факторов, может привести в течение ближайшего года к развитию кризисных явлений в лесном секторе, упадку лесного хозяйства, росту нищеты и безработицы в лесных деревнях и поселках. В настоящее время представляется наиболее вероятным, что пик кризисных явлений придется на вторую половину 2008-го и первую половину 2009 г.»; «Новое лесное законодательство максимально облегчило застройку лесных земель, в том числе в защитных лесах...»

Как отмечала член-корреспондент РАСХ, Л.Инишева, «проблема российских торфяников в том, что они сильно иссушены и очень пожароопасны, загораятся от одной ис-

кры, но раньше рядом со всеми осушенными объектами были пожарные водоемы и насосные станции, которые сейчас не работают, поэтому пожары так сложно потушить... При достаточном финансировании все реально восстановить за год, но этим должны заниматься правительственные органы, министерства сельского и лесного хозяйств, военные ведомства...»

Уже в конце июня запылали лесные пожары, задымались торфяники. Что же сделали власти? Создали оперативный штаб? Мобилизовали ресурсы, людей, технику?

Вовсе нет. Больше месяца они упорно старались не замечать происходящего. К середине июля засуха погубила урожай в 32 регионах. А наш президент из Финляндии рассказывал погибающим в жаре «россиянам», как приятно купаться в прохладном море. 26 июля в уже задымленном Кремле президент, как ни в чем не бывало, вручал награды. Среди награжденных был и пожалованный неизвестно за какие заслуги директор института глобального климата и экологии Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды РАН Ю.Израэль. Награждение эколога в разгар экологической катастрофы — непонимание ситуации или цинизм? Но во всяком случае — оскорбление страдающих в дыму и огне людей. В тот же день В. Путин отправился в Новгород на археологические раскопки отмечать «день бересты». А в это время в лесах догорала последняя русская береста.

28 июля вокруг Москвы дымились 40 торфяных пожаров, ПДК по угарному газу и дыму в городе были превышены в 4 раза. 29 июля в России было уже 18 тысяч очагов пожаров. Власти не реагировали. Телевидение призывало народ терпеть и привыкать. И народ, под стать власти, пребывал в привычной беспечности. Даже 27 июля, когда температура по всей центральной России приближалась к 40 градусам, опрос, проведенный каналом ТВЦ, показал, что 30% граждан считают: «Мы привыкли к холоду, привыкнем и к жаре». Впрочем, эти данные могут свидетельствовать не столько о легкомыслии граждан, сколько об умении канала соответствовать генеральной линии власти.

29 июля в Нижегородской области сгорел поселок Верхняя Верея — 341 дом. Почти 600 человек остались без крыши над головой, полтора десятка человек погибли, хотя за два дня до этого, еще 27 июля губернатор Нижегородской области В.Шанцев докладывал В.Путину, что обстановка сложная, но находится-де под контролем. «Мы все делаем для того, чтобы справиться с тем, что сегодня происходит в области, в

лесах. Я думаю, что мы обеспечим необходимую безопасность наших поселений. Дополнительная помощь не нужна, мы пока справляемся сами» (Е.Польгуева «Пепел августа, газета «Советская Россия» от 5 августа 2010 г). И, несмотря на то, что еще 9 августа в области горело 194 тысячи га леса и к середине августа 70% пожаров приходилась на Нижегородскую область, никто губернатора, то ли не владевшего ситуацией, то ли лгавшего премьеру, с должности не снял.

СМИ говорили о пожарах коротко и неохотно. И только 30 июля как прорвало, словно невидимый дирижер дал отмену: заговорили о создании штаба по чрезвычайному положению, о привлечении к тушению армии... После трех недель пожаров, когда фронт распространения огня в Нижегородской области растянулся более чем на 10 км, когда выгорали целые поселки, когда обезумевшие от ужаса люди кричали в камеру: «Как такое возможно в XXI веке?», только тогда на пепелище в Нижегородскую область приехал премьер-министр и с озабоченным видом стал докладывать по мобильному телефону президенту, что ситуация серьезная. А президент отвечал, что это, мол, стихия, что сейчас сделать ничего не успеем, а вот на будущее...

На пепелище по приказу В.Путина установили ВЭБ-камеры для видеонаблюдения за ходом строительства домов, хотя вместо этой рекламы «забот власти» логичнее и дешевле было бы организовать наблюдение за возникающими пожарами.

А президент, после короткого пребывания в некомфортной Москве, отбыл в Сочи, и С.Шойгу вынужден был для доклада летать к нему, хотя у МЧС в это время не хватало керосина для пожарной авиации. Высшие чиновники России вообще понимают свою деятельность как быстрое перемещение в пространстве, напоминая известное в Америке выражение «кукла-непоседа». Вместо того чтобы решать принципиальные вопросы жизни страны на своем рабочем месте, они мечутся из края в край...

9 августа президент поехал зачем-то в догорающую Мордовию и там внушал, что горели-де и богатые страны, имеющие технику (подразумевалось, что нам техники иметь не положено, поскольку бедные), а потом долго оглашал добросовестно заученный список горевших богатых стран, в число коих попала и нищая Португалия. А В.Путин не упустил возможности поиграть в пожарного и уселся за штурвал самолета, демонстрируя всему миру, что в России можно грубо нарушать летную дисциплину, допуская в кабину пилота посторонних, не имеющих необходимых для управления документов.

8 августа телевидение стало показывать в качестве великого достижения временные, спешно проложенные трубочки, подводящие воду к подмосковным торфяникам. Ранее их проливали по трубе большого диаметра, ныне бездействующей. С. Шойгу пообещал потушить торфяники за 5—7 дней, вызвав у всех нормальных людей вопрос: «А где ты был раньше?» Почему эта неделя прилась на август, а не на начало июля? Почему надо было довести дело до такого кошмара?

Только 10 августа прозвучало сообщение о запуске в производство ранцевых огнетушителей. Только 11 августа, когда в стране уже было 42 тысячи пожаров, 3000 бездомных, 50 погибших, по телевидению прозвучал запрет на въезд в лес и обнародован размер штрафа: 1000—1500 рублей — смешная сумма. И после запрета пожарные находили в лесах Подмоскovie брошенные кострища и мусор. Даже СМИ отмечали — 90% возгораний происходит по вине человека. Но никто не был ни задержан, ни наказан за это преступление, которое следует отнести к разряду особо тяжких.

Тушить пожары было некому и нечем — согласно неофициальным данным, МЧС имело в рабочем состоянии всего 2 специальных самолета для тушения огня. Не хватало ни пожарных машин, ни другой техники, ни даже простых приспособлений — шлангов, ведер. Волонтеров в лучшем случае снабжали лопатой и садовым опрыскивателем. Диспетчеры пожарной охраны бросали телефонные трубки, из которых неслись крики о помощи — они ничем не могли помочь. «Ничего нет!» — кричали в камеру измученные люди. В эти дни спокойно-равнодушными были только лики высоких чиновников, они не потрудились даже изобразить озабоченность, словно происходящее не слишком их огорчало.

Не огорчало оно и торговцев — законы рынка не возражают делать деньги на чужой беде, они даже приветствуют это. Вентиляторы, кондиционеры, маски сказочно взлетели в цене, поползли вверх цены на хлеб и крупу. 29 июля на мировых биржах был зарегистрирован рост цен на зерно в течение недели на 30%. 16 августа цены на хлеб даже в социальных магазинах Москвы выросли на 15%. Повысились цены на основные продукты питания — крупы, молоко.

Федеральная Антимонопольная Служба безмолвствовала, высокие чиновники недоуменно пожимали плечами — кто виноват? Словно не знали тех, кто держит в своих руках русский хлеб: Аркадий Злочевский — президент Российского зернового союза, Аркадий Гуревич — председатель Российского союза мукомольных и крупяных предприятий, Юрий Кацнельсон — глава гильдии хлебопеков. Замечательно, что

последний из них был приглашен выступить на канале ТВЦ 31 августа в передаче, посвященной теме: «Кто наживается на русской беде?» Других экспертов в мононациональной России не нашлось.

Власти выделили регионам на тушение пожаров 2 млрд. рублей, хотя требовалось 30 млрд. Как обычно, в государственной казне не хватало денег ни на что, кроме как на наполнение карманов олигархов. Сами олигархи словно испарились. Они не помогли, когда пожарным не хватало даже дырявых шлангов. Церковь собрала 1,5 млн. рублей из грошей нищего народа. Простые люди несли в храмы свои небогатые пожитки, чтобы помочь погорельцам. Богатые хранили молчание. Только 16 августа прозвучал призыв президента к олигархам помочь в восстановлении сгоревших домов. Их ответ неизвестен.

Логику действий власти понять невозможно. А хотелось бы, поскольку страна качается от беды к беде. И логика награждений и наказаний остается туманной. За пожары были наказаны пожарный начальник, который не вышел из отпуска, мелкие чиновники из Поволжья, командир сгоревшей военной базы в Коломне, который героически отстаивал имущество от огня вместе с сильно урезанным в результате сокращения армии личным составом, без помощи и спецсредств. Но не были наказаны самые главные виновники, написавшие и принявшие губительный Лесной кодекс, уволившие лесников...

Государственные мужи, причастные к возникновению столь масштабной катастрофы, должны были бы покончить с собой или, по крайней мере, подать в отставку. Но депутат Госдумы Исаев собственноручно грузил в машину мешки с гуманитарной помощью погорельцам, не стыдясь фирменной партийной надписи «Единая Россия» на своей футболке. И не опасался, что его, как представителя партии, продавшей гибельный Лесной кодекс, ставший причиной пожаров, погорельцы побьют. Вспомним, как ратовал за Лесной кодекс глава партии Б.Грызлов: «Принимаемый Лесной кодекс дает возможность прекратить варварское расхищение лесных богатств и обеспечить восстановление лесов. Теперь это прямая обязанность предпринимателей, занимающихся лесными разработками». На первом заседании Госдумы Б.Грызлов в ответ на обвинения в свой адрес члена фракции КПРФ расхохотался.

12 августа газета «Советская Россия» опубликовала статью экологов Б.Ханжина и В.Хромова с замечательным названием: «Ни хитру, ни горазду суда не минути». Однако властные

чиновники сегодняшней России уверены, что они настолько хитры и горазды, что суд им не грозит. И не по разуму им понять, что они уже осуждены. Осуждены дышать воздухом, качество которого резко ухудшилось в результате пожаров, и век свой и своих детей они урезали собственными руками.

Предварительные оценки ущерба от пожаров, сделанные западными экспертами в середине августа, составили около 15 млрд. долларов. Отечественные данные сильно отличаются — ущерб от пожаров они оценили в 40 млрд. рублей, куда входит стоимость тушения и оценочная стоимость сгоревшего леса. 19 августа, подводя первые итоги, С.Шойгу сравнил пережитое Россией с войной и привел первые данные: только на тушение пожаров было израсходовано 12 млрд. рублей, без крова остались 2000 семей. Ущерб от засухи составил на 20 августа 150 млрд. рублей, чрезвычайная ситуация объявлялась в 27 регионах, где погибло большинство посевов. Ущерб страны и человечества, потерявшего этим летом русский лес, оценке не поддается.

Жара и пожары оказались особенно губительны, поскольку сосредоточились в центральной России, где живет 15% населения страны. На пожарах погибло более 50 человек. По данным Минрегиона, крова лишились 3 тысячи человек, на компенсации погорельцам уйдет 6,5 млрд. рублей. Вычитать эти средства из доходов тех, кто писал и принимал Лесной кодекс, никто не собирается — за преступления чиновников заплатит Госбюджет, т.е. народ. Хотя цифры роста смертности людей тщательно скрывались, очевидно, что они были велики. В Туле в июле число выездов «скорой помощи» выросло на порядок — это сообщило телевидение. Но оно скрыло, что из-за проблем с питьевой водой начались вспышки дизентерии и других желудочно-кишечных расстройств.

«Пожары — не стихия, а плохая работа!» — сказал Лужков, выступая по ТВЦ 31 августа. Сказано хорошо. Плохо то, что публичная политика в нынешней России — шоу-бизнес. И за правильными словами не следуют правильные дела. А цель подобных шоу — скрыть от публики истинный смысл деятельности власти — извлечение из властного кресла личной выгоды.

СУДНЫЙ ДЕНЬ МОСКВЫ

12 июня Ю.Лужков исполнил свое любимое действие — «разгон облаков к празднику». Ради тщеславия мэра, не желающего стоять на трибуне под дождем, мегаполис в очередной раз разогнал облака.

В Москве все проблемы жары были усилены проблемами мегаполиса. Город сосредоточил около 80% ресурсов страны, оголив провинцию. Но совесть подавляющего большинства москвичей это не волновало. Они гордились высокой зарплатой, недоступной глубинке, и не хотели замечать, что город заставляет их расплачиваться — воздух Москвы опасен для жизни, ибо состоит из выхлопных газов более 4 миллионов автомобилей, создающих круглый год высокотоксичный смог. Каждый обитатель города за год вдыхает 100 килограммов отравляющих веществ. Эта цифра перечеркивает все «достижения» городских властей, которыми они так любят кичиться, и все сказки о красивой московской жизни. Сверхплотное многоэтажное строительство последних двадцати лет озолотило чиновников, но уничтожило остатки зелени в городе, лишив его кислорода, и ликвидировало все возможности вентиляции.

Настоящий час расплаты для довольных жизнью москвичей наступил нынешним летом. К концу июля город заволкло дымом подмосковных пожаров, содержание угарного газа в воздухе превысило ПДК в 4 раза, содержание взвешенных частиц — в три раза. 7 августа за сутки число пожаров в Московской области увеличилось втрое — с 9 до 28. Дым пожаров закрыл небо над Москвой, концентрация угарного газа превысила ПДК в 7 раз, закрылись аэропорты.

В начале августа метро стало похоже на преисподнюю: к 35-градусной жаре добавился дым подмосковных пожаров. Нормальной вентиляции в московском метро нет — движение воздуха создают идущие поезда. О кондиционерах не приходится говорить — на них у московского правительства нет денег, хотя деньги для пополнения миллиардных состояний московских властей находятся легко. Любительское видео фиксировало, как в метро падают в обморок и валяются с эскалаторов люди. Были и смерти от сердечных приступов. Московское правительство не придумало ничего лучше, как загнать под землю медиков дежурить на станциях. Но что они могли сделать в условиях душегубки? И зачем было обречь на мучения этих людей?

Московский асфальт разогрелся до температуры 50 градусов и стал плавиться, создавая выбоины и добавляя в воздух ядовитые испарения. СМИ стали обсуждать возможность введения сиесты, как в жарких странах. Дебаты пресек главный терапевт Москвы Леонид Лазебник: «В этом нет нужды! Вот когда действительно будет глобальное потепление...» 26 июля он утешил москвичей, что смог не опасен для здоровья и что роста числа вызовов «скорой помощи» нет.

Верный слуга власти врал, не стесняясь, и твердо держался генеральной линии — ничего не происходит! Народ не послужался доктора и стал умирать. 22 июля число выездов «скорой помощи» достигло 8 тысяч в день.

9 августа руководитель департамента здравоохранения Москвы А.Сельцовский сообщил, что смертность в Москве увеличилась почти вдвое — с 360 до 700 человек в день. Работники сферы ритуальных услуг утверждали, что хоронят втрое и даже вчетверо больше, чем обычно. Молодежь стала ночевать на пляжах и на газонах.

Иностранные посольства прекращали работу и эвакуировали сотрудников, начиная с женщин и детей. Как в войну. Закрылись библиотеки, т.к. в залах «Ленинки» было 36 градусов. Библиотека иностранной литературы закрылась с 4 августа. Но телевидение рассказало об этом только после того, как библиотеки открылись.

Прозвучал призыв санитарного врача России остановить те производства, которые можно остановить. Но власти Москвы проблем не замечали. В.Ресин выгонял рабочих на стройки в сорокоградусную жару и дым, наплевав на их здоровье и на призыв врачей остановить работу даже в офисах. «Все эти дымки — это все пройдет, а сроки ввода в эксплуатацию Большого театра надо выдержать», — высокомерно вещал этот хозяин жизни, называя «дымками» великое бедствие России. Изобилие неадекватных людей во власти — это главное, что показала жара.

Мастер «хорошей погоды» Ю.Лужков на время катастрофы исчез из Москвы, отбыв на отдых в Европу, должно быть в один из своих замков, купленных на доходы от превращения Москвы в экологический кошмар. «Он — мастер по разгону облаков, а собрать их он может?» — мрачно шутили перед камерой измученные москвичи. 12 августа в центре Москвы молодежь вышла на митинг с требованием отставки Ю.Лужкова, с плакатами «Позор!» Милиция жестко разогнала их. Вообще сил для подавления неугодных в стране хватало даже в жару.

8 августа пресс-секретарь мэра Цой выступил с заявлением, что чрезвычайной ситуации в Москве нет и потому мэру незачем возвращаться из отпуска. 9 августа В.Ресин заявил, что все под контролем. Разговоры городских властей вдохновили Рэн-ТВ показать сюжет «Московские сказки».

В начале августа птицы и животные покинули Москву, ознаменовав главное достижение власти «демократов» — превращение столицы России в место, непригодное для жизни. Люди, не дождавшись ничего от власти, стали решать про-

блему сами — покупали взлетевшие в цене фальшивые большие листы и бежали из Москвы. Раскупались даже дорогие билеты на все прохладные направления. Турагентства переживали бум. Некоторые офисы, оборудованные кондиционерами, приглашали к себе измученных граждан на бесплатной ночлег. Мэр появился в городе только в день строителя, чтобы поддержать В.Ресина, и сообщил, что все происходящее в Москве отношения к городу не имеет и является проблемой Подмосковья, поэтому власти Москвы могут сделать только одно — помочь москвичам все это пережить.

В начале августа власти начали имитировать некую заботу о населении — были открыты около сотни социальных центров, в которых не было ничего, кроме вентилятора и медсестры, способной измерить давление — кондиционеров им не дали. 12 августа 2000 стариков, у которых, по счастью, оказались оформленные курортные карты, были отправлены из Москвы в южные санатории. Их помпезно провозжали на вокзале представители правительства Москвы, хотя это была капля в море. Сверхсмертность в Москве во время жары составила 20 тыс. человек — такие данные обнародовал В.Жириновский на заседании Госдумы 7 сентября. Число представляется правдоподобным, поскольку за 60 дней жары ежедневно происходило около 300 лишних смертей.

Среди тех, кто мучился от зноя и удушья и прежде времени умирал, наверняка было немало тех, кто голосовал за мэра и обожал его — за смехотворную прибавку к пенсии, за красивые магазины, за покрашенные грибочки... Немало было и тех, кто гордился званием «коренной москвич», не стесняясь того, что Москва красиво живет за счет нищеты провинции... Природа карает ленивых разумом, эгоистичных, продавших честь.

БЕЛОРУССИЯ, СПАСАЮЩАЯ ЖИЗНЬ

Интересно было смотреть нынешним летом белорусское телевидение. Это был голос другой планеты. Белорусское телевидение показывало прекрасные дороги и европейский комфорт агрогородков на фоне ухоженной природы, трудовые будни программистов и электронщиков в современном технологическом центре. Показывало произведенные в Белоруссии комбайны с кондиционерами и комбайнеров, в жару работавших по ночам, машины, подвозящие им еду, мороженое, воду... Показывало спокойных, полных достоинства людей. Телевидение России гнало другую картинку: горящие леса, искаженные отчаянием и ужасом лица, теракты, которых в Белоруссии нет...

Как известно, в Белоруссии 2,5 млн. га болот и 9,4 млн. га лесов. Интересно, что за последние 20 лет, пока русские леса вырубались и выжигались, площадь лесов Белоруссии увеличилась на 1,35. млн. га. Жара в Белоруссии стояла нынешним летом такая же, как в России, и та же засуха. Погодные условия на юге и западе республики были хуже, чем в России. Однако Белоруссия избежала масштабных пожаров. Идыма там не было, кроме того, что пришел из России, и погорельцев. Потому что в порядке были государственные службы пожарной и лесной охраны, сохраненные и усиленные с советских времен. Четко и дисциплинированно действовало раннее и быстрое реагирование на возникновение первых очагов возгорания. Белорусские леса и болота не горели потому, что в Белоруссии в принципе нет заброшенных полей, заросших сухостоем, и нет олигархов, которые крадут деньги и увозят их за рубеж. И потому средств на необходимое оборудование и персонал хватало.

В то время, как российское телевидение показывало выгорающие деревни и поляхающие леса, белорусы давали репортажи о регулярном дежурстве авиации для выявления первых очагов возгорания. Кадры сопровождалась текстом: «Не допустить того, что происходит в России!» И не допустили. В России же глава МЧС заговорил о применении авиации для тушения пожаров лишь через месяц после их начала, в дни их катастрофического разрастания. О предупредительном воздушном патрулировании лесов не было и речи.

4 августа в день ВДВ российское телевидение демонстрировало десантников, которых вывели с лопатами в руках окапывать горящий лес. Лучшего применения элитному подразделению русской армии не нашлось. СМИ подавали это позорище как «участие армии в тушении пожара» и не стыдились показывать, как штатские сбивают огонь сосновыми ветками и заливают водой из бутылок. А белорусское телевидение в это время показывало, как еще не горящие, но проблемные делянки леса опахивают трактора.

Показывало оно и колонну из 25 современных пожарных машин, произведенных в Белоруссии, и отряд из 150 прекрасно экипированных пожарных, направлявшихся в Рязанскую область, самый трудный регион, где дольше других сохранялась чрезвычайная ситуация. Белорусский отряд переломил ситуацию. До этого Рязань рапортовала лишь о гектарах сгоревшего леса. Теперь заговорили о потушенном пожаре вблизи газопровода, взрыв которого стал бы катастрофой, о спасении поселка... Его жители умоляли белорусов остаться и собирались просить об этом А.Лукашенко. За две недели работы отряд спас от выгорания 200 га леса и торфяников.

Помогал тушить самые сложные верховые пожары в Тамбовской области и белорусский вертолет МИ-8, совершая по 30 вылетов, проводя в воздухе ежедневно по 7—8 часов. Героическую работу своих пожарных президент Белоруссии комментировал так: «Русские — наши братья!»

А братья вели себя не по-братски. Власти России отказались принять помощь от белорусов в полном объеме. Чего они опасались? Что люди увидят разницу? «Белорусы будут снимать нашу разруху и показывать у себя», — была и такая версия отказа. Версия абсолютно ложная, если знать характер белорусов. Но авторы версии, желая на радость властям России очернить белорусов, все же признавались — разница между русской разрухой и белорусским порядком велика.

И урожай Белоруссия сохранила, хотя и более скромный, чем обычно (около 30 центнеров зерновых с гектара), и убрала она его своими комбайнами. А потом отправила колонну комбайнов на помощь Смоленской области. Самое печальное, что на телевизионной картинке можно было легко отличить спокойных, дышащих здоровьем и уверенностью в себе и в своем правительстве белорусов от измученных, всеми брошенных русских хлеборобов, которым и скудный урожай убирать было нечем.

Президент А.Лукашенко посещал места отдыха, заповедники республики, обсуждая с местной администрацией планы их сохранения и развития. Вспомним, что в начале своей трудовой деятельности А.Лукашенко занимался национальными парками. Белорусские санатории принимали экологических беженцев из России, несмотря на переполнение. Изыскивались резервные места, использовались служебные помещения. «Отказать мы не можем, наши русские братья в беде!» — говорили белорусы.

И чем же отплатила им Россия? Проправительственные СМИ помощь Белоруссии всячески замалчивали. Говорили о турках, азербайджанцах, итальянцах. Главу рязанской администрации О.Ковалева, назвавшего работу белорусских пожарных самой лучшей, показывало телевидение Минска, но не Москвы.

В конце августа НТВ выпустило омерзительные, оскорбительные фильмы о А.Лукашенко. А.Лукашенко превратил Белоруссию в процветающее государство, сохранил и развил советские предприятия, увеличил население и продолжительность жизни людей. Он не ворует, и потому коррупции в Белоруссии нет. Он даже возвращает в казну часть своей не очень большой зарплаты. Словом, аргументов у пасквильянтов не было, зато был неистощимый запас лжи и грязи.

И заказ от финансовой мафии, которая люто ненавидит А.Лукашенко за то, что он не отдал им на разграбление Белоруссию. НТВшные пасквилянты остались безнаказанными. Прокуратура Российской Федерации не возбудила против них дела об оскорблении чести и достоинства президента государства — единственного оставшегося у России союзника, оказавшего нам помощь в дни беды, что равнозначно одобрению их позиции официальной Москвой.

Посчитав, что телепасквилей недостаточно, финансовая мафия сделала новый шаг. 30 августа в Минске неизвестные бросили на территорию Российского посольства бутылки с зажигательной смесью. И это — не простое хулиганство. Слишком уж вырос в России в дни бедствия авторитет Белоруссии и ее президента, и без того высокий среди тех, кто сохранил способность думать. А затем в Белоруссии погиб журналист. Его бурно и политизированно оплакивали официальные российские СМИ, намекая на «тиранию» в стране. Сценарий был старый, обкатанный.

Однако потерявшая свой урожай «демократическая» Россия вынуждена идти на поклон к недемократическому «тирану». К батьке пошли с протянутой рукой главы русских регионов — послы из Татарии, Москвы... 31 августа, выступая по телевидению, Ю.Лужков, нарушив правила политкорректности, принятой в российском политическом и медийном бомонде, хвалил А.Лукашенко, его пожарную охрану, агрогородки... Очень уж нужна белорусская картошка.

Жаркое лето показало, сколь велик контраст между процветающей «тоталитарной» Белоруссией и разрушенной «демократической» Россией. Приведем сокращенную цитату из статьи Б.Борисова: «Дайте нам немного тоталитаризма»: *«Площадь требующих охраны лесов России около 800 миллионов га — то есть больше в сто раз, чем в Белоруссии. Чтобы достичь среднего белорусского уровня безопасности в лесах, нам нужно задействовать в этих целях 1500 самолетов и примерно 50 000 пожарных автомобилей. Наша Авиалесохрана под конец своей «оптимизации» имела всего 103 самолета — что, в пересчете на гектар леса, в пятнадцать раз меньше белорусского уровня... Число пожарных автомобилей... по действующим нормам МЧС должно быть около десяти-пятнадцати тысяч штук, а не 50 000 (белорусский уровень, если пересчитать на площадь лесов), выделенных исключительно для охраны лесов. При необходимости белорусы могут легко удвоить-утроить число техники в лесу, что, в пересчете на российские масштабы составило бы 100—150 тысяч единиц только про-*

тивопожарной техники, не считая подсобной, вроде грузовых автомобилей. В самый пик пожаров, по докладом МЧС, для тушения огня из всех источников (МЧС, армия, силы регионов...) было выделено всего-навсего около 20 000 единиц техники. Это позорная цифра, для такой страны, как наша».

ТАКТИКА ВЫЖЕННОЙ ЗЕМЛИ

К началу сентября тема пожаров почти исчезла из СМИ. Хотя 1 сентября еще горело 2000 га леса, 3 сентября пожар занимал 200 га леса в Тольятти близко от автозавода. В Волгоградской области сгорело 502 строения, в том числе 380 жилых домов. Погибло 8 человек. В Саратовской области сгорело более 800 домов. По данным управления информации МЧС, с 8 по 9 сентября площадь пожаров увеличилась более чем в 40 раз — с 164 гектаров до 6 тысяч 640 гектаров. 8 сентября на Алтае в одночасье выгорел поселок из 433 домов, оставив без крова 1000 человек. И только после этого на Алтай полетели самолеты МЧС, хотя огонь пришел из Казахстана, горевшего не один день. И можно было бы предвидеть и предотвратить беду. Если хотеть.

8 сентября Д. Медведев собрал высоких чиновников и руководство партии «Единая Россия» и заговорил о необходимости изменения Лесного кодекса. Надобно было выгореть территории, равной Австрии и Швейцарии, вместе взятых, чтобы руководство заметило проблемы кодекса, против которого восставала вся страна. По данным Всемирного центра мониторинга пожаров, площадь, пройденная пожарами на 13 августа, составила 15,7 млн. га, однако, по данным МЧС, эта площадь в 11 раз, а по данным Рослесхоза, в 16 раз меньше, что не дотягивает до площади пожаров в прошлом году. Тотальная ложь чиновников, журналистов, ученых стала одной из главных причин столь масштабной катастрофы.

Вообще складывалось впечатление, что некто заинтересован в нанесении России максимального ущерба. Меры, если и принимались, то неадекватные ситуации и с большим запоздыванием. Это были не действия, а имитация действий. В обществе и в Интернете изобилуют версии о поджогах наиболее ценных лесов, тех, на которые положили глаз богатые. Горела заповедная Мещера, заповедный Алтай. Пожары удобны торговцам — подпаленный лес можно купить за бесценок. По мнению честных аналитиков, только принятие закона о запрете на продажу горелого леса могло бы снизить количество пожаров как минимум вдвое. Да кто же примет такой закон в нынешней России?

Версия намеренных поджогов находит много сторонников в обществе, ибо хорошо вписывается в общую политику «демократических» властей, выжигающих Россию: уничтожение лесной охраны и метеостанций, уничтожение промышленности, истребление сельского хозяйства, разрушение образования, науки, армии... Выжигание лесов и сел России выглядело как одна из программ уничтожения страны, стирания ее с карты мира посредством осуществления тактики выжженной земли. Ситуацию абсолютно точно описал поэт Л. Корнилов: «А, в общем-то, строго по плану мы валимся в тартарары».

Мурманский эколог Елена Васильева назвала свою статью о пожарах «Диверсия против России» (газета «Советская Ярославия», №32, 2010 г.). Она, в частности, пишет и о том, что даже те скудные технические ресурсы, которыми располагали пожарные, были брошены в первую очередь на спасение коттеджей богатых.

А вот что писали иностранные газеты о русских пожарах Французская газета «Уэст-Франс»: «Благополучие или хотя бы элементарная безопасность граждан не входят в число приоритетов российских руководителей». Еженедельник «Экспресс» приводит такие данные: во Франции 25 тысяч пожарных, а в России в результате гайдари-путинских реформ осталось только 22 тысячи, при том, что Россия по территории в 30 раз больше Франции. Немецкая газета «Тагесцайтунг»: «Масштабы пожарной катастрофы доказывают, что дело не в отдельно взятых бюрократах. Вся система Путина оказалась неспособной и прогорела насквозь». Испанская «Паис»: «Из рук Путина и Медведева власть вывалится, как вывалилась из рук им подобных: в 1917 году — из рук царя Николая, в 1991 — из рук Горбачева».

По словам секретаря Дзержинского РК КПРФ В. Сокоушина: «Происходящее — приговор власти единороссов» (газета «Советская Ярославия» №32, 2010 г.). Угрозу себе власть ощущает ясно и реагирует на нее всерьез. В дни, когда не хватало средств на тушение пожаров, нашлись силы и деньги на уничтожение приморских, а затем и орловских «партизан», которые были арестованы 9 августа. Эти маленькие группки отчаявшихся от адской жизни мальчишек бросились на милицию. Отчаяться есть от чего — русская провинция погибает в нищете, безработице, коммунальной разрухе, наркомании, алкоголизме. Однако единственный ответ власти — милицейский террор. Но массовое оболванивание народа, на которое брошены миллиарды долларов, не дает стопроцентного результата. Изгнанные из газет, книг, эфира

граждане России пишут на стенах городских домов. И одна из самых популярных надписей нынешнего лета в русской провинции — «Честь и слава приморским партизанам!» — свидетельство того, что народный протест, как торфяной пожар — его можно загнать под землю, но погасить совсем невозможно, пока не ликвидирована причина. И если и его души, он принимает такие формы.

«Никто не знает, что будет дальше», — признался Д. Медведев 4 августа на совещании в Кремле. Конечно, если уничтожить в стране науку и образование, если поднять на все ключевые посты в государстве неграмотных и ничтожных из клана «своих» и уничтожить всех, кто умен и честен, знать не будешь ничего. Уничтожить тех, кто способен думать, все равно, что остаться без кислорода — без них задохнешься. Но власть хочет выжить здесь и сейчас. А тем, кто знает, что будет завтра, власть грубо затыкает рты. Дубина 282-й статьи бьет по головам русской интеллектуальной элиты — в тюрьмы брошены не те, кто осуществлял или хотя бы замыслил некие действия, а те, кто просто честно анализировал ситуацию, — писатели, публицисты, издатели газет..

В задыхавшейся от зноя и дыма Москве, когда у власти не было сил спасти даже столицу, у нее достало ресурсов, чтобы продолжать позорный процесс по делу о пресловутом «покушении на Чубайса». Почти год трижды в неделю шло истязание умнейших людей, замечательных патриотов России — кандидата наук полковника В.Квачкова, офицеров Р.Яшина и А.Найденова, аспиранта историка Ивана Миронова — сына замечательного публициста Бориса Миронова. Несмотря на явные доказательства фабрикации дела, изложенные в книге Б.Миронова «Имитация», суд тщился доказать недоказуемое, применяя грубые, издевательские методы, о чем свидетельствуют десятки людей, несмотря на экологическую катастрофу, регулярно присутствовавших в зале суда. 20 августа процесс завершился блестящей победой якобы «покушавшихся» — присяжные вторично вынесли им оправдательный вердикт. Но до этого бездоказательно обвиняемые провели в тюрьмах по нескольку лет — интеллектуальная элита России выжигается безжалостно, как русские леса.

Согласно опросам Левада-центра 85% граждан считают, что власть должна прислушаться к мнению оппозиции. По мнению 18% граждан власть обходится с оппозицией слишком жестко.

Не похоже, что лидеры страны сделали выводы из случившегося и поняли, что это только этап в разворачивающейся катастрофе. Они должны были бы принять срочные меры по

окончательной остановке пожаров, по устранению их причин, по восстановлению лесов, выработке стратегии развития страны с использованием экологически безопасных технологий... Вместо этого высшее руководство принялось жить, как жило: В.Путин отправился кататься на машине по трассе Чита—Хабаровск, президент отправился в Воронеж копать картошку.

Разгорающаяся экологическая катастрофа не вразумила и мировых лидеров. Б.Обама с дочерью искупался в водах залитого нефтью Мексиканского залива, чтобы доказать недоказуемое: море чисто и безопасно. Очевидно, что это купание пополнило банковский счет президента на крупную сумму, поступившую из кассы компании «Бритиш Петролеум». Вскоре после знаменательного купания в Мексиканском заливе взорвалась еще одна платформа. Экологи заговорили о том, что авария в Мексиканском заливе окончательно уничтожит теплое течение Гольфстрим, и без того пострадавшее от таяния ледяного покрова Арктики в результате глобального потепления. Результатом этого станет резкое похолодание в Европе.

Подавляющее большинство людей не осознало серьезности происшедшего нынешним летом. «А что случилось? Летом бывает жарко» — такова самая распространенная реакция. Кому-то даже понравилось. Согласно данным Левада-центра обеспокоены экологическим состоянием 31% опрошенных, хотя в прошлом году их было 18%. Однако абсолютное большинство волнуют прежде всего цены. Связи между жарой и собственным поведением не видит почти никто. Безумие потребления, которым власть заразила народ, сделало главной мечтой автомобиль. В результате города России, даже 200—300-тысячные, превратились в экологический ад, получили ядовитый смог, который будет способствовать возникновению новых климатических аномалий

И многие ли видят связь между своим равнодушием и тяжестью потерь? Да, честь и слава жертвователям, собиравшим вещи для погорельцев. Слава волонтерам, тушившим пожары. Но разве не эффективнее были бы действия граждан, если бы они спохватились раньше и вышли на митинги протеста против принятия нового Лесного кодекса, против передачи лесов в частные руки, против увольнения лесников? Да, жаль погорельцев и тем более погибших. Но разве не они 20 лет молча наблюдали разрушение страны, предпочитающая заниматься своим хозяйством и «не лезть в политику». Не желавшим «лезть в политику» пришлось лезть в огонь. И

это закономерно. Россию сожгла идеология, усиленно внедряемая в сознание граждан России: «Родина кончается за порогом моего дома». И те, кто охотно ее воспринял.

Вразумило ли случившееся высоких чиновников? Уже после пожаров газета «Советская Ярославия» от 25—31 августа сообщила о варварском уничтожении бульдозерами 170 лип в центре Ярославля ради подготовки празднования тысячелетия города.

И олигархов не видно было в дни русской беды. Должно быть, они перекочевали в свои нежаркие и недымные резиденции, купленные на награбленные у русских деньги. Такие места есть. Пока. Но их число будет стремительно сокращаться и однажды станет равным нулю. Деньги способны только продлить агонию. Поняли ли это олигархи? Или в богатые выходят только те, кому разум заменяет хватательный рефлекс?

НАКАНУНЕ НОВЫХ ПОЖАРОВ

Каковы последствия жары и масштабных лесных пожаров в России?

Сгоревшие леса в России исчезли надолго. И это катастрофа не только для русских, а для всего человечества, т.к. пожары увеличили содержание углекислого газа в атмосфере и уменьшили объем зелени, поглощающей углекислоту. В результате произойдет ускорение глобального потепления. 9 августа от ледяного покрова Гренландии откололся гигантский айсберг — глобальное потепление убирает ледяной покров Севера. Следовательно, планету ожидают новые более мощные климатические катаклизмы.

Жара и массовое использование воды для тушения привело к сокращению водных запасов России.

Произойдет опустынивание территорий, лишившихся леса. От жары и пожаров пострадали животные. Расплодившиеся от жары змеи стали выползать в города. Огонь и бескормица выгоняли медведей из леса — на дороги, в поселения. Из-за высокой температуры воды в Волге погибли ерши, в рыбном хозяйстве Костромской области — форель и осетры. У коров пропало молоко, днем они отказывались есть, их стали пасти по ночам, но удои сократились.

Жаркое лето и пожары чреваты последствиями не только экологического, но и социального характера. Засуха привела к падению запасов продовольствия в России и в мире.

Тысячи людей лишились не только крова, но и хозяйства, огородов, запасов продовольствия, пережили стресс, нады-

шались дымом. Вместе со скачком инфляции и цен на продукты это запустит новый виток обнищания, болезней и вымирания населения России.

Уничтожение сельскохозяйственных районов приведет к росту импорта продовольствия в Россию, что откроет ворота для увеличения объема генетически модифицированных, экологически опасных продуктов в стране.

Компенсация ущерба от пожаров приведет к истощению бюджета и к новым экономическим проблемам в стране.

Будут и последствия политического характера. Разрушенная, разграбленная, да еще и сожженная страна — легкая добыча. В разгар пожаров вышло распоряжение министра обороны о приостановке на 2 года приема в военные училища. Еще один зловещий акт разрушения армии готовит новый опустошительный пожар, на сей раз военный.

Сюда же логично подверстывается и другое событие — путешествие по Волго-Балту членов так называемого международного дискуссионного клуба «Валдай», состоящего из западных политологов, специалистов по России. Знаменательно, что их гидом был таинственный С. Караганов, связанный с международными масонскими структурами, мировым правительством, стремящимися к расчленению и уничтожению России. С членами клуба нашел время встретиться президент, что говорит о важности входящих в него персон.

Те, кто готовит новые политические пожары, не отдают себе отчета в том, что социальные катаклизмы будут новым ударом по экосистеме планеты. И этот удар может быть смертельным в том числе и для авторов проектов.

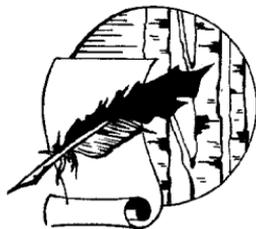
Финансовая мафия почти захватила мировое господство. Почти. Но это маленькое «почти» непреодолимо в принципе, ибо в нем скрыто сопротивление природы, которую уничтожает спекулянт. Где же выход? Почитаем, что предлагает Израэль Шамир: *«В чем секрет их успеха? В алхимии. Не случайно евреи стояли у колыбели алхимии. Но если алхимики древности стремились превратить обычные металлы в золото, современные алхимики превращают настоящее золото вашего труда в американское золото и им подкупают всех. Вместо реторт, тиглей и колб они используют акции, займы, ипотеки, деривативы и прочие финансовые инструменты, с помощью которых Голдман-Сакс (Goldman-Sachs) и Медофф (Madoff) и сотни других мошенников грабят вас. Эти алхимики — просто фальшивомонетчики. Они превращают взятые у вас сто долларов в сто тысяч долга, а потом заставляют казну отдать им этот должок полноценными монетами — за ваш счет.*

Справьтесь с ними, и вы спасете себя, а заодно — и весь мир. С ними, а не с иранцами или иракцами вам следует воевать. Как говорил Ленин, поверните оружие против внутреннего врага, превратите империалистическую войну в гражданскую...» (статья «Не страшись!», газета «Завтра» №34, 2010 г.)

Где спасение человечества? Резкая смена курса мировой экономики — от раскручивания производства и потребления к их сворачиванию. От роста потребления к аскетизму. От материального к духовному. От власти богатых к власти разумных. От эксплуататорского отношения к природе и к партнерству. Сбережение биосферы как основа мировой политики.

Смогут ли осуществить такой поворот те, кто убивает природу ради барыша? Сможет ли палач природы стать ее врачом? Палач и врач — фигуры несовместимые.

Нынешним летом люди выбегали из горящих домов с иконами, думая, что настал конец света. А он и настал. Настала расплата людей за содеянное. Катастрофа продолжается, ее лишь удалось приостановить на время. Если не поменять круто всю жизнь общества, люди обречены погибнуть в кратчайшие сроки. И если происшедшее кого-то не вразумило, природа найдет более убедительные аргументы.

Олег ДЕМЧЕНКО

ВЕСНА НЕИЗБЕЖНА

МОСКОВСКАЯ ПРОПИСКА

И я когда-то не без риска
В столицу прибыл как поэт,
И за московскую прописку
Потом горбатился пять лет!

Не состоял я в комсомоле, —
Как вол, волок свою судьбу.
Ругался сварщик дядя Коля:
«А ну, давай, тащи трубу!»

Как добросовестный рабочий
На этих улицах кривых
Я был прописан каждой строчкой
Тяжелых будней трудовых.

И вот я выбрался из штольни —
Из беспросветно трудных лет.
Не потому ль сегодня больно
Смотреть на этот яркий свет?

Все выше здесь возводят башни,
И все тесней торговый ряд...
Столпотворение!..
Мне страшно —
На всех наречьях говорят!

Китайцы, турки и грузины...
Как будто черт мешал в котле!
В Москве среди этой мешанины
Все меньше места на земле.

И от столицы до окраин —
До самых северных морей,

Проходит каждый, как хозяин, —
Китаец, турок и еврей...

Был в церкви —
Слезы на иконе!..
Молил спасти нас Божью мать...
Но, видно, в новом Вавилоне
Друг друга людям не понять.

ПИСЬМО ВЕТЕРАНА

«Товарищ Сталин, если бы вы видели,
Что сделали с великою страной
Враги народа и вредители!
Такое даже не сравнить с войной!

Отторгнута треть лучшей территории,
В Манхэттен превращается Москва,
Про нас во все учебники истории
Змеиным ядом вписаны слова.

Как после атомной бомбардировки,
Промышленности сектор опустел,
И человек в промасленной спецовке
Остался нынче как бы не у дел.

Сейчас в чести воры и спекулянты,
Предатели теперь на высоте:
Они все — расфуфыренные франты,
А мы живем в грязи и нищете.

Товарищ Сталин, нас осталось мало,
Но прикажите — и нам хватит сил!
Отряхивая землю, генералы
На бой последний встанут из могил!»

Так ветеран писал...
Куда же это
Письмо отправить? Некому служить.
И приказал он не вскрывать конверта
И в гроб его с ним вместе положить.

* * *

Как холодно, грустно и снежно!
Но все же весна неизбежна.

Над нами поднимется солнце,
Заденет за синие сосны —

И ветви воспрянут! Ох, что тогда будет!
Посыплется снег — и веселье разбудит!

От сна вся природа очнется!
Ох, что тогда в мире начнется!..

Но все пока тихо, все грустно, все грозно.
Все замерло здесь, и все насмерть замерзло.

Боясь шевельнуться, и сосны и ели
Под снегом стоят после страшной метели.

И ты молчалива, и ты холодна,
Как будто живешь в этом мире одна.

В душе твоей холодно, вьюжно и снежно...
Но все же, но все же — весна неизбежна!

Ольга КОЗЛОВЦЕВА

СВЕЧА ГОРИТ

* * *

За что
 дарует мне Всевышний
На протяженье многих лет
По вечерам и сон, и крышу,
А по утрам и свет, и хлеб?
Ведь я уверена, что в этом
Моей заслуги вовсе нет.
За что? —

 не будет мне ответа.
Но для чего? —
 ищу ответ.

* * *

Мой мир ничтожен и убог
В огромном мире необъятном,

Где судят ложно и превратно,
Где молвят все слово «Бог»;
Где все смешалось — тьма и свет,
Грехопадение и святость,
Добро и зло, печаль и радость,
Покой и суета сует.
А может, вновь распяв Христа,
Несемся в бездну преисподней?
Взываю к милости Господней:
Не дай погибнуть без Креста!

СТАРЫЙ ХРАМ

На краю села, как инок древний,
Старый храм и темен, и угрюм.
Вместо куполов на нем — деревья.
Вместо звона — ветра дикий шум.
Он взирает на простор окрестный,
Черных, скорбных не сводя глазниц.
Осеню себя знаменьем крестным,
Упаду я пред святыней ниц:
— Ты прости, помилуй, Боже правый,
Свой заблудший, свой несчастный люд! —
И почудится: под сводом храма
Еле слышно ангелы поют:
— Аллилуйя... Слава... Аллилуйя... —
Голоса все явственней, милей.
О, Всевышний, благодать святую
Ты вселяешь в глубь души моей!
И увидится, как дружно птицы,
Прилетев со всех ближайших мест
За людей смиренно помолиться,
Примостились на упавший крест.
Вот они — и милость и порука.
Боже, возжелаешь ли простить?
За того, кому виной — разруха,
Надо век прощения просить.
Несмотря на черное забвенье,
Вопреки губительным ветрам,
На краю забытого селенья
Молится за Русь безглавый храм.

* * *

Полжизни я уже в пути.
Рассветов встретила немало.
Сказали мне: «Себя найди»,
А я себя и не теряла.
Прошедших лет календари
Храню в потрепанных котомках.
Не надо мне чужой зари —
Горит свеча моя в потемках.

* * *

Не уповал на милость неба
И на земле сполна не жил
Тот, кто последней крошкой хлеба
Хоть раз всерьез не дорожил.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПАРИЖ

ПОВЕСТЬ

Посвящается Анатолию Афанасьеву

И вдруг я пожалел, что съездил в Париж...

Ведь рассыпался на осколки хрустальный замок, сотканный из моих былых мечтаний о неземной красоте неведомого мира. Все увиденное во французской столице оказалось настолько обыденным, пресным и скучным, будто я посетил Ленинград, этот музей полузабытых древностей, изъеденных шашелем. Но этот музей хотя бы вызывает грустную мысль, что все на свете преходяще; да и здесь прошла моя молодость. Когда-то я бежал от медного всадника, боясь угодить под беспощадные копыта. А Париж... Батюшки мои, да стоило ли мчаться из России за тыщи верст, чтобы увидеть наштуратуренную красотку, от которой на весь белый свет сквозь морщины вопят унылая старость и самодовольная спесь молодящейся уличной кокотки, пропахшей нафталином.

1

За двадцать лет с той поездки многое уже потерялось, заблудилось в закоулках головы, может быть утратилось то самое главное, что и составляет богатство впечатлений, но

ПРОЗА

увы, за леностью природы уже не восстановимо; карандаш и блокнот никогда не паслись в моем кармане, а память никогда не баловала. Наверное, Господь даровал мне не голову, а решето, вернее, сумеречный чердак, по глухим углам которого я и блуждаю всю свою жизнь, будто бы безо всякой нужды и верно обозначенной цели; но порою через дырявую обрешетку крыши, шель карниза или разделку печной трубы внезапно ударит солнечным лучом, и небесный свет, разредив темноту, обозначит на засыпанном песком и лесным прахом потолке зыбкую дорожку, куда следует ступить очарованному беспамятному человеку. И что же увидит мой растерянный взгляд? По углам ветошь и труха, — древний нажиток, закинутый на подволоку за ненадобностью, все то, с чем хозяин боится распрощаться навсегда, вынести на свалку и хранит лишь для того, чтобы старой рухлядью, как путевыми вешками, обозначить пройденную дорогу; тут и стогодовалые веники и ссохлые, похожие на ветошь, листья табакасamosада, самовары и рундуки, и походные сводельные чебоданы, расписанные цветами, прялки, туесье, рванные сети без кибасов, оконные рамы, дверные полотна, долбленое крыто от точила, косье без ратовищ, палагушки, ушаты и бочки-сельдянки, старинные ковши и рукомойники, изношенные шабалы и овчины, словно бы вырезанные из темной моржовой кости; сними с крюка такую шубу, и она будет стоять сама, будто в ней затаился, как в скудельнице, мой забытый предок. Казалось бы, какой прок от этого хлама? Но весь этот лишний на первый взгляд сор и тлен, оказывается, дают крепости нашей жизни, чудесной полноты и чувственного окраса, являясь узорной канвою быстротекущих буден.

Но лишь солнце свалится в тучу — и на чердаке мрак без пролысины света, и лишь явственно слышится из дальнего угла, из-за бревенчатых стропилин тяжелое затхлое дыхание невидимого соглядатая, и все вокруг натуго, будто в кокон, закутывается пеленой неминучей смерти. Мир исчез, мир пропал вовне, как бы наснился, и ты сам себе покажешься странной бестелесной причудою. Вот так и с памятью творится, с этой кладовою, куда спихивает человек всякого житейского мусора, грузит и грузит из года в год, умащивает, иное раскладывая по поллицам и печурам, по сундукам и скрыням с надеждою, что авось на что-нибудь и сгодится, а на самом-то деле ничего из познанного (или почти ничто) не пригождается, а истлевает и уходит в мир иной вместе с человеком. Невольно возникает вопрос: а стоило ли загружать ум вавилоном книг, хмельно напояться из ученых рек, чтобы вся премудрость неслышно источилась из твоей рассышейся

памяти, не омочив благодатью души, и ты, однажды очнувшись, порывшись на чердаке сознания, вдруг обнаружишь лишь сумеречную пустоту и грустно воскликнешь: «Я знаю лишь то, что ничего не знаю».

Однажды меня пригласили в родную школу; не диво ли, известный озорь, такой беспокойный парнишонко, что не блистал успехами, и вдруг выскочил в писатели. Учителя спросили, де какое осталось впечатление от школы?

— Ничего не помню... Какая-то пропасть... Школа — темное, беспросветное пятно в моей жизни, — нелепо, но искренне признался я, не умея кривить душою; но я же не собирался обижать милых моему сердцу, прилежных к делу людей, пытавшихся когда-то вбить в меня хоть что-нибудь полезное, но все усилия их отскакивали, как от стенки горох.

И сказал-то ведь сухую правду, не лукавя, не строя из себя особенную личность. Я осторожно бродил по старинному, похиленному от старости гулкому дому, где унывно скрипели полы, и из каждой щели, из каждой двери таранилась безысходная провинциальная нужда, сквозил приторный горьковатый дух нищеты (так пахнет неухоженная старость) — и не мог зацепиться хоть бы за крохотную приему, которая бы выдала зримое присутствие моего детства. Может, я десять лет отсидел за партией где-то в ином месте, посещал другую, позабытую мною школу, стоящую на выселках, в глухом суземке в соседстве с медведями, куда, по неизвестным мне причинам, не хотят отвести? Учителя обиделись и в родную школу меня с тех пор не звали, наверное, посчитали за высокомерного гордеца, у которого детские недостатки со временем перелицевались в гнусные пороки. Да я и не навязывался в гости-похвалебщики. Но одну крохотную картинку, которую я насмешливо, (но с оттенком непонятной обиды) тешил в памяти даже в успешные годы, как бы возражая всем, кто в детстве не видел во мне светлых начал, — сохранило впечатлительное диковатое сердце. На выпускном вечере учительница по литературе, коренастая рыхлая женщина, прижала меня к стене пухлой грудью, так что я, недоростыш, затерялся меж громадными всхолмиями, и жалостно пропела бархатным низким голосом:

— Володя, бедный мальчик, что ты наделал... Ты же погубил себя.

Этими словами она бессознательно поставила на мне крест, как бы похоронила до времени, отрезала на распутье от всех тех, кто сейчас вальсировал в спортзале по скрипучим истертым половицам. Я не придал значения обидным словам, словно бы и не расслышал их (но ведь надежно же запечатал в себе для какой-то нужды, чтобы после сорвать «сургучные

печати»), и медные трубы не пропели над моей головой печального марша; я лишь наивно улыбался, вминаясь носом в сдобные жаркие подушки, горячо, влажно выпирающие из шерстяного темно-синего платья, от которого пахло чужой женщиной, и мне было отчего-то хорошо, а ее жалостное порывистое уведомление, минуя моих ушей, уплывало в распах весеннего окна, за которым задумчиво притих розовый северный вечер. Может, потому и застрял в памяти этот случай. Что не просто сорокалетняя учительница притиснула меня к стене, но вдовья женщина прижалась тоскующей грудью к моему лицу, и потому ее неожиданное признание приняло чувственный окрас и навсегда застряло в памяти.

В школе я не влюблялся, не знал того сладкого томления, от которого костром пылает постеля, и подушка крутится под головою, греховные сны не навешали по ночам, сверстницы как бы обтекали меня стороною, не волнуя своими прелестями, не возбуждали плотского интереса, словно бы то были вылепленные из воска фигуры, что воскресали каждое утро из городских потемок, а после уроков снова истаивали в сумеречности морозного вечера, и я, наивный, даже не подозревал, что мои школьные приятели и приятельницы уже тогда вовсю играли «в провожаньца». Уливались любовными слезьми и вели исповедальные дневники. Лишь через сорок пять лет я встретился с ними и поначалу не поверил глазам своим, что эти бабушки, бабенки, старицы, старки, старухи, оплывшие грибы-«обабки» и «сыроежицы», съехавшие рыхлой шляпою набок и уже не вызывающие интереса, — мои сверстницы; столкнись случайно на улице нос к носу, — я бы и не признал их, так безжалостно (как и по мне) прошло время. Это были чужие женщины из иного мира, никакой своей гранью не соприкасавшиеся с моим детством; по возрасту уже бабушки, морщиноватые и седатые, наивно, по-бабы, молодящиеся, но я не мог назвать их старухами, как-то язык не поворачивался. Весь вид их напоминал о быстротечности временем, усмешливо подсказывал мне, дескать, не пуши, дружочек, перья, глянь на себя в зеркало и увидишь, что и ты обветшал и посекея рылом, как керзовое голенище, на губах синь, а в глазах стынь. Но ведь себя-то со стороны не помнишь, хоть сто раз на дню смотришь в зеркало, и потому представляешь иным, прежним, ражим и дюжим, не изношенным. А ежели вдруг, что и не понравится иной раз в обличье, то, пожурившись сердцем, сошлешься на бессонницу, иль на худой неверный свет из окна, на временную усталость, на легкое недомогание, — ведь как рады и ловки мы все обманываться.

Но Бог мой, когда женщины тяжко, с кривой робкой усмешкою, втиснулись за старинные парты, за которыми когда-то провели детство свое, и с трудом втянули рыхлые ноги и обвисшие животы, что-то с наивным интересом разглядывая под столешней, то из-за штукатурки потрескавшегося лица в часто вытканную паутину старости внезапно просочился прежний девический образ, и я, переводя взгляд по сверстницам, неожиданно оттепился сердцем, скомкал в груди чужесть и тут стал признавать одноклассниц, словно бы их окатывали молодильною водою и смывали возраст. В горле моем встал запрудой слезливый ком, и я, стараясь не выказать внезапную влагу на глазах, устался в парту, такую «каравую», доплывшую до наших дней на Ноевом ковчеге, подергал черную крышку, будто она хранила порезы и раны от моего перочинного ножа, царапины и кляксы, мою досаду и неприязнь к учению, которое длилось так бесконечно, никак не желало кончаться и безжалостно замораживало жизнь в самом корени, не давая ей прорасти и распуститься. Вспомнилось, как я вынимал в парте шпенек, незаметно приотодвигал откидную доску, укладывал книгу на колени и сквозь щель тайно читал английские и французские романы, забывая обо всем на свете. Сквозь эту щель в парте, в узкое лезвие тусклого света, а не через Петровское окно разглядывал я далекую туманную Европу наивным взглядом отрока, удивляясь ее несхожести с русским миром. Я полагал тогда, что в тамошних землях все иное, как-то по-иному живут люди, другие щи и каша; те люди были словно бы вмурованы в каплю янтаря, и я мог лишь разглядеть их размытые силуэты; вот эта недосыгаемость (как я позднее понял) и поражала мое первобытное воображение, еще не оскверненное соблазнами... Я двигался в жизни на ощупь, часто ушибаясь, не было у меня няньки и поводыря, никто не прикрывал надежной спиной, и всякая досада и сполох, которые наносил встречный ветер, обязательно упирались мне в грудь. В детстве я жил с убеждением, что больше всех понимают в жизни учителя, врачи никогда не болеют, красавицы — не стареют, а великие люди и наши вожди не посещают отхожего места. И потому встреча со сверстниками так ошеломила меня, отшибла память, оставила на сердце глубокую занозу.. Вовсе отойти от таких блаженных вроде бы представлений мне, выросшему посреди грубой природы, оказалось невозможно; вот и сейчас, когда минули годы, оттенок того неподдельного чувствования так и не покинул меня, несмотря на всю прозу жизни. Мы уверены были, что детей находят в капусте, иль они прилетают на спинах белых лебедей. Мы стреляли из

рогатов в синиц, тайно курили мох и махорку, играли в день-ги, нещадно матерились (только на улице) «в бога и в мать», дрались, подошвы наших ног от лесовых походов были тверже елового корья, в дырах ветхих рубашонок свистел ветер, мы умывались росой и дождем, рыли в сугробах берлоги, скрываясь от матерей, — и это чувство воли, окружавшей нас, укрепляло веру, что принесены мы были в дом на лебединых крылах. Мы постоянно видели, как плодятся звери и животные, но оставались Божьими детьми, а все жгучее познание природы во всей откровенности не обрушало в душе стыда, а ум никак не желал отказываться от целомудренных представлений, украшавших серенькие будни и спасавших нас от нравственного падения. А ведь то время будто рядом, оно еще глядится в окошки, покрываясь сиреневым маревом преданий.

Сумеречно было в классе; керосиновая лампа, стоящая на учительском столе, едва разбавляла темень; в окна, завешанные морозным куржаком, вползал студений мрак; пахло керосином, горьковатым печным жаром, сырыми валенками, заношенной одежкой, голодными детьми... и булочками, испеченными на постном масле, которые вносила в класс на подносе в большую перемену учительница; до сих пор незабытен этот вкус булочки, похожей на крохотный куличик, с покрывашкой, словно бы умашенной темным лаком, до хруста прожаренным исподом и неповторимо душистой мякотью, в которой я поначалу выковыривал пальцем норы, вкушая осторожно, почти благоговейно, чтобы продлить наслаждение, а уж «наверхосытку», на десерт, оставлял пропеченные корки; увы, как ни растягивал еду, булочка исчезала в минуту, но запах-то, братцы, оставался, и перебить его не мог даже керосиновый чад, струящийся из стеклянного горла; и осторожно, чтобы не выдать шуршанием себя, перелистывал я страницы и невольно принимался к ладоням, хранящим елейный дух постного масла. Только ради этой теплой булочки, неотвратимо исчезающей в утробе, наверное, стоило ходить в классы, ибо большего праздника не было в земской бревенчатой школе, кажется помнящей еще царя-гороха. Почти все надиктованное, прочитанное и рассказанное растворилось в нетях, как и не бывало, и учителя с их назиданиями позабылись, и школьные товарки погрузились в туман забвения, а создание пекарихи, похожее на крохотный ароматный куличик, — незабытно. Но иногда самое-то плотское («печеному—вареному не долуг век») воспоминание вдруг перетекает из памяти в сказание, похожее на молитву, и поселяется в душе рядом с бесценными сокровищами духа и обретает религиозные и мистические оттенки предания.

Учительница астрономии рассказывала о небесах, о звездных хорах, поющих согласную высокую песню, о неведомых мерцающих планетах, от которых свет к земле летит миллионы лет (все это напоминало глупую сказку и не трогало души), а я тем временем желанно погружался в мир французских крестьян, разбойников, уродов, прелестниц, королей и шарлатанов. На книжных страницах как-то по-звериному дико, совсем не по-русски (в наших книгах подобного я прежде не встречал) рожала баба, запрокинув отекающую голову с колтуном волос; она то по-медвежьей яростно рычала, то выла по-волчьи, напруживая разбухший живот, то поскакивала задом по избе, пока-то не лопнула запруда, и из врат родильницы меж неряшливо раскинутых ног не полилась кровь и жидь по грязному полу, и вот в распахнутом зеве показалась мокрая головенка, а затем раздался неистовый детский крик... Перед ней на коленях тупо елозил мужик-француз, разглядывая в подробностях явление сына... После школы я уже никогда не перечитывал «Ругон-Макаров» натуралиста Эмиля Золя, эту плотскую угрюмую стихию, не пытался хотя бы пересмотреть Диккенса, Гюго и Мопассана, Жюль Верна и Стивенсона, Стендаля и Бальзака. Европа с этих страниц смотрелась с самой низменной, темной стороны, которая чужда была нам не по нашему воспитанию, но по самой родовой русской сущности; в книгах хозяйевали ростовщики-процентщики (о которых мы веком не слыхивали, ибо отдавать деньги в рост считалось великим грехом), обитали отверженные и блаженные, калеки и менялы, готовые за копейку удавить или предать ближнего, кокотки, продающие тело, и парни, убивающие не из ревности и любви, но из-за денег, возлюбленную свою... Это была иная стихия, совсем не похожая на тихую Северную Русь, и даже Эйфелева (вавилонская) башня, которую я разглядывал на почтовой открытке, ни разу не поманила к себе, не вызывала удивления. «Какая напрасная трата сил, — думал я, разглядывая бессмысленное сооружение, похожее на пожарную каланчу и на водонапорную башню. — Сколько доброго железа ухайдакали, чтобы оно однажды сопрело, заржавело и погнило, а после рухнуло на зеленые ребристые крыши и похоронило под собою уйму народу».

«Отверженные» искали куска хлеба, роясь на помойках, отчаянно жертвовали собою на баррикадах, а над ними угрозливо качалась в небе ребристая виселица Парижа. Но это был и равнодушный Гулливер среди жалких лилипутов, сочиненный развратным человеческим умом, это была и мельница, своими крыльями бездельно скручивающая мировое

время в свиток, и на нее так недоставало Дон-Кихота с копьем, заблудившегося умом где-то в горах Испании...

Все прочитанное затягивало меня, как в омут, прочно оседало в голове, как бы выжигалось каленым железом, но души не трогало, ибо своими страшными, порой жуткими, картинами никак не напоминало родное Поморье, где морозно, ослепительно сверкали девственные снега, где после долгой зимней темени во все лето не покидал земли перламутровый небесный свет, где зори целовались белыми ночами, и солнце не хотело оставлять крестьянский мир, даря ему сердечной и телесной улады. Пронзительная синь снегов, испятнанных лисьими набродами, сполошливый шелест птичьих крыл от неисчислимых куропачьих стай, слетающих зимою из малоземельской тундры в березовые перелески Помезенья, цветные хороводы морозных сполохов по мгlistому небу, запах своенравной реки, закованной в розовые каменные берега, — и во всем этом обитала какая-то удивительная первозданная чистота, в которой бережно нянькались, вырастали мы, русские дети, несмотря на военное долгое лихо, горькое сиротство и бесконечный голод, когда казалось уже, что никогда не насытятся хлебом.

Книга, шафранно-желтая по обрезу, с захватанными корками, была моим воспитателем и поводырем и я, не боясь заблудиться, поднимал косой парус на стареньком карбасе и мысленно правил от родного прибежища к неведомым землям, причаливал к чужим пристаням, не прирастая сердцем и желанно расставаясь с ними. Книги несли ощущение бесконечности мира, и тогда, и много позже, когда я ездил на поездах по своей стране из края в край, и летал на самолетах, удивляясь величию русского пространства и своей малости, — то каждый раз возникало искреннее блаженное недоумение: «Надо же, оказывается, и тут люди живут, спуют по земле, как мураши, плодятся, растут, едят, работают и умирают. И все? — спрашивал я сам себя. И отвечал, хмелея от жалости к себе: — И все...» Вот эта похожесть чужой жизни на мою позднее отбирала у меня всякое желание скитаться по миру. Нас, размноженных под копирку, Господь вытряхнул из своего рукава, чтобы мы плодились и трудились для какой-то неясной цели, до сего дня не объясненной нам... Пространство завораживало, пьянило и пугало одновременно, я радовался ему и отторгал, понимая его чуждость, коварство и жестокость; земля была по-матерински терпелива и жалостна ко мне, пока я мог охватить ее взглядом и обнять сердцем, но горизонт был уже той границей, межою, отделяющей свое, родное, от чужого, куда соваться было хоть и заманчиво, но и

опасно. («Своя земля и в горсти мила». И по сей день мне снится родной угол, кулижка цветущего болота, душно, прямо пахнущего водяниною и багульником, клин березовой чахлой ворги, и речная песчаная отмель, на которой я, парнишечка, растягиваю продольники, снимаю улов, наживляю закоренелыми руками червей на крючки и отогреваю непослушные пальцы над жиденьким костерком, ожидая прилива). Сколько ни кружи по миру, подобного места больше не сыскать и не выстроить при всем могуществе и прихотям, ибо оно находится лишь в моем сердце и нигде более; и круглая земля, — это глиняный ком, вынянченный в ладонях Творца, — лишь дает соблазна сердцу и напрасно отрывает от родимого порога, отчаянно напрягая и истанчивая родовое коренье до последнего вскрика. Блазнит, что вот побродишь, покружишь по белу свету, стаптывая ноги до кости, да невольно и прибредешь назад. Сколько постоянной смуты тaitся в призрачном сизоватом туманце, подымающемся понад лесами к небосклону от дыхания земли, где сходятся явь и навь, где чаровники справляют торжество, и чаровницы увлекают в свои сети. Я долго не признавал (и поныне никак не возьму в сердце), что земля круглая и походит на мяч; когда-то прощально подброшенная беспечной могучей рукою в день творения, она кружится на оси, как юла, готовая однажды остановиться и замертво свалиться на бок. «Эх, если бы земля была плоская и покоилась бы на спинах слонов, — наивно думал я, — а те бы слоны стояли на трех китах, а те бы киты плавали в океане, — то можно бы однажды, поддавшись зову неведомого пространства, отшатнуться от родимого порога и на авось пойти встречь солнцу на край земли (по следам Семейки Дежнева), и однажды увидеть ее край, подпертый исполинской слоновьей спиной, мелко подрагивающей от напряжения. Ведь земля, покоящаяся на слонах, жила бы вечно, ибо ее всегда подхватил бы живой океан, в толщах которого по ночам живет солнце, как золотая огненная рыба, от которой по утрам вспухают мировые воды и вскипают ветры...» Но, увы, я никогда не хотел отправиться за горизонт, мне хватало своего родимого клочка, и я, очарованный, как кулик на своем болоте (так мне казалось тогда), мог бы до конца дней прожить в своем уделе, как до меня бытовали, не переступая через окоем, многие русские люди и были вполне счастливы. Но в мыслях, но в мыслях-то они шатались Бог знает где, вся вселенная, знать, была подвластна им, но не отдавали души очарователю пространства...

Я не нашел своей парты, да и не мог бы сыскать при всем желании, ибо за эти годы они крашены были черным лаком

на десятки слоев, и детское озорство, как и таинственные всплески пережитого, было погружено в таинственную смолевую глубину краски, как на дно болотистой бездонной бочажины.

Нас с детства уверили, что дважды в одну реку не ступают, как нельзя заново уместиться в материнском лоне, но чувство возвращения, но попытки вернуться в прожитое, не оставляют человека, уже не однажды вылинявшего, сбросившего за прожитые годы десятки шкуренок, ныне ссохшихся, потерявших форму. И мы настойчиво вновь и вновь натягиваем на старые измоглые кости эту ветхую шаболенку, но, увы, ничего не испытываем, кроме легкого озноба и сладкой тоски воспоминаний.

Чувство родства, как сполох, накатило внезапно, шекотно тронуло заскорбевшую душу, и против воли мы вдруг снова стали морщиноватыми блаженными детьми... А уж после то, братцы мои, когда хватили по рюмке-другой, да завели северную протяжную, с выносом и с подголосками песню, да лихо пустились в пляс, отчебучивая хмельные коленца, — так и вовсе мои школьные товарки сбросили с плеч нажитой груз, как лишнюю одежонку, и всякая бабеня вдруг оказалась пристальному погляду в своем интересе... И женщины стали такими милыми, обаятельными, и столько в них обнаружилось сердечной красоты, которую не истерла даже сутырливая и вовсе не сладкая жизнь. Бабицы что-то куражливо вспоминали из прошлого, раскатисто смеялись, а я слушал их, подоткнув голову кулаком, и не мог подключиться к разговору, словно раньше обитал в ином мире. Женщины будили мою память, подключали ее к розетке с напряжением, взбулгачивали прошлое до самого дна, — но не могли достучаться до моего детства. Я хранил жалкие крохи воспоминаний, ровно столько, сколько мне насулено было Богом, — и ни соринкой больше.

А тогда, после выпускного, я в одиночестве возвращался в свой угол; меня не рапирала радость, что я наконец-то распрощался с детством, но и не чувствовалось уныния от предстоящих перемен, страха перед грядущим. На воле доживала белая северная ночь, влажное нежно-розовое солнце, едва коснувшись моховых перин, уже всплывало над пряными зацветающими тундрами и плоскими болотными озеринами, и белесое, сжелта, небо по крайкам уже покрывалось лазоревыми тончайшими шелками; вечерняя заря, еще не дотлев, уже поджигала утреннюю; на желтой россыпи мать-мачехи вдоль деревянных мостков дрожала густая студенистая вода, и на каждой капле, похожей на улитку, вспыхивали

цветные огоньки; мои поскочливые шаги, впечатываясь во влажные деревянные мостки, вызывали необъяснимо гулкий звук, словно бы я бил подошвами не по тротуару, а по туго натянутому барабану. Городок еще спал, проглядывая последние сны. Окна в избах были сумеречны, таинственно темны, и благостный свет с востока, натекающий от тундр на зады домов, на баньки, амбары, хлевы и бревенчатые взвозы, как бы застревал в затеньях, пока робея, в пустынных огородах, меж прясел... И в нашей сирой боковушке все спали; на неизбежной росстани, на которой я оказался в одиночестве, никто меня не спрашивал в грядущее, не налаживал котомок, не стряпал подорожных колобов. Я угодил вдруг на распутище, — и не признал его. Этой межи я не заметил и дерзко перешагнул через нее; моя детская тропинка случайно влилась в накатанный людской тракт и растворилась в нем, но я, жалкая соринка человечества, еще не подозревая о том, оказывается, был уже приготовлен душою к любому спутнему ветру, чтобы он подхватил меня нынче же, как палую иглицу, как подорожное крохотное семя, — и понес неведь куда. Прежде я не знал иной жизни, кроме родного городка, вся вселенная сходилась на моей Мезени, здесь начинался и кончался белый свет, страсти и обиды рождались в околотке и незаметно умирали на Чупровской улице, не досаждая и не замутняя сердца; оно спокойно дожидалось своего часа, словно бы уже догадывалось, что все будет ладом, все устроено Богом, и не надо мне ни о чем терзаться, куда-то торопиться, — но стоит лишь терпеливо ждать.

Не тревожа родных, я скинул школьную одежонку, натянул на плечи самое затрапезное (пальтюшонку, сшитую из материнной юбки), прихватил в сенях связку капканчиков, длинный нож и, закатав порты, отправился к росным луга, словно забрел в студеную реку по колена. Босые задубелые подошвы чуяли каждое корневище травяного подшерстка, тугие узлы жидкой калтусины, кочкарник на поскотине, водомоины, рыхлые кротовины-кругованы, вспухавшие на лугу; мать—сыра земля не досаждала, не раздражала, не лупила в плюсны, прогоняя прочь с выгона, но ласково прилаживалась к ступням, проливалась в сердце ровного кроткого чувства, которое я позже приму, как праздник детства; была, оказывается, радость сердца, воистину бы-ла-а, неоцененная, вспыхивающая, как ветровой сполох. По крохотным приметам понимаю нынче всей душою, что и меня не обошел тот редкостный праздник жизни, что навещает лишь ребенка в его неиспорченной чистоте... Но тогда я был звереныш, со всеми его повадками, полурасхристанное дитя таинствен-

ной непостижной природы, не знавшее каверзы от нее и ее богов, но лишь благоволение; мать—сыра земля насыщала плоть и душу, продлевая мои годы. Протыкивая ножом дернину, я привычно нашаривал звериные норы, наискивал развилку, где расходятся пути, рыл руками запашистую, перебитую кореньем землю, настораживал капканчики, а, поймав луговую крысу, без всякого отвращения, ловко снимал чулком шелковистую шкуренку и, свернув в трубу, совал в карман, мельком обмахивая окровавленные пальцы о сырую траву и о поры. (Это движение сохранилось и поныне, когда достаешь из реки рыбину). Я не знал тогда брезгливости, все в природе было чистым, родным, считалось своим; теми же заскорузлыми от крови и земли руками доставалась из кармана кацавейки хлебная краюха, холодная картофелина в кожуре и соль, — вся еда тогда была вкусной и какой-то радостной. А радостная еда (как я понял позднее) не дает хвори, не застревает в черевах, не подставляет человеку подножку, хотя в конторе «Заготживсырье», куда я сдавал добычу, охотников остерегали грозные плакаты о тулереямии, бешенстве и холере; эти скверные болячки и проказы мог, наверное, залучить кто-то взрослый, изнеженный и слабый нутром, но только не мы, дети поморских слободок. Я ловил луговых крыс, чтобы после отоварить пушнину в «Заготживсырье» мукой и сахаром...

Вечером усталая мать, притянувшись с почты с розовыми от напряжения, рано припотухшими глазами, полуоглохшая от телефонных наушников и бесконечных «але-о, але-о», равнодушно спросила меня:

— Школу закончил... Ну и куда ты теперь?

Я неопределенно пожал плечами; глуповато улыбаясь, рассматривал мать, словно бы чужую, молодящуюся сорокалетнюю женщину, ее русые волосы, уложенные на затылке валиком, плоский белый берет, забыто лежащий на коленях, насурмленные черным карандашом брови, наведенные помадой губы, горестно приопущенные в углах, впалые щеки и крутые скулы, — и не видел ее природной красоты. Из погасших, с розовой окалиной глаз не притекало ко мне ничего, кроме раздражения, а я не слышал в себе ответной любви. Мать-вдовица отгородилась от нас в свою не угасающую с годами тоску-печаль по погибшему мужу; она потиху выиграла в этом чувстве забытости и одиночества, на беспощадном костре воспоминаний, а нам доставался лишь пепел. (Я не помню за собою особого озорства, но в пионеры меня приняли по какой-то причине лишь в четвертом классе, а в комсомол — на армейской службе).

— Да ты никуда и не гож, — безжалостно добавила она горькой правды. — Разве что навоз от скотного двора возить, как Васька Леушин.

— Ну и навоз, дак что?.. И это работа. Кому-то надо и навоз возить. Ведь и хлеб, и розы не растут без навоза, — беспечно, без обиды, ответил я, нисколько не задумываясь над своими словами.

— Ох, пустой ты человек. Совсем пустой... Вон ребята-то уж загодя побеспокоились. Все куда-то стремятся, у них ум в голове. А у тебя — ветер... — жестко, не жалеючи заключила мать, скоро переоделась, повесила свой почтовый костюм за простынь на стене и отправилась вершить свое вековечное бабье заделье.

Этот Васька Леушин, безобидный мальчонка, сидел со мною в первом классе на задней парте. За три «школьных коридора» он так и не сдвинулся с той «камчатки», неожиданно рано повытянулся, вроде бы обзавелся сивыми реденькими усами и, так и не одолев первого класса, был спущен на волю и вскоре стал возить навоз; я частенько наблюдал, как мимо нашего окна в пургу через сугробы, или весеннюю слякоть по дорожным просовам и раскатам, иль в секущий дождь по разливам грязи плетется бывало его кобыленка, таща воз с парящей скотиньей кладью, а в передке саней под самым, казалось, мотающимся хвостом лошади, деловито сутулится на клоче сена вовсе не понурый, но беспечальный улыбчивый парень, в овчинной шапке с распущенными ушами. Он рано женился, завел шестерых детей, скоро потерял зубы и белесые волосенки, но не утратил ясного доброго взгляда. Учение не испортило его головы и натуры.

Вот такой же судьбы сулила мне мать; знать, иной и не могла разглядеть в грядущей сумеречности лет. А может, то была ее угрюмая шутка?

2

Начитанная иль памятьная голова с легкостью опирается на чужое многомыслие, ей нет нужды рыться в изжитом душевном скарбе и блуждать в извивах сполошливого ненадежного сознания; ведь всегда можно для полноты своего текста и украшения стиля сослаться на чужой ум; мне же приходится опираться лишь на свой опыт, беззастенчиво и беззавистно обглаживать всякую мысленную косточку, что вдруг подбрасывает жизнь, и строить на ней свои умозаключения. Василий Белов однажды дал мне, начинающему литератору, доброе учительское наставление:

— Володя Личутин, и что же ты изобретаешь велосипеды, когда можно брать готовым то, что до нас продумано мудрыми людьми.

Но я самонадеянно возразил:

— Если я буду впитывать готовое, даже от великих и мудрых, если я перестану сомневаться и изобретать велосипед, то я кончусь тут же, как писатель.

Увы, по прошествии многих лет, когда я убедился окончательно, что сомнение — это друг истины, когда обнаружил, что «знаю лишь то, что ничего не знаю», что чужим умом не прожить, и наука мне из-за строптивости не далась, — то и осталось лишь изобретать все новые велосипеды, ломать над всяким пустяком дурную свою головушку, и завидовать тем, у кого под сводом черепа горит неугасимая лампадка, освещающая пещерицы богатой памяти. Но, братцы мои, как интересно сучить дратву своей убогой мыслишки, разбирать ее волоти от узелков, вытягивать ту нить и сматывать на мотовильце, а после смолить «каболку» и пускать в дело: именно умственный напруг, когда голова от мыслей праведных исходит внутренним потом, — и дает радости сердцу, искры уму, торжества душе и особенно прибытку голове, помогает хоть чуть приоткрыть веки дремному внутреннему оку, ибо найденное, сработанное тобою долговеко и неизносимо; чужая мудрость, выхваченная из книг, будоражит восхищением, но тут же, по использованию, и пропадает, как наснилась...

Но почему именно я с путаной рваной памятью, этой худо склеенной кинолентой, вдруг стал литератором? Для какой-то нужды Господь выбрал именно меня в толкователи, проповедники, бытописатели, научители, летописатели. Запустил меня в глубины жизни, чтобы я отыскивал меж золотого русского народа неких истин, дивился ими, и свое наивное удивление и восхищение от многообразности и непостижности национальных глубин отправлял обратно в дремучий народ, откуда и «схитил», наследовал те истины, посчитал своими. (Ведь тем же путем шел и Василий Белов, и Астафьев, и Федор Абрамов, и Евгений Носов, но им отчего-то ужасно хотелось быть многозначливыми книжниками, словно бы без этого свойства укорачивался, занижался в чужом понимании их природный талант. Но если бы они воистину двинулись книжным путем, пренебрегли Божьим даром, то их способности наверняка бы измельчились, выветрились, обшелушились, получили бы поверхностный глянец).

Земные «дары волхвов», которые получал от народа и на тот капитал жил, я никогда не забывал и помнил, что многое, мною почерпнутое в недрах крестьянства, откуда и сам

произошел, вовсе не мне принадлежит, но вручено мне от щедрости русской души. Правда, кое-что досталось и «с мо-золями», добыто с ногтей, собственным опытом, раздумьями и от долгой учебы, — и все, что уместилось в меня от природного любопытства и через праведные труды, то и оказалось на поверку самым нетленным и драгоценным...

Наверное, подспудно мне всегда хотелось в Париж. Миф жил во мне в двух лицах; он пахнул «шанелями», душистыми модными тряпками, хорошей кожей, шубами, прелестницами-кокетками, вокруг этого Парижа всегда было много тайны, восхищенного шепота, сплетен, жуков-точильщиков, что наживали барыш от перекупки, зависти, нечистых денег и тонкого порока, который не отталкивал, но странно, губельно очаровывал; в этот Париж попадали лишь избранные, кого сам Господь пометил своей дланью, чиновники высокого ранга, приближенные ко двору и их дети, рано растлившиеся сами и создававшие вокруг себя тлетворный сладковатый, пьянящий угар «чрева Парижа».

По Москве будто сами собою на панельных кухнях сочинялись парижские салоны, куда попадали лишь свои и где завистливое «западенское» чувство разогревалось слухами, там сочинялись и расходились по столице некие мифы, мистификации, сказки и побасенки: «Вот там настоящая жизнь! А у нас — фи...» Артисты, богема, парикмахеры, кутерье (портняжки) — все эти якобы небожители солнечной Франции (пена с киселя), кочевники Эдема (в котором гостились лишь избранные русские) волновали слух, и в этом сладком голубом туманце невольно растворялась коренная жизнь Франции, которую я уже смутно припоминал от книг; ужасы низкой жизни, внушающей отвращение, злодеи-компрачкосы, несчастный Квазимодо, тлен и грязь Парижа и золоченая мишура салонов с их тайнами, уличные кокетки и развратные графини, — все это с годами пожухло, как палый осенний лист, потеряло цвет и плоть, превратилось в изжитую плесень, и я неожиданно поверил в какой-то миг (вернее, вынудил себя поверить), что Франция — действительно придел земного храма. Но, чтобы попасть в это злачное чрево, надо было кому-то вовремя подольстить, скрывая истинность чувств, кому-то подмазать, дать на лапу иль занять в житейской тусовке сторону властного человека, встать под его руку. Те поездки были «на дармовые денюжки», и каждый мечтал к себе залучить «валютную канарейку из чужой клетки» и в одиночестве усладиться ее пением. Доходами из общенародной казны чаще всего пользовались столоначальники и приживалки. Помню секретаря Союза писателей

Алексина, он всегда прислуживал председателю Михалкову, и в своем старании «этот слуга двух господ», наверное, находил не только прибыль себе, но и особую сердечную радость. И вот прибыли они однажды в Архангельск на пленум, и секретарю, по его чину, предложили отдельный добротный номер. Но он отказался заезжать, дескать, как-нибудь тут, в предбаннике у Сергея Владимировича, перекантуются на диванчике... Не знаю, помер Алексин или съехал в Израиль, но только как-то вдруг после революции пропал из виду; он так и стоит в моих глазах, — этот маленький чернявый человек с темными печальными глазами, — в памяти о котором лишь сохранилась эта грустная побасенка: «Я как-нибудь у Сергея Владимировича на диванчике...»

«Не подмажешь — не поедешь», «брань на воротах не виснет», «бодливой корове Бог рогов не дает», — эти присказки не имеют возраста и приживчивы в каждое время. Люди плохо чувствуют себя в одиночестве: вот и писатели, — душеприказчики и проповедники, — не любят затвора, скрытны, уединения. В восьмидесятые Союз сильно составился, те военные лейтенанты, что вернулись с войны, так и не стали «полковниками», но по солдатской привычке, ввешейся в кровь, они дружно прислонились к литературным генералам, создали когорту, и где требовалось, прикрывали их своей грудью. Помню, когда с галерки смотрел на съезд писателей, то поражало обилие черных костюмов, просторных лысин, плешей и седой бахромы над ушами, — признаки мудрости, и лишь кой-где темнели крохотными островками головенки моих сверстников, которым уже тогда подкапывало под пятьдесят, но их упорно держали «за молодых», морозили и квасили на задворках литературы, и лишь изредка упоминали в докладах, как о подающих надежду. Грустно об этом вспоминать, но добрые русские старики-«письменники» не собирались уходить в запас и своим долгожительством даже козыряли, словно этим и определялось качество и стиль литературы; по военной привычке они окопались, отрыли глубокие окопы, понастроили себе блиндажей, выстроив эшелонированную оборону, и казалось, навечно устроились возле полевых кухонь, под наркомовские сто грамм сочиняя благостную литературную подливку для заскорузлой, лопавшейся по швам советской страны.

Я, наверное, рано бы заездил по Парижам, осмотрел бы все задворки Европы, потом скинулся бы в Америку, оследился бы на Бродвее (так поначалу все хорошо складывалось в литературе), а после бы вспоминал вальяжные путешествия по миру за казенный счет и козырял бы ими, как

Евгений Евтушенко, а может, соблазнился бы «пачулями и конфетами» Запада и укоренился бы в обжитом закутке под Лондоном, носил бы звание профессора (как тот же Евтушенко), и хулил бы такую косную русскую жизнь, и поганных «коммуняк», и «прохвоста Сталина» (как тот же Войнович), и зарабатывал бы на этом скулеже капиталец себе на хлеб с маслицем (как Аксенов), и моему умению жить горько завидовали бы менее ловкие приятели, кому не пофартило соскочить с последней подножки уплывающего в светлые мифы советского поезда...

Чур-чур меня от подобной блажи... Экая дрязга наснит-ся... Нет, у меня никогда не возникало мысли и желания бежать за комсомолом, который выродился в фарс еще в начале шестидесятых, и никогда бы не взволновала плотская страсть к чужому миру, и всему виною не столько уросливый, ерестливый мой характер, когда я сам себе вечно ставил подножки во всяком начинании, кое бы сулило прибылька, попридержи я свой язык, приструни сердце, попривади душу и умири сомнения, — сколько неизбежная приклончивость родной земле, которую не смог бы поменять ни на какие коврижки. «Своя земля и в горсти мила». «Хоть за батожок, да в свой уголок». Я никогда не был диссидентом и не стал бы им, ибо всем нутром не любил и всегда презирал этот пакостливый самовлюбленный народишко, этих «западенцев», что с восемнадцатого века начиная, постоянно гадили России, их вскормившей, — но и от «социализма с человеческим лицом» я тоже решительно отстранялся, ибо о нем хлопотали те же самые приспешники и захребетники, «люди мира», кто неустанно хулил мое отечество, зарабатывая на лжи деньги, а тайно торили себе путей в Израиль и Америку, в те «Парижи», где всегда светит солнце неумемному, пройдошливому кочевому человечку.

Я был противником коренной переделки в стране, но и мучительно страдал от кривобокого течения реки «жизни», несущей нас не по стремнине, но сталкивающей в бучила, засасывающие водовороты, под береговые кручи, в глину, песок и в ил цветущих стариц и заводей под дружный ор торжествующих лягушек.

Уже тогда послехрушевская деревня вырождалась, мельчала натурастым народом, на моих глазах выхолащивала главные родовые характерные качества, свойственные русской нации, и, лениво плодясь, превращались, увы, «в биомассу», потерявшую азарт жизни. Город, использовав родящую силу деревни, выпив ее, зачастую бессмысленно растратив глубинный талант, поставил хиреющего крестья-

нина на колени и последний годящий хозяин не выдержал такого неловкого состояния, побежал с земли прочь. И не еврейский вопрос, внезапно вторгшийся в мою жизнь, оттирал меня от Парижей, но мое «русифильство», еще не имевшее отчетливых очертаний. Нет, это не было Аксаковское или Ильинское русифильство, вычитанное из их книг (увы, такие работы мне не попадались на глаза), но мною вымечтанное, размысленное, вынянченное «с моих ногтей». Мне представлялась корневая, наследная Россия, живущая русской жизнью многие тысячи лет во всей исторической полноте без изъянов и подкопов, от которой нас упорно столетиями оттирали на обочину беспамятства властители России, а укоренившийся в нашей стране «социализм с нерусским обличем» лишь закончил эту разорительную работу. И теперь из этого размытого, неясного облика требовалось косметическим, а где и хирургическим путем проявить и вернуть народу русскую физиономию, ставшую бы всем родною. А диссидентствующие «западенцы» мне снова предлагали социализм с общечеловеческим наштукатуренным лицом.

Да и судьба матери, как ни абсурдно это покажется, закрыла мне надолго тропинку в Париж. Мать родилась в семнадцатом, в войну овдовела и после долгие годы тащила на себе горб скорбей, который со временем становился лишь тяже и безжалостней; и глядя на нее, я с грустью постоянно думал, отчего же моя социалистическая родина так равнодушна к работному человеку, гонит его по ухабам и не дает передышки, праздничного дня, на котором хоть бы на время восторжествовал дух. А еще горше мне было видеть деревенскую старушонку-вдовицу в полузанесенной снегом изобке, ее морщиноватый лик со скорбными глазами, что печально вглядывается в меня в продушину заиндевелого стекла, этим прощальным взглядом спроваживая меня на долгий путь-дорогу, забитую сугробами; отдавшая силы и здоровье отечеству, она кинута была всеми, и никакие благодарственные молебны русскому народу с высоких трибун никак не доносились до ее слуха. Если это «праведное» государство, как уверяли нас, так черство к крестьянам, на богатой почве которого выпестовалось все, что есть достойного на русской земле, и так скоро забыло предков своих, так стоит ли вообще существовать ему в омертвелом образе; и надо не столько поновлять Русский Дом, сколько вымести нерадивых состарившихся «хозяев», давно позабывших смысл своей службы, и нанять в соратники более достойных и смышленных, в ком не выветрился еще русский дух.

Свои мысли и сомнения, свои взгляды на общество я не скрывал, и на меня в «органы» пошли доносы, где меня называли врагом советской власти: дескать, жаль, что Личутин так высоко взлетел и его уже трудно забрать и примерно наказать, чтобы было неповадно другим. Я чурался всяких властей, в партию не вступал, хотя четырежды зазывали меня туда; не знаю, пасли — нет меня «органы» после письменных доносов, но только вот все журналы как-то разом под любыми предложениями однажды закрылись для меня на тринадцать лет до девяностого года... А за бугор выпустили впервые лишь в восемьдесят четвертом, будто я был хранителем национальных секретов; как сейчас помню, только мы затеялись гулять в писательском ресторане, обмывать книгу (а тогда это было в заводе, и денег на гостевой стол не жалели), как вдруг, печатая по военному шагу, приблизился ко мне человек, прилично одетый, но с незапоминающейся физиономией, и отчеканил: «Вам разрешено ехать в Югославию»... И тут же исчез в другой двери, как привиделся. Но я-то был еще трезв, как стеклышко, не разговелся стопариком и не парил на воздушных. «Когда ехать, с кем, почему в Югославию, куда я не просился?» — задавал я сам себе вопросы и не находил ответа. Но был возбужден, а тут, наконец, прибыли приятели, мы торопливо кинули на грудь несколько рюмок хлебной водочки, закусили сначала заливной осетринкой с хреном, рыбной солянкой с оливками, а после и запеченной в судочке севрюжиной по-ленинградски (а прежде умели готовить), и лишь потом я вольно воспарил сердцем, как часто случается с русским человеком в подпитии, и высоко поднял визгловатым тенорком протяжную «Ой да ты калинушка-а, ой да ты малинушка-а!» Тут сдвинулись, как бы само собою, еще столы, будто у них оживели ноги, поднялись мало знакомые любители пображничать, и поднялся дым коромыслом. И «процесс пошел», как говаривал в незабвенные времена пронырливый, только что протиснувшийся во власть Горбачев, эта хитрая шельма и прокуда; но описывать пирование во всех красках и мельчайших подробностях, как любил создавать поэтические картины из народной жизни Виктор Астафьев, я не буду, ну просто бумаги не хватит, да и жанр, мною выбранный, просит особой сжатости, ибо моя поездка в Париж длилась чрезвычайно долго, а закончилась прозаически грустно. Нет, что бы там ни говорили, братцы мои, но и в том «застойном времени» случались для нас, русской деревенщины, приятные во всех отношениях мгновения, которые можно вспомнить и через двадцать лет...

Главное, это были не нынешние фуршеты, куда сходятся сотни людей, как пираньи, они хватают все из-под руки, буд-

то век ничего не ели, не пили, и жадно, торопливо жуют, стоя, как кони. Всех отчего-то забирает после секундного стеснения необычный азарт на даровщинку, он полоняет даже самых деликатных, и, подхихикивая, каждый норовит успеть первым, чтобы подхватить с общей тарелки рыбного деликатеса, будто невзначай заслоняет своею спиною стол и ширит локти, и братского чувства, пока не зальют за шиворот, и не ночевало. А когда в голове хмельной жар пойдет кочевать волнами, тут и застыдятся чего-то фуршетники, и умиленно станут поглядывать друг на друга, отыскивать приятелей, обхаживать женщин, кои приведутся подле руки. Но будет новый фуршет, и снова на вежливых совестных людей нападет норов пираций и давай решительно пригнетать и соскабливать стыд...

Конечно, мы в свое время не ели «супа из ласточкиных гнезд», не ковыряли всякую заморскую дрянь, на которую и глядеть-то противно, и не держали шампанского по тысяче баксов за бутылечек, какое пьют нынче баловные бездельные детишки бывшей «комсомольской братвы», но все же, все же... И не случайно даже в деревнях до сей поры с грустью и сожалением вспоминают брежневский «застой»: «Думали коммунизма-то никогда при жизни не видать. А ухватили ведь, ухватили...»

И вот стал я ждать поездки. Пусть пока и не в Париж, но главное ведь разговеться, вкус почуять... А там чем черт не шутит... Так минуло, наверное, с полгода, и вдруг краем уха я узнаю (земля слухами полнится, а тем более писательский буфет), что в Белграде побывала делегация писателей... Но без меня. Путешествие во Францию снова откладывалось. И тут я вспомнил сетования былинщицы Марфы Крюковой, когда ее от Белого моря из Зимней Золотицы однажды впервые повезли к морю Хвалынскому (Каспийскому), и она вернулась домой растерянная: «И зачем только меня стронули с места? Как спокойно мне жилося до того... О чем не знаешь, о том и не мечтаешь».

Я не плачусь, вспоминая, не возгораюсь собою, не горюю и не похваляюсь, ставя былые тесноты себе в заслугу (как нынче делают многие), но сам коварный жанр психоанализа, который я избрал, требует исповедальности, обнаженности чувств. Да и что стоят мои запретки перед страстями долготерпеливого русского народа, который придавили после революции чугунной плитой, да и не раз проехали катком, и каждая крохотная послабка ему казалась за великое благо. Помню, как после войны бабы приглашивали на деревенской завалинке, но без всякого упрека к властям: «Ой,

настанет—нет такое времечко, когда хлеба будет вволюшку? Нам-то, поди, сыто и не живать». Но минуло лет восемь, никак не больше, и те же бабы с удивлением говорили: «Во житуха-то настала... Даже белого хлеба не хотим... Давно ли думали: веком будет не наестись».

Но ведь за этот хлебом, что появился в достатке после долгих лишений, стоял порядок вещей, надежность трудовой жизни, а вместе с тем и душевный покой, который для русского человека всего желаннее; излишка вроде бы нет, но есть неторопливость текучего времени, зримая устойчивость на земле, которая куда дороже пышек и коврижек, всякого «печива и пряжева». И моих московских теснот, как бы я ни пытался объяснять деревенскому мужику, он никогда бы не понял, но решил бы с усмешкою: «С жиру бесится человек... Подумаешь, его в Парижу не спускают. А и чего он там позабыл, чтобы туда пехаться? Разве на своей стороне мало дела?» Вроде бы с одной земли родом, но «образованец-существователь» однажды сошел от родного порога, да и заблудился, а как потерялся вовсе в городах меж трех панельных домов, так и вовсе скосоротился и ссучился и стал о деревне говорить брезгливо, через губу.. В конце двадцатого века народ снова расслоился, пошел разными дорогами, седок, восседающий в бричке, уже стыдился кучера, торчащего под хвостом лошади... А что он, барич, думал о тех, что бредут непролазью, понуря земле голову, про то лучше промолчим. И вот тогда, в восьмидесятые, диссиденты именно с жиру бесились, воротили рыло от собственной ржаной ковриги, но косились с завистью на французскую белую булку, не ведая о том, что в той поджаристой сайке пропасть всякой «отравы», без которой Франции, увы, уже не прожить.

Помню, в войну внешние мысли в народе были самые плотские, «чего бы в рот положить», а душа тревожилась не только за своего папаньку, а за всех солдатиков, кто страдал на войне. Говорили, послушав громкоговоритель: «Вот там-то действительно страсти, там ужас... А мы что, мы перетерпим. Быть бы только живу, а всякое лихо перетрется-перемелется... Так Бог рассудил: сначала все как бы плохо, а после обязательно скинется на хорошее». Баба русская сострадала по всем воюющим безо всякого приказа и пастырского наущения; ей, крестьянке, даже в немилостивые и безысходные дни не хотелось быть жестоковыйной от скорбей, и, рыдая над похоронкой, она опомнивалась и спосылывая в пространство свои мольбы к Богу о милости ко всем воюющим мужикам, — и жалостные слова обретали явленную силу...

Мне скажут: де, ход истории таков; не открылось русскому народу истины по себе, зачуралась, запечаталась она, да

и сгнула в плену угрюмого темного оврага под сень Кошея; вот и добивать России последние годы в подъяремном беспамятном состоянии... А я спрошу: кто закрыл, запечатал, зачурал народ от самих себя, закрыл на чугунные засовы узнавание, познание? И ответят: дескать, судьба ваша такая, дескать, рылом не вышли, вот и ходите немывтые да нечесанные, с испитой рожею, да в рваной сермяжине, словно вас голодные собаки подрали... Конечно, судьбы не миновать, она вершится на небесах, но Господь и тут оставил лазейку; ее не обойти, но можно подправить радением и согласием, и любовью, и возгоржением, ибо назначения своего никто не знает, и осознается оно лишь по завершении круга земного...

Нет, закрыли, запечатали наше русское «я» не судьба наша, но «кобыльники» и «четечники-чужебесы», издревле возревновавшие к нашему предназначению, мстительно позавидававшие нашему подвигу, нашим знаменам, нашим землям, нашей древлеправославной поклонности живому Христу и Заступнице, нашей особенной упорной ступи, которую мы миновали тысячелетия, но растеряв родовых качеств. Память о нашей безмерной воле, с которою мы оседали на землях Европы, не дает покоя душе захребетника; да и как не озлобиться к нам однодворцу-сородичу, коли тот же Париж, те же закуты Франции и Германии, Австрии и Греции, Италии и Югославии каждым своим местечком, рекой и холмушкою насмешливо напоминают, что в древние лета все они были заселены славянином-россом. А в человеческой природе пуше всего исходят нелюбовью и тайно мстят именно кровники, кто никак не может смириться с той наделкой от общего имения, что нарезали им дедичи и отичи... Европа не просит, нет, она безлюбовно требует от России поделиться своим богатством, но старший брат Рус упорствует, не желает отрезать и ломтя от своего каравая, добытого с таким изнурением, неизмеримою растратою сил.

Господи, как мы падки на чужое, как наделяем самыми сладкими словами самое непотребное «от парижей», с чем, узнавши, тут же и расплюемся; нет, это не «чужебесие», на которое были падки «бары» при петровском и екатерининском дворе, но низкопоклонство от неразвитости вкуса и свойству зауженной, затрапезной, безбожеской, бесконечно нищей жизни, тесно прикованной к «своему курятнику», отчего даже в соседях еда казалась куда вкуснее, чем домашняя, изготовленная материнскими руками... Помнится, даже запах жареной картошки, доносящийся из избы напротив, чудился необыкновенным; хотя жила там семья сам-двенадцать, вечно голодная и по меркам нашего околотка самая

разнесчастная. И пирожок с пылу-жару, который всегда вручала хроменькая тетя Паша мне, пацаненку, торчащему у порога, горящими глазами выглядывающему, как сбегает печиво с противня на стол, густо обсаженный своими голодными грачами, казался необыкновенно вкусным, намного вкуснее домашнего (хотя мать пекла куда лучше), ибо был тот «капуственник» из чужих рук. Ведь не случайно возникла поговорка: «В чужих руках ломоть всегда толще и слаже». Видимо, в самой природе человеческой заложен союз-конфликт «свой—чужой»; отсюда библейское «возлюби ближнего», чтобы избежать изнуряющей ссоры, что зачастую меж соседями.

Простонародное поклонство к иноземщине было и от нашего исторического незнания и нелюбопытства, но оно скоро рассеивалось при ближайшем знакомстве с чужаком и превращалось в равнодушие или жалость к нему; у господ же «чужебесие» — от излишеств и спеси, когда свое, вековечное, приелось, душу воротило от сермяги и поскони и так хотелось «поклевать свежатины»; и когда при Петре дворяне стали навеваться в Европы, «ихнее» незаметно входило в привычку, отравой въедалось в натуру, и брезгливая, сбитая с родовых заповедей, готовая к искусству души, так падкая на соблазны, исподволь отшатнувшись от живого Христа, сначала позабывала родимый язык, заветы и обряды и неволью, как бы сама собою, отпадала о родины. «Кому Бог не отец, тому и Россия не мать». Конечно, Создатель для всех один, только Христос у русских свой, избяной и заколичный, суровый, но и добрый Батюшка, а у католиков — свой, Дарующий благ; и тот, кто отпадал у нас от своего Спасителя, неволью принимал власть Запада, становился «чужебесом».

...Но я-то отправлялся в Париж с искренним любопытством и уважением к тем, кого встречу на пути, и с любовью к оставшимся в России.

3

Я не буду описывать, как сколачивали нашу писательскую команду в Париж, как выправляли подорожную, как летели через Европу. Помню, что спутников оказалось неожиданно много. У каждого, наверное, в чемодане лежала пара бутылок водки гостинцем и круг колбасы. Считалось, что в Европе водка скверная, и лучшего подарка не сыскать. Смутно верилось в подобную легенду, но никто и не опровергал ее. Земля слухом полнится, и потому особенно въедливые везли с собою несколько баночек с икрой и дешевые алюминии-

вые значки для обмена «баш на баш», чтобы сделать во Франции небольшой гешефт на столичном вещевом развале, где, по рассказам, в огромных пластмассовых ящиках ждали нас груды дешевых тряпок, той самой «массовки» для местных нищих, африканцев и туристов из России. В Москве я слышал разговоры не о симпозиуме, который нам предстоял в Париже, а вот об этих странных вещевых развалах, где барахло продавали почти даром, и угодить туда считалось равносильным, что попасть в земной рай... Толковали с таким придыханием и плохо скрываемой завистью, будто у себя в России мы ходили в убогих лохмотьях и были распоследними, разнесчастными прошаками. Хотя считались на родине писателями не из последнего разряда, себя числили на высоте, и, наверное, у многих водились деньжата, коли привыкли ребята шляться пол ресторанам... Я слушал эти сказки вполуха, как-то устыжаясь внутренне и дивясь пристальному вниманию к пустяшному делу, но чувство чего-то необыкновенного, с чем я скоро неминуемо встречу, невольно волновало меня... О, Париж! Монмартр, Сан-Дени, Перлашез, Нотр-Дам — дребезжало во мне голосом французской певицы... Это ли не возвышенная музыка для русского провинциала, которому с малых лет вдували в уши, что везде жить прекрасно, кроме нашей посконной земли. Некоторые смекалистые и любопытные писатели уже в Москве точно знали, в какой магазин зайти, где самый ходовой товар, где засветиться и с кем в первую очередь надо встретиться в центре Европы, с кем во вторую. До либеральной революции (о которой литераторы-духовидцы даже и не догадывались) оставалось пять лет, и ныне можно лишь домыслить, с какой энергией жучки теневого рынка, имея постоянные диппаспорта, загодя пробивали тропы от политбюро, КГБ и центрального банка в страну чудес, наводили связи и, чувствуя мохнатым хоботком, откуда скоро подует запашистый ветерок и посыплет золотой дождишко, рыли коготками свои маркитантские норки, по которым, как по сообщающимся сосудам, вскоре станут перекачивать деньги...

А мы, «гордоусы и человеколюбцы», оторвавшись на самолете от земли, не дожидаясь Парижа (где вино, по слухам, вместо воды), сразу откупили подарочный бутылек «Юбилейной» водочки и, принимая на грудь рюмашки, веселили с каждой «мелкой пташечкой» и даже забыли в какой-то миг, куда мы летим и с какой заботой. Ждали солнца, а французский апрель встретил нас сивериком, студеным порывистым ветром, сшибающим с ног. Шатались нагие деревья. Родина и тут напомнила о себе... Аэропорт своими длинными путе-

проводами походил на огромный самогонный аппарат, по которому вместо пьянящих сердце заморских виноградных вин перегонялась на нас суровая стужа. Я скукожился в своем плащишке, посинел носом и посуровел внутренне, впервые задумавшись о странности нашего предприятия; за тысячи верст отправился, бездельный, чтобы перебраться мыслями с таким же бездельным рядовым французом, коего век не видал и наверняка скоро выкину из головы вместе с нашим поверхностным, зряшным разговором.

Подошел автобус, нас встретила переводчица, толстая, смешливая еврейка, как позднее выяснилось; она обрадованно встретила нас, как живой товар, который, наконец-то, благополучно прибыл, а теперь его срочно надо принять и устроить, деловито пересчитала по головам, чтобы не ошибиться и сдать хозяину по ведомости. Когда здоровались, я случайно поймал ее темные, навывкате, влажные глаза и увидел в них одну лишь усталость, худо скрываемую хворь и тоску от суетной жизни, в которой надо было постоянно притворяться, быть приветливой, изворотливой бой-бабой, хлопотуньей, без которой в чужих землях ну просто край наезжому балбесу. По-моему, у нее были густые усики, жесткие кудрявые волосы и опухшие водянистые ноги в синих жгутах вен; она с одышкой поднялась в автобус и в первый миг вроде бы и не видела нас из-за мутной пелены в глазах. И мне стало отчего-то неловко, что эта грузная стареющая женщина должна развлекать меня, бездельника-барича, шляющегося по чужим землям для препровождения времени. Мне было грустно, в теплом автобусе я разомлел и совсем не замечал проплывающего мимо окон «волшебного» Парижа, куда уже сотни лет непонятно для чего стремился очарованный русский человек. Мне показалось вдруг, что я этот город уже когда-то видел, — упорно молодящийся, в частой паутине морщин, проглядывающих даже сквозь старательные подмалевки. Мне бы полагалось восторгаться, как восхищался любопытный мой сосед Курчаткин, часто протирающий очки, чтобы лучше разглядеть улицы, донимавший вопросами нашу грузную «наседку», словно бы растекшуюся на переднем сиденье, отчего виделся оттуда лишь кочан головы с копной волос; сзади, дребезжа, мелко посмеивался Афанасьев.

Наконец автобус, часто гиккая, с трудом втиснулся в какую-то тесную улочку в центре Парижа, нас впустили в убогую крохотную гостиничку, вернее в предбанник ее, снова пересчитали по головам, а после гуськом мы поднялись по скрипучей лестнице на второй этаж и разошлись по номерам. Нам достался узкий пенал, больше похожий на купе в

вагоне или на японское жильё, только вместо циновок и низкого чайного столика ждали нас две узкие кровати и телевизор. Я подошёл к широкому окну: внизу напротив женщина тащила охапку длинных булок, похожих на ошкуренные поленья, молочник катил на тележке бутылки и ставил возле дверей, по карнизу зеленой железной крыши, гулякая, бродили голуби. А дальше, до самого горизонта, струилось зыбкое марево Парижа, похожее на полотно импрессиониста. Я достал из чемодана последнюю бутылку «Юбилейной», решительно распечатал, оглядел номер (чем бы закусить), разлил по бумажным стаканчикам...

— С приездом в страну чудес!

— Подождал бы, зачем спешить, — сказал густым голосом Ярошенко, с которым мы оказались в одном «купе». — Еще пригодится... Может, кому бы и подарил.

Тут, глядя на Ярошенко, примеряющего перед зеркалом галстук, на его витую густую шевелюру, на солидное тугое лицо, я вдруг подумал обреченно: как молод еще этот «курский хохол» и как я безнадежно стар... Ярошенко вовремя прибыл в Париж, а я уже опоздал. Воздух в номере был затхлый от пластиковых рыжих панелей, непродышливый (так пахнут лишь самые дешевые номера для гоев). «Господи! — все возвало во мне к невидимому Судии, что обрек меня на такую тюремку. — И неужели целых десять дней придется коротать в этой крысиной убогой норе?» Я невольно прислушался к себе и решил, что уже заболел... Я в детстве читал о «чреве Парижа», но в книгах, несмотря на грубость чрезвычайно простой жизни, было все куда диковиннее и прельстительнее (вот она, литература-то). И вот через целое столетие оказался в том же, наверное, месте, только слегка принапудренным, принакрахмаленном временем и гостиничной обслугою. Я угодил в объятия мирового «хозяина», кто бестрепетно перемешивал национальные души в безликое космополитическое тесто.

Бедные русские эмигранты первой волны, бежавшие из России в порыве отчаяния, испуга и ненависти, спосылывая проклятия в сторону востока, мечтали зацепиться в равнодушном Париже хоть бы за какой-то угол, хоть бы на сквозняке Эйфелевой башни, откуда так хорошо было лететь птицею. (Что и делали несчастные русские скитальцы). В безысходности невольного путешествия им бы и такая гостиничка помыслилась тогда за рай. Но какова безумная насмешка судьбы; кто бы знал куда падать, соломки бы подстелил. Ведь еще лет за десять до революции князь, графья и баронья, деканденствуя и презирая рваную Русь, так жесто-

кие и равнодушные к деревне, мчались в Европы, чтобы здесь бездумно растрясать мошну и последнее здоровье, волочить-ся за перезрелыми куртизанками, ловить любово-страстные болезни в борделях и удивлять деловитых католиков кутежами и пьяными выходками; навряд ли кто предвидел из них, швырявших лакеям деньги на чай, которых русскому бы крестьянину хватило в прожитие на год, что скоро сами станут портье, шоферами, горничными, мусорщиками и посудомоями, той самой низкою обслугою, которую во Франции никогда не презирали, но милостиво терпели, как обитателей ужасного дна, куда страшно было упасть. Как немилосердно от-мстилось инфантильным петербургским господам за безбож-ную мотовскую жизнь, за невнимание к простецу — челове-ку, пахнушему овчиной и навозцем, что веками безропотно гнул на них спину; и вот понадобился побег из России, чтобы здесь, в Париже, на своем горбу понять участь подневольно-го, о которой они и не представляли прежде; а кто и хотел бы пожалеть униженного мужика, так этого внимания и поклон-чивости доставало барину лишь на первые шаги духовного и телесного опрощения, чтобы вскоре вернуться обратно за гос-подский стол, где постоянно «кушать подано». Я глядел на «низкорослый» Париж глазами эмигранта, перебирал глаза-ми завихрения крашенных крыш с башенками и теремками, плетением карнизов и водосточных труб, и невольно жалел беглецов, как самого себя, чувствовал сердцем их смертель-ную тоску по родине, куда нельзя вернуться не столько из страха по «ЧК», сколько из презрения «к быдлу», — и невоз-можность ужиться здесь... Тьфу-тьфу, упаси меня, Боже, от повторения их судьбы, хотя затхлый воздух Союза донимал до печенок и глубоко язви-л душу... Посреди Москвы над Са-довым уже полоскался под тугим ветром плакат: «Револю-ция продолжается... Нет у революции начала, нет у револю-ции конца», и инакомыслящие, покинув панельные кухни, уже скупали кожаные тужурки, примеряли перед зеркалом красные косынки и маузеры и строились повзводно и порот-но, готовясь штурмовать телеграф, почту и банк. И «такая душка» генсек Горбачев, сияя революционной метою на челе, внушал вечным перестройщикам мира с экрана телевизора: «Я ваш!..»

Может, у этого окна в отчаянии стоял Бунин, скрестив на груди руки, тот самый писатель божьего дара, кто в начале века, потеряв ум и природную осторожность, наболел общим безумием, в своей «Деревне» лихо, наотмашь проклял, нет, — буквально казнил, не жалея редкого таланта, — «темных, косных, бездельных, вечно пьяных» (по его разумению) кре-

стьян, которых жалел, величил и кому поклонялся Федор Достоевский, блаженный пророк Григорий Распутин, утопленный масонами в полынье, «черносотенец» Михаил Меньшиков, застреленный евреями на Валдае. Вот и по его, Бунина, горбине, по его самолюбивой гордой душе и близорукости прокатилось колесо революционной телеги. И я понял вдруг, что не к Мопассану и Золя приехал в Париж, но к навсегда родному, запоздало очнувшемуся Бунину, к спивавшемуся здесь Куприну. Я налил еще по рюмке и сказал принарядившемуся Ярошенко:

— Ну что, Коля, выпьем теперь за Бунина?.. Надо первым делом на его могилку съездить.

— Я уже думал об этом... Попросим, чтобы свозили.

Мы в задумчивости подняли одноразовую посуду.

— Ну что... за него стоит выпить, — каким-то бухгалтерским, менторским голосом отозвался Ярошенко и вдруг добавил: — Только, пожалуйста, без его «Окаянных дней» и без «Деревни»...

— Ну отчего же, там много грустной правды, от которой рыдать хочется.

— Правды, может, и много, но внешней, эгоистичной, самовлюбленной. Своей, барской правды. Они свергли царя, но получили тирана... Если бы в книге была действительно правда, Бунин не колебался бы: возвращаться ему назад или нет... Это была его личная правда оскорбленного самолюбивого великого писателя... Знаешь, Володя, у нас часто в истории случались подобные «окаянные дни», и если бы каждый раз народ, задрав штаны, стадом бежал за бугор, давно бы никого в России не осталось... Была бы пустыня. Приходи и правь. А нас даже после войны сто двадцать миллионов. Ты никогда не задумывался, почему народ стерпел, не сбегал, а утекли баре? Потому что для крестьянина главное — своя земля, а для барина — свое самолюбие... Ведь не деревня царя скинула и Бога попраала, а господа. Им республики захотелось, да чтоб без Христа... А в итоге всю Россию взбалмутили и мужики поднялись с вилами на господ. Они что, звери? Думаешь, им так революции захотелось, что они на дыбки? Стихия — да. Но никак не звери... Воевали-то мужики с той и другой стороны, а победили отчего-то красные. Потому победили, что баре захотели власти без царя и Бога, демократии, а для мужика — новой кабалы. Побоялись, что мужик разбогатеет, независимым станет, наплюет на всех с высокой горки... Даже земли пообещать испугались. И против красного мужика они сломались. Не против еврея-чекиста, а против мужика. Деревня им отомстила за века униже-

ний, а बारे не хотели этого понять, что это ход истории... Может, кто и опомнился, так уж поздно, кердык пришел. Кланяйся, шляпа, перед войлочным колпаком... А там уж посмотрим, прихватить ли на воз, иль ступай в навоз... Если комиссары в пыльных шлемах уселись на шею, так кто-то же должен был вспрыгнуть. Свято место пусто не бывает. Иль бары, иль комиссары. Куда нам без господ. Верно? И нынешние власти загрызают деревню, уселись на мужика, как слепни... Кровцы свежей хотят. Мужик вопит, а господа не слышат. Икру ложками жрут, аж челюсти хрустят.

Странно, что наши мысли, бежавшие по своим тайным протокам, не сговариваясь, вдруг сошлись в одном русле.

— Но согласишься, ведь жалко Бунина. Русский гений, страдал от тоски, умер на чужбине, теперь костки ворочаются, домой хотят.

— Жалко, — согласился Ярошенко, — очень жалко. Попал в крупоруху. Не надо было руку совать из любопытства, вот и затянуло. Бунин — барин, потому барина и жалел, это да. Он прежнюю красивую жизнь жалел, это да... И почему нас в колхозы потом загнали? Да потому, что классики вывели в своих произведениях мужика-раба, подлую скотину, которую можно пасти лишь в стаде кнутом. Гони в шею, бей, измывайся, русский мужик все стерпит. Иль я не прав?

Ярошенко говорил грустно, отчего-то упорно глядя в бумажный стаканчик с русским «пойлом», которое еще не ударило в голову и пока было не в радость. Спорить мне не хотелось, и я легко согласился: да и в этих грустных словах было много сермяжной правды, которая понятна лишь выходящу из деревни.

— В общих словах прав. Воли бы мужику надо, чтобы стоял у него свой родовой дом на своей земле. Не избышка на курьих ножках в два окна, как у вас на Курщине, а каменный дом в два жила с широкими красными окнами на свой простор, чтобы на века, и чтобы никто хомутом шею не перетирал. Ведь если и можно еще в России отыскать Бога, то только в деревне, даже самой зачуханной, всеми забытой, — закруглил я разговор.

И тут нас позвали к столу.

Мы спустились в залу скрипучей узкой лестницей. Я впервые обедал в Европе. Пристально пригляделся в чужом месте, будто ждал засады. Было спокойно, как в трапезной, чисто, чинно и несколько уныло. В широкие окна видно было, как на улице ветер шерстил, гнул деревья, волочил по низкому небу тучи, редкий дождь резко, с оттягом лупил в стекла.

На столе чередою торчали бутылки бордового сухого вина, на тарелках лежали узорные листья салата, похожие на зеленые утиральники. В этом европейском тесном куту и мы вдруг присмирели, задавили в себе чувство русской воли, стали усиленно вспоминать, как надо вести себя в «европейской цивилизации». Рядом сидел мало знакомый мне Толя Афанасьев, человек неопределенного возраста с удивительно странным, выразительным, но вместе с тем притягательным лицом с частой насечкою морщин, полным грустного веселья и ехидства, на котором отпечатались все былые безудержные страсти. Так казалось по первому взгляду. У него была круглая, бугровая голова в мелкой светлой шерсти, белая, окладом, борода и васильковые глаза; невольно создавалось впечатление, что весь он, будто одуванчик, осыпан серебром; но вот дунет порывом ветер, и облетит пух, и останется голая болванка, покрытая морщиноватой кожей...

— Вот и мы теперь сидим, как настоящие люди, — сказал Астафьев с ухмылкой, потирая со скрипом ладони, и, не чинясь, потянулся за бутылкой.

— Бордо-бурдо — дешевое столовое вино, — прогудел Гусев, плямкая губами. — Знаю, ничего хорошего не дожدهшься. Ну, да... Каждую копейку считают. Вот так вот... Лягушатники.

Профессор решительно набулькал в бокал и распробовал вина. Говорил он так невнятно, подгоняя слова и запинаясь, что навряд ли кто и понял. Может, и мне послышалось, только все сделали вид, что ничего особенного и не сказано, но вот последнее слово расковало сразу, и мы почувствовали себя русскими за своим кабацким столом. Сразу вспомнилась история «с бородой», как в Венгрии один офицер съел лягушачьи лапки и был восхищен едою, решив, что это нежные перепелиные ляжечки, но все-таки спросил официанта, какая это дичь, на что официант ответил: «ква-ква», — и русский человек сразу побежал наружу.. Нет мы не орал на весь ресторан, как это делают обычно немцы-туристы, при этом разглядывая победительно весь зал, мы и не гоготали полубезумно, как итальянцы, надравшись в стельку с одной стопочки беленькой, и не вели шумной беседы, как американцы, забывая своим железным горлом душевность стола. У русских свой чин и свой устав, но когда пируют они, отчего-то в их сторону невольно зыркает весь зал...

— Обычное пойло для «унтерменша», — добавил Афанасьев и колко засмеялся. — Но можно и им нажраться, если много принять. — Толя говорил со знанием дела. — Хорошо

бы сюда бутылочку «шабле». Да, боюсь, не потянем. Это белое вино, дорогое. Его не всякий француз может себе позволить.

— Ну да, ну да... Тебе бы «шабле», «божале», «бургундско-го» да «лагендока», «савиньона» с «рокомором», да «лупиньяку», да «сант-семельяна», — козырял сосед знанием вин, — а на десерт граненый стакан нашего русского «северного сияния»...

— Дружочек, а вот ты не знаешь того, что, к примеру, божале — это розовое вино, на дураков рассчитано. Даже нам постеснялись сейчас подсунуть. Ну, свеженькое, еще куда ни шло, квасок приятный, и голова от него не болит. Но дешевка... А на второй год уже никудышное, кислятина. У французов оно стоит на кухне, как минеральная вода. Вот приходит человек в гости, и они сразу по стаканчику хлоп. Эти французы всегда немножко под кайфом, потому любят творить глупости... Вино восемь-девять градусов. Народный такой напиток... Но самые дорогие — это бургундские вина, кремового такого цвета... Я у одного барона был в гостях. Он мне сказал: надо вино открывать при луне и когда камин горит. Оно тогда особенно вкусное. Я думаю, он не врал. У него такой изысканный вкус. Русскому сознанию трудно понять, что вина рассчитаны на знатоков, как картины в музее. Нам-то бы принять бутылек, да и на гулянку...

— А по мне так нет ничего лучше русской водки из морозилки. Да щоб кусок сала з помидором, да щоб головку чеснока. И щоб черного теплого хлеба каравай, — возразил Ярошенко.

Он сказал так смачно, что у всех появился задор к еде. Писатели заоглядывались, в узком проеме коридора отыскивая полового с тарелками, но тот как сквозь пол провалился.

Курчаткин, сидящий напротив меня, побагровел лицом, набычился, снял очки и принялся усиленно протирать их; потом снова оседлал нос, сунул в рот лист салата и стал упорно жевать. Курчаткин всем видом показывал, что он давно уже свой в благословенной Франции, а из него, интеллигента-европейца, почему-то лепят темного русачка...

(Как странно из нынешней одинокой, облупленной, обведенной со всех краев России, по которой, не стихая, уже двадцать лет катится ветровой шквал, унося столько доброго народа, подглядывать в освещенное широкое окно французского дешевого трактирчика на странное застолье, где заезжие писатели из еще Великой России тянут тонкую пряжу бездельной вроде бы беседы, сквозь которую нет-нет да и

проскакивают отчего-то нервные взгляды, молоньи отчуждений, слышны отдаленные грозовые рокоты грядущих распрей, которые пока тщательно упакованы в глинец теплых улыбок и мелкого словесного трепя.

Вот и здесь, во французском третьеразрядном трактире длинный стол против нашей воли, уже принимал невидимые пока очертания баррикады, но на моей стороне я пока не видел никого).

Наконец принесли закуску. На тарелках лежали по две ракушки, на первый взгляд — обыкновенные мидии, которые во множестве цеплялись за полотно рыбацкой сети, приросавшись к капроновой ячее.

— Устрицы... Их едят, а они пицать, — сказал насмешливый Афанасьев и постучал ракушкою о стол, как молотком. — Специальные щипчики есть, навроде наших, что сахар колоть. Что-то позабыли подать. — Афанасьев оглянулся, будто искал глазами хозяина ресторации, чтобы сделать ему внушение. — Устрицы — это дело тонкое. Лимона выжать, так она аж пицтит, сердешная, а потом ее вилочкой-то и выковыриваешь на белый свет. У них устрица за холодец идет. Америкашки от устриц с ума сходят... Франция — это последняя страна в мире, где быстрая еда не прививается, где любят поесть, где хорошо едят. В патриархальных семьях в воскресенье еда не прекращается целый день. Так и ходят по гостям друг по другу. А у нас в России это отпало...

— Съедной морской слизняк... Да... И, говорят, очень полезен... В нем все витамины... Французы не дураки... Вот так вот. Все-то ты, Афанасьев, знаешь, везде бывал. А за чей счет? Ну да... Наверное, начитался Большой советской энциклопедии и морочишь тут нам головы, — ревниво пробормотал сосед и, не мешкая, подцепил створку ножом. Внутри что-то вскрикнуло (наверное, мне просто почудилось), ойкнуло от боли, и раковина открылась. В постели лежало растерянное, бессильное живое существо, окутанное плевой.

— Пакость и мерзость... — Я решительно отодвинул от себя тарелку. — Французам, наверное, больше есть нечего, вот и жрут всякую гадость... Саранча, лягушки... Тьфу! Живоеды...

— Вот ты православный человек, Владимир Владимирович, — вдруг назидательно поправил меня Афанасьев, — а не знаешь того, что еду хулить нельзя... Вот ты ждал селедочки с горячей картошкой, иль трещочки под майонезом, семужки и салатика оливье, студенька и грибочков маринованных, — Толя нарочито облизнулся, морщиноватое лицо его взялось в гармошку от умильной, но ядовитой улыбки. — А нормальный европейский стол начинается с чего?.. Никаких заку-

сок тебе, никакой обжираловки. Будь милостив, брюхо набей дома... Бывает, что рыбки настрогают по лепестку, ну, авакаду поставят, такую тропическую штуковину, политую лимоном... ну, креветки там, фрукты и белое вино. Так что этикет соблюден.

— Ну и ешь, а я подожду... Чтобы «скорую помощь» вызвать...

— Безжалостный ты, Личутин... Всех хочешь похоронить на чужбине... Весь ты в этом. Но рядом с Буниным место занято...

— А я, пожалуй, тоже съем, — впервые подал голос Руслан Киреев. — Надо все попробовать, раз приехали. Для писателя все интересно.

Только Курчаткин ел молча, меланхолично, занятый своими возвышенными думами. Рыжеватой бородкой, толстыми роговыми очками и лицом, слегка заостренным книзу, он вдруг напомнил мне Троицкого, стоящего на подножке бронепоезда над пониклой безликой толпой.

— А по мне так лучше сало с чесноком... Да самогоночки с запахом, чтоб за версту воняло... Но в гостях воля не своя. Жри, что дают, — Ярошенко решительно взялся за устрицы. — Вот ты не знаешь, Личутин... Вот ты, к примеру, брезгуешь и этим оскорбляешь Францию и весь французский народ.

— Товарищ Ярошенко, не привязывайтесь к Личутину... Владимир Владимирович с Белого моря, там только семгу едят, — хихикнул Афанасьев. — А нам бы что попроще... Я понимаю, жрать слизняков последнее дело, но и выкидывать жалко. И деньги плочены... Вдруг больше ничего не принесут, с голоду помрешь. Но хорошее шампанское по тысяче долларов за бутылку не помешало бы.

— Шампанское кидает в тоску, а водка — в радость, — сказал я.

— Как знать... Это у тебя от неразвитости вкуса, Личутин... А я знаю людей, что тратят большие деньги на хорошее вино. Если ты, старичок, пьешь плохое вино, у тебя плохой осадок на душе, и ты после обеда уже плохо работаешь, ты никчемный работник. А вот когда ты пьешь хорошее вино, ты за эти полтора часа, что ты сидишь за обедом, заряжаешься вдохновением, разговор добрый идет, без напрасного вздора, и ты возвращаешься на работу с обеда свеженький, будто в бане помылся. Водка ведь тяжелый напиток, водка — это для северянина. Хотя и я больше по водочке... Но шампанское дает хорошее настроение, как маленький наркотик такой. А ты любишь, Личутин, чтобы вдарить по башке — и под стол... И будь готов, юный пионер.

Я не обижался на подковырки Афанасьева, легко принимая его повадку ничего не говорить в простоте, подкалывать незлобиво, с мягкой иронией и ухмылкой, проще говоря — «подъелдыкивать», подпускать перцу под хвост, чтобы не заскучали за столом.

Тут принесли ветчину с картошкой и, прежде чем приняться за еду, Толя сунул в рот лист салата и стал задумчиво жевать, покачивая головою, как лошадь у коновязи: на губах запузырилась зеленая пена.

— Не стесняйтесь, жуйте травку, паситесь на цветущих французских лугах, — подсказал Афанасьев с видом завсегдатая. — Завтра поймете, что к чему... К вашему сведению, Россия последняя в мире страна, где еще едят натуральный продукт.

— Будто есть что в России жевать, — буркнул в тарелку супистый Курчаткин. — Давно все съели. Я уже забыл, как мясо выглядит.

Внезапно он стал каким-то важным, надутым, будто его выбрали во французскую академию; таким в Москве я его не знал. Он не пил, не курил, не танцевал, был всегда застегнутым на все пуговицы, громко не говорил, не буянил, был как бы «человеком в футляре», вещью в себе.

К вечеру ветер неожиданно свалился на лето, и сразу потеплело, даже стало парко. Мы брели Парижем, сбившись в ватагу, несколько боязливо, — вдруг заблудимся иль кто похитит нас, иль заподозрят в худом, — и потому, наверное, каждый тайно трусил далеко отшатнуться от спасительной гостиницы; именно гостиница странным образом связывала нас с родиной, как причальным канатом. В окнах закрытых магазинов торчало напоказ много всякой еды, особенно выделялись плоскогорья шоколада и холмы ветчины, ловко пообрезанной с боков.

— Оно что, не портится? — ткнул я пальцем в витрину.

— Не портится, — подтвердил Афанасьев. — Потому ешьте больше салата, чтобы выводить яды... Может, в порнушку вас сводить? — вдруг предложил, шаря взглядом по безлюдной улице, похожей на выставку древностей. — Или махнем на Сен-Дени, там такие вострушки на продажу...

— Самые лучшие девочки в наших провинциальных городках, — заметил Ярошенко и протянул умильным бархатым голосом. — Сля-день-кие такие.

Не сговариваясь, вдруг почувствовав невероятную усталость, мы повернули назад на свой «дебаркадер».

А ночью меня снова навестил странный сон... Это была не вычурная фантазия, что является в мозг спящему человеку

невем откуда, но списанная с природы картина, которую я пережил однажды в отрочестве.

В полдень я просыпаюсь на повети в ветхом балагане, который обычно ставят косари на пожне, и потиху выплываю из радостного забытья, как из теплой речной струи, не желая сразу расстаться со сном. Я и лежу в этом полубессознательном пока состоянии между явью и навью, в плывучей дреме, ощущая весь деревенский мир извне, как драгоценный ларец, в который я и заключен отныне. Сквозь щели подволоки, из раздвинутого волокового оконца, из подклета влетают с воли и пронзают сумерки повети солнечные слепящие стрелы, но они не пробивают выцветший брезентовый полог насквозь, чтобы поразить меня в сердце, а ударяясь, сливаются на выцветшей покрывке в живой струящийся ручей, и я смотрю с удивлением, как скатывается полдневное солнце по балагану. Пахнет старой оленьей одеяльницей, шершавым, еще не слежавшимся свежим сеном. Что-то ворчливо бурчит дед Семен, поминая меня, как этот злодей чуть не утонул по дороге, в какой-то миг заскочивши в старую лодку, вдруг оттолкнулся от берега и поплыл по реке и был едва спасен; я знаю, что деда говорит незлобиво, подергивая рыжий острый фельдфебельский ус, шурит голубенькие глазки, теревит соломенный вихор, удивленно качает головою, декакой у него непоседа-внук, и, не возражая ему, но всем улыбочивым видом намекая, в кого удался парнишка, мягко воркует бабушка. Я лежу распластаный, беззаботный, безгорестный, с удивительным чувством вечности в груди, словно ко мне сошла с небес весть, что никто никогда не умрет на земле, и солнце никогда не скатится с небес, и всегда будет пряно, сладко пахнуть свежим колючим сеном, и всегда будет боршаты, будто сердясь на меня, дед Семен, дергать острый ус и хмельно зыркать голубым глазом, и всегда будет ласково ворковать бабушка Марья. Меня всего распирает покоем, заливает нежностью и каким-то новым, ни с чем не сравнимым счастьем и азартом неведомой жизни.

Я не знал тогда, не догадывался, что из меня, как из утлого кожаного ковчежца, выпрастывался наружу совершенно новый человек.

4

Ребенок, до появления на свет, долго живет в будущем, как мечта, как замысел, как земная необходимость для продления рода; и хотя эта мечта, увы, может не воплотиться, ребенок-мысль из будущего времени уходит в миф, в грезы, в не-

воплощенный дух. Ибо сама мысль о ребенке — это сгусток неведомой энергии, живущей среди вознесшихся душ... Но вот ребенок из желания и мечтания одевается в плоть, поселяясь в материнской утробе, и начинает жить во времени настоящем, реальном, но и в будущем, — его поджидают, как восхода солнца, в его появление на свет вкладывается весь смысл семьи; младенец живет сразу в двух временных пространствах, — он, гость из будущего, причаливает к берегу настоящего времени... И когда он родится, огласит о себе на весь мир радостно-горестным воплем, еще переживая всем естеством тернистый путь, — то он сразу вступает в шеренгу за теми, кто уже прошел, кто впереди, за своим предком, за предыдущими родичами.

Дети военной поры это люди особой выкройки и тщательной выделки, их жизнь мочалила и прогоняла сквозь самые жесткие терки еще с пеленок, и через хлебный мякиш, сунутый в рот вместо соски, с младенческой поры невольно постигалось благодарное существо родящей матери земликормилицы; земля имела запах кисловатого, выбраживающего в квашне (вековечном твориле) ржаного теста, дух естественный, будорожающий и веселящий сердце, позывающий к движению и неожиданному поступку. Мы, безотцовщина, с юных лет были готовы уже ко многому и поневоле, по-сиротской своей нужде, умели многое делать, чтобы выжить в суровых жизненных теснотах; мы не чурались работы, не бегали от самых грязных и черствых вседневных забот и неизбалованная душа наша не противилась надоедному труду, но отыскивала их, почитала, как необходимость, как лучшего Учителя себе, совершеннее коего, кажется, пока не придумано природою, насланного на землю в научение грешным самим Господом Богом: «Трудись, — и жизнь твоя протечет незаметно, но будет наполнена непроливно, всклень, и не станет тебе в тягость, и не даст лаза унынию». Нас, военных сирот, лишенных отца, церкви и православной веры, оказались легионы, но позднее именно эта безотцовщина станет костяком России, той нравственной опорой, которая увы, нынче дрябнет по возрасту, неминуемо сходит на нет, уступает свою передовую новой поросли, которая уже не так остро, поклончиво воспринимает мистическую верховную божественную сущность сырой земли, как кормилицы и Верховной Матери, Богородицы, Светлой Лучы. Мы воистину были дети Земли, притороченные к ней невидимыми опутенками, имевшие неосязаемое, вроде бы, корень, но ощущавшие необъяснимую связь с нею через сердце и нисходящий от Земли Дух.

Как лошадь, кружит по травяному выгулу вокруг кола на прочной вязке, чтобы, отдохнувши, снова посунуть шею в хомут, так и мы кочевали вокруг родимой избы, навряд ли бросая взгляд далее синеющей волны леса за рекою, где начинался необъяснимый туманный простор, именуемый русской волей, откуда однажды вернулись на Мезень-реку после тысячелетних походов наши дальние предки, и многие из них, затеяв гнезда, вдруг двинулись далее за Камень, на восток, встречу солнцу. Туда, за разлив тайги, ушли однажды на войну с германцем наши отцы и не вернулись в родные дома. Это германцы отняли у нас родителя и злее, безжалостнее зверя, чем германец, фашист, не было для нас во всей природе. Для нас, безотцовщины, это было зло особого рода, непонятное, бессмысленное, всплывшее со дна ада, чтобы сокрушить навсегда русское племя, вскрыть ему вены, источить кровь; так же, наверно, бессмысленно, жестоко резали овечьё стадо волки.

Наверное, зов дороги и нас будоражил, но мы как-то безунывно, без особой тоски пресекали его, терпеливо дожидаясь своей неминуемой поры, задавливали до времени, чтобы не изbleвать понапрасну чувство сердечного волнения сразу же за ближним углом, откуда начинался (но и заканчивался) весь белый свет... Ведь и наши бабки, наши матери, наверно, не раз приглушали подобную вспышку, памороку сердца, встречая летние зори, но сам устав жизни приневоливал к родному куту, и редко какая из женок-поморок покидала деревню дальше околицы, а соседнее село, куда приезжали в церковь иль на съезжий праздник на гоститву, уже почиталось в новинку; навестить другое печище, это как бы в прираспахнутую дверь любопытно заглянуть и увидеть вдруг губернский город, а, почитай, и саму столицу. Отсюда припевка велась: «Жердь-Москва, Кильца-Вологда...» Иль: «Наша-то деревня — Москвы уголок». Воображение, любовь к родной околице позволяли, не страшась чужого мира, сыскать сходства с самыми-то совершенными, чудными, сказочными местами. И оттого, что никуда не ездили, никуда не стремились от родного порога, не попускали сердце свое на разврастительное и обавное (особенно гибельное для православной души), напрасно не растрчивали его на внешние картины мира, — православницы-бабицы были особенно полны жизненной силы, остойчивы, крепки духом, более кротки и терпеливы, терпимы к трудам, нужде и детям, более безунывны и беспечальны, чем те же горожанки, а значит и любовны, поклончивы к Богу всем своим существом. И если кто и уверяет внапралину, что женщина — сосуд греховный,

тот глубоко ошибается; я, близко знавший северных поморок не внешне, но изнутри, могу сказать, что более близких к Спасителю существ, вскленъ заполненных Богом, не было, пожалуй, на всей земле по их любви, доброты, добротности и добросердечности, материнской расположенности к ближнему, по неоскверненности природного распорядка жизни.

Мне скажут: де, острое в тебе со временем притупилось, больное — попритухло, скверное — заилилось, злое — запылилось пылью забвения, и ты по давности событий нынче просто сочиняешь тип совершенной русской женщины, которому, однако, нет места в земной жизни, полной зла, мстительности и лукавства... Да нет же, братцы, сердечную память не обманешь; это та самая сокровенная и бережная укладка, тот самый подголовничек с потайными замками, где сохраняется лишь самое ценное, с чем можно прозябать унылую жизнь в самые смутные дни и где нет места трухе и полове, всякому сору и праху, недостойным поклона, и если сохранилось во мне столько любования христорадницей-поморянкой, — значит, есть к тому все основания... Иконный образ не вымыслишь лукавым умом.

Могут спросить, а кому нужен твой опыт психоанализа, и так ли уж значительна твоя судьба, чтобы в ней наискрывать урока для прочих? А так ли уж значительна судьба «маленького человека», которому посвящали свои литературные труды величайшие русские писатели и мыслители, не жалея трудов и лет своих? Да если душа страдает и мечется у человека и впереди не мерцает и поршинки света, всякое лыко в строку, всякая мелкая история, описанная со всей искренностью, вдруг пригодно кому-то в науку и спасение.

Старшему брату Генриху, покинувшему дом на семь лет раньше меня, мать испекла в дорогу житную кулебяку с трескою и дала с собою пятьдесят рублей, — все, что могла осилить военная вдова, отпуская сына в большой мир. Внешне Генрих очень напоминал погибшего отца, был прилежным, вдумчивым учеником, горей по школе не приносил и отрывать его от себя было особенно тяжело; словно лафтак кожи без наркоза сдирали от груди. Но послевоенная бедность одолевала, и извернуться из нужды не было никакой возможности. Зато с праздничным сердцем каждое лето ждали мы его на каникулы, подглядывая в окно, с трепетом слушая его шаги на скрипучем крыльце, а после с грустью, со слезами провожали в Молотовск...

Потом настала моя очередь. Мать ворчливо напомнила, что дома мне делать нечего, что крутить хвосты лошадям и

возить навоз тоже нужны сила и старание, и со страдальческим лицом, болезненно морщась, негодуя на весь белый свет, смастерила мне из своей шерстяной заношенной юбки пеструю «ковбойку». В этой странной рубахе из лоскутов и покрамок, с привязчивыми стишатами на языке и романами Эмиля Золя в пустой голове, где кочевали лишь ветры, я и отправился в путешествие в необыкновенный Париж, а поначалу в «фзу» на станцию Няндома, чтобы выучиться на помощника машиниста... Видавшему поезд, летящий прямо на меня с экрана лишь в кино, паровоз представлялся мне яростной, огнедышащей машиною, напоминающей змея-горыныча, и совладать с ним, зауздать, взять в вожжи, подчинить своей воле казалось чем-то совершенно несбыточным, почти сказочным... (Что тут говорить обо мне, если из глухого северного суземка за двести верст парни ходили зимой на лыжах в Архангельск, чтобы подивиться чуду и прокатиться на трамвае). И это не было дикостью, как представляется нынешнему выхолощенному, не умеющему удивляться человеку, но, напротив, какой-то особенной внутренней чистотой и детской неиспорченностью от машинного гипнотизирующего зверя, навсегда забирающего православную душу в полон. Увы, но и это чувство мы, наверное, утратили навсегда.

...Сейчас, запоздало, повинно клоня голову, я думаю, а чем таким особенным я отличался, к чему доброму стремился, крутя хвосты собакам, какую удивительной стороной характера или особыми способностями объявил себя, уличный побродяжка, чтобы матери можно было гордиться мною перед товарками, и чтобы соседская похвала, как неизъяснимо сладкая халва, нежным лебяжьим перышком щекотала душу, — и вот ничего замечательного не вижу в своем детстве, за что можно было бы любить и почитать меня, басурмана и огоряя. Я, сутырливый, не желая постигать азы наук, постоянно упирался, как баран, шел против материнской воли, мешал ее добровольному послушанию, ее неугасимой мечте вывести своих детей в люди, чтобы мы не загрязли, не застряли на мезенских улицах, по колена залитых грязью, чтобы не заросли неряшливой щетиной, чтобы не обрюзгли от дикого пьянства, чтобы посторонние не тыкали пальцем, как на неудачников, отпетых людей, ибо от каждого упрека сердце материнское сжалось бы в горестный кулачок и застопорилось от боли. В ее самолюбивом понимании «выйти в люди», — это стать как все, кому удалось получить образование и наладить беспечальную ровную жизнь: чтобы был свой дом, работа, семья. Здоровые дети, одежда и сытный стол. И не так уж важно,

кем станут дети, лишь бы не угодили в тюрьму и не спились, не баловали и не портили никому жизнь. Родившейся в деревне и со временем выбившейся в телефонистки, уважаемое мещанское сословие крохотного городка, матери, наверное, не хотелось, чтобы дети ее скатились по сословной лестнице обратно к земле, тяжелой колхозной доле, где бабы и мужики горбатили денно и ночью за шиш собачий, батрачили за лежащую палку, не видя впереди просвета и моля у господ детей иной, более светлой доли. Одна была мечта — выправить девке своей иль сыну паспортину и всеми правдами и неправдами выпихнуть из деревни, чтобы не успели молодяжке натянуть тот же потный, натирающий холку, безвылазный колхозный хомут. Пусть изба поедет в углах, пусть некому будет подпереть стареющих родителей плечом, подать больному в кровать стакан воды, — пусть; все это будет потом, а «на потом и суп с котом», как-нибудь само собою выправится, войдет в колею; ведь «когда идут на человека горя, а после прискочат и радости. Не молюся, но на Бога гляжуся, Христос не оставит без праздника».

...Выбраться из Мезени на большую землю можно было только морем. На шаланде, обвешанной швабрами и автомобильными скатами перебрался через реку на деревянный скрипучий причал, что притулился к рабочему поселку Каменке, высоко зависнув на сваях над рыжей от прилива водою, по которой плавали щепы и корье. На дебаркадере кучился деревенский люд с торбами, баулами, деревянными походными сундучками, берестяным коробьем и туесьем, ушатами и мешками. Густо, терпко пахло речной водою, опилками, рыбой печерского засола, махрой, нужником, скученым табором, кто-то нетерпеливо опустошал шкалик, кто-то раскладывал на крышке походной укладки воложные колобки, разливал по солдатским кружкам пенистую, моршечного цвета брагу из дорожной баклажки, будто уже справлял привальное; няггали дети, гулькали, склонясь, бабехи, старались успокоить ревливого младеню бутылкой молока иль жевком хлебного мякиша. Кто-то матерился, кто-то пел, кто-то плямкал на гармонике, лениво разводя мехи, и порою, покрывая нестройный гуд толпы, похожий на жгучее жужжание оводов, возносила властный густой бас заводская труба, отмечая хриплым болезненным вскриком рабочий упряг лесопилки. Вся земля окрест ровно дрожала от работы пыльных рам, дрожали стекла в окнах, дрожали сходни, крыши домов, мелко тряслось солнце в слоистом от облаков небе, дрожали наши ноги на щелястом заплыванном полу дебаркадера, и сердце тоже нетерпеливо мельтешилось за ребрами с

легкой тоскою от долгого ожидания; в бассейне по плотам, ловко управляясь баграми, сновали мужики, сортируя бревна, похожие на зачаленных мертвых тюленей, и проталкивая их на прожорливые, медленно, неотвратимо ползущие цепи бревнотаски. Цепи лязгали, шипами плотно насаживали ободранные скользкие бревна, подавая в ненасытное чрево лесопилки. У сплавщиков были загарные от солнца шеи, прокаленные до черноты лица с белыми глазами и вздутые от вен, бугристые руки, и кривые от напряжения ноги в броднях. Мужики прогонистые, жилистые, с длинными мослами, казалось, что тело состояло лишь из рук и ног. Бревна, уворачиваясь от гибельной судьбы, коварно скользили, кувыркались под сапогами, мутная вода скипала вокруг сплотчиков и готова была ухватить за ступни надоедлых, неустанных заводских, похожих сверху на раскоряченных жуков-короедов.

За временем мне трудно сейчас выглядеть в этой слитной толпе, объединенной ожиданием посадки, себя, недомерка, с темно-русым чубчиком, в клетчатой ковбойке, с фибровым чемоданчиком, где лежат пара нижнего белья, полотенишко и подорожники (шаньги да колобки воложные, сунутые гостинцем бабушкой Ниной); только помню, что меня тогда люто терзал зуб, в этой пещерице во рту неугасимо горело пламя, выжигая из груди всякие желания, этот огонь я норовил затушить языком, как зализывает раны собака, залить одеколоном, забить еловой смолкой, соленым салом, огурцом, сырой картошкой, махрою, серой от спички; зубного врача в городке не водилось, и целый год меня терзал гнусный беспощадный зверек, поселившийся в норке зуба, и я никак не мог с ним совладать. Можно было, конечно, выдернуть зуб ниткой (смельчаки так и поступали), но мне не хватало решимости. А раз так, то оставалось терпеть, пока-то выболит он до самого корени. Я с тоскою вглядывался в противный сиреневый берег, где смутно виделся родной городок, ветряк у больницы, красный угор возле школы, огороды с картофельниками, тропинка с горы к роднику, откуда накренья к земле и вздыхая, сейчас бредет, наверное, с ведрами моя мама. ...Вдруг толпа на дебаркадере затеснилась, взволновалась, неожиданно уплотнилась со своим коробьем, тарою и скарбом, вовлекла меня в свой груд, как безвольную щепку.

— «Воронеж» идет... «Воронеж» идет! — закричал народ, перебивая друг друга.

Это был не просто пароход, а белоснежный красавец, выплывший из сиреневого туманца, принакрывшего реку; он заполнил собою весь мир, на таком чуде можно было отправляться хоть на край света.

Так началось мое долгое путешествие от пункта «М» до пункта «П».

Все было новым, необыкновенным, и очарование, похожее на сон, долго не оставляло меня. В открытом море заштормило, началась болтанка, и люди с зелеными от тошноты лицами сидели в трюме осоловелые, как бы опоенные отравой, и даже обветренные, обжаренные солнцем лица как-то неожиданно слиняли, будто с них слезла продубленная кожа, а новая еще не успела отвердеть, и глаза, такие лазоревые на причале, оделись туском, стали печальными, как у заброшенного псишки.

В «фзу» в Няндоме я не попал из-за маленького роста. Помню, что решение комиссии меня несколько не удручило, я безусловно встретил отказ — на нет и суда нет — на «железке», значит, обойдутся без меня, им хватит на северах долговязых парней, кто умеет смотреть далеко, в самый зенит, куда мчитесь, не уставая, сипя паром, советский паровоз. На последние рубли взял билет и повернул назад в родимые дома, прекратив путешествие на первой же дорожной станции Няндомы, где мне отказали в «сменных лошадях». И через сутки очутился в Архангельске. Город мне показался за чудо...

Было раннее утро, какое-то умытое, влажное, с перламутровыми кроткими небесами, по которым было натрушено малиновых и малахитовых перьев, будто Господу ощипали и приготовили на завтрак райскую птицу, и эта солнечная пылающая тушка сейчас лежала, дымясь, на фарфоровом блюде. Оттуда, сверху тек на землю немеркнувший во все лето таинственный белый свет. Река походила на сытую рыбину в серебряной чешуе и, вроде бы, прямо из воды подымались в округлое небо белоснежные дворцы, принакрытые зыбким кисейным пологом. Переправа, мерно побрехивая машиною, густо дымя, лениво переползла реку, и вот я вступил в город. Стояла прохладная тишина, редкий человек появлялся на проспекте, оставляя следы на мокром дымящемся асфальте, и тут же исчезал, будто проваливался сквозь землю. Архангельск не спешил просыпаться, даже трамвайный перезвон не мог добудиться; белые двухэтажные дома казались покинутыми. Я сошел в город, удивляясь всему, на что обращал наивный взгляд.

Время для меня вдруг споткнулось и замерло в нерешительности, наверное, раздумывало, куда повернуть стрелки. Я не знал, куда направить стопы, кто я и зачем вдруг оказался здесь, среди покинутых белоснежных дворцов на умытом влажном проспекте. Никто и нигде меня не ждал, в голове

было пусто, никакого будущего не предполагалось, словно бы жизнь моя уже закруглилась. Всякая решительность, с какой я кинулся в неведомое две недели назад из родного дома, впервые оставила меня, и я на миг почувствовал себя ребенком. Нет, я не заплакал, но как бы погрузился в себя, оглушенный, отключился от окружающего мира, ни о чем не соображая. Я не хотел домой, но ноги сами вели меня по единственно верной дороге (морской вокзал—дом), которая, конечно же, не заведет в гибельные болотные павны, но выручит от смерти; если ты заблудился в чужом месте, то надо вернуться к той росстани, к той развилке, к той приметной вешке, от которой начал плутать...

На вокзал я зашел безо всякой нужды, просто надо было убить время; причальная стенка пустовала, наш пароход еще пахал форштевнем волны Белого моря. У билетной кассы, несмотря на раннее утро, томились люди, последней в очереди стояла тоненькая девушка на голову выше меня, в крепдешиновом с голубыми цветами платье, с волнистыми высокоподбитыми каштановыми волосами. Не заглядывая в лицо, по поставу прямых плеч, по беззащитности склоненной шеи, по каким-то особенным, знакомым с детства приметам я сразу понял, что это моя сестра Рита. Надо же было такому случиться, что на просторах вселенной в раннее утро здесь, на морском вокзальчике, столкнулись два родных существа; опоздай, замешкайся я на минуты, сестра взяла бы билет на пароход (студентка, она попадала домой после практики), и вся моя жизнь наверняка сбилась бы на другое русло. Но, зная, судьба перебрала игральные карты, перешерстила вальтов и королей, и подсунула даму бубей, которая на счастье оказалась моей сестрой. Вот это и есть чудо... Мне бы тогда к Богу-то и повернуть... Я, не веря еще своим глазам, подошел к сестре, ухватил ее за подол платья, подернул, как дергают дети своих матерей, и сишло позвал:

— Рита... это я!

Она вздрогнула, испуганно оглянулась:

— Ты откуда здесь взялся?

— Да вот... ездил поступать в «фзу» на курсы машинистов и меня не взяли из-за маленького роста, — доложил я.

Сестра смерила меня взглядом и, словно убедившись в правоте моих слов, решительно сказала, как о давно решенном:

— Как хочешь, но домой тебе нельзя. Мама очень болеет, ты будешь ее волновать своим присутствием.

Я не возражал, я стоял перед сестрой, уцепившись за узкую прохладную ее ладонь, словно боялся утерять, и глупо

улыбался, уставившись в такое родное красивое лицо с веснушками на носу и крапчатыми глазами. Я всегда знал, что сестра — самое доброе существо на свете, и хотя говорила она сейчас строго, как будущая учительница, но со мною и нельзя было вести иначе, ведь я, беспутный человеченко, без царя в голове и могу «черт знает что» выкинуть во всякую минуту. Главное, что сестра возле, этот якорь спасения, которым я могу зачалиться к твердому грунту и перевести дух; я держу Риту за руку, не сводя с нее глаз, она кажется мне особенному красивой и немножко чужой, будто впервые разглядел ее, отчего-то все проходящие мимо невольно задерживают на нас взгляд, по-доброму улыбаются, и мне хорошо, умильно сердцу, что у меня такая необыкновенная сестра с крапчатыми сияющими глазами, которой все любят.

Сестра перекрыла мне обратный путь домой, и я легко согласился с ее решением.

— Ты куда хочешь?.. Ну, кем бы ты хотел стать? — нетерпеливо стала допрашивать сестра, когда мы вышли из вокзала в город; стояла одуряющая жара, и асфальт плавился под ногами, прилипал к подошвам; под берегом сонно текла Двина, по ней, вспыхивая, прыгали солнечные рыбы, небо было выпцветшим, желтушным на склоне. Гудели призывно пароходы и буксиры, обгоняя друг друга, с Кегострова, откуда взлетали «кукурузники», наносило теплым духом цветущих трав, перегретой воды и свежих опилок. Хотелось погрузиться в воду, сейчас, наверное, теплую, как парное молоко.

— Никем не хочю, — буркнул я, не сводя взгляда с реки.

Восторг от встречи скоро угас, сестра насильно тащила меня по замлевшему от жары городу, не зная, под чью опеку меня наскорю засунуть, чтобы лишить вольницы и тем самым успокоить мать. Сестра не отпускала моей руки, наверное, боялась, что сбегу, и терпеливо допытывала:

— Но ты уже не ребенок и кем-то должен стать... Все знают, чего хотят, все к чему-то стремятся в жизни, чтобы стать человеком, только у тебя один ветер в голове... Ты понимаешь, что домой тебе нельзя?.. Хочешь в техникум связи?

Сестра говорила с такой уверенностью, будто у нее была там договоренность, старые знакомства.

Я тут же представил маму, сидящую за коммутатором с наушниками на голове, бесконечно тыкающую вилки в гнезда и монотонно повторяющую «але, але», ее грустное отрешенное лицо с алыми от напряжения глазами, — и решительно отказался.

— А зря... У мамы очень хорошая и полезная работа... Ну что с тобой делать? Ты сам, Володя, виноват, что плохо учил-

ся... Может, в строительный техникум? Будешь строить дома, станешь уважаемым человеком.

Мы шли по набережной, асфальт был жарким и мягким, проминался, как тесто. По Двине, кренясь парусом к самой воде, сновали яхты, первые купальщики уже млели на песке. Куда брести и зачем, если впереди такая длинная, бесконечная жизнь и можно все успеть. «Пекарь, лекарь, слесарь, продувщик макарон и сортировщик печенья, — везде с руками оторвут, — думал я, с тоскою глядя на реку. — Вот там настоящая жизнь... А тут, как арестант в неволе: опять куда-то ведут под ружьем и велят что-то делать с чужого ума. И не понимают, что лето такое короткое, скоро снова облетит, как лист с банного веника, и снова нагрянет зима с ветродуями, и весь мир опять уместится в крохотной проталинке толсто закуржавленного стекла».

Сестра, будто чуя, куда подалась моя блажная мысль, нервно жамкала мою ладонь, мои потные пальцы походили на рыбок в сети и все порывались проскользнуть сквозь ячею. Рите, конечно, тоже было невмоготу, ведь я так неожиданно, будто с неба, свалился на ее голову, а ей надо бы срочно до рейсового парохода устроить свои дела, но и брата не бросишь на произвол судьбы; под какой бы такой плотный надзор засунуть его, — наверное, мучилась сейчас она, — чтобы со своих плеч снять невольный груз.

И тут мой взгляд упал на странный дом, сразу поразивший меня; у него были метровой толщины кирпичные стены, высокие колонны по фасаду с кружевной опушкой, крохотные зарешеченные оконца под крышей походили на бойницы.

— Механический техникум, — прочитала сестра вывеску. — Может, ты сюда хочешь?

— Хочу! — на ее счастье вдруг согласился я и заробел: разве простаков с улицы впускают в такие казематы и дают приюта? Мне захотелось попасть в дом-крепость, окнами выходящий на Двину, заселиться в нем, укорениться и стать своим.

— Но ведь надо сдавать экзамены и тут, наверное, конкурс? — посетовала сестра, и оценивающе взглянула на меня. — Ну почему ты такой, а? — Она не объяснила мне, каким я уродился на Божий свет, да и без слов было все понятно, тяжело вздохнула, и с усилием открыла непослушную дверь.

Действительно, в дом-крепость впускали с улицы не всякого. Внутри оказалось сумрачно, прохладно, пахло жареными пирожками с капустой и колбасой с картошкой: сразу у входа за столом дежурила веселая женщина в курдюках, вовсе не похожая на угрюмую привратницу с метлой. Секретарша без лишних слов тут же приняла у меня документы и

отправила к завхозу. Через пятнадцать минут для меня уже нашлась свободная панцирная койка в спортзале, ватный тюфяк, ватная подушка и смена постельного белья с черными клеймами. Сестра заправила мне кровать, дала десятку на прожитье, погладила по голове:

— Володя, веди себя хорошо и не шали. Тут мамы нет за тобой смотреть. — Тревога пробежала по скуластому лицу; помолчав, Рита засобиравалась уходить. Я поплелся проводить.

— Ты хоть что-нибудь помнишь? Хоть чему-то тебя научили в школе за десять лет? Поступай... Слышишь? Хоть кровь из носу... Домой тебе нельзя, — в который раз добавила сестра и пошла, весело цокая каблучками.

В техникум я попал без натуги и робости, с каким-то веселым азартом и с внутренней усмешкою над всем миром, будто подкинул в воздух гривенник, и он упал на асфальт орлом, как и было загадано; и экзамены вроде бы сдавал вовсе не я, но какой-то иной, новый, разудалый человеченко, влезший в мою убогонуюшку шкуренку и клетчатую шерстяную ковбойку, которую я так и не смог износить до конца учебы, будто была она сработана на вырост не из маминой шерстяной юбки, а из корявой парусины и прострочена смоляной драгвою-веретенкой...

5

Движение в пространстве долгое время мне казалось хаотичным, лишенным цели, напоминающим броуновское; так озерный серебристый малек, просверкивая чешуею на солнце, то накатывается на песчаную отмель, то, вильнув плавничком, пугливо сметывается в глубины, чтобы через мгновение снова вспыхнуть около твоей ступни, омываемой водою, словно бы хочет рыбешка озорно потереться боком о человечью шкуру. Чей-то голос позвал меня на теплую отмель техникума, где я, наверное, слегка омужичел, окоростовел душою, сбросил ту меланхоличную созерцательность, с коей жил в детстве, набрал привычки дышать с напрягом, с волевым усилием, чтобы после не захлебнуться в суровой стихии. Потом низовым течением меня потянуло в иные омота, к иным берегам...

Теперь я размышляю, а был ли смысл в той учебе и чего дельного я понахватался, если вскоре все было позабыто, пораструшено за ненадобностью, выбито путевым ветром из головы, как вовсе ненужное для практики; да и в техникуме я отряхивался от уроков, как бродячий пес от репьев, и вся наука казалась сущим наказанием, а из-за сопромата, кото-

рый никак не подчинялся логике и природным законам из-за своей унылой схоластичности (его надо было вбивать в голову, как десятивершковые гвозди в плаху) я пытался даже покончить с собою, ибо не сдал экзамен и у меня отобрали стипендию, обрекли на голодную смерть. Помню, в отчаянии, не видя впереди просвета, я заплыл в Двину за лодочной станцией, где никто не мог бы меня увидеть, нырнул и, уцепившись на дне за глиняный клоч, пытался хлебнуть воды — и не смог открыть рта; какая-то неземная сила выпихнула меня под ослепительное солнце. Я, наверное, хотел утонуть вроде бы и взаправду, но и понарошку, это было что-то вроде детской наивной игры, когда ребенок представляет себя умершим, возле него рыдают родители, выказывая все свое страдание, а он крепится изо всех сил, чтобы не рассмеяться, и очень доволен, что по нему убиваются, а потом ему вдруг становится жаль родных, он понимает, что его искренне, беззаветно любят, он открывает глаза, полные слез, и тут обнимает мама, и клянется никогда не обижать, и не наказывать... Наверное, с таким примерно настроением я и пытался тогда утонуть, и это безрассудное намерение могло бы оказаться сущей правдою, и я бы теперь не сочинял этих строк...

А тогда, уныло, перетирая боль в груди, поплелся я назад в общежитие и тут на вахте увидел перевод в пятьдесят рублей от слепой бабушки Нины; оторвала, старенькая, от своей и без того ничтожной пенсии и послала, как бы почуяв немилость и беду, грозящие любимому внуку. (Любопытно, что вот из-за сопромата едва не натворил с собою греха, но уже через три года, стихийно возлюбив душою математику, на отлично сдал экзамены в Горный институт в Ленинграде, чтобы через полгода бросить его и поступить уже в государственный университет на журналистику). Создается впечатление, что мы прикапливаем, собираем в сундучок свои знания лишь для того, чтобы вскоре, покопавшись в них и разочаровавшись, тут же выкинуть за ненадобностью, освободив место для новой науки. Боже мой, какие горы книг за двадцать лет школярства были преодолены, взяты приступом и тут же, после экзамена, забыты. Может, остаются в голове выжимки, какой-то особый жмых, и, разжевав его со стоическим упорством, вдруг изымаешь из ароматной кашицы необходимое целительное снадобье? Конечно, удручает видимая бесцельность науки, кинуты вроде бы псу под хвост юные годы, пущены в распыл, когда можно бы эти золотые деньки обратить себе в удовольствие. Но что подвигает нас уходить в добровольную схиму ученья, если действительно «от многих знаний многая печаль», и остаются в итоге лишь пыль, прах да

горький привкус уныния и печали в душе от тщетности усилий? Тщеславие, честолюбие, гордыня, желание выпасть из рядовой обоймы, прославиться, оставить свое имя во времени? Во всем этом много искусства, чародейства, но и, надо думать, божественного, увлекающего, творящего душу. Без этой хаотичности жизни, без этого броуновского блуждания, надо думать, и Бога не познаши...

Уже будучи «студиозом» Ленинградского университета, я однажды посетил техникум. Похвalebщинка укусила в сердце? — может быть. Язвинка точилась сукровицей, хотя я и не признавался себе в том? — вполне возможно. Захотелось объявить миру, дескать, вот я каков, дядько; вы на мне крест поставили, засунули слесарем в таежный лесозавод, чтобы я зачах там и навсегда затерялся, а меня никакой лопушатник и чертополох не ископятили в рогушку, прорвался я к небу и даже зацвел, опушился.

Короткое было это чувство, — но владело же мною!.. Тут прозвонел звонок, я заглянул в первую же на моем пути дверь, и о, чудо! — увидел учительницу электротехники Софью Александровну Киссину. Время, казалось, нисколько не коснулось ее; все та же высокая копна жестких черных волос, похожих на проволоку, нос пригорблым клювиком, влажные смородиновые глаза с легкой косинкой и с печальной поволокой, круглая голова и шея в толстых складках.

Переждав, когда уйдут студенты, я вошел в класс, уселся за первым столом и стал бесцеремонно разглядывать Киссину. Радужная улыбка слиняла, что-то забеспокоило женщину, и она, близоруко вглядываясь в меня, спросила, чуть заикаясь от тревоги:

— Вам что нужно, молодой человек? У меня сейчас перерыв. — Я не отвечал, испытывая терпение. — Если не покинете класс, я попрошу, чтобы вас вывели. — В темных глазах ее мелькнула растерянность.

— А я не уйду, — жестко ответил я, продолжая игру, — пока вы не скажете, кто я.

— Как это не уйдете?

— А вот не уйду, и все

— Но я же вас не знаю, — Киссина в недоумении надвинула роговые очки, чтобы разглядеть меня. — Нет, я вас определенно никогда не видала.

— Но я учился у вас, и вы мне однажды вкатили пять колов подряд.

И тут Софья Александровна расслаилась, во все лицо вспыхнула улыбка, словно внутри зажгли фонарик, и женщина радостно вскричала, окончательно успокаиваясь:

— Ой, как же... я вас помню! Это вас посадили на пять лет в тюрьму... ну, да, ну, да, был слух... Бедный-бедный мальчик... — Тут Киссина невольно утишила голос, темные глаза ее подернулись влагой. — Правда, я не знаю, за что, и не спрашиваю... Так вас уже выпустили? Вы только не волнуйтесь, главное, что вас уже выпустили на свободу, вы свое наказание отбыли, теперь вы пойдете на работу и станете человеком, и никто вас в ни чем не упрекнет... Время лечит, время лечит. А то я гляжу, уж очень знакомое лицо. Только вы вроде бы похудели и стали меньше ростом. Тюрьма не красит, тюрьма еще никому здоровья не давала. Ну ничего... — С каждым новым словом Киссина все больше жалела меня и вместе с тем не знала, как приличнее выпроводить. Ей уже стало трудно держать улыбку на лице.

— Нет, я в тюрьме не сидел... — загубев голосом, перебил я. Меня распирал внутренний смех, и не терпелось признаться, кто я, но и хотелось ошарашить женщину, вызвать в ней какое-то особой силы удивление, чтобы она долго не смогла опомниться. — Я нынче заканчиваю университет, скоро стану журналистом и приду, чтобы о вас написать.

— Ой, значит, я вас с кем-то спутала... Ой, как не хорошо получилось. — На лице Киссиной промелькнул легкий испуг, она быстро соображала, как замаять возникшую неприятность. — Вспомнила... Ну, конечно же, вспомнила... Вы всегда были отличником, примерным студентом... и на хорошем счету. Как я могла вас забыть. Это голова подводит. — Софья Александровна сокрушенно развела руками. — Вы, наверное, любите шутить? Вот и про колы пошутили?

Она оправдывалась, уже заискивала, чего-то заранее боясь за невольную промашку; я почувствовал неловкость от своего легкомысленного поступка и скоро вышел из класса, кляня себя за благоглупость и детскую игру. Душевного праздника не получилось.

Боже мой, сколь нища человечесья память, и сшита-то она, оказывается, неряшливо из лоскутьев и покровок, когда все богатое одеяние, вся роскошь и позолота познаний отринуты как бы за ненадобностью, но случайные заплатины уже идут за дороговь, в особую цену... Нет, не вспомнила меня Киссина, уже окончательно был позабыт я, рядовой неприметный человек, блудня, тень призрачная, что не оследилась и не запечатлелась в голове. Не нашлось для меня места и в ее душе. Слыл бы я вожаком комсомольским, иль отличником, иль дерзким хулиганом и заводилою всяких беспутств, — вот тогда бы отпечатался в людях незабытно...

Длинным бедным коридором, будто туннелем, я вышел из своего прошлого еще в никуда, в простор, где по моему наивному не умирающему представлению, все играло, пело и веселилось, все блистало и светилось, обещало каких-то необычных, острых приправ к Божьему драгоценному блюду, называемому жизнью. Впереди меня ждал мой Париж.

Как ни странно покажется, но теперь самое время поговорить о евреях, ибо они вдруг стали главной перетьюкой в моем путешествии в Париж, неожиданно и мстительно заявив о себе, хотя, видит Бог, я не давал никакого повода. Философ Василий Розанов еще в начале прошлого века заметил с грустной иронией: «В России не только все в еврейских руках, но и все русское в еврейских руках». С его стороны это было, быть может, предвидением, некоторым мистическим предчувствием, имевшим свои несомненные признаки, свою почву, ибо тот крикливый насмешливый балаган (в котором много оказалось евреев), то губительное порицание родной земли, что расцвели в столицах пышным букетом, то безбожие и очевидный духовный разврат в русских интеллигентских кругах, безвкусица и пошлость модерна в искусстве, — невольно давили на душу и заставляли рисовать картину всеобщего русского поражения от «новых хазар» и отыскивать ковчег спасения. Бог-то несомненно всемогущ, но и дьявол — ловок, и в те годы много оказалось примет этой дьявольской ловкости; это помутнение сердца и разума в обеих столицах, этот мрачно-веселый призыв революции и осмысленный грозный террор всякому совестному православному человеку указывали на неизбежность русской гибели. Но Розанов, несомненно человек тонкого ума и жальливого сердца, слишком отдавался столичному застолью, питерской богеме и веселью через тоску, чтобы из-за расстегая с семьей, рассольника с осетриной и бутылочки спотыкача впритирку, отчетливо разглядеть провинциальную, глубинную, призатаенную Русь, где жизнь шла своим тихходом, по христовым нравственным меркам. Если еврейский вопрос там и вспыхивал, то лишь за столом уездного исправника, мирового судьи и местного барина, что не раз ожегся на еврее-процентщике, забирая у того денег в долг и невольно попадая в кабалу. Евреи будоражили народ где-то на Витебщине и Полтавщине, в Бердичеве и Шепетовке, где развелось изрядно корчемников и шинкарей, они горланили на Дерibasовской, почитая себя за хозяев жизни, но на русском Севере их не то чтобы морозом прибило, но они как-то не горланили, сидели в затишке, а если и случались в губернском городе ювелирами, юриста-

ми и цирюльниками, то шли в людском мнении за евреев своих, почти домашних, и частенько женились на пинежских и онежских девицах. Григорий Пейсахов был архангельским ювелиром, взял в жены пинежскую крестьянку, а сын его художник и литератор Степан Писахов уже встречал интервентов хлебом-солью, за что советской властью был презираем... и долго гоним. Конечно, евреи, после революции решительно переняв на себя всю власть и привилегии этой власти, косвенно давили «до самых до окраин» русскую своеобразную жизнь, стараясь переменить ее под свой устав и норы, под свою этику и эстетику, — но духовное начало, но созерцательный взгляд русского земляного человека, воспитанный тысячелетиями особой жизни, — они так и не смогли выкроить под свою колодку, как бы ни стремились. Две философии, две разные исторические судьбы никак не могли слиться, быть вместе; евреи жили двести лет вроде бы и рядом, как в коммунальной квартире, через общую стенку, но не пересекались, и конечно по всякому поводу, который часто исходил (увы) с еврейской стороны, между ними, как меж конденсаторных пластин, порою вспыхивали электрические возмущения, но тут же и гасли из-за безмятежности, мягкости и всепрощенчества русской природы. В провинции слишком близко была суровая северная земля, и тяжелый, мистический, мятежный дух почвы, наверное, остерегал, пугал еврея. И потому я даже после университета был совершенно наивен в «еврейском вопросе», навряд ли чего толком слышал о нем, не знал и не понимал его сложности, да и не имел прямого повода вникать; эта смута, похожая на затяжную хворь, позже притекла из столиц, когда евреи сами стали нарочито возбуждать к себе интерес, чтобы на своих мировых слезах на мировых перекрестках судьбы отлить себе гешефта. Как позднее понял я, евреи, постоянно затаиваясь в тени, погружаясь как бы в небытие, только выжидают момента, накапливают возмущающих сил, а на самом деле больше всего боятся не шума, не споров и мнений о себе, но именно страдают от умолчания, небытия и потому, скопив энергии, всячески заново возбуждают, множат слух о своих страстях... С одной стороны, неугасимая память о христианских преследованиях в Европе, вызванных казнью Христа, с другой стороны, болезненное самолюбие — постоянно растравливают еврейскую душу, не дают ей покоя; и даже когда вдруг настанет эта благословенная радостная минута всеобщего умирения, когда все причины спора, кажется, уже изжиты и делить больше нечего, — так все одно, сыскиваются в этой среде смутители, зачинщики, искусители, всякие вейцманы и жа-

ботинские, перельманы и гинзбурги, что заводят в напраслину и полнейший «цуцванг» еврейскую душу, мечтающую о покое, вчинивают в нее смуту, высокомерие, гордыню и мстительность.

В свое время я общался с евреями-учителями, и это были замечательные учителя, я общался с евреями-докторами, и это были хорошие врачи; я общался с евреями-журналистами, и это были отличные знатоки газетного ремесла, пекущиеся о человеческой душе с чисто православных позиций, не подпускаявшие в свои очерки и репортажи яду и дьявольского соблазна. Эти евреи растворились в русском мире и жили русской культурой, русскими чувствами... Они даже хотели позабыть, что родились евреями, искренне полагая себя за русских, и крепко обижались, когда их называли евреями. В советское время у них не было под рукою, как на Западе, своих банков, ростовщических контор (этого главного соблазна), и потому советские евреи не страдали дурной «денежной болезнью», от которой часто случается помутнение ума и души, легко перенимали русские привычки, — хорошие и дурные, — какими наделил нас Бог. Я ценил их за сметку и крепость мысли, дружелюбие и гостеприимство, не подозревая о каком-то их заднем коварном уме и двойном счете. Для меня евреи были обычными людьми, как русские и латыши, ненцы или якуты, я и относился-то к ним, как к своим, по-доброму, не подозревая о скрытой древней морали избранного племени, жалел и сострадал им от всего русского сердца, но мне не было до них особого дела, они не занимали моего ума и сердца (дай-то Бог возлюбить хотя бы ближнюю родню и не надсадиться), и тем более не затрагивало, как сами-то евреи относятся ко мне, какое место отвели мне в человечесьем стаде, и чтят—нет Иисуса Христа. Но я, наивный, не представлял, как оскорбляло «столичную еврейскую элиту» русское провинциальное мнение, что евреи — такие же люди, как все, ибо они-то, как оказалось после революции девяносто первого, почитают себя за людей особого, возвышенного разряда, той касты нареченных, куда доступа остальным народам нет.

Однажды, выступая, я без задней мысли сказал, что каждый литератор должен писать на родном языке своего народа, а ежели он сочиняет книги на чужом языке, то невольно принижает свою культуру, не дает ей терпкости, языковой яркости и этнографической сочности, а значит, тормозит духовное развитие нации. Тогда речь шла о казахской литературе, но бывшие на конференции еврейские критики почем-то посчитали, что речь идет именно о них; тут начались

чересполосица и свара, одна еврейская журналистка, которую я знал давно и никогда не подозревал в ней столько ярости и презрения, долго бежала за мной по пятам и вопила грозно: «Армагеддон!» Я, темный человек, не знал смысла этого грозного слова, но сам неистовый крик-проклятие, брызги слюны из перекошенного рта вызвали во мне не только недоумение и смущение, но и невольно разожгли любопытство, заставили открыть словарь. Оказывается, неистовая журналистка объявила священную войну мне, русскому корневому человеку, который проповедовал всюду, «что всех надо любить и миловать одинаково, ибо люди — божи твари и только любовью их можно соединить». Моя миролюбивость ко всем была не наносная (искуса ради), но искренняя, заповедная, поморская, заквашенная на Христе, хотя о нем мы тогда мало что знали, — и вот на эти-то национальные чувства бешеная покушалась и предавала осмеянию... Видите ли, ей почудилось, что мои претензии предъявлены ее «малому народу». И с этого дня я был объявлен «антисемитом», а слух о неистовой еврейке неисповедимым образом разошелся по Москве; надобно было объясниться перед «еврейской элитой», каким-то поступком или любовным словом явить себя в другом (благородном) виде, но эти яростные печальные глаза старбени, этот мстительный хриплый вопль затормаживали всякое благое сердечное намерение. Вскоре я поехал с делегацией в Узбекистан и там, в одном застолье, где вместе со мною пировали польские писатели, под воздействием винных эфиров и богатого стола я вдруг выступил со спичем, дескать, поляки — это древние славяне, это старинные наши родичи и нам надо водить крепкую дружбу, и как жаль, что вся литература в Польше схвачена евреями. Язык мой — враг мой! На мою беду, спутники оказались именно польскими евреями... И вскоре я понял, что только в православном храме «нет ни эллина, ни иудея», и слава Богу, что насеял Творец из своего широкого рукава всякого народу, создал щедрый по красоте цветник племен на земле-матери, и каждый народ заслуживает почтения...

Продолжение следует

Виктор ИЛЮХИН,
депутат Государственной Думы

О ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Выступление на пленарном заседании Госдумы

Бытует мнение, что историю пишут и формируют журналисты и писатели. Это в определенной мере правильно. Но у нас появились основания утверждать, что новейшую отечественную историю пишут и фальсификаторы.

Фракция КПРФ располагает информацией, которую необходимо тщательно проверить через проведение парламентского расследования, о том, что в начале девяностых годов прошлого века под крышей администрации президента Ельцина была создана мощная команда специалистов по подделке исторических документов советского и в основном сталинского периода. С одной целью — опорочить советское прошлое и уравнивать сталинизм с фашизмом.

В группу вошли сотрудники российских спецслужб, а также 6-го института Генерального штаба Вооруженных сил страны. Она располагалась в помещениях бывших дач ЦК КПСС в поселке Нагорный в Подмоскowie. Не исключено, что группа или ее части работают и по сей день.

Наибольшая ее активность совпала с периодом рассекречивания документов Политбюро и ЦК КПСС, проводимого в начале 90-х годов правительственной комиссией под руководством Михаила Полторанина.

ДОСЬЕ "МГ"

По имеющейся информации фальсификаторы технически исполнили сотни, тысячи фальшивых страниц, и они были размещены в архивных делах и документах.

Уже установлена фальсификация так называемого «завещания Ленина», некоторых документов, связанных с отречением императора Николая II от престола, о том, что Сталин был агентом «охранки», и другие факты.

Сегодня можно утверждать, что так называемая записка Л. Берии от марта 1940 года, в которой он якобы просит Политбюро ВКП (б) дать согласие на расстрел 27 тысяч польских военнопленных, сфальсифицирована. Я предъявляю материалы экспертного заключения, подтверждающие это.

Сфальсифицирована и выписка из решения Политбюро партии, якобы давшего согласие на расстрел поляков.

Предъявляем экспертное исследование о фабрикации документов о якобы имевшем место сотрудничестве НКВД СССР с гестапо гитлеровской Германии.

Мы высказываем огромную тревогу и обеспокоенность по ряду причин и в первую очередь потому, что фальшивые документы запущены в научный оборот, они выдаются за достоверные в исторической литературе, документальных и художественных произведениях, формируя у людей искаженное мнение о нашем недалеком прошлом.

Мы, наверное, воздержались бы от подобного выступления, если бы не знали, что в начале 90-х годов у многих российских архивов были открыты двери для выноса исторических документов, и государство этому не воспротивилось, а в чем-то и само участвовало в произволе.

Наша убежденность подкрепляется тем, что бывший советник Ельцина Дмитрий Волкогонов передал библиотеке Конгресса США десятки, сотни архивных документов в копиях и оригиналах с грифом «Совершенно секретно» и «Секретно».

Российские архивные документы сегодня «гуляют» фактически по всей Европе.

В нашем распоряжении имеются поддельные печати, штампы, оттиски подписей Сталина, Берии и других лиц. А также чистые бланки 30—40-х годов, на которых и готовились фальшивки.

Я предъявляю том с архивными документами — это переписка НКВД, НКГБ, народного комиссариата обороны СССР со Сталиным. Сформирован он лишь с одной целью, чтобы легализовать несколько фальшивых документов, в том числе и записку, изготовленную от имени Генштаба Красной Армии. К сожалению, легализация состоялась.

На томе Дела есть записи «Хранить вечно», «Не подлежит

рассекречиванию», а документы, несмотря на это, гуляют за пределами архивов. Как это могло случиться?

По поводу моих подобных высказываний в прессе директор Государственного архива страны Сергей Мироненко заявил, что этого не может быть, а я якобы распространяю домыслы. С этой высокой трибуны в ответ заявляю — готов сложить с себя депутатские полномочия, если Мироненко докажет, что ни один документ Дела не относится к историческим событиям 30—40-х годов прошлого века и не имел права храниться в архивах. Если не докажет, то пусть сам покинет занимаемую должность.

Мы вновь ставим вопрос о необходимости парламентского расследования обстоятельств уничтожения пленных поляков под Смоленским в Козьих горах (Катынь), а также по фактам фальсификации исторических документов. В ближайшее время нами будет предложена поправка в Уголовный кодекс РФ об ответственности за подделку и искажения исторические значимых архивных материалов.

Если кто-то считает, что все это относится к прошлому, то он глубоко ошибается. В первую очередь, к настоящему.

Предисловие к Рецензии на заключение комиссии

Вниманию читателей предлагается Рецензия на заключение экспертов Главной военной прокуратуры (ГВП) по уголовному делу № 159 о гибели польских офицеров под Смоленском в местечке под названием Катынь. Она подготовлена известными правоведами и историками, специалистами в области криминалистики и расследования тяжких преступлений. Решение о ее написании было принято по результатам работы «круглого стола», проведенного в Государственной Думе 19 апреля 2010 года по теме: «Катынь: правовые и политические аспекты». Рецензия стала еще одним шагом по восстановлению исторической правды о Катынской трагедии, формой защиты от огульных обвинений СССР и очернительства нашего недалекого прошлого. Споры о Катынской трагедии не стихают уже несколько десятилетий и уходят своими корнями в первую половину двадцатого века.

Как известно, в сентябре 1939 года после возвращения Советским Союзом принадлежащих ему территорий Западной Белоруссии и Западной Украины, оккупированных в 1918—1920 годах Польшей, в плен Красной Армии попало значительное количество польских солдат и офицеров. В отечественной и зарубежной литературе называются разные цифры — от 150 до 250 тысяч, однако важно отметить, что из

числа военнопленных сразу же были освобождены рекруты из крестьян, лица низшего сословия. Более 70 тысяч пленников Советским Союзом были вооружены и по просьбе польского правительства в изгнании направлены через Иран в армию генерала Андерса, воевавшей с немцами на западных фронтах. Другие военнопленные по собственному желанию вошли в иные воинские соединения, сформированные на территории СССР, и вместе с Советской армией воевали с нацистами. Часть военнопленных была задействована на строительстве дорог, иных важных объектах в Смоленской области, на Севере страны и в других местах, где их и застала война 1941—1945 годов. Поляки под Смоленском попали во второй плен, теперь немецкий, в силу того, что НКВД СССР не успело их переместить в глубь страны. И для многих из них он окончился смертью от фашистских пуль.

Однако 13 апреля 1943 года радио и газеты фашистской Германии обнародовали сообщение рейхминистра Геббельса о том, что в местечке Катынь, недалеко от Смоленска, вдруг были обнаружены захоронения 10 тысяч трупов польских офицеров. И, как утверждали нацисты, расстрелянных НКВД СССР в апреле—мае 1940 года. И тогда польское правительство, находящееся в Великобритании, сразу же поддержало геббельсовскую версию. Поддержало без какой-либо предварительной проверки, по одному заявлению гитлеровцев, уничтоживших десятки миллионов людей, в том числе и поляков. Почему так повело себя польское правительство? Объяснений несколько, но назовем лишь одно. Оно не могло простить того, что СССР в 1939 году вернул себе территории Западной Белоруссии и Западной Украины, ранее оккупированные Польшей.

Спустя 10 дней после геббельсовского заявления американская газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Как русские, так и поляки попали в нацистскую ловушку». Это действительно так.

Гитлер на Катынской трагедии пытался решить несколько проблем.

Первое, посорить антигитлеровскую коалицию, которая обсуждала вопрос об открытии второго фронта против фашистов. Важно и то, что под Сталинградом сотни тысяч немецких солдат сдались в плен Советской армии. Геббельс в своей пропаганде пытался донести до солдат вермахта, что в случае добровольной сдачи в плен советским войскам их ждет судьба польских военнопленных. Так думали и действовали вожди третьего рейха.

24 января 1944 года после проведения тщательных исследований, Советская комиссия, возглавляемая академиком

Бурденко Н.Н., опубликовала сообщение о судьбе польских военнопленных, содержащихся в лагерях под Смоленском. На основании исследования трупов, других обстоятельств, она пришла к обоснованному выводу, что поляки были уничтожены немцами после того, как они летом 1941 года оккупировали Смоленскую область.

СССР в 1946 году, пытаясь закрепить выводы комиссии Бурденко на Нюрнбергском процессе, вменил в вину фашистам уничтожение поляков под Катынью, и эти обвинения международным трибуналом были приняты. Однако при вынесении приговора эпизод с расстрелом поляков без каких-то объяснений выпал из текста этого документа, хотя третий рейх и был признан виновным в массовом уничтожении военнопленных. Это позволило полякам по-своему трактовать решение международного трибунала и еще с большим рвением обвинять Советский Союз в уничтожении «цвета польской нации».

Таким образом, по настоящий день существует две диаметрально противоположные версии о лицах, виновных в гибели поляков.

На Катынской трагедии в Польше спекулировал профсоюз «Солидарность» вместе с Л.Валенсой, когда шел к власти. Администрация США использовала ее как одно из основных орудий в развале военного блока «Варшавский договор». Польша оказалась в нем самым ненадежным партнером.

К сожалению, геббельсовская версия о расстреле поляков нашла своих сторонников и в Советском Союзе. Ее активно поддержали известные партийные функционеры А.Яковлев, Д.Волгогонов, В.Фалин. Тот же А.Яковлев заявил, что из катынской трагедии надо сделать все, чтобы от СССР отвернулся весь оставшийся мир. И делали. Президенты М.Горбачев, Б.Ельцин, а потом и В.Путин, не изучив глубоко всех обстоятельств, в спешном порядке принесли извинения Польше.

По факту гибели поляков было возбуждено несколько уголовных дел, которые потом соединили в одно, и расследование провела Главная военная прокуратура. В тех условиях следствию оставалось только облечь политическую волю руководителей страны в правовую форму, поэтому оно оказалось необъективным, проведенным с грубыми процессуальными нарушениями, по сценарию, фактически написанному за пределами нашей страны. По результатам 14-летнего расследования (что уже вызывает вопросы и недоумение) 21 сентября 2004 года ГВП приняла окончательное решение по делу, признав виновным в расстреле 21700 пленных поля-

ков НКВД СССР. Российские интересы были отброшены, а в Польше уже заявляют о необходимости предъявления иска к России по возмещению ущерба в размере, превышающем 100 млрд. долларов США. Этого допустить нельзя. Но, к сожалению, дорогу судебному иску к нам прокладывает нынешнее политическое руководство России и Главная военная прокуратура.

Нельзя оставить без внимания и тот беспрецедентный случай, когда материалы уголовного дела засекречены, а названное заключение сразу же после его подписания составителями было опубликовано в средствах массовой информации в Польше.

Читатель, ознакомившись с Рецензией, полагаем, сам даст оценку решениям, принятым как следователями, так и российскими учеными, привлеченными ГВП в качестве экспертов. Большинство из них получали польские гранты, были награждены польскими орденами. Они пошли на сделку со своей совестью и до сих пор, как и некоторые российские политики, не осознают того, что ссылаться на геббельсовские, фашистские заявления и документы как на источник истины просто безнравственно, кощунственно и недопустимо.

Экспертное заключение является основным документом доказательной базы уголовного дела, ключевым доказательством. Но если оно не выдерживает никакой критики, то какова цена всех других доказательств?

Под напором весомых аргументов, изложенных в Рецензии, Главная военная прокуратура все-таки не устояла. Она вынуждена была признать, что так называемое заключение по уголовному делу о гибели польских офицеров в Катыни составлено с грубейшими нарушениями уголовно-процессуального законодательства и является недопустимым «доказательством» вины НКВД СССР в расстреле поляков под Смоленском.

Правда пробивает себе дорогу, пусть с трудом, но пробивает.

Рецензия
на Заключение комиссии экспертов Главной военной
прокуратуры по уголовному делу № 159 о расстреле польских
военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского
спецлагерей НКВД в апреле—мае 1940 г.

2 августа 1993 г. комиссия экспертов Главной военной прокуратуры по уголовному делу № 159 о расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского спецлагерей НКВД в апреле—мае 1940 г. в составе:

— директора Института государства и права Российской академии наук академика Топорнина Бориса Николаевича;
— заведующего сектором уголовного права и криминологии Института государства и права Российской академии наук доктора юридических наук, профессора Яковлева Александра Максимовича;

— главного научного сотрудника Института сравнительной политологии Российской академии наук доктора исторических наук, профессора Яжборовской Инессы Сергеевны;

— ведущего научного сотрудника Института славяноведения и балканистики Российской академии наук доктора исторических наук Парсадановой Валентины Сергеевны;

— доцента кафедры спецдисциплин Военной академии Советской Армии кандидата военных наук Зори Юрия Николаевича;

— старшего эксперта отдела судебно-медицинской экспертизы Центральной судебно-медицинской лаборатории МО РФ подполковника медицинской службы кандидата медицинских наук Беляева Льва Валерьевича

окончила экспертное исследование, которое производилось ею с 17 марта 1992 г. по 2 августа 1993 г. на основании постановления старшего военного прокурора отдела Управления Главной военной прокуратуры подполковника юстиции Яблокова А.Ю.

На разрешение комиссии экспертов были поставлены следующие вопросы:

1. Определить, какие из приведенных в описательной части постановления о назначении экспертизы документы с точки зрения юридической, исторической и медицинской науки могут быть признаны доброкачественными документами, а выводы, которые в них содержатся, — научными и обоснованными?

2. С этих же позиций проанализировать с учетом собранных документов польскую «Экспертизу Сообщения Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров» и установить, заслуживают ли доверия выводы этого акта как научно обоснованного документа?

3. С учетом всех перечисленных в постановлении документов, выводов польской «Экспертизы», собранных в ходе следствия документов и свидетельских материалов проанализировать с точки зрения юридической, исторической и медицинской науки обоснованность и состоятельность выводов «Сообщения Специальной комиссии по установлению и рас-

следованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров» под руководством Н.Н. Бурденко.

4. К каким новым выводам о сроках, причинах, мотивах, обстоятельствах и последствиях расстрела польских военнопленных в Смоленске, Катынском лесу, Харькове и Калининe, а также других польских граждан, содержавшихся в тюрьмах Западной Белоруссии и Западной Украины, с точки зрения юридической, исторической, медицинской науки и права приводят собранные в ходе следствия доказательства?

Комиссия, как указано в «Заключении», проведя исследования, пришла к следующим выводам:

1. Материалы следственного дела содержат убедительные доказательства наличия события преступления — массового убийства органами НКВД весной 1940 г. содержавшихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях НКВД 14 522 польских военнопленных, которые 3 апреля — 19 мая партиями направлялись к месту расстрела и были расстреляны (выстрелами в затылок) в Катынском лесу, в тюрьмах УНКВД Смоленской, Ворошиловградской и Калининской областей и захоронены в коллективных могилах в Козьих Горах, с. Медное Калининской области (ныне Тверская область) и в лесопарковой зоне г. Харькова. Это было установлено в ходе проводимых Главной военной прокуратурой летом 1991 г. эксгумаций.

В ходе данной экспертизы также установлено, что охвативший 70% жертв катынский идентификационный список 1943 г. (составленный по результатам извлечения трупов из массового захоронения) с вероятностью 0,6—0,9 совпадает со списками на отправку польских военнопленных из Козельского лагеря в распоряжение УНКВД по Смоленской области в апреле—мае 1940 г. Это является основанием для утверждения, что эти военнопленные захоронены в районе Катынского леса.

Доказано также, что единым умыслом одновременно в тюрьмах НКВД Западной Белоруссии и Западной Украины были расстреляны 7305 поляков, в том числе около 1000 офицеров.

2. Расстрелы совершались на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. по представлению НКВД СССР, а также статьи 58 пункта 13 УК РСФСР, статьи 54 пункта 13 УК УССР и иных с нарушением как норм международного права, так и существовавшего тогда и требующего четкой правовой оценки весьма несовершенного внутреннего законодательства, не соответствовавшего меж-

дународно признанным основам права, защищающим от преступлений против человечества. Совершенные деяния были санкционированы сталинским руководством партии и государства, являлись частью противоправных, преступных репрессивных акций тоталитарной системы, направленных в данном случае против граждан соседнего государства, в том числе и в значительной степени — военнопленных, особо защищаемых международным правом.

Адекватная правовая оценка этих преступлений, совершенных в рамках государственно-санкционированного террора, должна быть проведена на основе детально разработанных после Второй мировой войны принципов международного права, на базе системы особых норм материального и процессуального права, с признанием наличия геноцида, преступлений против человечества, без срока давности.

3. Выяснение причин и обстоятельств появления польских военнопленных на советской территории показало прямую логическую причинно-следственную связь развития советско-германо-польских отношений в августе—сентябре 1939 г. и военных действий Красной Армии против польской армии с выполнением обязательств, вытекающих из советско-германских договоров 23 августа и 28 сентября 1939 г. и дополнительных секретных протоколов к ним, предполагавших решение вопроса о судьбах Польского государства, его территории, армии и о противодействии освободительной борьбе польского народа.

В сентябре — декабре 1939 г. в категорию военнопленных были зачислены и помещены в лагеря военнослужащие как взятые в плен в ходе боевых действий Красной Армии, так и выявленные в ходе последующей регистрации; в трех спецлагерях НКВД — Козельском, Старобельском и Осташковском — были сосредоточены более 15 тыс. человек, из которых лишь 56,2% составляли офицеры (из них офицеры срочной службы составляли 44,9%, офицеры запаса, проходившие после мобилизации обучение в лагерях, — 55%, кроме того, были отставники, в том числе инвалиды войны 1920 г.). Остальные были гражданскими лицами, прежде всего служащими центрального и местного уровней управления, полицейскими, судьями и прокурорами, таможенниками и т.д. Значительная часть содержащихся в трех спецлагерях лиц была задержана и помещена в лагеря НКВД в качестве пленников без должных юридических оснований, как они сформулированы в Приложении к Гаагской конвенции.

4. Международному праву противоречил сам факт передачи лагерей военнопленных в ведение НКВД СССР. В Козель-

ском, Старобельском и Осташковском лагерях не соблюдался ряд норм международного права, определяющих положение и содержание военнопленных. Изначально не предполагалось освобождать их после окончания военных действий, как того требует Гагская конвенция. Одновременно с проведением органами НКВД в лагерях оперативной работы развернулась подготовка и массовая передача дел военнопленных на особые совещания. В начале весны 1940 г. уничтожение польских военнопленных с санкции Политбюро ЦК ВКП(б) стало осуществляться по упрощенной схеме и приняло тотальный характер.

Ускорение «разгрузки» трех специальных лагерей и следственных тюрем Западной Белоруссии и Западной Украины было тесно связано с рядом проблем сталинской внешней и внутренней политики. Осуществив «освободительный поход» в Западной Белоруссии и Западной Украине, развернув форсированные «социалистические преобразования» и проводя «оптимизацию» социальной и политической структуры, сталинское руководство при помощи органов НКВД «отсеивало» «чуждые в классовом и национальном отношении элементы» в массовом масштабе.

Акции в Прибалтике и Финляндии сопровождались поступлением нового крупного контингента пленных. Увеличение числа военнопленных и заключенных весьма обременило экономику. С конца 30-х годов велась «чистка» централизованно снабжавшихся категорий населения. Под нее попадали лагеря и тюрьмы НКВД, в которых нельзя было расширить сферу применения разных видов принудительного труда.

5. Содержавшаяся в ставшей основой для принятия постановления от 5 марта 1940 г. записке Л.П.Берии в адрес ЦК ВКП(б), на имя И.В. Сталина, мотивировка рассмотрения «вопроса НКВД СССР» и принятия решения об умерщвлении 22 тыс. человек не была адекватна ни составу задержанных, ни их действиям, представляя собой на деле «наклеивание» идеологических «классовых» ярлыков для оправдания преступления. Среди офицеров преобладали (составляя 55%) лица массовых гражданских профессий, требующих высшего образования, — учителя, врачи, инженеры, журналисты, профессорско-преподавательский состав университетов и институтов и т.д., то есть значительная часть военнообязанной польской интеллигенции. Другая ее часть — гражданские лица, превращенные в военнопленных или задержанные и помещенные в тюрьмы за «контрреволюционную деятельность», являлись преимущественно служащими разного уров-

ня — чиновниками администрации, суда, почты и т.д. Они были арестованы по «классовым мотивам», на деле — в ходе ликвидации Польского государства и его армии, как правило, не за противоправные действия, а в связи с вероятностью включения в освободительную борьбу. Репрессирование по национальному признаку вытекает из записки Л.П. Берии со всей определенностью.

Уничтожение в апреле—мае 1940 г. 14 522 польских военнопленных из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей в УНКВД по Смоленской, Калининской и Харьковской областям и одновременно 7305 заключенных следственных тюрем НКВД Западной Белоруссии и Западной Украины, за которым последовал массовый вывоз их семей в глубь СССР (депортация), явилось тягчайшим преступлением против мира, человечества и военным преступлением, за которое должны нести ответственность И.В. Сталин, В.М. Молотов и другие члены Политбюро ЦК ВКП(б), принявшие постановление об этом массовом умерщвлении невинных людей; Л.П. Берия, В.Н. Меркулов, Б.З. Кобулов, Л.Ф. Баштаков, П.К. Сопруненко и другие сотрудники НКВД СССР, НКВД УССР и НКВД БССР, которые на своем уровне принимали участие в подготовке и реализации решения, организовали непосредственное исполнение этой преступной акции; В.М. Блохин, С.Р. Мильштейн, Н.И. Синегубов и начальники УНКВД Смоленской, Харьковской и Калининской областей, их первые заместители, коменданты и сотрудники комендатур, шоферы и надзиратели, исполнявшие преступные распоряжения, тюремные надзиратели и другие лица, принимавшие участие в расстрелах польских военнопленных и заключенных поляков следственных тюрем Западной Белоруссии и Западной Украины.

В соответствии с Конвенцией о неприменимости сроков давности к преступлениям против мира, военным преступлениям и преступлениям геноцида виновные в уничтожении 14 522 польских военнопленных из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей НКВД СССР и 7305 поляков, содержащихся в тюрьмах и лагерях Западной Белоруссии и Западной Украины, указанные выше лица должны нести судебную ответственность согласно внутреннему законодательству за противоправное превышение власти (ст. 171 УК РСФСР в редакции 1929 г.), приведшее к умышленному убийству (ст. 102 УК РСФСР) в особо крупных размерах, которое должно рассматриваться как геноцид.

7. Все польские военнопленные, расстрелянные в УНКВД трех областей, как они записаны в списках, а также 7305

поляков, расстрелянные без суда и вынесения приговора в тюрьмах Западной Белоруссии и Западной Украины, не совершали преступления, предусмотренного статьей 58 пунктом 13 УК РСФСР, или иного и подлежат полной реабилитации как невинные жертвы сталинских репрессий, со справедливым возмещением морального и материального ущерба.

С учетом всего комплекса обстоятельств массового расстрела около 22000 польских военнопленных и заключенных весной 1940 г. необходимо дать как правовую, так и политическую оценку этому факту и ходатайствовать о вынесении соответствующего решения на уровне высших органов страны.

8. Проводившиеся ранее исследования на основе материалов эксгумации в Катынском лесу позволили установить наличие события преступления, но оставляли открытым вопрос об окончательном установлении его срока, виновников, причин, мотивов и обстоятельств.

Выводы экспертизы, приведенные в «Официальном материале по делу массового убийства в Катыни», можно признать достаточно обоснованными результатами проведенной эксгумации и судебно-медицинского исследования трупов. Выводы четко указывают на то, что давность событий расстрела установлена только на основании документов, изъятых из одежды трупов польских военнопленных, а судебно-медицинские данные не противоречат этой давности. По сути, такой же вывод делает и Техническая комиссия ПКК.

10. В настоящее время однозначно оценить, являются или нет научно обоснованными выводы комиссии Н. Н. Бурденко в своей судебно-медицинской части, нельзя, так как в материалах дела отсутствуют какие-либо документы, которые бы описывали исследовательскую часть работы судебных медиков в составе этой комиссии. Однако те данные, которые приведены в «Официальном материале» и «Секретном докладе», позволяют с большой долей достоверности утверждать, что у комиссии Н. Н. Бурденко не было никаких научных оснований для той точной датировки расстрела (сентябрь—декабрь 1941 г.), которую комиссия дала в своих материалах.

11. Все другие данные судебно-медицинского характера (о причине смерти, повреждениях и их происхождении) не расходятся по существу ни в одном из документов.

12. Достоверно установлено, что польские военнопленные из Старобельского и Осташковского лагерей были расстреляны весной 1940 г. и захоронены в 6-м квартале лесопарковой зоны г. Харькова и в Медном Калининской области.

13. Анализируя содержащиеся в материалах дела медицинские данные (результаты эксгумаций в Харькове и Медном и последующих исследований), можно лишь дополнить некоторые моменты, касающиеся расстрела польских военнопленных. Так, среди обнаруженных при эксгумации в Харькове и Медном черепов имеются свидетельствующие о том, что некоторые жертвы расстреливались несколькими (двумя-тремя) выстрелами. При этом в отдельных случаях первый выстрел производился не в затылок, а в передне-боковые отделы черепа.

По судебно-медицинским данным эксгумаций в Харькове и Медном невозможно определить время наступления смерти погибших. Значительная давность событий и установленная в Медном значительная вариантность скорости протекания поздних трупных явлений не позволяют в настоящее время решить этот вопрос.

14. Сообщение Специальной комиссии под руководством Н.Н. Бурденко, выходы комиссии под руководством В.И. Прозоровского, проигнорировавшие результаты предыдущей эксгумации и являвшиеся орудием НКВД для манипулирования общественным мнением, в связи с необъективностью, фальсификацией вещественных доказательств и документов, а также свидетельских показаний следует признать не соответствующими требованиям науки, постановления — не соответствующими истине и поэтому ложными.

Проведенный польскими экспертами анализ «Сообщения Специальной комиссии» является полностью обоснованным с научно-исторической точки зрения и доказательно ставящим под сомнение состоятельность выводов Специальной комиссии под руководством Н.Н. Бурденко. Он оказался весьма полезным при критическом рассмотрении результатов ее работы на основе собранных в ходе следствия документов и свидетельских показаний.

15. Эксперты констатируют, что данное заключение комиссии и постановление Главного управления Генеральной прокуратуры по делу №159 «О факте расстрела польских военнопленных» должны быть опубликованы аналогично предшествующим экспертизам по Катынскому делу.

В связи с сомнениями, высказанными участниками «круглого стола» по теме «Катынская трагедия — правовые и политические аспекты», проведенного 19 апреля 2010 г. в Государственной Думе, группа российских ученых, специалистов в составе:

Илюхина Виктора Ивановича, Заслуженного юриста Российской Федерации, доктора наук, профессора, разработчи-

ка и заявителя законопроекта «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», руководителя группы ученых, подготовивших комментарии к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»;

Обухова Сергея Павловича, депутата Государственной Думы, доктора политических наук;

Плотникова Алексея Юрьевича, доктора исторических наук, профессора;

Савельева Андрея Николаевича, депутата Государственной Думы 4-го созыва, доктора политических наук;

Крука Виктора Михайловича, генерал-майора юстиции, в 1992—1999 г. помощника заместителя Генерального прокурора РФ — Главного военного прокурора;

Колесника Александра Николаевича, доктора исторических наук;

Емельянова Юрия Васильевича, кандидата исторических наук, лауреата литературной премии имени Шолохова

провела анализ ранее обозначенного экспертного «Заключения» и пришла к следующим оценкам и выводам:

С начала апреля 2010 г. в России и Польше вновь набрала обороты шумная кампания вокруг захоронений польских офицеров в Катынском лесу, о которых впервые сообщили геббельсовские средства массовой информации 67 лет назад. В сообщениях по радио и печати Третьего рейха с 13 апреля 1943 г. утверждалось, будто польские офицеры были убиты советскими властями.

Ныне эта геббельсовская версия реанимирована. При этом польской стороной и правительством России полностью игнорируются выводы Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров, которую возглавлял главный хирург Красной Армии, генерал-полковник медицинской службы, президент Академии медицинских наук, основоположник нейрохирургии Николай Нилович Бурденко. В состав Комиссии входили писатели, священнослужители, видные общественные деятели. Комиссия имела в своем распоряжении опытных судебных экспертов. В опубликованном 24 января 1944 г. сообщении Комиссии были изложены многочисленные свидетельства, позволившие сделать однозначный вывод: расстрелы в Катынском лесу были совершены немцами.

Комиссия экспертов Главной военной прокуратуры по уголовному делу № 159 о расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского спецлагерей

НКВД в своем «Заключении» от 2 августа 1993 г. поставила перед собой задачу «обосновать несостоятельность выводов «Сообщения» Комиссии Бурденко, сделать «новые выводы» из расследования Катынского дела».

Однако экспертное «Заключение» от 2 августа 1993 г. не может считаться таковым, а содержащиеся в нем выводы ничтожны и несостоятельны в правовом и историческом аспектах. Его можно считать частным мнением группы лиц, выражающих определенные политические установки российской власти начала 90-х годов 20 столетия. Исходя из того, что ответы в большинстве своем не соотносятся с вопросами, можно полагать, что ранее подготовленный текст (вероятнее всего — с участием польских специалистов) был затем оформлен в экспертное «Заключение».

Правовая несостоятельность «Заключения» выражается в следующем.

1. Вопросы, поставленные старшим прокурором отдела ГВП Яблоковым А.Ю. от 17 марта 1992 г. перед авторами «Заключения», выходят за пределы обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Исходя из смысла статей 69, 78 УПК РСФСР (действующего на момент производства экспертизы), ч. 7 ст. 8 Федерального закона №173 от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», судебная экспертиза — процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом (экспертами) по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом или экспертами в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу. Само заключение эксперта является одним из видов (средств) доказывания.

Круг обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, определен ст. 68 УПК РСФСР (ст. 73 УПК РФ). В частности, закон обязывает доказывать событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); виновность обвиняемого в совершении преступления и мотивы преступления; обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого, а также иные обстоятельства.

При этом в разъяснении, данном в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда СССР «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 16 марта 1971 г., указано, что перед экспертами нельзя ставить вопросы, выходящие за пределы их специальных познаний, и вопросы, которые носят правовой

характер. Они должны относиться исключительно к обстоятельствам, подлежащим доказыванию.

Вопросы, сформулированные Яблоковым А.Ю. перед экспертами в постановлении от 17 марта 1992 г., никакого отношения к предмету доказывания по уголовному делу № 159 не имеют. Более того, они не конкретны, их разрешение не входит в компетенцию экспертов.

Так, экспертам предложено определить, какие документы из находящихся в уголовном деле могут быть признаны **доброкачественными документами** с точки зрения юридической, исторической и медицинской науки и являются ли содержащиеся в них выводы научными и обоснованными. Что подразумевается под понятием «доброкачественные документы», в постановлении не раскрывается — видимо, предполагается, что эксперты сами определяют критерии доброкачественности представленных им для исследования документов.

Между тем уголовно-процессуальное законодательство не содержит понятия «доброкачественный документ». В толковых словарях русского языка Д.Н. Ушакова и С.И. Ожегова, В.И. Даля под словом «доброкачественный» понимается нечто (товар, предмет) хорошего качества, без изъяна, а слово «документ» означает «доказательство, свидетельство, деловая бумага», подтверждающая какой-нибудь факт или право на что-нибудь.

Кроме того, перед экспертами недопустимо поставлен вопрос о новых выводах, о сроках, причинах, мотивах, обстоятельствах и последствиях расстрела польских военнопленных в Смоленске, Катынском лесу, Харькове и Калининe, а также других польских граждан, содержащихся в тюрьмах Западной Белоруссии и Западной Украины.

Экспертам фактически предложили взять на себя функции следствия, суда, дать оценку имеющимся в уголовном деле доказательствам и сделать новый вывод о наличии (или отсутствии) обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Из смысла и конструкции поставленного перед экспертами вопроса следует, что собранные по делу доказательства и определенные выводы на их основе уже имеются, но эти выводы следствие не устраивают.

Если отрешиться от терминологической и лингвистической эквилибристики Яблокова А.Ю., то станет очевидно, что перед экспертами фактически поставлена конкретная, но противоречащая уголовно-процессуальному закону задача — провести переоценку имеющихся в деле документов с точки зрения их допустимости в качестве доказательств и

подвести под это некую научную базу с заранее определенными политическими выводами.

2. Эксперты вышли за пределы своей компетенции.

По общему правилу, в соответствии со ст. 78 УПК РСФСР эксперты в осуществляемом ими исследовании и заключении не вправе выходить за пределы своей научной компетенции, то есть делать выводы по вопросам, которые не могут быть разрешены на основе представляемых ими отраслей знаний.

В водной части экспертного «Заключения» эксперты указали сведения о себе и о своей специализации — два юриста (Топорнин Б.Н., Яковлева А.М.); специалист сравнительной политологии, занимающийся изучением политики путем сравнения и сопоставления однотипных явлений в различных политических системах (Яжборовская И.С.); специалист Института славяноведения и балканистики, чья сфера деятельности — изучение истории, литературы, культуры, языка зарубежных славянских народов, а также других народов Балкан и Центральной Европы (Парсаданова В.С.); специалист Военной академии по спецдисциплинам, только каких — непонятно (Зоря Ю.Н.); специалист по раневой баллистике (Беляев Л. Л.). Примечательно, что в составе экспертной комиссии нет ни одного криминалиста (исследовались ведь документы), судебного медика, биолога.

В силу указанных обстоятельств напрашивается вывод, что вопреки требованиям ст. 78 УПК РСФСР высказанные «экспертами» суждения по представленным им объектам выходят за пределы продекларированных ими специальных познаний и основаны на личных бытовых представлениях и восприятиях исследуемых событий и фактов, что является существенным нарушением уголовно-процессуального закона (см. Постановление Пленума ВС СССР от 29 сентября 1988 г. по делу Лубянского В.И.).

Однако это не помешало указанным «экспертам» взяться за разрешение вопросов из совершенно других областей знаний и сделать безапелляционный вывод о том, что «материалы следственного дела содержат убедительные доказательства наличия события преступления — массового убийства органами НКВД весной 1940 г. содержащихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях НКВД 14522 польских военнопленных».

С такой же легкостью «эксперты» установили мотив «государственно-санкционированного террора» НКВД — национальная принадлежность погибших (разумеется, польская) «в связи с вероятностью включения в освободи-

тельную борьбу» этих самых погибших граждан с ненавистным сталинским режимом, а также цель этого террора — «ликвидация Польского государства и его армии», что, конечно же, по мнению экспертов, должно расцениваться не иначе, как геноцид в отношении поляков, преступление против человечества в целом.

Эксперты пошли дальше и заявили в своем «Заключении», что они установили и виновников «раскрытого» ими преступления в лице И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.П. Берии, В.Н. Меркулова, Б.З. Кабулова, Л.Ф. Баштакова, П.К. Супруненко, С.Р. Мильштейна, В.М. Блохина, Н.И. Синегубова, Е.И. Куприянова, П.С. Сафонова, Д.С. Токарева, а также комендантов, шоферов, надзирателей тюрем лагерей, где содержались лица польской национальности, а заодно и квалифицировали их действия как «геноцид, военные преступления против человечества (человечности), на которые не распространяется срок давности».

Однако возникли существенные противоречия. Российские «эксперты» ГВП, с одной стороны, всецело поддерживают геббельсовскую версию, с другой — перечеркивают ее. Все дело в том, что в 1943 г. германским информационным бюро главными виновниками, палачами польских офицеров названы Лев Рыбак, Авраам Борисович, Павел Брозинский и Хайм Финберг. Но их тогда никто не разыскал, не установили и потом. И это тоже не случайно. Геббельс, провокационно называя еврейские фамилии, пытался решить и другую поставленную им задачу — не только оклеветать СССР, но и оправдать уничтожение гитлеровцами еврейской нации.

Можно утверждать, что с подачи польской стороны эксперты пришли к выводу об уничтожении сотрудниками НКВД СССР цвета польской интеллигенции. Заявка большая, однако в исследовательской части и выводах «Заключения» не было названо ни одной фамилии поляка, принадлежащего к «цвету» интеллигенции или нации, его конкретные заслуги и дела. К тому же только сам род деятельности и занятий, профессия человека не могут одновременно определять его принадлежность к «цвету» нации или даже к «цвету» интеллигенции.

А дальше зафиксировано:

«В связи с тем, что в настоящее время из числа выявленных преступников в живых остались П.К. Сопруненко и Д.С. Токарев, надлежит решить вопрос об их ответственности, в частности, об их аресте, привлечении к судебной ответственности, а в случае признания их виновными — наказании в

России, не дожидаясь вынесения этого дела в Международный суд в Гааге, как предлагает польская общественность».

«В действиях польских военнопленных и других польских граждан, содержавшихся в 1939 — 1940 гг. в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях, в тюрьмах и лагерях западных областей Белоруссии и Украины и расстрелянных по постановлению Политбюро ЦК ВКП (б), отсутствует состав преступления, и они подлежат реабилитации как безвинные жертвы сталинских репрессий в соответствии со статьями 2 и 3 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г., с дополнениями от 22 декабря 1992 г. «О реабилитации жертв политических репрессий».

Это и есть главный польский заказ, исполненный так называемыми российскими экспертами. В Польше, в первую очередь на уровне Института национальной памяти, Комитета по Катыни, давно заявляли о геноциде, призывая устроить судилище над Советским Союзом, его политическим руководством.

Наличие «польского следа» подтверждается и тем, что исследуемое нами «Заключение» незамедлительно после его подписания было опубликовано в польской печати, а оттуда перекечовало в российские средства массовой информации.

Произошло разглашение материалов уголовного дела, вокруг которых опять возникли политические дебаты. Сделано это было умышленно, чтобы уже до окончания предварительного расследования сформировать общественное мнение об убийстве поляков сотрудниками НКВД СССР.

Подобное обнародование состоялось по предложению «экспертов», которые в п. 15 выводов записали: «...данное заключение комиссии и постановление Главного управления Генеральной прокуратуры по делу № 159 «О фактах расстрела польских военнопленных» должны быть опубликованы аналогично предшествующим экспертизам по Катынскому делу».

Подобное требование «экспертов» недопустимо, оно противоречит российскому процессуальному законодательству и является беспрецедентным в судебно-следственной практике.

Исходя из этих и других фактов, можно утверждать, что следствие военной прокуратуры не носило самостоятельный, объективный характер, а было заложником политических интриг и амбиций. Этот вывод базируется и на материалах «круглого стола» по теме «Катынь — правовые и политические аспекты», состоявшегося 19 апреля 2010 г. в Государственной Думе, на котором было установлено, что следователи про-

куратуры получили указание расследовать и доказывать только одну версию — о расстреле польских офицеров НКВД СССР. Другие обстоятельства и версии были отброшены, а доказательства, подтверждающие расстрел пленных поляков немцами после оккупации ими летом—осенью 1941 г. Смоленской области, проигнорированы.

Необъективность следствия подтверждается и тем, что в ходе него были допущены грубые нарушения законности, в том числе и граничащие с коррупционными проявлениями. Отмечены недопустимые факты непосредственной передачи следователями документов уголовного дела польской стороне, факты нарушения процессуальной этики, выразившиеся в систематическом посещении ими польского посольства в г. Москве и Дома российско-польской дружбы, где для них устраивались фуршеты и иные застолья. Следователи без большой надобности выезжали в длительные служебные командировки в Польшу и на отдых за счет польской стороны. За усердие перед поляками они были награждены высокими государственными наградами Польши.

«Эксперты» вопреки своим полномочиям, как уже отмечалось ранее, не имели права определять юридическую квалификацию содеянного, и не имели полномочий заявлять о целесообразности ареста П.К. Сопруненко и Д.С. Токарева, привлечении их к судебной ответственности и наказанию в России.

И вовсе являются недопустимыми утверждения об отсутствии в действиях польских военнопленных и других польских граждан какого-либо состава преступления. Для подобных выводов у экспертов не было никаких оснований, ибо в материалах уголовного дела ГВП не исследовалась деятельность каждого военнопленного, тем более имена всех погибших на тот период не были установлены, как не установлены они и сейчас.

Таким образом, осуждая бериевское правосудие, «эксперты» в своих оценках и приемах скатились на опасную стезю огульного обвинения сотрудников НКВД и руководства СССР.

Уголовно-правовая оценка всегда носит индивидуальный характер, к тому же в материалах дела отсутствуют сведения о поведении поляков до их пленения. А это очень важный аспект.

В исторических документах и литературе приведена масса свидетельств о жестоких расправах поляков, в том числе и офицерства, над белорусами и украинцами после оккупации Польшей территорий Западной Белоруссии и Западной

Украины в 1919—1920 гг. По польским архивным данным, на оккупированных землях лишь в 1922 г. произошло в разных местах свыше 800 восстаний против панского засилья. Польские офицеры, получившие во владение захваченные земли, вели активное ополячивание и окатоличивание белорусского и украинского населения. С помощью карательных частей, жандармов и прочих служителей было отобрано у православных 288 храмов, 7 монастырей, более 100 церквей. К 1921 г. в Западной Белоруссии из 400 национальных школ осталось не более 37. При подавлении выступлений коренного населения использовались армия, в частности кавалерийские дивизии. Тысячи белорусов, украинцев, евреев, боровшихся за свои социальные и национальные права, были убиты или заключены в Березово-Картузовский концентрационный лагерь.

В начале 30-х годов в уголовном законодательстве Польши была установлена ответственность в виде лишения свободы не менее чем на десять лет или вечной тюрьмы за стремление изменить государственный строй, а стремление «оторвать часть ее территории» подлежало наказанию тюрьмой не менее чем на десять лет или вечной тюрьмой, или смертью. Несомненно, такое воздействие в первую очередь было направлено на жителей Западной Белоруссии и Западной Украины.

«Эксперты», без сомнения, не только вышли за пределы своей компетенции, но и недопустимо присвоили себе предусмотренные ст. 71 УПК РСФСР функции суда и органа предварительного расследования по оценке имеющихся в уголовном деле доказательств. Более того, в ст. 13 УПК РСФСР прямо указано, что правосудие по уголовным делам осуществляется только судом, и никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом.

О выходе «экспертов» за пределы своей компетенции свидетельствует и факт самостоятельного сбора ими исходного доказательственного материала для исследования, помимо представленных им для изучения материалов дела.

Так, в разделе «Исследование» текст экспертизы начинается словами: «Изучив материалы уголовного дела №159, собранные документы...». Из этого следует, что комиссия исследовала не только материалы уголовного дела №159, но и некие другие документы, собранные непосредственно комиссией, то есть присвоила себе предусмотренные ст. 70 УПК РСФСР функции уполномоченных государством субъектов по сбору и оценке доказательств по уголовному делу.

3. Экспертами произведена подмена объекта и цели исследования.

Перед экспертами была поставлена конкретная задача — определить, какие из приведенных в описательной части постановления о назначении экспертизы документы могут быть признаны доброкачественными (надо полагать — доказательными), содержащиеся в них выводы — научными и обоснованными (включая польские документы и документы комиссии академика Бурденко Н.Н.), а также на основе собранных в ходе следствия доказательств сделать новые выводы о сроках, причинах, мотивах и обстоятельствах гибели польских граждан. То есть объектом экспертного исследования должны быть материалы уголовного дела и собранные в нем доказательства.

Анализ текста представленного «экспертами» «Заключения» показывает, что никаких исследований документов уголовного дела № 159 в рамках данной экспертизы не проводилось.

«Эксперты» фактически заменили в силу своего разумения объект, представленный на экспертизу (документы), на то, что им было, видимо, ближе и доступнее, — на повествование об истории советско-польско-германских отношений в своей интерпретации с претензией на политическую оценку происходящих процессов как в СССР, так и между СССР, Польшей и Германией.

Они пространно рассуждают о вещах, не имеющих отношения к предмету доказывания по данному делу, — о Рижском мирном договоре, о героическом сопротивлении Польши втягиванию ее в Антикоминтерновский союз, о замыслах Сталина, верхушки партийно-государственного аппарата по разделу польских земель, о предательском, вероломном нападении Красной Армии на ведущую «героическую борьбу» с немецко-фашистскими войсками Польшу, о вынашиваемых и реализуемых руководителями СССР коварных селективно-репрессивных акциях по ликвидации польского государства и т.д. Особо следует отметить категоричность и повторяющиеся с настойчивостью утверждения об уничтожении цвета польской интеллигенции, ученых с мировыми именами, о нарушениях Советским Союзом норм Гаагской конвенции 1907 г. «О законах и обычаях сухопутной войны», других международных договоренностей, о том, как вместо отправки домой польских граждан заставляли жестоко и незаслуженно страдать в страшных сталинских лагерях.

В этих отвлеченных экскурсах, замешанных на подтасовках фактов, в рассуждениях о правах человека с позиций

сегодняшнего дня нет главного — упоминания о результатах исследования каких-либо документов уголовного дела на их подлинность, достоверность, относимость и допустимость, о самой гибели пленных поляков.

Очевидно это было сделано не случайно. Начни эксперты исследовать на подлинность главный козырь сторонников теории сталинского геноцида польского народа, на который они многократно ссылаются в своем «Заключении», — известную записку Л.П. Берии И.В. Сталину, «вдруг обнаруженную» Б.Н. Ельцыным в сентябре 1992 г. (напомним, что данная экспертиза назначена Яблоковым А.Ю. еще 17 марта 1992 г.), и сразу возникнут вопросы: почему в материалах дела нет ее подлинника, других решений ВКП(б) по данному вопросу, почему на ней отсутствует дата, почему текст из четырех машинописных листов выполнен на разных машинописных аппаратах; почему выписка из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 13/144 от 5 марта 1940 г. никем не заверена; почему 24 сентября 1992 г. Конституционный суд по так называемому делу «о запрете КПСС» усомнился в подлинности этих «исторических документов» и исключил «катынский эпизод» из рассмотрения.

А усомниться было в чем. На выписке из решения Политбюро ЦК ВКП(б) (тоже якобы от 5 марта 1940 г.) о расстреле польских пленных имеются подчистки, исправления. Отсутствуют оттиск печати, подпись секретаря ЦК, не обозначена его фамилия. Согласно отметке на выписке она была отпечатана в четырех экземплярах: одна из них передана Берии, две уничтожены и одна осталась в архиве на постоянное хранение.

Однако после обнародования Росархивом 28 апреля 2010 г. документов «Особой папки» оказалось, что в ней имеется еще одна выписка, которая в 1959 г. якобы передавалась председателю КГБ Шелепину. Выписка также датирована мартом 1940 г. Но на ней уже указана фамилия секретаря ЦК КПСС — «Сталин» и стоит оттиск печати — «ЦК КПСС», хотя общеизвестно, что в 1940 г. компартия не называлась КПСС, а именовала себя ВКП(б).

Записка Шелепина Н.С. Хрущеву от 3 марта 1959 г. пролежала в ЦК КПСС шесть лет без регистрации, а в самой записке в каждом абзаце и предложении — масса неточностей, искажений известных фактов и орфографические ошибки.

Подобные вопросы имеются по всем основным документам уголовного дела, но ответов на них в рассматриваемом экспертном «Заключении» по понятным причинам нет.

Изложенное выше позволяет сделать вывод, что составившие «Заключение» специалисты в рамках своего экспер-

тного исследования под прикрытием якобы проведенных ими научных изысканий сознательно ушли от предмета и цели исследования для пропаганды и агрессивного навязывания немецко-польской версии гибели польских военнопленных на территории Советского Союза. К тому же в «Заключении» нет ни описаний исследований, ни ссылок на примененные научно разработанные и признанные методики этих исследований.

4. «Заключение» экспертов составлено с нарушением требований уголовно-процессуального закона.

Согласно ст. 80 УПК РСФСР эксперт дает заключение от своего имени на основании произведенных исследований в соответствии с его специальными знаниями и несет за данное заключение личную ответственность.

Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении от 16 марта 1971 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам», разъясняя применение названной выше нормы уголовно-процессуального закона, указал (п. 6), что «когда для установления того или иного обстоятельства невозможно путем проведения отдельных экспертиз, либо это выходит за пределы компетенции одного эксперта или комиссии экспертов, может быть назначено проведение ряда исследований на основе использования разных специальных познаний. Эксперты вправе при этом составить совместное заключение. В заключении экспертов должно быть указано, какие исследования провел каждый эксперт, какие факты он лично установил и к каким пришел выводам».

В данном случае «Заключение» экспертов не соответствует требованиям закона. В нем не указаны исследования, проведенные каждым специалистом, какие конкретно факты в ходе этих исследований установил эксперт и к каким выводам каждый из них пришел в результате проведенных исследований.

При таких обстоятельствах следует признать, что экспертами допущено существенное нарушение уголовно-процессуального закона, вследствие чего «Заключение» не может иметь доказательственного значения.

5. В «Заключении» приведены не соответствующие действительности факты, искажающие обстоятельства описываемых событий.

Так, в п. 1 выводов указано, что в ходе проводимых Главной военной прокуратурой летом 1991 г. эксгумаций установлен факт убийства органами НКВД весной 1940 г. содержащихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях 14 522 польских военнопленных.

Между тем в 1991 г. следственной группой ГВП совместно с польскими специалистами при проведении частичных эксгумации в 6-м квартале лесопарковой зоны Харькова было извлечено 167 останков, на территории недалеко от п. Медное Тверской области (в прошлом Калининской области) эксгумировано 243 тела. Сколько из них принадлежат гражданам Польши, следствием не установлено. Кадры оперативной съемки показывают, что из захоронений извлекались разрозненные кости, черепа и их фрагменты (источник — РИА Новости, 9 октября 2008 г.).

Как видим, следственная группа ГВП при проведении эксгумации тел летом 1991 г. не могла выкопать и идентифицировать по национальному признаку 14 522 тела.

К этому надо добавить, что эксгумацию фактически проводили польские специалисты. Они же провели и исследование полученных материалов, якобы найденных в захоронениях, которые не были приобщены к уголовному делу, а увезены в Польшу. Такое недопустимо при расследовании уголовных дел, это ставит под сомнение всю имеющуюся в деле доказательную базу.

В основу сделанного в «Заключении» вывода о массовом расстреле польских военнопленных органами НКВД положены опубликованный 10 июня 1943 г. информбюро Германии «Официальный материал по делу массового убийства в Катыни» и отчет Технической комиссии Польского Красного Креста. При этом со ссылкой на «Конфиденциальный отчет ПКК» подчеркивается, что все технические действия и работы в ходе эксгумации 1943 г. провели члены ПКК и ее выводы совпадают с изложенными в немецком «Официальном материале».

Однако это утверждение не соответствует действительности.

На самом деле в Смоленск 14 апреля 1943 г. прибыли 3 польских эксперта из состава Технической комиссии Польского Красного Креста. Технической она была названа, чтобы подчеркнуть ее неофициальный характер. Еще 12 человек прибыли в Катынь 29 апреля 1943 г. во главе с доктором судебной медицины Марианом Водзиньским. Работали в Козьих Горах до 9 июня 1943 г. под надзором немецкой жандармерии.

Как следует из отчета Технической комиссии ПКК, большую часть трупов немцы эксгумировали самостоятельно до приезда членов ПКК и иностранных специалистов, а «члены комиссии, занятые поиском документов, не имели права их просмотра и сортировки. Они обязаны были только указы-

вать следующие документы: а) бумажники; б) всевозможные бумаги; в) награды; г) медальоны; д) погонны; е) кошельки; ж) всевозможные ценные предметы». Все эти предметы и иные вещи находились в полном распоряжении немецких специалистов и жандармов. Представителям из состава Международной комиссии и членам ПКК было дозволено осмотреть (не исследовать, а именно осмотреть) 9 извлеченных из могил трупов. Как признают сами эксперты, упомянутая Международная комиссия была сформирована в апреле 1943 г. в Берлине для придания международного резонанса Катынскому делу, и член этой комиссии венгерский профессор Ф. Оршос «выдвинул гипотезу, что расстрел имел место в 1940 г.». Эксклюзивная методика, на основании которой выдвигалась гипотеза Ф. Оршоса, естественно, является тайной и в «Заключении» не раскрывается.

Нет необходимости погружаться в более детальный разбор всей «исследовательской» деятельности так называемой Международной комиссии и ПКК, чтобы понять, что их присутствие на устроенном немцами спектакле с эксгумацией, опознанием и сбором доказательств носило чисто показательный, декоративный характер, результат этого мероприятия был заранее предreshен в Берлине, а выводы комиссии и членов ПКК по определению не могли не совпадать с выдвинутой немцами версией о произошедшей трагедии.

Следует отметить, что никаких внятных вещественных или иных доказательств, позволяющих сколько-нибудь определенно подтвердить польско-немецкую версию гибели польских военнопленных, нет, и они не приводятся в «Заключении» экспертов. Однако в изобилии присутствуют откровенные подлоги, искаженные факты, доведенные до абсурда домыслы, с помощью которых сделана попытка доказать, что только Советский Союз, испытывая патологическую ненависть к полякам, мог учинить злодеяния против польского народа, равносильные геноциду.

6. Выводы экспертов основаны не на фактическом материале, а на вероятностных предположениях, выдаваемых в дальнейшем за конкретные и однозначные.

Как уже отмечалось, эксперты в категорической форме заявили, что расстрел около 22 тысяч польских военнопленных совершен в апреле — мае 1940 г. органами НКВД СССР. Такой вывод, по признанию самих экспертов, сделан на основе изучения немецкого «Официального материала», отчета Технической комиссии Польского Красного Креста, анализа польскими экспертами результатов работы Специальной комиссии Н.Н. Бурденко.

Однако эксперты ГВП стыдливо умолчали, что еще в декабре 1945 г. два ведущих польских профессора судебной медицины Ян Ольбрыхт и Сергиуш Сенгалевиц осуществили научную судебно-медицинскую экспертизу (отзыв) «Официального материала о Катынском убийстве», подготовленного немецким профессором Герхардом Бутцем, руководившим немецко-польской эксгумацией в Козьих Горах в 1943 г. Их мнение было следующим: **выводы, сделанные проф. Бутцем, «не выдерживают никакой критики»**. Ольбрыхт и Сенгалевиц доказали, что команда Бутца осуществляла эксгумацию в Катыни с грубейшими нарушениями канонов эксгумации, фальсифицируя результаты. Исследование названных медэкспертов настолько аргументированно, что ни поляки, никто другой не посмели его опровергнуть.

В заключительной части экспертизы (п. 14) указано, что «сообщение Специальной комиссии под руководством Н.Н. Бурденко, выводы комиссии под руководством В.И. Прозоровского, проигнорировавшие результаты предыдущей эксгумации и являвшиеся орудием НКВД для манипулирования общественным мнением, в связи с необъективностью, фальсификацией вещественных доказательств и документов, а также свидетельских показаний, следует признать не соответствующими требованиям науки, постановления — не соответствующими истине и поэтому ложными.

Проведенный польскими экспертами анализ «Сообщения Специальной комиссии...» является полностью обоснованным с научно-исторической точки зрения и доказательно ставящим под сомнение состоятельность выводов Специальной комиссии под руководством Н.Н. Бурденко».

В обоснование своих выводов эксперты приводят следующие аргументы:

— комиссия Бурденко Н.Н. не была не только международной, но даже не включала деятелей находившейся в СССР польской общественности (например, Союза польских патриотов);

— объем работ судебно-медицинских экспертов, руководимых директором НИИ судебной медицины, главным судебно-медицинским экспертом Министерства здравоохранения СССР Прозоровским В.И., был принципиально иным, чем в экспертизе первичного исследования в 1943 г.: производилось полное секционное исследование всех извлеченных трупов (вскрытие полостей головы, груди, живота), при этом установка была дана на изобличение определенного способа расстрела, якобы характерного для немецких палачей, на поиск опровержения выводов немцев;

— выводы комиссии Н.Н. Бурденко были звеном в цепи фальсификаций, предпринятых сталинским партийно-государственным руководством и органами НКВД для сокрытия правды о катынском злодеянии;

— доказательства даты расстрела весной 1940 г. «содержались в многочисленных **обнаруженных на трупах** документах (газетах, дневниках и др.) с последним обозначением март — май 1940 г.».

Между тем, делая столь серьезные заявления, назначенные эксперты не смогли привести, кроме голословных домыслов, никаких доказательств, подтверждающих, что комиссия под руководством Н.Н. Бурденко являлась орудием НКВД в манипулировании общественным мнением.

В акте экспертизы также не раскрыто, в чем именно проявилась необъективность комиссии Н.Н. Бурденко. Не показано, какие конкретно документы, вещественные и иные доказательства были комиссией Н.Н. Бурденко сфальсифицированы и в результате каких исследований, кем, по каким научным методикам это установлено.

Признавая выводы комиссии под руководством Н.Н. Бурденко не соответствующими требованиям науки, эксперты не назвали, о каких именно требованиях науки идет речь, каким из них конкретно выводы комиссии Н.Н. Бурденко не соответствуют и каковы критерии определения соответствия тех или иных выводов, суждений требованиям науки. Более того, эксперты сами себя опровергли, признав, что «в настоящее время однозначно оценить, являются или нет научно обоснованными выводы комиссии Н.Н. Бурденко в своей судебно-медицинской части, нельзя» (п. 10 выводов).

Таким образом, следует признать, что все обвинения, выданные экспертами в адрес комиссии Н.Н. Бурденко, являются несостоятельными и голословными.

Точно так же бездоказательно и без каких-либо вразумительных доводов авторы экспертизы предлагают безоговорочно признать единственно правильной и научно обоснованной немецко-польскую (точнее, немецкую) версию гибели польских военнопленных.

Однако заявили, что в 1943 г. у экспертов международной комиссии врачей не имелось объективных научных предпосылок (в частности, четкого знания каких-либо закономерностей вариантности развития поздних трупных явлений в условиях массового захоронения) для того, чтобы по исследованным ими (конкретным судебно-медицинским способом) трупам в Катынском лесу сделать заключение о дате захоронения с точностью, позволяющей отнести ее на 1940-й или

1941 г. Экспертами также отмечено, что невозможность определения дат захоронения в массовых могилах по исследованным трупам зафиксирована и в заключении Технической комиссии Польского Красного Креста.

Далее в «Заключении» отмечено: «Проводившиеся ранее исследования на основе материалов эксгумации в Катынском лесу позволили установить наличие события преступления, но оставляли открытыми вопрос об окончательном установлении его срока, виновников, причин, мотивов и обстоятельств» (п. 8 выводов), «по судебно-медицинским данным эксгумаций в Харькове и Медном невозможно определить время наступления смерти погибших» (п. 13 выводов).

Понимая, что с такими откровениями не считаться нельзя, авторы «Заключения» делают следующее предположение: «Видимо, по этим же причинам и международная комиссия врачей в 1943 г. не посчитала возможным дать судебно-медицинскую характеристику давности захоронения (расстрела) польских военнопленных, и в своих выводах они указывали лишь на то, что состояние трупов не противоречит дате расстрела в 1940 г., которая установлена **только** на основании документов, обнаруженных при трупах. Такую же позицию занимали и эксперты ПКК».

На отмеченных выше документах следует остановиться отдельно.

В разных местах «Заключения» упоминается об обнаружении так называемых вещественных доказательств — документов, советских газет — на трупах, при трупах, «из слипшихся трупов и в большом количестве», свидетельствующих о гибели польских военнопленных весной 1940 г. Однако как и именно документы, их название, предназначение и описание, как и где они были изъяты, — об этом в экспертизе ничего не сказано.

При этом «эксперты» и не заметили, что своими утверждениями о наличии «вещественных доказательств» они фактически опровергли собственную версию о расстреле поляков сотрудниками НКВД СССР, предъявлявшим, как известно, жесткие требования к процедуре расстрела, — это полная скрытность места его проведения, отсутствие у расстреливаемого, в его одежде документов и вещей, способных его идентифицировать.

В связи с этим уместно привести высказывания ярой сторонницы геббелевской версии о расстреле военнопленных доктора исторических наук Н. Лебедевой: «Конвоиры отбирали у пленных их личные вещи — котелки, фляги, кружки, вещевые мешки, чемоданы, ремни, сапожные щетки, острые

предметы. Все это сваливалось в кучу и забивалось в ящики без учета и описи, кому принадлежит та или иная вещь» (Лебедева Н.С. Катынь: преступление против человечества. С. 240).

Как видно из отчета Технической комиссии Польского Красного Креста от 17 апреля 1943 г., все, что находили во время эксгумации трупов, забиралось в полное распоряжение немцев. Члены польской комиссии не имели права ничего просматривать и сортировать.

Из этого следует однозначный вывод — весь арсенал вещественных доказательств в 1943 г. полностью формировался немцами по своему усмотрению. Никто из экспертов в руках их не держал и, естественно, не исследовал. Но при этом эксперты пытаются убедить всех, что документы, подтверждающие осуществление акций по уничтожению поляков именно весной 1940 г., были, но, к сожалению, их уже нет.

Ущербность такой позиции, когда желаемое выдается за действительное, очевидна.

Комиссия Бурденко в 1944 г., согласно ее отчету, вскрыла под Катынью 925 трупов поляков и пришла к выводу о расстреле их немцами. Комиссия Геббельса в апреле 1943 г., если даже признать ее выводы достоверными, провела исследование чуть более 4 тыс. трупов.

Главная военная прокуратура, как следует из материалов уголовного дела, в 6-м квартале лесопарковой зоны Харькова (25 июля — 9 августа 1991 г.) вскрыла 167 останков поляков и в Медном Тверской области (15—25 августа 1991 г.) — 243 трупа. Отметим, что эксгумацию фактически проводили польские специалисты. Таким образом, можно говорить о количестве всех эксгумированных трупов — не более 6 тысяч. Сотрудникам же НКВД и членам Политбюро ВКП(б), как уже отмечалось, вменяют в вину расстрел более 21 тысячи поляков. Этот вывод сделан на основе предположений, сомнительных документов, не подвергнутых глубокому экспертному исследованию. К тому же в отсутствие эксгумированных трупов и без установления их национальности вменить в вину указанное количество жертв является недопустимым с правовой и просто здравой точки зрения.

Важность этого положения усиливается и тем, что подавляющее количество списков жертв следствию представила польская сторона. Они не были глубоко проверены на предмет достоверности, гибели лиц, указанных в списках, времени, места и причин смерти.

Материалы комиссии Н.Бурденко не утратили своей актуальности и являются весомой доказательной базой вины

немцев в расстреле польских офицеров в августе — декабре 1941 года под Смоленском в районе Козьих гор (Катынь).

Выводы комиссии в совокупности с доказательствами, собранными историками, юристами, иными исследователями «катынского вопроса» в послевоенный период, убедительно опровергают геббелевско-польскую версию о расстреле поляков органами НКВД СССР.

Назовем лишь некоторые, наиболее существенные из них.

Важным доказательством, подтверждающим расстрел поляков в Катынском лесу именно немцами, является наличие гильз от немецкого оружия на месте расстрела, наличие пуль в трупах от немецкого оружия. У многих жертв руки были связаны бумажным шпагатом, который в 1940 г. в СССР не производился, а производился в Германии. Проигнорировано и то обстоятельство, что на многих убитых находилась теплая одежда, что опять подтверждает выводы комиссии Бурденко о том, что поляки были расстреляны в большинстве своем осенью 1941 г., а не в апреле — мае 1940 г.

Перед отправкой из Козельского лагеря в распоряжение НКВД по Смоленской области всем польским военнопленным были сделаны прививки от брюшного тифа и холеры (весной 1940 г.). Этот факт был отмечен в ходе немецкой экспедиции в 1943 г.

Если везли на расстрел, как утверждают авторы «Заключения», тогда зачем делали прививки?

Отсутствие в архивах каких-либо документов «об исполнении» расстрела поляков. Они неизбежно должны быть, если бы расстрел военнопленных осуществили органы НКВД СССР. Этот вывод подтверждается наличием сохранившихся материалов на этапирование в лагерь на работы военнопленных поляков в распоряжение УНКВД по Смоленской области.

Отсутствие реальной «технической» возможности «незаметно» осуществить расстрел нескольких тысяч поляков в 1940 году в урочище Козьи горы в открытом месте, в зоне отдыха, пионерских лагерей, в 200 метрах от оживленного движения на Витебском шоссе. Это место было открытым для посещения жителей Смоленской области и не закрывалось до того момента, когда в 1941 году немцы обнесли его колючей проволокой и поставили вооруженную охрану.

Расстрел поляков немцами подтверждается многочисленными свидетельскими показаниями, находящимися в материалах комиссии Н. Бурденко, а также дополнительными свидетельствами, собранными в послевоенный период, в том числе пояснениями немцев, имевших отношение к катынским событиям.

Подводя итог вышесказанному, можно однозначно утверждать, что «Заключение» от 2 августа 1993 г. по уголовному делу №159 не соответствует требованиям уголовно-процессуального закона, содержащиеся в нем выводы тенденциозны, необъективны и юридически ничтожны.

Не может быть объективно признанной и данная «экспертами» политико-правовая оценка ситуации, в которой находился Советский Союз в 1939 г., его отношений с Польшей и Германией. Их исследования и выводы также носят откровенно политизированный, односторонний, русофобский характер. Были проигнорированы жизненно важные на тот период интересы СССР, вопросы его безопасности.

Авторы «Заключения» не без оснований решили начать рассмотрение «катынского дела» с вопросов развития советско-польско-германских отношений перед Второй мировой войной. Однако, поставив такую задачу, они ограничились упоминанием о Рижском мирном договоре 1921 г., советско-польском договоре о ненападении 1932 г., конвенции об определении агрессии, заключенной между Польшей и СССР в 1933 г., и ряда других далеко стоящих от предмета доказывания событий. Авторы «Заключения» лишь вскользь упомянули о том, что до войны «советско-польские отношения развивались трудно». Зато немало было сказано о советско-германском договоре о ненападении от 23 августа 1939 г. и советско-германском договоре о государственной границе и дружбе от 28 сентября 1939 г. Вряд ли такой выбор событий в международной жизни на протяжении двух десятилетий достаточен для взвешенной оценки сложнейших вопросов, во многом обусловивших начало Второй мировой войны.

Ясно, что подписанию мирного договора всегда предшествует война, и польско-советские отношения возникли не с Рижского договора, а раньше — по крайней мере, после революции 1917 г. и образования независимой Польской республики в ноябре 1918 г.

С первых же дней существования Польской республики ее отношения с РСФСР обострились. 2 января 1919 г. в Варшаве была расстреляна жандармами миссия Советского Красного Креста во главе с Б. Веселовским. Правительство И. Падеревского, пришедшее к власти 19 января 1919 г., продолжило антисоветскую политику своих предшественников, развернув вооруженные действия по захвату земель Украины и Белоруссии. В ходе этой необъявленной войны Западная Украина и большая часть Белоруссии, включая Минск, были захвачены польскими войсками.

Авторы «Заключения» скрывают то обстоятельство, что Рижский мирный договор был навязан советской стране,

разоренной и ослабленной Гражданской войной, под угрозой возобновления военной интервенции западных держав. Этот договор не разрешил проблем, приведших к войне 1920 г., а породил новые, осложнявшие отношения между Польшей и Советским Союзом на протяжении последующих лет.

В ходе ассимиляции, или «полонизации», украинцев и белорусов ликвидировались православные церкви. Уже к концу 1924 г. большинство белорусских начальных школ было закрыто или превращено в польские. Учителя уволены, многие из них брошены в концентрационные лагеря. К 1939 г. не осталось ни одного издания на белорусском языке. Польский министр Скульский заявлял в 1925 г.: «Я заверяю вас, что через десять лет вы днем с огнем не найдете ни единого белоруса в Польше».

Последствия этой политики геноцида были отражены в меморандуме белорусских депутатов сейма, направленном 5-й сессии Лиги Наций, в котором говорилось: «Белорусский народ испытывает невыносимый террор от поляков... Телесным наказаниям подвергаются белорусские крестьяне... В начале года депутат Тарашкевич посетил Полесье; он не обнаружил ни одной деревни, где кто-либо избежал безжалостных избиений со стороны поляков... Польская полиция... выработала систему утонченных пыток».

Столь же безжалостным было национальное угнетение украинцев. Борьба за права населения Западной Украины и Западной Белоруссии органично соединялась с сопротивлением национальному гнету Варшавы.

Заключение Рижского мирного договора не привело и к ликвидации многих последствий войны 1920 г. Вопреки положениям этого договора в концентрационных лагерях Польши продолжали содержаться в невыносимых условиях советские военнопленные. 9 сентября 1921 г. нарком иностранных дел РСФСР Г. Чичерин в ноте польскому поверенному в делах Польши в России Т. Филипповичу писал: «В течение двух лет из 120 тысяч русских пленных в Польше умерло 60 тысяч».

Авторы «Заключения» скрыли, что правительства довоенной Польши грубо нарушали положения Рижского мирного договора, поддерживая диверсионную деятельность различных антисоветских группировок вроде формирований самозванного «начальника Белорусского государства» генерал-майора С.Н. Булах-Булаховича.

В межвоенные годы Польша постоянно стояла в авангарде внешнеполитических действий, направленных против Советского Союза. В это время она активно поддерживала уси-

лия западных держав по созданию «санитарного кордона», изолирующего СССР от европейского мира.

На советско-польской границе не прекращались вооруженные провокации, а территория Польши служила базой для вылазок диверсионных террористических банд. 15 марта 1922 г. Народный комиссариат иностранных дел РСФСР обратился с нотой протеста к ведущим странам Западной Европы по поводу событий на западной границе советских республик. В ней указывалось: «Русское правительство имеет неопровержимые доказательства формирования враждебных банд на территории соседних государств». В связи с тем, что «против Советской России заключаются новые военные союзы», НКВД высказал тревогу по поводу возможности «новой военной интервенции, открытой или замаскированной».

Несмотря на это, 31 марта — 3 апреля 1925 г. на конференции Генеральных штабов Польши, Латвии и Эстонии было принято решение о координации действий разведок этих стран против СССР. Распределены зоны разведки на территории нашего государства, достигнута договоренность об обмене развединформацией.

1927 г. был отмечен всплеском новой международной антисоветской кампании, в ходе которой выдвигались планы развязывания интервенции против СССР. Эта кампания была продолжена в 1930 г., после того, как папа римский Пий XII призвал верующих к «молитвенному походу» против СССР. Правительство католической Польши живо откликнулось на инициативу Ватикана. В ходе состоявшихся в течение 1930-х годов обменов визитами между правительственными делегациями Эстонии и Польши постоянно обсуждались планы военного нападения на СССР.

Упомянув о советско-польском договоре о ненападении 1932 г., авторы «Заключения» пишут: «Ошибочно было бы приписывать польской стороне прогерманский, прогитлеровский курс. Ю. Бек, польский министр иностранных дел, действовал с позиции равной удаленности от Германии и России — «двух врагов». На самом деле «равной удаленности» не существовало.

Крен польского правительства в сторону Германии усилился после прихода к власти Гитлера. В своих беседах с польским посланником Высоцким в мае 1933 г. Гитлер всячески подчеркивал не только «миролюбие» и «уступчивость» Германии, но и «общность задач» двух стран в борьбе против «угрозы с Востока». Приведенные заявления нашли отклик в правящих кругах Польши, которые подогревались новыми призывами к общей борьбе против коммунизма и рассуждениями о том, что

«расположенная на границе Азии» Польша должна сыграть роль «бастиона». Эти слова прозвучали в беседе Гитлера с польским послом Липским 15 ноября 1933 г.

Сближение Польши и гитлеровской Германии нашло выражение в подписании 26 января 1934 г. декларации о мирном разрешении споров.

В это время Германия уже вышла из Лиги Наций и встала на путь милитаризации. Незадолго до подписания польско-германской декларации 19 декабря 1933 г. СССР предложил ряду европейских стран подписать договор о взаимной помощи против агрессии. Предполагалось, что в этом договоре могли бы принять участие помимо СССР и Франции Бельгия, Чехословакия, Польша, прибалтийские страны, то есть те государства, которые граничили с Германией и могли бы стать жертвами ее агрессии. Однако предложения Советского Союза были отклонены.

В «Заключении» ни слова не сказано о соучастии Польши в разделе Чехословакии, но зато утверждалось, будто правительство Польши с 1936 г. отвергало призывы Германии к совместным действиям против СССР. При этом было сказано, что 25 ноября 1936 г. Германия пригласила Польшу присоединиться к Антикоминтерновскому пакту, но она не согласилась с предложением. На самом деле 25 ноября 1936 г. так называемый Антикоминтерновский пакт был подписан между Германией и Японией, а Польше в тот день никто никаких предложений по поводу присоединения к этому пакту не делал. В то же время совместные действия Германии и Польши по срыву Восточного пакта, разделу Чехословакии, по плану раздела Прибалтики имели явную антисоветскую направленность.

Дипломаты, а также иные должностные лица Польши и Германии длительное время вели между собой переговоры об укреплении своих связей и возможном захвате земель Советского Союза. При этом высказывалось мнение, что Украина стала бы зоной влияния Польши, а северо-запад России — зоной Германии.

Авторы «Заключения» умалчивают о том, что польское правительство 11 мая 1939 г. отвергло предложение Советского правительства о заключении договора о взаимопомощи. Польша сохраняла верность своему антисоветскому курсу.

Умалчивается и о том, как западные державы затягивали решение вопроса о принятии срочных мер по оказанию отпора гитлеровской агрессии начиная с весны 1939 г. Когда переговоры с представителями Англии и Франции о заклю-

чении соглашения о военном сотрудничестве начались 12 августа 1939 г., советская делегация заявила о готовности направить для борьбы против агрессии 120 пехотных дивизий, 16 кавалерийских дивизий, 5 тысяч тяжелых орудий, 10 тысяч танков, 5 тысяч самолетов. Однако вскоре выяснилось, что советские войска по вине Польши не смогут приблизиться к армии агрессоров. Можно с полной уверенностью заявить, что при согласии польской стороны с советскими предложениями ситуация в Европе имела бы иной характер, могло быть предотвращено нападение Гитлера на Польшу, его продвижение на восток.

С 17 по 20 августа 1939 г. дипломаты Великобритании и Франции несколько раз обращались к польскому министру Беку с призывом согласиться на пропуск советских войск через польскую территорию, но получили отказ. Об этом нет ни слова в «Заключении», но зато там много высказано набившей оскомину критики относительно советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г.

Объясняя причины подписания СССР договора о ненападении с Германией, авторы «Заключения» утверждали: «Сталин рассчитывал, что путем сделки с Германией, нейтрализовав ее агрессию против СССР ценой раздела Польши, удастся ее «переиграть», потянуть время и столкнуть Гитлера с «оплотом западного империализма» — Англией и Францией». При этом они скрыли, что подписанию договора от 23 августа 1939 г. предшествовало Мюнхенское соглашение от 30 сентября 1938 г., позволившее Гитлеру развернуть агрессию против СССР.

Все это свидетельствует о том, что совершенно очевидно история польско-советских и польско-германских отношений изложена в «Заключении» крайне однобоко. Все, что не отвечает апологетическому восхвалению довоенной политики Польши, выброшено из повествования, ряд утверждений откровенно лжив. В результате политика Польши в отношении СССР и гитлеровской Германии искажена до неузнаваемости.

Такой же метод произвольной манипуляции с историческими и иными фактами авторы «Заключения» использовали и при изложении других аспектов так называемого «Катынского дела».

В частности, договор о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 г. и германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией от 28 сентября 1939 г. «экспертами» определены как волонтеристские решения Сталина и верхушки партийно-государ-

ственного аппарата, навязанные стране и противоречащие интересам независимости ряда третьих стран. Фактически весь анализ опять-таки сведен только к «интересам» других государств, в первую очередь Польши, и нигде не говорится об интересах Советского Союза — они отброшены за ненадобностью.

Августовские договоры 1939 г. СССР подписал с Германией после того, как Англия и Франция, годом раньше согласившись с немцами по Мюнхенской договоренности об оккупации Гитлером Судетской области Чехословакии, отказались заключать с нами соглашение о создании антигитлеровской коалиции. И если уже говорить о морали в международных отношениях, то следует констатировать, что Польша поступила более чем безнравственно, «отхватив» у Чехословакии в этот сложный период часть ее территории.

Создается впечатление, что «эксперты» военной прокуратуры вовсе не знали или не хотели учитывать то, что СССР последним, находясь на грани дипломатической изоляции, подписал в августе 1939 г. с Германией договоры о ненападении и границе. Тогда как 30 сентября 1938 г. была подписана декларация о ненападении и мирном решении спорных вопросов между Германией и Великобританией, а 6 декабря того же года — аналогичная франко-германская декларация. Такой же договор с Германией имела и Польша.

7 июня 1939 г. договоры о ненападении с Германией заключили Латвия, Литва и Эстония. Поэтому утверждения о том, что договор СССР с Германией стал прологом ко Второй мировой войне, являются абсурдными, а в настоящее время они еще и густо окрашены политическими пристрастиями. Договор был инструментом обороны, а не агрессии, как об этом заявляют честные и совестливые политики, историки по Мюнхенской договоренности, дипломаты.

Однако политическое руководство Польши, ряда других государств и присоединившиеся к ним отдельные российские историки обвиняют Советский Союз в заключении с Германией секретных протоколов, которые якобы предопределили судьбу ряда соседних с ним государств. Речь идет о разграничении, в первую очередь, территориальных пограничных интересов в зоне других стран.

При этом ссылаются на секретный дополнительный протокол, в котором указано: «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии Нарев, Висла и Сам. Вопрос, является ли в обоюдных интересах жела-

тельным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть исключительно выяснен только в течение дальнейшего политического развития».

Общезвестно, что подлинники секретных протоколов не установлены и вопрос об их подписании и существовании так и остается открытым.

Если же и согласиться с их существованием, то Советский Союз, заявляя о возможности установления новых границ, преследовал определенные стратегические цели — вернуть СССР принадлежащие ему территории Западной Белоруссии и Западной Украины, которые были оккупированы Польшей и закрепились за ней по кабальному для Советской России Рижскому договору от 18 марта 1921 г. Сталинское политическое руководство, в своих конечных целях не предусматривавшее ликвидации Польши как самостоятельного государства (оно было восстановлено сразу же по окончании Второй мировой войны), «прирезало» к послевоенной Польше часть восточногерманских земель, в дальнейшем же, как мы знаем, СССР оказывал огромную финансовую, материальную поддержку в восстановлении и развитии польской экономики.

Не надо забывать и тот факт, что только 17 сентября 1939 г. Советский Союз ввел войска Красной Армии на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины, после того как польское правительство и главнокомандующий польскими вооруженными силами маршал Рыдз-Смиглы бежали из страны. Польша пожинала плоды своей недалновидной русофобской политики, отказавшись до нападения на нее Гитлера 1 сентября 1939 г. открыть коридоры для Красной Армии, чтобы та вместе с польскими войсками могла остановить немцев на ее западных границах.

Одновременно Советский Союз, реализуя свое право на защиту от немецкой агрессии и вернув принадлежащие ему территории Западной Белоруссии и Западной Украины, на определенный срок сдержал продвижение гитлеровцев по территории Польши дальше на восток, к ранее существовавшей советско-польской границе.

Уместно отметить, что после ввода войск Красной Армии ни само польское правительство, ни ее союзники Великобритания и Франция не посчитали СССР агрессором и не объявили ему войны.

По высказыванию Черчилля, ввод советских войск на украинскую и белорусскую часть Польши — вынужденная мера, которая была «...необходима, чтобы обезопасить Рос-

сию от нацистской угрозы». Об этом заявил человек, который хорошо знал военно-политическую обстановку того времени в Восточной Европе и был далеко не другом СССР.

Следует так же отметить, что «эксперты» ГВП недобросовестно, с большими искажениями делают ссылки на Постановление 2-го съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г.», отмечая, что сам договор с юридической точки зрения находился в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих государств».

Однако эксперты умышленно скрывают, что подобная оценка относится к так называемым «секретным протоколам», подлинники которых, как уже отмечалось, так и не установлены, и есть сомнения в том, что протоколы подписывались вообще.

Что касается самого договора, то съезд отметил: «Содержание договора не расходится с нормами международного права и договорной практикой государств, принятыми для подобного рода урегулирований...» (п. 3).

Заключался он «...в критической международной ситуации, в условиях нарастания опасности агрессии фашизма в Европе и японского милитаризма в Азии и имел одной из целей — отвести от СССР угрозу надвигающейся войны» (п. 2).

Совершенно некорректными и неуместными являются обвинения «экспертов» в нарушении СССР Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» от 18 октября 1907 г. Они вновь проявили необъективность, обеляя польскую сторону и оставляя без внимания ее методы ведения войны против России в 1919 — 1920 гг. Жестокое обращение польских властей с пленными красноармейцами в польских лагерях, по некоторым данным, стоило жизни свыше 80 тысячам человек.

В частности, явно несостоятельны утверждения экспертов, что СССР после окончания боевых действий не распустил польских военнослужащих по домам. Данное утверждение не соответствует действительности. Из плененных 230—250 тысяч человек более половины сразу же были освобождены из плена — в первую очередь рядового и сержантского состава; свыше 70 тысяч военнопленных были отправлены в армию польского генерала Андерса для ведения боевых действий с немцами в южной части Европы.

Повествуя, при каких обстоятельствах польские офицеры стали военнопленными, авторы «Заключения» обращают основное внимание на то, что вступление Красной Армии на

польскую территорию произошло без формального объявления войны Польше. «Эксперты» словно не замечают ноты советского правительства, врученной польскому послу в Москве, где черным по белому сказано: «...польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни, польское государство и его правительство фактически перестали существовать».

В «Заключении» говорится о разделе Польши между Германией и СССР. На самом же деле под советскую юрисдикцию, как мы уже отмечали, возвращены земли Западной Украины и Западной Белоруссии, то есть те территории, которые еще в 1919 — 1920 гг. ведущие державы мира признали не принадлежащими Польше.

Необъявление войны объяснялось и тем, что советские войска вступили в Польшу для того, чтобы, как говорилось в ноте, «взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». Они не имели намерения уничтожать остатки польской армии. Учитывая это, главнокомандующий польской армии Рыдз-Смиглы перед своим бегством в Румынию отдал приказ не оказывать сопротивления Красной Армии.

В «Заключении» нет ни слова о восторженном приеме солдат Красной Армии в западных областях Украины и Белоруссии. Между тем в своем исследовании «Революция из-за границы», подготовленном на основе письменных свидетельств поляков, покинувших СССР вместе с армией Андерса в 1942 г., Ян Гросс, которого никак нельзя заподозрить в просоветских симпатиях, признавал: «Следует отметить и сказать это недвусмысленно: по всей Западной Украине и Западной Белоруссии, на хуторах, в деревнях, городах Красную Армию приветствовали малые или большие, но в любом случае заметные, дружественно настроенные толпы. Толпы сооружали триумфальные арки и вывешивали красные знамена (достаточно было оторвать белую полосу от польского флага, чтобы он стал красным). Войска засыпали цветами, солдат обнимали и целовали, целовали даже танки. Иногда их встречали хлебом и солью».

Изъявления радости по поводу прихода армии, освобождавшей их от национальной дискриминации, сопровождались взрывом ненависти по отношению к свергнутому строю. Украинцы, белорусы, евреи объединялись в группы и шли громить польскую администрацию, которая пыталась найти защиту у остатков польской армии. По всей территории Западной Украины и Западной Белоруссии происходили вооруженные стычки.

Как отмечал Я. Гросс, «части польской армии, перемещавшиеся через восточные воеводства — их всего было несколько сот тысяч солдат, — во многих случаях наталкивались на недружественное отношение местного населения. Свои последние бои польская армия на своей территории вела против украинцев, белорусов, евреев». Так как последние обращались за помощью к советским войскам, то в стычки втягивалась и Красная Армия. Этим во многом объяснялись ее потери и одновременно аресты и последующее привлечение польских офицеров к уголовной ответственности. Часть из них была осуждена на сроки от 3 до 8 лет лишения свободы и работала на специальных объектах, а около 3,2 тыс. человек были расстреляны по приговорам военных трибуналов и «особых совещаний».

Попытки бывших польских офицеров организовывать среди местного польского населения заговоры против новой власти также вызывали аресты среди поляков. При этом основная часть населения Западной Украины и Западной Белоруссии усиленно помогала советским властям «разоблачать заговорщиков», даже если их деяния были вполне очевидными.

Об этих моментах авторы «Заключения» стыдливо умолчали. Вместо этого они несколько раз настойчиво повторяют, что СССР не выполнял обязательства международных конвенций об обращении с военнопленными, подписанных в Женеве в 1864 г. и в Гааге в 1907 г. Поскольку авторам «Заключения» известно, что к рассматриваемому периоду СССР не подписал эти конвенции, то они уверяют, будто советское правительство делало устные заявления о готовности их выполнять. Между тем для того, чтобы страна стала участницей международной конвенции, ее полномочные представители должны подписать этот документ, а высший орган власти этой страны ратифицировать.

Совершенно абсурдным является заявление авторов «Заключения»: «Как известно, входивший в Лигу Наций СССР должен был соблюдать международные конвенции». Так могут говорить люди, совершенно не знакомые ни с теорией, ни с практикой международного права. Членство в самых авторитетных международных организациях не приводит к автоматическому превращению стран в участников всех международных конвенций. Известно, например, что множество стран, являющихся членами ООН и МОТ, не подписывали и не ратифицировали различные международные конвенции, регулирующие условия труда. Удивительным образом свое абсурдное утверждение подписали лица, обладающие высо-

кими степенями докторов юридических наук и занимающие крупные посты в институтах по вопросам права.

Рассказывая об обстоятельствах пленения польских офицеров, авторы «Заключения» проявили не только недобросовестность в выборе исторического материала, но и невежество в вопросах международного права.

В своем «Сообщении» члены Комиссии Н.Н. Бурденко так объясняли причины уничтожения польских офицеров немцами: «Расстреливая польских военнопленных в Катынском лесу, немецко-фашистские захватчики последовательно осуществляли свою политику уничтожения славянских народов». Утверждая, что польские офицеры были расстреляны немцами, советские власти еще до начала работы комиссии под руководством Н.Н. Бурденко исходили из всего, что было известно о действиях немецко-фашистских оккупантов к весне 1943 г. Немало было известно и о планомерной политике уничтожения славянских и других народов, объявленных в гитлеровской Германии «неполноценными». Материалы, которые были затем представлены на Нюрнбергском процессе, подтвердили справедливость таких суждений.

Из них следует, что Польша стала объектом широкомасштабных репрессий в ходе нацистской оккупации. В известной записке М. Бормана, предъявленной на Нюрнбергском процессе, излагались принципы германской политики в превращенной в генерал-губернаторство Польше.

Германия уже с первых дней оккупации Польши начала проводить безжалостную политику по отношению к ее народу. В первый же год оккупации свыше двух миллионов поляков были вывезены на принудительные работы в Германию. Польское население подвергалось жестоким репрессиям. В интервью Ганса Франка, генерал-губернатора Польши, данном корреспонденту газеты «Фелькишер беобахтер» Клайсу 6 февраля 1940 г., объяснялось, чем отличается жизнь в протекторате Богемия и Моравия от жизни в генерал-губернаторстве: «Образно я могу об этом сказать так: в Праге были, например, вывешены красные плакаты о том, что сегодня расстреляно 7 чехов. Тогда я сказал себе: «Если бы я захотел отдать приказ о каждых семи расстрелянных поляках, то в Польше не хватило бы лесов, чтобы изготовить бумагу для таких плакатов. Да, мы должны были поступать жестоко».

Однако вскоре Франк заявил, что до сих пор оккупанты не действовали в полную силу при проведении репрессий. 30 мая 1940 г. в своем выступлении перед руководителями полиции генерал-губернаторства Ганс Франк говорил: «10 мая началось наступление на западе, и в этот день во всем мире

пропал интерес к событиям, которые происходят здесь у нас». Франк жаловался на то, что до тех пор в мире публиковались сообщения о массовых репрессиях в Польше, и это, мол, заставляло оккупационные власти проявлять известную сдержанность. «С 10 мая, — объявлял Франк, — мы не придаем этой ужасной всемирной пропаганде никакого значения. Я признаюсь откровенно, что тысячи поляков поплатятся за это жизнью, и прежде всего это будут руководящие представители польской интеллигенции. Обергруппенфюрер СС Крюгер и я решили, что мероприятие по умиротворению будет проведено ускоренными темпами».

О том, что означало это «мероприятие по умиротворению», Ганс Франк раскрыл в своем дневнике в 1940 г.: «Кто нам подозрителен, должен быть тотчас ликвидирован. Если в концентрационных лагерях рейха находятся заключенные из генерал-губернаторства, то они должны быть уничтожены на месте».

Население польских земель, включенных в состав Германии, было полностью лишено прав. В официальном докладе правительства Польши, представленном для Нюрнбергского процесса, указывалось: «4 декабря 1941 г. Геринг, Фрик и Ламмерс подписали декрет, который фактически ставил всех поляков и евреев на присоединенных территориях вне закона. Декрет делает из поляков и евреев особую второсортную группу граждан. По этому декрету поляки и евреи обязаны к безусловному послушанию по отношению к рейху. Введены были новые принципы права. Наказание могло быть наложено «по интуиции», обвиняемый был лишен права выбора защитника и права апелляции».

В докладе говорилось: «Одной из наиболее отвратительных черт гитлеровской оккупации в Польше было применение системы заложничества. Коллективная ответственность, уплата коллективной пени и торговля человеческой жизнью считались лучшим методом порабощения польского народа». В своем выступлении перед руководителями нацистских партийных организаций в Кракове Франк говорил: «Я не постеснялся заявить, что если будет убит один немец, то будет расстреляно до ста поляков».

Заложников захватывали и расстреливали даже в тех случаях, когда преступление носило явно уголовный характер. После ограбления и убийства семьи немецких колонистов в деревне Юзефув 300 жителей этой деревни были расстреляны. За убийство бандитом полицейского было схвачено около 170 заложников в селении Вавер, и 107 из них были расстреляны.

Уже к концу 1939 г. в Польше было уничтожено свыше 100 тысяч человек, на ее территории были созданы лагеря смерти Освенцим (или Аушвиц), Майданек, Трешлинка и другие. В своем выступлении Франк говорил: «Если бы я пришел к фюреру и сказал ему: «Мой фюрер, я докладываю, что я снова уничтожил 150 000 поляков», — то он бы сказал: «Прекрасно, если это необходимо». К концу своего хозяйничанья немцами было уничтожено около 6 миллионов поляков — 22% населения страны. Конечная цель политики геноцида состояла в ликвидации к 1950 г. всего польского народа.

Уничтожение немецкими оккупантами в Катынском лесу польских офицеров, оказавшихся в советском плену, а затем схваченных немцами, было закономерным продолжением политики Гитлера по полной ликвидации образованного населения Польши.

Очевидно, что авторы «Заключения» не сочли идейно-политические цели нацистов, направленные на порабощение польского населения и уничтожение его значительной части, достаточно основательными для объяснения расстрелов в Катынском лесу. В то же время, обвиняя СССР в уничтожении польских офицеров, они были вынуждены искать иные мотивы для действий советской власти, нежели стремление уничтожить польское население. Им было трудно обвинить их даже в стремлении уничтожить всех кадровых офицеров, а также офицеров запаса Польши, потому что десятки тысяч таких же офицеров, находясь в других лагерях СССР, не были уничтожены. Часть из них покинула пределы СССР вместе с армией Андерса, часть осталась на советской земле, сражаясь в составе дивизии имени Тадеуша Костюшко, а затем Войска Польского.

Чтобы объяснить причины расстрела, авторы «Заключения» решили придумать бытовые причины — недостаток мест в лагерях и нежелание советских властей тратить средства на содержание пленных. В «Заключении» есть ссылка на то, что «в СССР реализовывался курс на уменьшение бюджетных ассигнований, на сокращение централизованного снабжения лагерей. В НКВД проводилась кампания по увеличению рентабельности лагерей». Этого, видимо, авторам «Заключения» показалось мало, и они объявили, что в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях привлечение к работам ограничивалось в основном рамками самообеспечения лагерей. Содержание в них военнопленных было, естественно, убыточным и обременяло народное хозяйство дополнительными затратами». Не приведя никаких доказательств в пользу низкой «рентабельности» трех лагерей, ав-

торы «Заключения» объявили, что руководство НКВД решило избавиться от «нерентабельных» лагерей, расстреляв их обитателей.

До сих пор не приведено ни единого примера, доказывающего, что какой-либо лагерь, находившийся в ведении ГУЛАГа, ликвидировался по причине «нерентабельности» — не найдено ни единого документа в пользу того, что три лагеря с польскими военнопленными были «нерентабельными», не процитировано ни одного предложения от руководства НКВД о необходимости избавиться от обитателей «нерентабельных» лагерей. Но это не смутило авторов «Заключения».

Чтобы усилить весомость своей аргументации, они привели еще один довод: «Новых помещений и трат требовало размещение в лагерях военнопленных в связи с советско-финской войной 1939—1940 гг.» Авторы «Заключения» не удосужились обратить внимание на то, что советско-финляндская война завершилась 12 марта 1940 г. и обмен военнопленными с Финляндией был в основном завершен к апрелю — маю, когда, по их утверждению, были произведены расстрелы обитателей переполненных лагерей. И вновь возникают вопросы: где и когда в системе ГУЛАГа производились массовые расстрелы по причине переполнения помещений в лагерях и почему это жестокое очищение «жилплощади» было произведено за счет десятков тысяч польских офицеров?

С другой стороны, что бы ни твердили нынешние СМИ, руководители НКВД знали о вероятности нападения Германии на СССР, подготовка к такому нападению проводилась в СССР. Как показали последующие события, наличие польских офицеров на советской территории позволяло создать полноценную армию Польши, способную сражаться против вермахта. Поэтому устраивать огульное уничтожение польских офицеров было бы просто абсурдно. Однако заангажированным экспертам, писавшим «Заключение», видимо, и в голову не приходит, что руководители НКВД могли мыслить разумно и логично.

О том, что у авторов не было никаких фактов, чтобы подтвердить свои фантазии, свидетельствует следующая фраза «Заключения»: «Решая свои ведомственные оперативные задачи (интересы наркомата в основном сводились к допросам, вербовке и защите агентуры), руководство НКВД с логической неизбежностью приближало ликвидацию военнопленных как людей, на которых опиралась польская государственность и которые не смирились с оккупацией страны, стремясь к возрождению Польши». Фактически авторы приписали, что приписываемая ими «логика» поведения руковод-

ства НКВД, а не факты служили им для обвинения советских властей в убийстве польских офицеров.

Рассуждения о логике прикрывают паразитические логические нелепости, совершенные авторами «Заключения». Они не привели ни единого факта, что расстрелянные в Катынском лесу поляки были тем элитным срезом, на который «опиралась польская государственность». Ныне эти утверждения постоянно повторяют СМИ Польши и России. С таким же упорством о гибели значительной части польской элиты говорят и в связи с крушением самолета президента Польши Качиньского под Смоленском.

Авторы «Заключения» уверяют, что не имеющее прецедентов решение об уничтожении тысяч польских офицеров было принято советской стороной как по причине нежелания их содержать, так и стремления «освободить помещение» для иных заключенных. Получается, что политика геноцида польского народа, проводившаяся немецко-фашистскими оккупантами, — ничто по сравнению с теми бытовыми мотивами, которыми, якобы, руководствовалось начальство НКВД.

В опубликованном 24 января 1944 г. сообщении Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров, в частности, говорилось: «Массовые расстрелы польских военнопленных в Катынском лесу производило немецкое военное учреждение, скрывавшееся под условным наименованием «штаб 537-го строительного батальона», во главе которого стояли оберст-лейтенант Арнес (составители сборника документов Нюрнбергского процесса, выпущенного в Москве в 1954 г., указывали, что, как установил Международный трибунал, точная фамилия подполковника — Аренс. — Авт.) и его сотрудники: обер-лейтенант Рекс и лейтенант Хотт».

Одновременно со вскрытием могил и исследованием трупов комиссия произвела опрос многочисленных свидетелей из местного населения, по показаниям которых точно устанавливаются время и обстоятельства преступлений, совершенных немецкими оккупантами.

«Из всех материалов, находящихся в распоряжении специальной комиссии, а именно: показаний свыше ста опрошенных свидетелей, данных судебно-медицинской экспертизы, документов и вещественных доказательств, извлеченных из могил Катынского леса, с неопровержимой ясностью вытекают следующие выводы:

1. Военнопленные поляки, находившиеся в трех лагерях западнее Смоленска и занятые на работах до начала войны, оставались там и после вторжения немецких оккупантов в Смоленск, до сентября 1941 г. включительно. <...>

2. В Катынском лесу осенью 1941 г. немецкими оккупационными властями производились массовые расстрелы польских военнопленных из вышеуказанных лагерей. <...>

4. В связи с ухудшением для Германии общей военно-политической обстановки к началу 1943 г. немецкие оккупационные власти, в провокационных целях, предприняли ряд мер к тому, чтобы приписать свои собственные злодеяния органам советской власти в расчете посорить русских с поляками. <...>

В этих целях:

а) немецко-фашистские захватчики путем уговоров, попыток подкупа, угроз и варварских истязаний старались найти «свидетелей» из числа советских граждан, от которых добивались ложных показаний о том, что военнопленные поляки якобы были расстреляны органами советской власти весной 1940 г.;

б) немецкие оккупационные власти весной 1943 г. свозили из других мест трупы расстрелянных ими военнопленных поляков и складывали их в разрытые могилы Катынского леса с расчетом скрыть следы собственных злодеяний и увеличить число «жертв большевистских зверств» в Катынском лесу;

в) готовясь к своей провокации, немецкие оккупационные власти для работы по разрытию могил в Катынском лесу, извлечению оттуда изобличающих документов и вещественных доказательств использовали до 500 русских военнопленных, которые по выполнении этой работы были немцами расстреляны. <...>

6. Данными судебно-медицинской экспертизы с несомненностью устанавливается:

а) время расстрела — осень 1941 г.;

б) применение немецкими палачами при расстреле польских военнопленных того же способа — пистолетного выстрела в затылок, который применялся ими при массовых убийствах советских граждан в других городах, в частности в Орле, Воронеже, Краснодаре и в том же Смоленске. <...>

7. Выводы из свидетельских показаний и судебно-медицинской экспертизы о расстреле немцами военнопленных поляков осенью 1941 г. полностью подтверждаются вещественными доказательствами и документами, извлеченными из катынских могил».

Эти выводы специальной комиссии авторы «Заключения» подвергли грубым нападкам. При этом они опять прибегали к подтасовке и передергиванию фактов. Стараясь доказать, что члены комиссии не были свободны в своих суждениях, его авторы заявляли: «Задачи комиссии Н.Н. Бурденко определялись в письме возглавлявшему Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников председателя Президиума Верховного Совета Н.М. Шверника». При этом после слов «Верховного Совета» опущено упоминание «РСФСР», и у читателей «Заключения» может создаться впечатление, будто Шверник в это время занимал высший государственный пост в СССР. Между тем ничего ненормального не было в том, что глава Чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков писал письмо членам специальной комиссии по этим же вопросам.

Обрушивая брань в адрес комиссии Н.Н. Бурденко (в «Заключении» голословно утверждается: «Выводы комиссии Н.Н. Бурденко были звеном в цепи фальсификации, принятой сталинским партийно-государственным руководством для сокрытия правды о катынском злодеянии»), авторы «Заключения» не нашли ни единого слова критики в адрес геббельсовской версии. В то же время они вынуждены были признать, что: «...в материалах настоящего дела отсутствуют полные протоколы судебно-медицинских исследований останков экспертами комиссии Н.Н. Бурденко, соответствующий материал для последующих микроскопических и химических исследований в лабораторных условиях. Упомянутые материалы не удалось обнаружить в различных архивах и в ходе настоящего следствия. В то же время именно эти документы должны были лечь в основу, на которой базировала бы свои выводы комиссия судебно-медицинских экспертов».

Те же свидетельства, которые сохранились, были отмечены членами комиссии экспертов 1993 г. как недостаточные. «Заключение» голословно объявило, что «большинство документов... не могут служить доказательствами» или являются «заведомо фальшивыми». Между тем еще в ходе Нюрнбергского процесса свидетель обвинения профессор судебной медицины В.И. Прозоровский привел немало доказательств того, что расстрел польских офицеров не был произведен весной 1940 г. Он упоминал письмо, найденное судебным экспертом у одного трупа, отправленное из Варшавы 12 сентября 1940 г. и полученное в Москве 28 сентября 1940 г.

На трупах были найдены письма и квитанции с датировками за 12 ноября 1940 г., 6 апреля 1941 г., 20 июня 1941 г. При этом надо учитывать, что немецкие мастера фальсификации постарались уничтожить значительную часть материалов, которые, очевидно, противоречили их версии о расстреле польских офицеров весной 1940 г.

На процессе в Нюрнберге был допрошен бывший заместитель бургомистра Смоленска профессор астрономии Борис Базилевский, рассказавший о своих беседах с представителями оккупационной администрации осенью 1941 г. Свидетель показал, что от коменданта Смоленска фон Швеца русские сотрудники городского управления узнали об уничтожении польских военнопленных в сентябре 1941 г.

На Нюрнбергском процессе были допрошены и те эксперты, которых использовали немецкие оккупанты для придания объективности «расследования» в Катынском лесу. Так, болгарский эксперт Марко Марков показал: «Мы были в Катынском лесу два раза. Каждый раз пребывание продолжалось не более 3—4 часов. В нашем присутствии не были разрыты новые могилы. Нам показали лишь несколько могил, уже разрытых до нашего прибытия. Вся наша остальная деятельность в течение этих двух дней носила характер быстрого осмотра под руководством немцев. Это напоминало туристскую прогулку». И, тем не менее, ознакомившись с некоторыми трупами, Марков заявил, что, судя по их состоянию, «они находились в земле не более полутора лет».

Пытаясь опровергнуть выводы комиссии Н.Н. Бурденко, авторы «Заклучения» прибегли к очередной манипуляции фактами. Они написали: «Предпринятая на Нюрнбергском процессе в 1946 г. попытка советского обвинения в опоре на «Сообщение специальной комиссии» возложить вину за расстрел на Германию успеха не имела. Международный трибунал не признал выводы этого документа достаточно обоснованными, показания свидетелей — убедительными и не включил в приговор это преступление в вину немцам. Это решение советским обвинением не оспаривалось, и протест не вносился, хотя в других случаях советский представитель протест вносил».

На самом деле Международный трибунал не выносил решений о признании выводов комиссии Н.Н. Бурденко «недостаточно обоснованными», а о признании «показаний свидетелей» — неубедительными. Также известно, что трибунал заслушал множество свидетельских показаний и принял все документы к рассмотрению. Однако без всяких пояснений не включил в приговор катынский эпизод, но признал наци-

стов виновными в расстреле военнопленных. С чем это связано? Возможно, с технической небрежностью, допущенной при составлении приговора, ибо расстрел немцами польских военнослужащих на фоне массовых умерщвлений гитлеровцами сотен тысяч, миллионов людей оказался для судей незначительным и не влияющим на общее содержание приговора. Трибунал не признал поляков военнопленными, возможно, из-за того, что советские обвинители проявили некоторую самонадеянность и неточно назвали фамилии командования немецких воинских частей, сначала участвовавших в пленении поляков под Смоленском, а потом и в их расстреле.

Версий больше чем достаточно. Для нас важно другое — трибунал не оправдал военных преступников по этому эпизоду.

Что касается советского обвинения, то протесты им вносились лишь в связи с мерами наказания, выбранными для ряда подсудимых, и непризнания преступными ряда государственных организаций Германии. Заявление о провале усилий советских обвинителей по обвинению немецко-фашистских оккупантов — очередная попытка скрыть правду с помощью лживых уверток. Это яркое свидетельство стремления «экспертов» оправдать преступления немецко-фашистских оккупантов и заслужить одобрение от идейно-политических наследников Геббельса.

Пытаясь опровергать выводы комиссии Н.Н. Бурденко, авторы «Заключения» утверждали, что «с 1 апреля по 19 мая 1940 г. на основании составленных П.К. Сопруненко и его заместителем И.И. Хохловым списков» заключенные из лагерей военнопленных были отправлены во внутренние тюрьмы НКВД, где они и были расстреляны. После этого идет длинный перечень букв и цифр, которые, видимо, должны обозначать некие документы. Правда, тут же содержится примечательная оговорка: «Значительная часть документов о военнопленных для сокрытия факта расстрела была сожжена». Ни единого документа, который якобы сохранился и подтверждал бы подобный факт, в «Заключении» приведено не было.

В нем сказано: «Военных расстреливали в подвальном помещении по одному выстрелом в затылок из немецкого пистолета «вальтер». Это предложение позволило авторам «Заключения» объяснить наличие немецких пуль в телах расстрелянных польских офицеров. Еще когда Смоленск был в руках оккупантов, эксперты из направленной немцами в Катынь комиссии Польского Красного Креста установили, что

пули, которыми были расстреляны польские офицеры, были немецкой марки «Геко», серия Д, калибр 7,65 мм. На Нюрнбергском процессе помощник главного обвинителя от СССР Смирнов предъявил телеграмму, направленную чиновником генерал-губернаторства Хейнрихом из Смоленска старшему административному советнику Вейрауху в Краков: «Часть делегации Польского Красного Креста вчера возвратилась из Катыни. Сотрудники Польского Красного Креста привезли с собой гильзы патронов, использовавшихся при расстреле жертв в Катыни. Выяснилось, что это немецкие боеприпасы. Калибр 7.65, фирма «Геко». Письмо следует. Хейнрих».

Правда, зависимые от немцев представители польского Красного Креста не решились, как это сказано в «Заключении», признать ответственность немцев за преступление: «Факт использования немецкого оружия не был признан определяющим для установления вины той или иной стороны». Но для Геббельса обнаружение немецких пуль стало неприятной неожиданностью. 8 мая 1943 г. он записал в своем дневнике: «К сожалению, в могилах Катыни были обнаружены немецкие боеприпасы. Вопрос о том, как это произошло, нуждается в выяснении». Затем Геббельс, очевидно, стал придумывать версию, как объяснить присутствие немецких пуль, и записал: «Полагаю, это то, что мы продали в период наших дружеских отношений с Советской Россией, или же советские люди сами побросали их в могилы».

Нелепость этих уверток была очевидна. Нет никаких оснований полагать, что немецкие пули служили в качестве боеприпасов Красной Армии. Еще нелепее предположить, что немецкие пули были сознательно использованы для расстрела польских офицеров или подброшены в могилы с целью ввести в заблуждение мировую общественность. В этом случае надо предположить, что советские власти еще весной 1940 г. заранее предвидели оккупацию Смоленска немцами и обнаружение ими захоронения.

Установление немецких пуль в трупах перечеркивает усилия гитлеровских фальсификаторов, и Геббельс приходил к неутешительному для себя выводу: «Если это станет известно врагу, то от всей катынской истории придется отказаться».

Видимо, по этой причине вдруг весь «эксгумационный катынский архив» немцев (документы, гильзы, другие вещдоки, так называемый «Архив доктора Бутца») — всего 14 ящиков — странным образом стorer на железнодорожной станции в Дрездене в начале 1945 г. Сам же доктор Бутц, руководивший исследовательскими работами, в 1944 г. был убит.

И еще некоторые странности. «Катынский архив» техкомиссии Польского Красного Креста, также включавший некоторые документы, предметы и немецкие гильзы фирмы «Геко», 7,65 мм, сторел в Варшаве в 1944 г. А в 1948 г. член ПКК Яворский уничтожил все вещдоки, собранные им в Катынском лесу. Зачем уничтожать, если бы они подтверждали версию о расстреле поляков органами НКВД СССР. Ответ вполне очевиден.

«Эксперты» комиссии ГВП, составившие «Заключение», пришли на помощь Геббельсу. Утверждать, что все советские солдаты были вооружены немецкими «вальтерами», они не решились. Известно, что Красная Армия вполне обходилась отечественными пистолетами и револьверами. Тогда, видимо, предположили, что у работников НКВД в Смоленске был один немецкий «вальтер». Именно с его помощью, по мнению авторов «Заключения», расстреляли десять тысяч польских офицеров. Версия явно абсурдная.

Из телеграммы Хейнриха следует, что в могилах найдены гильзы патронов. Между тем в «Заключении» утверждается, что польских офицеров расстреливали в подвалах тюрем. Тогда надо предположить, что вместе с трупами в Катынский лес свозились и гильзы. Экспертов подвела их склонность мыслить известными стереотипами. Видимо из чтения антисоветской литературы им стало известно, что в НКВД расстреливали в подвалах. Они не ознакомились с документами, из которых следует, что гильзы от немецких патронов лежали в могилах, вырытых в лесу, и попасть они туда могли только во время расстрела поляков.

Учитывая вышеизложенное, становится совершенно очевидным, что «эксперты», имевшие ученые звания, извратили представления о научном и объективном исследовании. Содержание «Заключения» отражает позицию части научной интеллигенции страны, которая в 1993 г. послушно выполняла политический заказ правительства Ельцина и пошла на сделку со своей совестью и своим профессиональным долгом.

Политическая заданность в их выводах и оценках приводит к кошунственной подмене: погибшие советские люди выдаются за казненных поляков. При этом ответственность за массовую гибель наших граждан им представляется делом малоинтересным и не подлежащим внимательному исследованию, а ответственность за расстрел польских военнопленных возлагается на страну, которая понесла самые большие потери как до войны, так и в период всемирной катастрофы, которой была Вторая мировая война.

Основные выводы

1. «Заключение» комиссии экспертов Главной военной прокуратуры по уголовному делу № 159, на выводах которого базируется обвинение сотрудников НКВД СССР и политического руководства Советского Союза в расстреле польских военнопленных под Смоленском, не отвечает требованиям уголовно-процессуального законодательства, является научно не обоснованным, юридически несостоятельным и ничтожным.

2. Материалы комиссии Н.Бурденко в совокупности со свидетельствами, полученными в послевоенный период, позволяют утверждать, что военнопленные поляки были расстреляны в Козьих горах (Катынь) под Смоленском немцами в период с конца августа 1941 года и позже во время оккупации ими Смоленской области.

3. Предварительное расследование Главной военной прокуратуры в 1990—2004 годах проведено неполно и тенденциозно, с грубейшими нарушениями уголовно-процессуальных норм при явном злоупотреблении следователями служебным положением и отражает политические установки российской власти. Выводы ГВП о виновности в гибели почти 22 тысяч польских военнопленных сотрудников НКВД СССР и руководства Советского Союза 40-х годов прошлого столетия юридически несостоятельны.

4. Постановление о прекращении уголовного дела № 159, принятое Главной военной прокуратурой о расстреле польских военнопленных под Смоленском, подлежит отмене с последующим проведением дополнительного предварительного расследования. В случае подтверждения им прежних ангажированных выводов о виновности сотрудников НКВД СССР и политического руководства Советского Союза, уголовное дело следует направить в суд для рассмотрения вопроса о их реабилитации и судебной оценки имеющихся в нем доказательств.

5. Внести предложение Президенту Российской Федерации Д.А. Медведеву о необходимости выяснения (расследования) на государственном (правительственном) уровне обстоятельств гибели десятков тысяч красноармейцев, оказавшихся в польском плену в 1920 году и содержавшихся в спецлагерях на территории Польши. Принять меры по увековечиванию их памяти, как жертв международных военных конфликтов.

ПОСЛЕДНИЙ УРОК

РАССКАЗ

31 декабря

Снег валил весь день. К вечеру низкорослый городишко завернулся в белый тулуп. Только свечи церковей да колоколен поднимались посреди оснеженных кварталов двухэтажных домов. Ликовала ребятня, выкатывая по свежачку огромные белые колобки для толстых снежных баб. Серебряной паутиной гирлянд замерцала гигантская елка перед городской управой. Подножие ее ребятишки устелили золотой мандариновой кожурой, и в морозном воздухе кружился мандариновый запах Нового года.

Причудливо переливались разноцветные нити иллюминации, пестрели рекламы, наперебой зазывая людей в магазины. Горожане шагали торопливо, перегоня друг друга. С пустыми руками никто не шел. Кто нес елку, кто — сосновую лапу. Но таких уже было мало. Большинство тащили пестрые переполненные пакеты с продуктами, из которых нетнет, да и выглядывала улыбающаяся бутылка шампанского, укутанная золоченой фольгой, словно головастая матрешка.

Не радовался этой предновогодней суете только старый бомж — Василий Сыч. Не успел он пригото-

ПРОЗА

виться к зиме... Выцветшие, обвисшие спортивные штаны продувало насквозь, стоптанные ботинки плохо держали тепло, подобранный на помойке худой военный плащ не грел.

Нагруженный стеклянной тарой, прихрамывая на правую ногу, Сыч шагал по аллее заснеженного сквера. Шагал быстро, твердо опираясь на землю больной ногой. Со стороны казалось, что он торопится не опоздать туда, где его ждут. Но никто нигде его не ждал. В грязных парусиновых сумках позвякивали оледеневшие бутылки. Будто это не бомж брел, а шли, приплясывая, веселые цыгане с бубенцами.

Улица за деревьями сквера двигалась живым конвейером: люди — машины — бродячие собаки — и снова люди... Сыч плыл рядом со всеми, как плывет по реке бесхозное бревно. Прохожие обходили этого бородатого старика с немытыми, всклокоченными седыми волосами. Если бы кто остановился и увидел его синие, задумчиво-грустные глаза, может, и усомнился бы: старик ли? Сколько ему лет — семьдесят, шестьдесят? А может, сорок?

Бродяга свернул к скамейке, смахнул рукавицей пушистый снег и присел. Пакеты опустил на землю. Один из них расщелился, и бутылки, как кегли, раскатились около ног.

— Ну, подышите, подышите, голубушки, свежим воздухом, — ласково сказал им старик.

Василия не из-за сходства с сумеречной зловещей птицей зовут Сычом, хотя и живет он замкнуто, уединенно, в «стае» быть не любит. Это по паспорту он был Василий Иванович Сыченников. Был. А теперь — просто Сыч. Коротко и ясно.

Сыч вытащил из кармана чуть надломленный окурок. Сигарета была дамской, и от нее потянуло сладким дымком. От такого наслаждения веки устало сомкнулись. Замерзшими губами начал он шептать свою привычную уже молитву: «Господи, помоги! Если я недостойн покоя, то дай мне хотя бы понимание! Ради чего я живу, ради чего я так мучаюсь? Чем я не угодил Тебе? Ведь Ты же Сам даровал мне жизнь; что ж она такая тяжелая оказалась, жизнь-то эта? Не по силам мне, Господи, крест этот, не по силам... Душа кровит, Господи, сердце надрывается... Укажи мне, Господи, какой смысл в этой муке? На все Твоя воля, Господи, но ради чего Ты послал мне такое наказание?»

Со стороны дороги послышались резкие голоса. Старик недовольно открыл глаза. За сквером, у красной спортивной машины, двое мужчин о чем-то яростно спорили. На багажнике лежала черная папка. «Небось деньги не поделили, — хмыкнул бомж. — Все хапают, хапают — никак не насытятся. Ишь какие лошечные...»

Спор разгорался не на шутку. Деловой лоск куда-то улету-чился, разговор, шедший на повышенных тонах, перешел на крик. Бродяга с испугом смотрел на эту боевую сцену. По своему опыту знал: лучше быть подальше от таких «круче-ных мужиков». Как бы не стали палить друг в друга... И тут один из них действительно выхватил из-под полы расстегну-того пальто пистолет. Василий торопливо стал собирать свои разбежавшиеся бутылки — надо уходить, а то влипнешь в историю...

Но до стрельбы дело не дошло. Мужчина спрятал пистолет и быстрым шагом направился в сторону черного джипа. Залез в него, с силой хлопнул дверцей, и под визг прокручивае-мых колес машина рванула с места. На снегу остался лишь длинный черный след. Хозяин спортивной машины взгля-нул на полосу, сплюнул на снег и быстро залез в авто. Завел его и тоже уехал, но не так бешено. Сыч заметил, что папка так и осталась лежать на багажнике. Он с охотничьим азар-том следил за ней. Даже привстал со скамейки. «Ведь упадет, ей-богу, упадет. Повезет же кому-то...» — с досадой думал он. Сердце изгоя загнанно колотилось.

И все-таки Сыч «выследил» ее. На его глазах папка слете-ла с багажника, перевернулась на лету, будто черное грачи-ное крыло, и упала в сугроб. Старик, сильно припадая на правую ногу, метнулся по глубокому снегу, перемахнул кова-ную оградку и одним пыхом выхватил папку из сугроба. Ог-лянувшись — не заметил ли кто? — быстро сунул ее под плащ и вернулся к своей скамейке.

Старик был вне себя от радости. Перед глазами плыл ка-кой-то молочный туман. Сыч крепко прижимал папку к гру-ди, чувствуя, что наконец и ему посчастливилось поймать свою «золотую рыбку». И только старик собрался уходить со своей находкой, как вдруг неожиданно увидел возвратившу-юся красную машину. Она остановилась почти на старом месте. Мужчина выскочил из машины и огляделся. Поток людей плыл мимо, не обращая на него никакого внимания. Он что-то спрашивал у прохожих, но те от него только отма-хивались. Василий посмеивался, наблюдая со своей скамьи, как тот метался вдоль дороги, разбивая ногами наваленные снегоборочной машиной сугробы, иногда нагибаясь и раз-гребая их руками. «Ищи-ищи, — злорадствовал Василий. — Дорогая, значит, папочка. Будто не папку ищет, а упавший с неба метеорит».

Выждав немного, он встал и подошел к ограде сквера.

— Эй, господин! — обратился Сыч к мужчине. — Чего ищешь?

Незнакомец мельком взглянул на оборванца и отвернулся.

— Чего все-таки потерял? Может, я могу чем помочь?

«Хозяин жизни», хватаясь за соломинку, одарил бомжа пристальным взглядом и, поборов в себе гордость, медленно подошел к нему.

— Папка такая... черная... Я ее где-то вот здесь уронил, — и он показал на дорогу.

— Папка? — нарочито удивился старик. — Ну, куда ей деться? Найдется. Правда, если к хорошему человеку попадет. — Сыч начал уже торговаться.

— Вот именно: если к хорошему человеку... — Мужчина продолжал оглядываться по сторонам. — Только где нынче такому взяться? Одни прощельги и авантюристы.

— Ну, ты, голубь, погодь, — возразил ему бомж, переступая с ноги на ногу: было холодно стоять на снегу. — Не торопись судить людей. Ведь никто у тебя ничего не украл.

— Слушай, ты... — разозлился мужчина. — Шел бы ты, дед, своей дорогой. Здесь и без тебя проблем выше крыши.

В кармане незнакомца зазвонил сотовый телефон. Мужчина рывком вытащил его и отвернулся от бродяги.

Ноги старика мерзли уже по-настоящему. Да и спина стала стынуть. Разговор с хозяином папки не клеился. Значит, пора уходить. Но Сыч вдруг, неожиданно даже для самого себя, застывшими пальцами вытащил наружу нагретую папку:

— Эта, что ли?

Мужчина резко обернулся.

— Да какого ж ты черта... — И затем, уже более миролюбиво: — Она! Она, родимая! Она...

Незнакомец радостно выхватил папку из рук Сыча. Расстегнул ее, судорожно пролистал листки с печатями.

— Мужик... Ну, мужик...

Кажется, у него даже глаза повлажнели.

— Ну, спасибо, дедуля! — мужчина потряс руку старика. — Ты извини, если я что... Сам понимаешь... Такая ситуация. Нервы на пределе. Я думал, все: не увижу больше своей папочки.

— Как видишь, не все в жизни так безнадежно...

Мужчина смутился. Потом вдруг спохватился, метнулся к машине, бросил туда папку и взял пухлую барсетку. Открыл ее, вытащил, не считая, пачку красных пятитысячных бумажек и протянул своему спасителю:

— Вот, возьми!

— Благодарю, не ожидал... — обрадовался старик и закоченевшими руками принял деньги. — Был ты, Иванович, бичом, а стал богачом... Как говорили древние римляне: времена меняются, и мы меняемся вместе с ними...

Владельца красной машины словно что-то пробило. Он внимательно всмотрелся в лицо старика.

— Пойдите, пойдите... Чапаев? — неожиданно робко спросил он. — Василий Иванович?

Старик вздрогнул и растерянно поскреб седую бороду. Юродство его сразу же улетучилось, и он произнес обычным, немного хриплым от неожиданности голосом:

— Как вы сказали?.. А ведь действительно меня так звали ребятишки в школе. Сорванцы! Но я на это не обижался. Эта кличка ко мне прилипла из-за моего имени-отчества. Но все равно было приятно. Еще бы! Легендарный комдив!.. Кстати, такое прозвище меня ко многому обязывало... Но все это было очень давно... А сейчас меня кличут, как коту помойного, — Васькой. Бывает, конечно, и Ивановичем назовут, ну, это кто постарше; по фамилии полностью давно не называют. И вообще сейчас я не Чапаев и даже не Сыченников, а просто Сыч... Господи, как давно это было... Словно в другой жизни. А теперь я — простой бож, хотя мне больше нравится старинное — бич. Бывший интеллигентный человек. Но вам откуда ведомо мое имя?

— Так ведь я Виталька! Виталий Мартынов. Вы меня учили. Я до сих пор помню ваши уроки истории. Помните наше село Усердино, нашу деревянную школу? Ну, вспомнили?

Дрогнули большие жалостливые глаза старика. Бывший учитель весь как-то выпрямился, улыбнулся, лицо его просветлело, и он как будто стал на несколько лет моложе.

— Виталик! — Старик действительно его узнал. — Ну, надо же, каким франтом стал! — Он обхватил своего бывшего ученика обеими руками за плечи и радостно встряхнул. — Ну, надо же, как тесен мир. Я же нарочно далеко ушел от родимой стороны, чтобы меня никто и никогда не узнал. И дым Отечества нам сладок и приятен! Что ты тут делаешь? — Старый учитель снова перешел на «ты». — Как жизнь твоя сложилась? Хотя чего это я, старый король Лир, спрашиваю? Вижу: богат и славен Кочубей...

Тут он осекся, улыбка несколько пригасла, он опустил руки, опасаясь испачкать дорогое пальто своего визави.

— Ну ладно... Счастлив был тебя увидеть. Ты это... езжай, что ли. Да и я пойду. Мне надо еще успеть посуду сдать.

Снег заскрипел под старыми ботинками Василия Ивановича.

Виталий вдруг сорвался с места и догнал учителя.

— Подождите! Какую еще посуду сдать? Я вас никуда не отпущу! Мы поедем ко мне домой! — Он ухватил Василия Ивановича за плечо и решительно повел к своей машине.

И хотя Сыченников сопротивлялся, в глубине души он очень хотел, чтобы Виталик не передумал.

— Нет... Да не могу я... Честное слово...

— Вы лучше не сердите меня. А то я вас силой увезу. Кстати, вон патрульная машина едет... Давайте не будем привлекать ее внимание...

Это подействовало на старика магически. Он сел в машину и, снова перейдя на «вы», продолжал твердить:

— Это как-то неловко. Ну, зачем я с вами поеду?.. У вас своя жизнь, у меня — своя. Что было — то уже давно прошло... Лишнее это совсем... Вы и так меня хорошо отблагодарили. Даже чересчур.

— Лучше пристегнитесь, — не слушал своего пленника Виталий.

И пока Василий Иванович путался с ремнями, машина легко тронулась и повезла его навстречу Новому году. Пакеты с бутылками остались лежать у скамейки. Их уже основательно припорошило снегом. Под этими двумя еле заметными холмиками навсегда была захоронена еще одна часть жизни Василия Ивановича Сыченникова.

Едва только зажегся зеленый свет, как милицейский «уазик» на лихой скорости проскочил мимо них. Сыченников облегченно вздохнул: не желал он близкого общения со стражами порядка... И были на то серьезные причины.

...Тот день был похож на сегодняшний: ледяная стужа, мороз. Он бредет по дороге, согнувшись от ветра, в желудке пусто еще со вчерашнего вечера, и в голове только одни мысли о смерти: скорей... скорей... Неожиданно около него остановилась патрульная машина.

— Залазь, бомжара! — скомандовали оттуда.

Дверца открылась, как врата рая.

Стуча зубами от дубового холода, Василий Иванович с наслаждением забрался в тепло. В машине сержанты были с ним вежливы. Даже дали закурить. А в дежурке — вообще фантастика: покормили обедом и спать уложили. И не в холодной камере, а в теплой комнате, на кожаном диване. Такой сладкой ночи не припоминалось в его жизни давно. Чудны дела Твои, Господи!

Утром его вызвали к следователю. Все та же обходительность. На столе в кружке — свежесваренный чай и пирожки с капустой. Почти как у тещи в деревне!

— Ну что, Василий Иванович, сам расскажешь о своих похождениях или мне это сделать?

— Это вы о чем, гражданин начальник? — прихлебывая чай, спросил Сыченников.

— А сам ты не догадываешься? Давно за тобой следим... — прищурился от дыма, ответил капитан. — Ты думаешь, мы ничего не знаем? А детский садик этой осенью кто обворовал? А дачу директора стадиона кто обчистил? Хватит или еще перечислять?

Василий Иванович отодвинул от себя кружку.

— Где стол был яств, там гроб стоит, — весьма уместными оказались строки Державина, вовремя припомнились. — Так бы и начали, без экивоков. Висяк хотите на меня повесить? И на сколько, милейший, это потянет?

— Учítывая, папаша, твой преклонный возраст, много тебе не дадут. Ну, года три, не больше. А может, и меньше, учитывая твоё чистосердечное признание... Ты понял?

— Ну, как тут не понять, гражданин начальник! — Сыченников с жадностью поглядывал на недоеденные им пирожки.

Капитан вплотную наклонил голову к Сычу и произнес внятно и строго:

— Слушай, ты, грабитель без определенного места жительства... Для тебя это лучший вариант. Дурень... Я же тебе вместо голода и холода предлагаю сытную кормежку и тёплый барак.

— Вы хотели, голубчик, сказать: нары? — язвительно уточнил Сыченников.

— Ты не хами, батя: будут тебе и нары, и баня... Конечно, не на курорт поедешь. Но зато будешь у властей на учете, как живой человек. А то плывешь по течению, как мусор по реке...

Сыченников хотел пофилософствовать на тему мусора, но поостерегся, вспомнив, что его ждет на улице. И снова почувствовав позыв к жизни, предусмотрительно расставив пирожки по карманам, сказал:

— Да ладно. Согласен я...

И он об этом не пожалел. В лагере у него неожиданно появилась возможность вернуться к своей прежней профессии. Учить зёков в вечерней школе ему так понравилось, что, когда у него закончился срок, расставание с учениками вышло трогательным, даже сентиментальным.

Сыч разомлел от тепла в машине, только замороженные ноги сильно покалывали и чесались до самых колен. Старик незаметно поскреб ногу и снял шапку.

— Да расслабьтесь вы, Василий Иванович! — Виталий заметил, как ерзает его пассажир. — Все нормально. Сейчас я вас привезу домой. Веруне такой сюрприз преподнесем!

— Это жена твоя? — Он снова перешел на «ты».

— Ну да! Вы её должны помнить. Тоже наша. Вера Кленюшина. Сейчас-то она Мартынова. Классом младше меня была.

— Кленюша — твоя жена? — удивился старый учитель.

— А что?

— Ты, Виталий, такой разгильдяй был... извини, конечно. А Вера — девочка положительная...

— Вы правы. Ее положительность до сих пор оказывает на меня благотворное воздействие, — согласился Виталий. — Я верую только в свою Веру!

— А дети у вас есть?

— А как же? Двое. Илья и Ульяна. Они на Новый год уехали к бабушке.

— А это что у тебя за маскарад такой? — кивнул головой Василий Иванович в сторону зеркала, на котором болталась плюшевая мышка, а чуть пониже, буквально под ней, была приставлена к лобовому стеклу картонная иконка святого мученика Виктора.

Сыченников взял ее в руки и прочитал: «По вере Вашей да будет Вам...»

— Икона — понятно. А мышь-то зачем?

Виталий смутился:

— Это мой талисман. Я по гороскопу крыса.

— Ну, какая ж ты крыса! Это я ею стал, — возразил ему учитель.

— Ну, зачем вы так про себя? — не согласился Виталий. — Вы самый настоящий человек. Человечнее не бывает. Сейчас мода такая — жить по восточному гороскопу. Один рядится кабаном, другой обезьяной... Впрочем, в этом что-то есть: как примеришь на себя какого зверя, так и стараешься жить соответственно. А крыса не такое уж обидное животное...

— Чушь все это, — возмутился старый учитель. — У человека в душе должно быть что-то одно... Ну как это можно — верить одновременно в Христа и в Будду?

— Да это так, ерунда, — оправдывался Виталий. — Ведь и у Достоевского сказано, что русский народ, несмотря на свой видимый звериный образ, в глубине души носит другой образ — образ Христа.

— Мне в связи с этим анекдот вспомнился: еврей-выкрест лежит на пляже. Кто-то подходит к нему и говорит: «Одно из двух — или снимите крест, или наденьте трусики». Это я к тому, что в выборе и принятии решений не следует ловчить. Один раз только стоит изменить себе, а дальше тебя понесет, как по горной речке...

Перед «лежачим полицейским» Виталий сбавил скорость и больше машину не гнал. Мышка затихла, перестав болтаться на оранжевой резиночке. А за окном, не переставая, валил снег.

Виталий лихо повернул руль, и машина, обогнув квартал старинных домов, оказалась на главной улице. Василию Ивановичу было неудобно в таком комфортабельном салоне. Поскрипывало под ним мягкое кресло из свиной кожи, переливалась нежным зеленым цветом панель приборов. Давно он не катался в таких машинах... Что значит «давно»? Он вообще никогда на них не ездил. И так бы и прожил свою жизнь, если бы не эта встреча... Но праздничная предновогодняя мишура за окном отвлекала его внимание. Вот и кремль показался, расцвеченный праздничной иллюминацией. В темном небе фантастическими видениями парили силуэты башен и храмов...

— Сколько войн прошло, сколько веков пролетело, а ведь сохранился кремль, стоит... — задумчиво произнес старый учитель. — Вот смотрю я на все это и думаю: ведь и раньше люди жили здесь; наверно, были такими же, как мы. Вглядывались в глубины своего сердца и в бесконечное звездное небо этого старинного городка. А теперь только древние стены напоминают о них. Я люблю бывать здесь, и каждый раз, когда прихожу сюда, мне кажется, что именно в этом месте века сошлись в тесном пространстве...

Машина остановилась перед светофором у выезда из Старого города. Справа, под кремлевским холмом, открылась огромная бетонная конструкция. Ледовый дворец, как огромная подводная лодка, всплыл рядом с кремлем, который в таком соседстве казался хрупкой игрушкой.

— Прямо не дворец, а какой-то Летучий голландец. Подплыл к храму и сел на мель, — недовольно заметил Василий Иванович. — Неужели другого места не нашлось? Конечно, детворе дворец нужен: коньки, кружева на льду... Но очень опасно рядом с рекой строить — поплывет фундамент...

— Вы правы, — согласился Виталий.

— Что, другого места, что ли, не нашлось? Теперь человек даже не может перекреститься на Божий храм.

— Да, панорама собора исчезла, — вздохнул Виталий.

Чем дальше отъезжали от города, тем ужаснее становилась дорога.

— Не дорога, а стиральная доска, — нарушил молчание Сыченников.

А тем временем все кругом, до самого горизонта, затянулось белой тенью. Карликовые кусты у шоссе, размашистые лапы сосен и даже высоковольтные провода были оторочены тонкой вязью пушистого снега. Уже давно перестали попадаться деревни, дачи. Сплошным косяком шли только леса и перелески. Они въезжали в какой-то необжитый медвежий угол.

Это был не дом, а настоящая усадьба посреди густого и темного леса. К центральному двухэтажному корпусу примыкали два боковых крыла, образуя просторный, вымощенный плиткой двор. Главный вход обрамлял размашистый портик: две колонны с треугольным фронтоном. Над боковыми входами нависали кованые козырьки с широким выносом. Кирпичная постройка опиралась на цоколь из камня. Стены лакового кирпича оттенялись белыми карнизами и наличниками в духе классицизма. Все это говорило об основательности хозяев и их желании создать в своем жилище настоящее родовое гнездо.

Охранник предупредительно открыл дверцу гостю и тут же замер, будто увидел перед собой пришельца из космоса.

— Спокойно, Николай, это со мной, — деловито произнес хозяин, направляясь к парадному входу. — Василий Иванович — прошу! — Этим жестом он как бы подчеркнул, что с ним важный гость.

Первый этаж дома был просторным и светлым. За небольшим тамбуром-прихожей открывался холл с парой двухмаршевых лестниц из дорогого темного дерева. Пространство между ними украшала мозаика с изображением римских руин. Стены мерцали белым мрамором, озаренные светом большой люстры, похожей на хрустальный сталактит.

Из холла двери вели в столовую с высоким камином и просторную кухню.

— Аркадий Романович! — зычно воззвал Виталий.

На крик выглянул и начал спускаться по лестнице представительный мужчина с благородной сединой на висках, смахивающий на английского дворецкого.

— Вечер добрый, Виталий Валентинович, — степенно произнес он.

— Тут вот такие дела, Аркадий Романович. Это мой учитель, Василий Иванович. Он попал в трудную жизненную ситуацию. Надо привести его в надлежащий вид. И поторопитесь, чтобы не опоздать к новогоднему столу, — спокойно распорядился Виталий.

— Будет исполнено, — невозмутимо ответил управляющий.

Василия Ивановича парили с прополисом, отмывали банановым шампунем, натирали тело ореховым маслом, и только потом, для стрижки, передали в руки Аркадия Романовича.

— Я, конечно, не дипломированный мастер, — приговаривал управляющий, — но ничего, как говорится, с горчичкой сойдет.

Василий Иванович хмыкнул:

— Галантерейное, черт возьми, обхождение...

Через три часа Сыченников сам себя не узнал. Из зеркала на него смотрел совсем не старик, а пожилой интеллигентный, вполне домашний человек. Даже лицо уже не было таким лиловым и набрякшим, как прежде. Исчезла борода, волосы легли на английский пробор. Одели Василия Ивановича в ношенные хозяйские вещи. Иностранная «джинса» была ему немного велика и смотрелась мешковато, но это даже придавало пикантную элегантность. Как будто деревенский дядюшка приехал с американского ранчо навестить своего племянника.

— Вас ждут, — степенно сказал Аркадий Романович, делая приглашающий жест.

В столовой, отделанной дубовыми панелями, уютно потрескивал камин. Овальный стол сверкал белоснежной скатертью с гжельским рисунком.

Виталий с женой стояли около камина. Василий Иванович даже приподнял брови от удивления, взглянув на хозяйку. В этой яркой, уверенной женщине трудно было узнать прежнюю Кленюшину. Бордовое вечернее платье в пол, открытые плечи и ухоженные руки, красивая гладкая прическа, жемчужное кольцо и серьги — ну просто леди, сошедшая со страниц романов Голсуорси. И только глаза сияли, как когда-то в школе, — яркие, русалочьи.

Она шагнула навстречу.

— Василий Иванович!

— Кленюша... — произнес он ласково, как называл ее когда-то.

Женщина бросилась к нему, обняла — совсем как на том прощальном школьном балу..

— Василий Иванович! — снова повторила она.

И потащила к столу:

— Да садитесь же!

Учитель сел на высокий белый стул. Он волновался. В голове все мутилось, а перед глазами снова поплыл тот же молочный туман. Происходящее с ним было настолько неправдоподобно и ненормально для него, что впору было сойти с ума.

В дверях появилась женщина в белом фартуке — этакая русская красавица в кустодиевском духе: несколько полная, круглолицая, с ярко-синими добрыми глазами и удлиненными, летящими к вискам бровями.

— Можно подавать?

— Да, Капитолина Тимофеевна.

Сыченников обратил внимание на то, что его бывший ученик ко всей прислуге относился с уважением и каждого почтительно называл по имени-отчеству. Повариха и симпа-

тичная молодая горничная принялись расставлять угощения, мило улыбаясь Василию Ивановичу. От роскошного изобилия у гостя заныло внутри. На фарфоре сияла осетрина с колечками лимона, изящные валованы с икрой, салаты, украшенные ажурными кружевами зелени...

Василий Иванович, оглядывая стол, начал как бы его описание:

*Шекснинска стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят;
В графинах вина, пуни, блистая
То льдом, то искрами, манят;
С курильниц благовонья льются,
Плоды среди корзин смеются...*

— Bravo, Василий Иванович! — не скрывая удивления и восторга, заплодировал Виталий.

— А я, Василий Иванович, еще когда к вам на кружок ходила, запомнила державинский съедобный цветник, — улыбнулась Вера. — Помните?

*Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь — икра, и с голубым пером
Там шука пестрая — прекрасны!*

— Вот это да! — Виталий был потрясен. И виновато улыбнулся: — Багряной ветчиной угостить не можем, вы уж извините, — Рождественский пост... Мы уже несколько лет так встречаем Новый год. Впрочем, Капитолина Тимофеевна так искусно готовит, что особой разницы не чувствуется. Но, если пожелаете, можно ветчинки нарезать.

— Нет-нет, что вы! — запротестовал старый учитель. — Вы молодцы, что так правильно живете. А стол у вас и без мяса хорош.

А про себя подумал: «Мне бы вот так поститься всю жизнь!»

— Ну что? Пожалуй, пора проводить Старый год.

Виталий разлил прозрачное белое вино.

— Прощай, Старый год! — сказала Вера. — Ты оказался милостив к нам до самой последней минуты. Мы обожаем тебя!

Зазвенели хрустальные бокалы, и Василий Иванович почувствовал на губах нежный вкус давно позабытого муската.

— Сегодня чудесная ночь, — улыбнулась Вера. — Чудесная во всех отношениях. С нами Василий Иванович! Наш спаситель. Наш ангел. Наш учитель. И это замечательно!

— А теперь, дорогие мои, скажите все-таки, что же было в той черной папке, что Виталий так щедро отблагодарил за нее?

— Договорной проект с одной крупной немецкой компанией, — посерьезнела Вера. — Там уже были собраны все подписи, печати... Если бы договор был с нашими, то никаких проблем бы не возникло. Повторили бы все по второму кругу. Но немцы же педанты! Пунктуальны до ужаса! То, что для них нормально, для нас — смерть или в лучшем случае — шестая палата! Да если бы Виталька к ним заявился: мол, извините, я документы потерял... Кто бы с ним после этого стал разговаривать? Аннулировали бы договор, и все дела. И что самое удивительное — они, безусловно, правы. И плакал бы наш проект горячими слезами...

— А сколько взяток в него вложено было! — добавил Виталий. — В каждую подпись, в каждую печать!

— Что-то продать им хотели? — попытался уточнить старый учитель.

— Да нет, — ответил Виталий, допив остаток вина. — Задумали строить дачный комплекс. Для элиты. Подальше от мегаполиса. Сейчас это в моде. Ну и, конечно, в этот проект с самого начала были втянуты большие деньги.

— А немцы зачем? — удивился Сыченников. — Таджики же подешевле.

Виталий улыбнулся.

— Таджики — это не тот уровень. Сегодня рынок требует европейские технологии, европейское качество...

Неспешное застолье, шутки, воспоминания... Так провожали они старый год.

Вера вышла в другую комнату, а старому учителю вспомнилась вдруг давно пережитая история.

— А я однажды видел целое кладбище дач, — решил он рассказать Виталию. — Представляешь: шестьдесят или семьдесят домов, практически готовых. И ни одной души! Стоят себе, и неизвестно, кто их хозяева, где они. Я там два лета прожил.

— Убили, наверное, — предположил Виталий. — А может, прогорели и за границу сбежали.

Старый учитель потерянно взглянул на него и негромко попытожил:

— Гнусная российская действительность, — Василий Иванович задумался. — Ведь когда еще Белинский приговор такой вынес, а ничего в России не изменилось. Друг друга за копейку удавят. Ужасный век, ужасные сердца!

— Что и доказал сегодня мой партнер и бывший друг, можно сказать...

Вера вернулась и предложила перейти в гостиную.

Гостиная была обтянута гобеленами под старину; наверху мерцал резными узорами деревянный потолок, горел камин, а в противоположном углу стояла живая ель, сияющая разноцветными огоньками гирлянд. На стене висел огромный плазменный телевизор. Свежий хвойный запах слегка оттенялся смолистым дыханием камина.

Виталий Валентинович и его учитель стояли у приоткрытого окна и курили, пуская дым за стекло, в темное небо.

— А знаете, когда закончилось мое детство? — неожиданно признался Виталий.

— А ну-ка, ну-ка, уточни.

— Когда я перестал верить в Деда Мороза, — с грустинкой ответил Виталий.

— Мужчины! Время! — засуетилась Вера, поглядывая на телевизор и на стрелки нарядных бронзовых часов. На экране уже появился президент.

— А и, правда, можем проморгать, — Виталий подмигнул Василию Ивановичу и первым заглушил сигарету. Подошел к столу, вытащил из ведерка со льдом бутылку шампанского и, накинув салфетку, стал выворачивать пробку.

— Быстрее, быстрее! — била в ладоши Вера.

— Настоящее одиночество — это, наверное, когда тебя с Новым годом поздравляет только президент по телевизору, — пошутил Виталий, бросая взгляды то на телевизор, то на бутылку, которая никак не хотела открываться.

Если молодые люди не проявляли к речи Медведева ни малейшего интереса, то Василий Иванович, наоборот, с жадностью прислушивался к его выступлению, стараясь не пропустить ни одной фразы.

Наконец раздался негромкий хлопок вылетевшей пробки. Бой курантов со Спасской башни наполнил гостиную хрустальным звоном. Закипело шампанское в высоких бокалах.

— С Новым годом! — торжественно сказал Виталий и с нежностью поглядел на жену.

— С новым счастьем... — сказала она в ответ.

В тон кремлевским часам зазвенели три бокала.

Они сидели в креслах с гобеленовой обивкой. С экрана телевизора звучали песни.

— Василий Иванович... Что же все-таки с вами произошло? — тихо спросила Вера, поворачивая в пальцах искристый бокал.

— Обычная история, Кленюша, обычная история... — Старый учитель поежился и как-то жалко улыбнулся. — Не надо

мне было тогда уезжать из села. Не надо... Как говорят: лучше быть первым в деревне, чем вторым в городе. Но разве можно было удержаться то бесплодное мечтание: в Москву, в Москву! «Когда легковушен и молод я был...» Это классика. Ну а если серьезно, то главным моим аргументом были Ленинка, Таганка... Впрочем, это сбылось. В Лобне нам дали квартиру сразу, как обещали, да и с работой все хорошо устроилось. Нас с женой приняли в только что выстроенную школу. В общем, жизнь наша наладилась. Город, правда, не ахти какой. Без архитектуры. Сплошной спальный район.

Василий Иванович взял мхатовскую паузу.

— А уж когда дочь в институт поступила, мы все были на седьмом небе от счастья... Лида училась в Москве, а жила дома. Ну что такое тридцать минут езды на электричке? И как-то вечером Анастасия с дочерью пошли в магазин... И откуда он только взялся, этот пьяный водитель? Прямо на тротуар выехал... И так я остался один... Вы не представляете, как это тяжело — хоронить своего ребенка... Но для меня моя девочка не умерла. Она живет во мне...

Пальцы Веры дрогнули, и тоненькая струйка шампанского выплеснулась на пол.

— Вот так, ребята... И началось мое превращение из Чапаева в Сыча. Незаметно стал я поклоняться Бахусу. Да, запил! Со школой пришлось расстаться, а деньги на водку были нужны. В общем, все гнило в Датском королевстве! Да и долгов к тому времени набралось... А из чего их отдавать? И тогда я решил изменить свои жилищные условия. Одиному человеку трехкомнатная квартира ни к чему. И, конечно же, как в плохом детективе, угодил в лапы аферистов. Это сейчас я о них много знаю. А тогда я доверился им, как мальчонка. В общем, очутился я на улице: без дома, без денег и без документов. В одночасье стал беден. Для сегодняшнего дня обычная история, дети мои... Это вам повезло. А многие сейчас живут в нищете. Еле концы с концами сводят. Новыми бедными их кличут.

— Вы, наверное, не любите богатых? — спросила Вера.

— Коварный вопрос, Кленюша, — ответил, не задумываясь, Василий Иванович. — Я понимаю: можно любить женщину, лошадей, голубей... А вот любить богатых — это, наверное, извращение. А вот вас я люблю. В вас сохранилось нравственное начало, которого так сейчас не хватает многим людям...

Вера пожалела, что задала такой дурацкий вопрос: расчувствовалась, заморгала длинными ресницами, схватила салфетку и начала промокать глаза, чтобы тушь не расплылась от слез. Ей стало вдруг стыдно перед своим старым учи-

телем за ту обеспеченность и роскошь, в которой она живет. Как же так? Ведь он такой умный, интеллигентный... Почему же так несправедливо обошлась с ним судьба?

И словно прочитав ее мысли, Виталий потрясенно спросил:

— Как же вы жили до сих пор? Ведь вы же уважаемый... — (В прошлом — чуть было не сказал он). — Уважаемый человек. Ну, в конце концов, вернулись бы в Усердино. Неужели бы вам не помогли?

— Возвращался я один раз, — неохотно вспомнил старый учитель. — Да что толку? Прошелся по улице: никто меня, слава богу, не узнал, или притворились, что не узнали. Кому нужен старый учителяшко? Многие дома уже поносили, на их местах стоят новые, в два этажа. И хозяева тоже новые. Не живут уже Тарасовы, Васюковы, Игнатовы... Дошел я до окраины, к нашей старинной земской школе. А школа заколочена. В войну не закрывалась, а тут — плохим горбылем крест-накрест...

— Как?!

— Да, Виталик. Ты, видать, давно в родных краях не бывал... Твои-то родители, где сейчас?

— В Москву перебрались... И Верины там же.

— Ах... — вздохнул Василий Иванович. — Плохо это. И для крестьянина — разве он приживется в городе, — и для села — погибнет оно без настоящих корней.

— Ну и что школа? — вернул к прежнему разговору Виталий.

— А что школа? — встрепенулся, закашлявшись, Василий Иванович. — Окна забиты досками, двери на замке. Обошел я родные стены, вспомнил ребячьи голоса, линейки наши школьные. Прогулялся по запущенному саду, среди яблонь и вишен, которые своими руками сажал... А потом отправился в сельсовет. Там все пришлое люди. Они мне и подтвердили, что школу давно закрыли, что директор наш, Илья Николаевич, помер, что многие дома сельчане продали городским под дачи, а сами перебрались — кто в город, а кто на погост, и что помочь они мне ничем не смогут. И так мне грустно стало... Верите ли, иду по дороге к нашей переправе и плачу. Потом добрался до вокзала, выпил — и вроде полегчало. Вот такой веселенький сюжетик...

Старый учитель замолчал и долго, замороженно смотрел на огонь в камине. Он будто и не слышал бодрящую мелодию с экрана телевизора:

*И уносят меня,
И уносят меня
В звенящую снежную даль*

*Три белых коня
Эх, три белых коня —
Декабрь, Январь и Февраль.*

— А вы знаете, — нарушил молчание Виталий, — в этом, наверное, есть что-то символическое, что именно вы — мой учитель — оказались рядом со мной в трудную минуту. Давайте выпьем теперь за вас, чтобы в вашей жизни все наладилось.

Выпили за учителя, потом пили и за счастье, и за любовь, и за здоровье... Желали друг другу добрых поворотов судьбы, дней в красоте и душевной гармонии и веры в то, что дальше, с новым президентом, будет лучше, потому что хуже уже и быть не может...

Щурилась и подмигивала своими гирляндами разукрашенная елка. Неожиданно Василий Иванович почувствовал, что он куда-то поплыл или поплыло все вокруг него...

— Совсем меня что-то развезло, ребятки, после шампанского, — заставил себя улыбнуться старый учитель. И улыбка получилась хмельная и сонная. — Я пьян, как зюзя... Пойду-ка спать! Что вам праздник портить?

Новогодняя сказка продолжилась в спальне: белая кровать, шелковые, цвета небесной синевы темно-голубые шторы, синяя подсветка со стен, нежно-лазоревого ковер на полу... Было такое ощущение, что спальня находилась не на втором этаже каменного дома, а на облаке...

В первую ночь нового года старому учителю приснился странный сон. Будто он снова оказался в школе. Вся она была залита прозрачным светом, таким ярким, который бывает только на грани весны и лета. Солнце лилось сквозь окна, блестело на свежей краске. Запах школьного ремонта удивительно бодрит! Василий Иванович прошел по коридору, стукнул в дверь директорского кабинета и вошел. Илья Николаевич сидел за потертым столом и с любовью смотрел на огромный букет сирени, который стоял перед ним в глиняной крынке.

Директор поднял скуластое лицо, расплылся в улыбке и пригладил седые волосы тяжелой ладонью.

— А, Иванович, заходи!

Тепло разлилось в сердце, и классный руководитель выдохнул:

— Господи, как я рад тебя видеть! А мне сказали, что ты помер.

Директор вскинул глаза.

— Злые языки страшнее пистолета! Впрочем, говорят, что это неплохая примета, — почти в рифму ответил Илья Николаевич. — Значит, долго буду жить.

— Живи, дорогой, — не переставал радоваться Василий Иванович. — Не время нам еще помирать.

— Это верно. Ладно, ты лучше скажи, как там твои хулиганы? Эти, как их... Мартынов с Назаровым. Парты докрашили?

— Докрасили. Я их отпустил. Купаться побежали.

— Добро. Ты за ними все равно следи, а то напишут какую-нибудь пакость на заборе, да еще казенной краской. Даже великий гуманист Пирогов говорил, что мальчиков надо пороть для их же пользы. В отпуск-то когда пойдешь?

Но ответить педагог не успел. За окном раздалось:

— Василий! Василий Иванович!

— Жена ищет, — подсказал Илья Николаевич. — Ну ладно, иди к ней. Да, кстати, не передумал ли в область переезжать?

Василий Иванович отвел глаза, потом вздохнул:

— Да раздумал...

— Вот и правильно. Подальше от царей, голова будет целей. Ну, кем ты там будешь? Простым учителем. А здесь ты король! Ну, ступай, ступай. Небось Настасья на борщ зовет.

Сыченников кивнул и вышел в коридор. Навстречу ему, хмурясь, шла жена. Но дочь обогнала ее, сверкнули синие глазщи, и она уткнулась отцу в грудь. Встрепанные русые волосы пахли свежим сеном и солнцем.

Нежность переполнила душу отца, у него повлажнели глаза. Анастасия сменила гнев на милость, улыбнулась и покачала головой:

— Уже никого нет, все разошлись по домам. Один ты здесь воин. Ну, ты пойдешь с нами обедать? Борщ уже остыл, пока тебя дозвалась.

— Иду, иду! — выдохнул Василий Иванович, и сердце его зашлось от радости.

А когда проснулся, долго лежал, не шевелясь, боясь расплескать ощущение счастья в груди...

1 января

Завтракали в столовой. Когда убрали посуду и подали чай, Вера под села к своему учителю.

— Василий Иванович, но неужели вы так ничего и не принимали? Смирились с тем, что вас обобрали? Есть же милиция, наконец, прокуратура...

Старик взглянул на нее, как смотрят на ребенка, и погладил по голове.

— Кленюша, солнышко мое, да знаешь ли ты, во что превратились современные «правоохранительные органы»? Хотя не отвечай: по глазам вижу, что не представляешь. Я Виталию уже рассказывал, что паспорт у меня забрали эти, как их... риелторы. На руках у меня остался один военный билет. И то ненадолго. Однажды проходивший мимо меня милиционер решил проверить мою личность. Я по наивности рассказал ему свою историю, но вместо сочувствия и помощи угодил на сутки в «обезьянник». Наутро меня выпустили, а «военник» не вернули. Я почти каждый день ходил в злосчастное отделение милиции, умоляя отдать билет. Но все впустую. Один раз даже избили... Таким, как я, лучше держаться от милиции подальше... «Слухачом» работать я не могу...

— А что это за работа такая? — удивился Виталий.

— Есть такие, на милицию работают. Бродят по вокзалам, электричкам... Прислушиваются к разговорам, присматриваются... Но это опасный «хлеб»: за такие дела могут и башку проломить.

Вера сжала виски пальцами.

— Как прогнила система...

— При чем тут система? — не согласился старый учитель. — Страна прогнила, а не система. И отдельные примеры разложения — это лишь частные симптомы всеобщей болезни... Мы с каким-то безумием строим у себя «американскую модель». Это же бред какой-то. Европа вымирает, я имею, конечно, в виду белую расу, а теперь вымирает и Россия. И какое же средство спасения выбирается? Американщина! Державничать-то надо тоже с умом! Вы послушайте, что говорил Ницше, заметьте — это еще только рубеж XIX—XX веков. Думаю, что моя фотографическая память меня и сейчас не подведет... «Если мы заглянем в среду людей обеспеченных, образованных, то здесь точно так же мы увидим картину упадка, принижения умственных интересов и всеобщего измельчания личности. Современное общество заражено американизмом; есть что-то дикое в той алчности к золоту, которое характеризует современных американцев и все в большей степени заражает современную Европу. Все чаще начинает встречаться тип человека, поглощенного всецело денежными делами: в погоне за наживой он не знает покоя, он стыдится отдыха, испытывает угрызения совести, когда мысль отвлекает его от текущих забот дня».

Видя их изумление, Василий Иванович рассмеялся.

— Это еще не конец цитаты. Продолжаю: «Мы постепенно утрачиваем чувство формы, чутье к мелодии и ко всему прекрасному. В отношениях между людьми господствуют деловитость и рассудочная ясность; мы разучились радоваться жизни; мы считаем за добродетель «сделать возможно больше в возможно меньшее время». Когда мы тратим время на прогулку, беседу с друзьями или на наслаждение искусством, мы считаем нужным оправдаться «необходимостью отдыха» или «потребностями гигиены». Скоро самая склонность к созерцательной жизни войдет в презрение...»

Супруги сидели, присмирив, словно на одном из лучших уроков своего любимого учителя.

— Ну, Василий Иванович, вы нас поразили... Это нечто.

— А вы думали, что алкоголь окончательно притупил мою память? Нет, дорогие мои, талант не пропьешь! Правда, сейчас мои способности уже ни к чему... Это раньше они выручали, когда инспектора понаедут к нам в село и давай учить нас уму-разуму. Это меня, практика, учить, который понимает в своем деле в сто раз больше них? Вмажешь им цитату из классиков или страницы две из Макаренко — они и притихнут. Вот тогда память была полезна. А сейчас кому цитировать? Моим собутыльникам?

— Тем более — изречения полоумного философа, — вставил Виталий.

— Ну, это ты зря. Эти слова Ницше говорил, когда еще не совсем спятил. Да и потом, при всем его философском хулиганстве насчет американщины он прав на все сто и сегодня.

Старого учителя вдруг передернуло, болезненная судорога прошла по всему лицу. Он виновато поглядывал на молодых, ожидая, когда отпустит боль.

— Может, воды? — вскочила Вера.

— Нет-нет, все нормально. — Голос его немного дрожал. — Ну ладно, это я, старый алкоголик, могу что-то не понимать. Но вы, молодые и трезвые, объясните мне: что происходит? Почему учителей ни во что не ставят? Откуда появился этот идиотский электронный экзамен? Почему в школе сокращают литературу? И какую культуру дают взамен!.. Был золотой век, был серебряный, а теперь наступает время дилетантов!

Василий Иванович вскочил, задыхаясь, и нервно заходил по комнате.

— Впрочем, что литература? Снявши голову, по волосам не плачут! Скажите мне, дети мои, куда Россия делась? Вы оба живете за городом. Вы видите, во что превратилось русское поле? Вместо пшеницы и картошки — дикое глухое место,

все поросло ядовитым борщевиком. И не это самое страшное. Главная жуть — это мертвые деревни... Оживает деревня только летом: когда дачники приезжают, создается ложная имитация жизни. Одна видимость! Они же не хозяйством приезжают заниматься, а на травке полежать, цветочки понюхать. Это ведь безнравственно — иметь землю и ничего на ней не выращивать! А зимой вообще лучше не глядеть на деревню — ни света в окне, ни дымка из трубы. Весело, как в мертвецкой.

— Вы, конечно, правы, Василий Иванович, — согласился Виталий. — Любит, конечно, русская интеллигенция порассуждать на кухне. Хлебом не корми. Так и Россию «проговорили» в семнадцатом. А вот закатать рукава и что-то сделать самому — на это часто силенок не хватает. Вот и вы тоже отошли от жизни. Я не хочу вас обижать, но ваш принцип жизни, мягко говоря, наблюдательный... Так на нас, наверное, смотрят пришельцы из космоса. Но вы-то на земле родились! И потому спрос с вас совсем другой. Возвращайтесь к жизни! С документами я вам помогу, да и к делу какому-нибудь пристрою.

По лицу старого учителя словно тень прошла. Он долго молчал и, наконец, слабым голосом проговорил:

— Спасибо, Виталий, что заботишься обо мне. Да только все это бесполезно. Я стал почти юродивым. Был в старину такой род людей. Их речи и поведение были странными: они ходили полуодетыми, зачастую — босиком в любое время года. Но если такой человек юродствовал во Христе, то есть был настоящим молитвенником, он иногда получал дар чудотворения. Одни были прозорливцами: могли угадывать будущее, другие видели прошлое, иные могли исцелять, и так далее...

Лицо Василия Ивановича взмокло, он протер лоб ладонью, сдержанно покашлял и, отчетливо выделяя каждое слово, произнес:

— Мне, дети мои, не хватает веры, потому и говорю о себе, что я почти юродивый. Я просто бродяга: одеваюсь во всякое рванье, но достаточно тепло; хожу отнюдь не босой, и главное — пью, чего классическому юродивому не полагается. Потому и чудес не творю. А документы... Что ж, документы — дело хорошее, но ими душу не вылечишь. Я уже давно перепутал все: время, города, людей... Мне все сейчас безразлично. Потому что я знаю точно, что в этом мире уже давно нет той двери, которую открыли бы мне моя жена с дочерью. Все остальное для меня не имеет смысла.

И он пристально и печально поглядел на теплые огоньки камина.

— Мы вам поможем, Василий Иванович, — Вера обняла своего учителя и прижалась к нему. — Все теперь у вас будет превосходно. Помните, вы нам говорили: чтобы увидеть радугу, надо переждать дождь.

— Нет, Верочка, по-новому жизнь уже не развернешь. Что-то давно сломалось во мне, хотя это, может, и к лучшему. По крайней мере, я не увижу печального умирания своей Родины. А вот вам и деткам вашим придется узреть многое, чего не хотелось бы видеть. Дай Бог, чтобы я ошибался... У Юлии Друниной, в прощальном ее стихотворении, есть такие строки:

*Потому выбираю смерть.
Как летит под откос Россия
Не могу, не хочу смотреть...*

И я ищу эту смерть. Но она что-то не хочет со мной встречаться... — Его глаза повлажнели, и он, стыдясь своих слез, встал и подошел к камину.

3 января

Ослепительно-зимнее солнце билось в голубые шторы. Василий Иванович проснулся и испуганно вскочил. Оделся и вышел на лестницу. Ни на втором этаже, ни на первом голосов не было слышно. Дом словно вымер. Учитель спустился вниз и по запаху набрел на кухню. Увидев Капитолину Тимофеевну, поздоровался:

— Здравствуйте...

— А, Василий Иванович! — обрадовалась женщина. — Выспались?

— Можно пройти? Не помешаю?

— Да конечно, проходите! — ответила повариха, сбрасывая в кипящую кастрюлю нарезанные овощи. — У меня здесь самое людное место. За день столько народу проходит... Жуть! А я всем рада.

— Вкусно у вас пахнет, — шмыгнул носом Василий Иванович. — Вот на запах и идут.

Женщина вытерла руки и подошла к Сыченникову.

— Давайте я вас покормлю. Будете?

Василий Иванович пожал плечами.

— Значит, будете... Я специально для вас приготовила.

И Капитолина Тимофеевна выставила на стол жаркое из телятины с вишней в глиняном горшочке, куриные оладушки, творожные пряники.

Села напротив и, уперев руки в подбородок, стала разглядывать Василия Ивановича.

— Мне нравится, когда вот так вкусно едят мужчины, — призналась повараха.

А ему тоже было необыкновенно хорошо и легко с этой женщиной. Будто знакомы они давным-давно, и этот зимний день у них не первый, а один из тысячи... И он поплыл от этого тепла и стал рассказывать Капитолине о своей жизни. Сыченников старательно припоминал подробности из детства и потом уже из взрослой жизни — ничего не утаивая и не вымышляя. Ему было непонятно: зачем он затеял эти воспоминания? Может, просто хотелось выговориться?

— Да... Несладко у вас все сложилось... Еще повезло, что встретились с Виталием Валентиновичем. Зиму у нас перезимуете, а там видно будет...

— Это медведь в берлоге может перезимовать. А человек должен ходить по земле... И зимой, и летом. Он должен быть всегда свободным, даже если он родился в оковах. Вот такая жизнь мне нравится, Капитолина Тимофеевна.

— Ну, как такое может нравиться? — искренне возмутилась женщина. — По разговору видно, что вы образованный человек. Ну как вы не брезгаете общаться с бомжами? Это же... ну, я не знаю... Отбросы какие-то. Да и здоровье, опять же... Пить и в подвалах ночевать... Тут не только печень отвалится, тут и замерзнуть можно насмерть или еще хуже — калеккой стать. И что тогда? Оставайтесь здесь — лучше и не придумаешь.

— Не знаю, Капитолина Тимофеевна, не знаю... — ответил Сыченников. — Как бы вам объяснить... Видите ли, среди бомжей тоже ведь разная публика встречается. Есть и «человеческие очистки», как Булгаков говорил, а есть и народец весьма любопытнейший... Вы не поверите: я тут недавно с одной семейной парой познакомился. Спившиеся люди... Так же, как и я в свое время, пострадали от квартирных аферистов. Но ведь оба — кандидаты наук, на каком-то секретном заводе работали. Или вот другой товарищ по несчастью — писатель-неудачник. Но как читает стихи великого князя Константина Романова! Да не просто читает, а разбирает их, в каждую метафору может вникнуть. А что касается болезни... Скажу вам откровенно, милейшая Капитолина Тимофеевна: я уже множество раз хотел бы умереть. Не будь я крещеный, честное слово, давно бы руки на себя наложил. Нашего брата много по своей воле на тот свет ушло...

— Господь с вами! Какие ужасы вы говорите!

— Ничего подобного, — возразил он ей. — Я на этом свете давно уже забытый... как потерянное письмо... Жены нет, дочери нет... Ради кого мне жить? К ним хочю...

После таких слов оба долго молчали. Чтобы хоть как-то сменить тему, Василий Иванович предложил:

— А давайте-ка я лучше вам чем-нибудь помогу. А то какой-то невеселый разговор у нас с вами получается.

— Ну, можете почистить картофель для салата, — и она поставила перед ним кастрюлю.

Сыченников потер руки.

— Нравится мне такая картошка, — признался Василий Иванович. — У нее и вкус какой-то другой, и пролежать она может дольше. А самое главное — чистить надо только ту, которую сразу съешь.

Капитолина Тимофеевна рассмеялась. Она убавила огонь, отошла от плиты и начала протирать горку только что вымытых тарелок. Не удержавшись, женщина снова продолжила разговор:

— А скажите: неужели за все это время вы ни разу не подумали, что можно жить иначе? Нашли бы тихую пристань, добрую женщину...

— Ну отчего же? — охотно отозвался Сыченников. — Думал, конечно... Я же не сразу опустил. У меня ведь сестра есть. Однажды мне как-то посчастливилось подкалымить на одной разгрузке. В общем, прилично заработал денжат. Сходил я на них в баню, в парикмахерской постригся, купил кое-что из одежды и махнул к сестре. Приняла она меня ласково... Но пожил я у нее только недельку и тайком сбежал.

— Да почему?! — удивилась женщина.

— Как вам объяснить... Потребность свободы, вы понимаете? Сестра — родной человек, но у нее своя семья. А в семье свои законы. И я ушел туда, где могу распоряжаться сам собой. Свобода — это особенный воздух... Если у вас к нему нет вкуса, то вы его не почувствуете...

— И зачем она нужна, такая свобода, когда ты никому не нужен? — воскликнула Капитолина Тимофеевна, протирая тарелку с таким ожесточением, словно хотела высечь из нее огонь. — Мне кажется, что вы просто свою пьянку прикрываете свободой. Вот и все.

Сыченников снисходительно улыбнулся.

— Я не знаю таких бродяг, которые хлебнули бы этой вольницы, а затем от нее отказались. Вы поймите: в обычной жизни человек повязан сотнями обязательств. Работа, хлопоты по дому, семья, расходы... И везде: плати, плати, плати. И вдруг — ты никому и ничем не обязан. Абсолютная свобода! Не о чем заботиться, потому что нечего терять! Пообедал в церковной столовке, подкалымил где-нибудь на разгрузке или бутылку собрал, выпил, — и волюшка тебе воля!

— Кошмар какой-то! — не выдержала Капитолина Тимофеевна.

— Погодите, — прервал ее Сыченников. — Не надо ничего говорить. Я все заранее знаю. Конечно, вы скажете, что такая жизнь — ниже человеческого достоинства, что в такой ситуации ты никому не нужен, что тебе никто не поможет. И я заранее согласен. Но честное слово — мне такая жизнь нравится. Вот только ребяташек жалко. Много их сейчас бродяжничают. Злые, как волчата. Что с них будет?

— Ну, а если бы вы все-таки встретили женщину, полюбили бы ее? Неужели бы вы ей подвал предложили? — не то в шутку, не то всерьез спросила повариха.

— Если бы встретил... — вздохнул Василий Иванович. — О, я многое бы сделал! Я снова вернулся бы к своей профессии. Я построил бы домик, вырастил бы вишневый сад. Я бы тогда сказал: Капитолина Тимофеевна, выходите за меня замуж.

Фарфоровая тарелка выскользнула из рук поварихи и разбилась. Сыченников бросил картофелину и нож, схватил совок и принялся неловко помогать женщине, которая собирала осколки дрожащими пальцами.

7 января

Рождественский сочельник сходил на землю морозным покровом. Василий Иванович отказался ехать с молодыми в церковь и остался смотреть телевизор. По каналу «Культура» показывали «Иоланту». На сцене ночь и стужа, крупными хлопьями падает снег, над хрустальной комнаткой повис безжизненный диск луны. Деревья, безжалостно выдернутые из почвы, грустно покачивали корнями над сценой...

Хозяева вернулись после ночной службы чуть ли не под утро. Сыченников не спал, дожидаясь их.

— Зря, Василий Иванович, вы отказались ехать с нами в храм! — сокрушалась Верочка. — Так хорошо было в церкви! Ощущение такое, будто в лесу стоишь: елки кругом, и как бы сквозь них иконы блестят, и огоньки светятся... А крестный ход какой был!

— Я бы не выдержал... — оправдывался старый учитель. — У меня от тесноты голова кружится. Да и привычки нет молиться под церковными сводами. Ладан, нагар свечей... От всего этого дыхание перехватывает. Зато я оперу посмотрел. Когда мне такое еще посчастливится

— Понравилась? — поинтересовался Виталий.

— Божественно! — старый учитель закрыл глаза от наслаждения. И не стал говорить им о том, что судьба одинокой де-

вушки, не нашедшей места в жестоком и равнодушном мире, спроецировалась на его собственную жизнь...

Весь день прошел в праздничной суете. Праздничный стол, как сказочная скатерть-самобранка, украшался изысканными закусками. Василий Иванович не без гордости отметил про себя, что в приготовлении некоторых блюд и он принимал самое активное участие. За эти дни у него с Капитолиной сложился своеобразный альянс. Стесняясь навязывать свое общество Виталию с Верой, старый учитель сидел у себя в спальне, читал, ходил по дому, но больше всего предпочитал гостить на кухне. С самого первого дня, когда Василий Иванович познакомился с Капитолиной, он стал заглядывать сюда каждый день, и они подолгу вдвоем беседовали, вспоминая прошлые годы. Повариха принадлежала к числу тех дородных и красивых женщин, характеру которых свойственны особое спокойствие и деликатность.

Василий Иванович часами просиживал в уютном мирке кухни, наблюдая, как проворно и в то же время спокойно женщина совершает свои кулинарные чудеса, как солнце играет на ее волосах, на белой косынке, складках платья, кружевном воротничке... И удивительное тепло разливалось на сердце. У него было такое чувство, будто он открыл для себя родственную душу.

Иногда она поручала гостю какие-нибудь простые дела: почистить картошку, помыть овощи. Во время этой работы, сопровождаемой стуком ножа или жужжанием миксера, они вели неспешные беседы. Это было странное общение: они рассказывали о своих родных, вспоминали всякие забавные случаи, житейские анекдоты, и казалось, что души умерших участвуют в их разговоре.

И было неудивительно, что их оживленный разговор и смех иногда внезапно прерывался, и они глядели друг на друга с печальной лаской.

Ради великого дня решено было не ограничиваться утренним чаем. Открыли бутылку настоящего французского шампанского. Вино кипело в сияющих фужерах. Прохладная влага, очень чистая, без малейшего оттенка дрожжей, приятно покалывала язык. То ли оттого, что он плотно позавтракал, попробовав из каждой салатницы, то ли под влиянием общего подъема, Василий Иванович не захмелел, как обычно, а напротив — взбодрился и, против обыкновения, был очень оживлен и мил. Шутил к месту, умело поддерживал беседу и несколько раз заставил своих бывших учеников хохотать до слез над забавными остротами и каламбурами.

Потом перешли в гостиную, куда была приглашена вся обслуга этого богатого дома. Виталий Валентинович вручал каждому коробки с подарками, те тоже отдаривались скромными сувенирами и, как правило, спросив разрешения, тут же распечатывали коробку и ахали. Вещи бóльшей частью были не дешевыми. Когда все наахались, навосхищались и ушли, Виталий обратился к старому учителю:

— Василий Иванович... дорогой... Получается, что этим подарком я как бы поощряю одну вашу вредную привычку. Но честное слово, другого я не смог придумать. А для мужчины, я думаю, это нужная вещь.

И он протянул Сыченникову алый футляр с золотым тиснением. Старик раскрыл его. Серебряный портсигар... Металл матово поблескивал, сверкая тонкими полированными полосками, и приятно тяжелил руку.

— Я не могу принять такой подарок... — смутился старый учитель. — Он слишком дорогой...

— Василий Иванович, ну что вы! Берите и не выдумывайте. Мы так признательны вам! Это только частичка нашей благодарности.

Учитель смущенно положил вещицу в карман.

— А чем мне теперь отдариться? Может, стихи почитать?

Глаза у Верочки загорелись, она захлопала в ладоши.

— Конечно, Василий Иванович! Вы так чудесно читаете!

Старый учитель глянул в окно, за которым сквозь мерзлую морозную дымку сияло зимнее солнце, и волна радости накатила на него. И он сразу вспомнил пушкинское: «Мороз и солнце...» Читал вдохновенно, ярко, с наслаждением пробуя на вкус каждое слово.

Потом были строки Никитина, Кольцова, Есенина... Василий Иванович не мог остановиться: расхаживал по гостиной, останавливался, свободными жестами подчеркивал интонацию, выделял малейшие смысловые оттенки. И голос его то гремел, словно горное эхо, то становился мягким и глубоким, точно просторная река в Константинове...

Виталий с Верочкой сидели, как зачарованные. Казалось, даже окружающее пространство изменилось. Когда старый волшебник добрался до Блока, в гостиной повеяло пронзительной печалью. Даже погода за окном изменилась. Набегала тень, солнце скрылось за седыми облаками.

И уже не блоковскую, а собственную боль выплескивал он — надрыв, оскорбленную гордость и величие души:

*Пусть я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала,
Я верю — то Бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!*

В глазах Сыченникова мелькнули слезы, дыхание перехватило, и он отошел к окну. Начинаясь метель...

10 января

Зима забелила мелом все без разбору: крышу огромного дома, деревья, длинный тротуар и пожухлую траву у забора...

Вечерами Василий Иванович смотрел телевизор, который вдоволь «накормил» его «Аншлагами» и «Голубыми огоньками», Галкиным с Пугачевой в большом количестве и непрерывающейся рекламой ...

Виталия Валентиновича и Веру Петровну он стал видеть все реже и реже. Замотанные работой, они приезжали домой только к вечеру, и то поздно. Развлекал гостя охранник Николай. Вдвоем они играли в бильярд, купались в бассейне, попивали пиво... Мужчину он был компанейский, и с ним было весело.

— Слушай, — спросил его однажды Василий Иванович, — а что случилось с мужем Капитолины? Она мне сказала, что вдова, а подробности выспрашивать неудобно...

— История эта давнишняя, — доверительно ответил охранник. — Володька у нее по пьянке попал в аварию. Сам — насмерть, машина в гармошку, а дочь чудом уцелела. С тех пор и лежит пластом: что-то у нее с позвоночником. И неизвестно еще, когда встанет...

— И что... ничего нельзя сделать? — удивленно спросил Сыченников. — Операцию какую-нибудь...

— Да была уже операция... Виталий Валентинович возил девочку за границу, денег кучу истратил, а толку мало... Не встает.

Вечером Василий Иванович пересчитал весь свой гоноرار. Денег оказалось около семидесяти тысяч. Здесь были еще и доллары, но Сыченников не знал, сколько их в пересчете на наши рубли. Завернул все в газету и понес на кухню.

— Заберите их немедленно! — испугалась Капитолина Тимофеевна, когда он сунул сверток ей в руки. — Они вам нужны. Может, помогут вашу жизнь выправить... — Повариха заметалась по кухне: от плиты к холодильнику, от мойки до стола, не решаясь близко подойти к Василию Ивановичу. Потом подбежала к раковине и пустила воду.

— Нет, назад я их не заберу, — твердо отрезал Сыченников. — Мне они счастья не принесут. Легко достались, легко и промотаются. Это для дочки вашей. — Он взял деньги со стола и подошел к женщине. — Возьмите, Капитолина... Очень вас прошу.

Она стояла перед ним прямо, прижав сверток к груди, как буханку хлеба. Вскинув голову, женщина смотрела на него, потом вдруг покачнулась, принула головой к плечу Сыченникова и заплакала. Василий Иванович растерянно улыбнулся и стал неумело гладить ее блестящие волосы.

Ночью он долго не мог уснуть. Лежал с открытыми глазами, и мысли его роились беспорядочно и суетливо, как бы ненароком касаясь последних событий: то это была черная папка Виталия Валентиновича; то Новый год у камина; беседы с Капитолиной; и наконец, сегодняшний вечер, когда он ей отдал свои деньги, когда она прижалась к нему... Капитолина, Капитолина...

Русский Новый год стучался в двери, хрустел снегом, потрескивал дровами в камине, расходился волной сердечного тепла. И, подхваченный этой волной, Сыченников впервые за долгие годы жил, ни о чем не заботясь и не задумываясь. И трудно было ответить: где он? В раю или в прочитанной в детстве сказке? Скорее всего, это походило на сладкий сон, который он видел сотни раз на чердаке или в подвале, кутаясь в рваное одеяло.

Но недаром говорят, что слишком хорошо тоже нехорошо: при всех жизненных удобствах и беззаботности ему было все-таки как-то не по себе. Однажды он признался в этом Виталию Валентиновичу:

— Красиво у вас, но пресно как-то. Мне деревня больше нравится. Свины в лужах, утки в прудах, старики на лавочках... Нет, все у вас хорошо, — спохватился Василий Иванович, — но жить бы я у вас не стал. Здесь только повинность отбывать...

Виталий Валентинович ответил ему улыбкой. Потом, вдруг вспомнив, сказал:

— Завтра мы с вами поедем в город. Оформлять паспорт. Я уже с нужными людьми договорился.

— Паспорт? Мне? — удивился Сыченников.

— Разумеется, вам, кому же еще?! Должно же быть у человека удостоверение личности!

13 января

В город поехали рано утром. Вначале сфотографировались, а потом прибыли на бывшую главную площадь, где в бывшей старинной гостинице размещался когда-то бывший горком партии. Сейчас там располагалось управление федеральной миграционной службы.

Через улицу, напротив бывшего партийного учреждения, стоял серебристый Ильич с вытянутой рукой и указывал на это трехэтажное красное здание. Во время «перестройки» на Ильича напали эстремисты и отдубасили его так, что повредили ему руку и даже физиономию. Потом руку поставили на место, лицо подшукатурили, но не совсем удачно: лицо вождя приобрело какое-то болезненное выражение, как у человека, перенесшего оспу. Несмотря на перенесенные побои, Ленин по-прежнему энергично указывал на бывший горком, но при этом словно собирался обличить: «Вот вы где засели, оппортунисты и ренегаты!»

Василий Иванович добродушно подмигнул вождю мировой революции, но Виталий тут же втащил своего спутника в здание и повел по широкой лестнице. Там старик расписался в каких-то бумагах и документах, и они тут же отправились домой, где полным ходом шла подготовка к празднику. Василия Ивановича сразу же подрядили на помощь в украшении гостиной.

Хотя Виталий Валентинович и уверял, что одной елки будет вполне достаточно, супруга с ним не согласилась. Вдвоем с учителем они притащили стремянку и принялись развешивать по стенам гирлянды из фольги и цветной бумаги. Потом к ним добавились несколько венков из искусственной хвои, украшенных колокольчиками и нарядными коробочками. Между делом Василий Иванович не забывал забегать на кухню навестить Капитолину и поболтать с нею за чаем. Он чувствовал, как его неудержимо тянет к ней, и это были для него самые вожделенные минуты.

Наконец наступил вечер. Все пошли переодеваться. Василию Ивановичу предложили черный блестящий костюм, но он от него категорически отказался, согласившись только на одну белую рубашку. Около десяти вечера хозяева и Василий Иванович собрались в столовой. Ждали гостей. Виталий Валентинович уже начинал беспокоиться поглядывать в сторону холла, когда в комнату заглянул Николай.

— Приехали!

Двери распахнулись, и в столовую торжественно вошла пара. Средних лет полноватый мужчина, внешне похожий то ли на хитрого купца, то ли на сельского дьячка, вел под руку роскошную светлую шатенку в вечернем платье. Сам он был одет тоже изысканно — в черный элегантный смокинг.

— Петр Ильич! Надежда! Как вы великолепны! — воскликнул Виталий Валентинович, выходя навстречу.

Мужчины обнялись, дамы расцеловались, и все подошли к елке.

Хозяин представил гостям Василия Ивановича.

— Учитель?! — удивленно переспросил гость. — Вас, ба-
тенька, мне как раз и нужно!

Свет люстры ярко сверкнул в его выпуклых карих глазах и отразился на аккуратной круглой лысине, обрамленной темными кудрями. Он улыбнулся и продолжил очень ласково:

— Понимаете, у меня сын Максим учится в шестом классе... Нехоть, каких еще поискать...

— Где он, кстати? — поинтересовалась Верочка.

— Наказан, — прохладно ответила Надежда Николаевна.

— Совсем от рук отбился, паршивец... — уже серьезно произнес Петр Ильич. — Учителя в школе ничего поделывать с ним не могут. Вы по какому профилю специалист?

— По гуманитарному, — ответил Сыченников. — История, литература...

— Это то, что нам надо! Я приглашаю вас в наш дом домашним учителем. Подтяните нашего оболтуса по гуманитарному циклу. Мужчина-учитель... вот чего не хватает сегодняшней школе! Что вы так печально молчите?

— Я уже давно дисквалифицировался, — с горечью признался Василий Иванович.

— Оставьте! — махнул рукой Петр Ильич. — Чтобы учитель моего лучшего друга потерял квалификацию? Да быть такого не может! Соглашайтесь! Ну, а что касается вашей зарплаты, то, как поется в старинной народной песне: «Золотую казной я осыплю тебя».

— Петр Ильич! Да не напирай ты так на человека! — пришел на выручку Виталий Валентинович. — Предложение, конечно, хорошее, но ведь надо и подумать. Василию Ивановичу ведь не двадцать лет...

— Конечно, конечно... — закивал головой гость. Было видно, что надежда призвать шестиклассника к порядку сильно его обрадовала. — А вы подумайте, подумайте...

Василий Иванович поднял бокал и предложил:

— Давайте выпьем за Веру, Надежду и Отечество!

— Отличный тост! — мужчины с готовностью подняли бокалы.

Спустя некоторое время пошли в гостиную, где стали встречать Старый Новый год. После двух-трех рюмок Василий Иванович почувствовал, как помещение начало тихо вращаться вокруг него. Было ясно: пора в постель. Старый учитель неловко извинился и неверными шагами пошел к выходу.

В спальне он с трудом разделся, лег на кровать и мгновенно заснул.

14 января

И снова ему приснилась школа. Та же пора — на грани весны и лета. Он сидел в своем классе, и вдруг ему почудилось, что его зовут снаружи. Он встал и быстро подошел к двери. Но когда распахнул ее, то с ужасом увидел, что за порогом стоит ледяная зима, идет снег. А вдалеке стояли они — Анастасия с Лидой. Учитель бросился к ним, лихорадочно думая про себя: «С ума сошли! Ведь замерзнут».

Он бежал за ними, а они все отдалялись от него и отдалялись. Василий Иванович вдруг понял, что стоит в городе, у знакомого дома. Вот и дверь в подвал. Сыченников, прихрамывая, прошел несколько метров в темноте, увидел знакомое лежбище, освещенное тусклой лампочкой. У теплой трубы лежало несколько шуб, подобранных у мусорных ящиков. Василий Иванович с облегчением уселся, прислонился к трубе и смежил веки.

И он снова увидел их: и Настасью, и Лиду. Только они больше не улыбались ему, а смотрели молча, с горьким упреком. Сыченникову показалось, что они куда-то зовут его. Он попытался встать, но не смог. Он собрал все силы, напрягся и сумел приподняться.

В окно смотрело серенькое зимнее утро. Василий Иванович приподнялся на локтях и оглядел царскую спальню в доме своего ученика.

Вся ложность его положения вдруг пронзила сознание. Приживала! Живет у людей за чужой счет, словно паразит какой-то... Срам!

Стыд захлестнул его горячей волной...

«Бывают странные сны, а наяву страннее», — вспомнил он слова Грибоедова.

18 января

Свой паспорт, новенький, еще пахнувший типографской краской, Василий Иванович получил в самый Рождественский сочельник. И не один, а целых два.

— А второй-то зачем?

— А второй — заграничный, — объяснил, улыбаясь, Виталий Валентинович. — Мы с Верочкой все в Рим съездить мечтаем — может, и вы нам компанию составите?

Василий Иванович расчувствовался и от неожиданности не нашелся что ответить.

— Теперь вы — полноценный гражданин, — продолжал Виталий Валентинович. — Вопрос прописки, я думаю, у вас тоже скоро решится. Я недавно ездил к вашей сестре... Она, к сожалению, умерла два года назад... Но в доме живут ее

дети, внуки... Они вас помнят и готовы принять. Кстати, по наследству вам там принадлежат пять гектаров земли.

На Сыченникова что-то нахлынуло, сдавило... Крик искал выход наружу. Но он не вырвался, а застрял в горле... И Василий Иванович отчетливо слышал его стон.

— Как вы их нашли? Ведь это совсем в другом городе... — наконец выдал из себя.

— Петр Ильич помог, — торопливо сказал Виталий Валентинович.

На глаза Василия Ивановича навернулись слезы.

— Не может быть, — давясь рвущимся наружу стоном, проговорил он. — Они вам так и сказали?

— Ну не выдумал же я! — улыбаясь, ответил Виталий Валентинович.

Вечером Василий Иванович зашел к Капитолине.

— Ну, вот и все, — нерешительно произнес он. — Закончились мои каникулы. Я ухожу.

Капитолина перестала мыть посуду. Вытерла руки о фартук и подошла к нему.

— А может, останетесь? — нерешительно спросила она. — Перейдете ко мне жить... Вы один, и я одна... Давайте попробуем? Квартира у меня есть...

Сыченникову хотелось сказать какие-то слова: он чувствовал, что это надо сделать, ведь он из-за этого сюда и пришел... Но вырвалось совсем другое:

— Да нет... какой я вам муж? Вам нужен другой мужчина... настоящий. А я — так... Перекати-поле. Сегодня здесь, завтра там... — слова получились какими-то неверными и холодными.

— Ну что вы на себя наговариваете! — возмутилась Капитолина. — Вы такой образованный... Добрый, надежный... Вон как сердце ваше открылось! Меня совсем не знаете, а пожалели...

— Да нет, Капитолина... Непригоден я для семьи. Старый я для таких дел. Был конь, да изъездился.

— Ну что ж. Вольному воля... — перестала уговаривать его Капитолина.

— Ладно... Не сердитесь на меня! Сыч — птица одинокая. Пойду я... Прощайте... — Сыченников толкнул дверь.

Ушел Василий Иванович из дома ранним утром. Даже с хозяевами не попрощался. Только записку оставил: «Дорогие Виталий и Кленюша! Я слишком стар и не вынесу поездки в Рим. Учитель из меня теперь никакой, да и стыдно быть вашей обузой. Спасибо за хлопоты, только это все напрасно. Прощайте, не поминайте лихом. В.И.»

— Наверное, к детям сестры уехал, — высказал свою догадку Виталий Валентинович.

— Ну и, слава богу, — отозвалась жена. — Он столько на-терпелся...

А через два месяца охранник Николай рассказал Капитолине, что видел Василия Ивановича на городском рынке. С протянутой рукой, в черной коляске, без обеих ног..

— Как без ног? — в ужасе выкрикнула Капитолина.

Он в ответ только кивнул головой и подтвердил:

— Да, без ног.. Маленький такой сидит.. култышки торчат. Я его еле узнал. По голосу. «Подайте юродивому!» — кричит. Подошел к нему и спрашиваю: что с вами, Василий Иванович, произошло? Что это такое? А он мне: «Да вот такая случилась со мной житейская нескладница. Пока я жил у вас, мое место в подвале заняли. Пришлось ночевать на новостройке. Ну, а там что? Отопления нет.. Одни холодные стены. Ну, вот я и отморозил ноги.. Началась гангрена... Но об этом лучше не рассказывать... Хорошо, что рабочие нашли меня и отвезли в больницу. Сам я в тот момент даже ступить на ноги уже не мог.. В этот же день мне и сделали обрезание. Вот такие, брат, дела. Так что я, считай, уже одной ногой в могиле. Хотя даже не ногой — такой привилегии у меня нет. Животом подполз к ней и жду: когда же она меня к себе заберет? Да ты, брат, иди... Только денежку брось мне какую-нибудь...» Я, конечно, поинтересовался: «Да как вы живете? Где ночуете? Как добираетесь?» А он мне: «С этим у меня все в порядке. Живу я под крышей. Кормлюсь регулярно. А сюда меня привозят и увозят. Я как бы работаю сейчас. Так что ты иди, иди... А то Зубр, хозяин мой, запрещает мне подолгу с людьми разговаривать...» Я, конечно, смикитил, что к чему, и поинтересовался: так вы что, в рабстве? Он мне на это ничего не ответил, лишь напоследок попросил: «Ты только никому обо мне не рассказывай. Не надо, чтобы обо мне так знали...» А это он велел передать Виталию Валентиновичу, — Николай положил на стол серебряный портсигар. — Вот такая произошла встреча. Я ему, конечно, купил продуктов, что под руку попало. Так ему некуда было даже их положить... Ноги обрезаны выше колен. Так и опустил кулек около коляски. Жалко старика..

— Что же он натворил? — навзрыд заплакала Капитолина. — Что же он натворил?

Все, кто в это время были на кухне, переглянулись и ничего не сказали. А что тут скажешь?

СВЕТСКАЯ ХРОНИКА

РАССКАЗ

«К Хануке присоединился еще один праздник — внесение очередной новой Торы в синагогу в Марьиной Роще. На этот раз свиток дарил совладелец компании ТНК-ВР Леонард Блаватник, член совета директоров «СУАЛ-холдинга» Александр Бронштейн, руководитель компании «Каширский двор-Северянин» Александр Головатый и его заместитель Леонид Глезер.

Как и полагается в Хануку, вечер был веселым. Несмотря на пафос момента, гости все время острили. Когда обозревателю посетовала, что и район какой-то трущобный, и ехать до этой синагоги далеко, господин Головатый согласился: «Ох, да! Не дают евреям Красную площадь застраивать! Василий вон Блаженный без дела простаивает!» Во время торжественной речи раввин Берл Лазар задал риторический вопрос: «Зачем свиток пишут вручную? Ведь есть компьютеры, а Тору писать — это минимум год! Неужели нам не жаль еврейские деньги?» — «Еще как жаль! Но мы же обеспечиваем работой писцов: как только у них заканчиваются еврейские деньги, появляется Саша Головатый», — пошутил один из олигархов.

Перед фуришетом раввин Берл Лазар предложил посмотреть фильмы

ПРОЗА

про Хануку. Мелькали кадры: Рейган с евреями, Буш с евреями, Путин с евреями и даже Арнольд Шварценегер с евреями пляшет «Хаву Нагилу». Казалось, национальную идею насаждают, как картофель при Петре. К сожалению, «пиар» выпирал, как пружины из матраса, и на Хануке в концертном зале «Россия», которую организовал тот же самый ребе.

Эта Ханука стала просто праздником благородства властей: мэр Лужков гордо отметил: «Еврейство Москвы и России открыто и свободно отмечает свой праздник». Испушенный в политесах Берл Лазар тут же вернул подачу: «Власти не только не запрещают нам зажигать ханукальные свечи, но и приветствуют сооружение светильников на центральных площадях. Руководство страны понимает важность послания света».

После речи бизнесмена Льва Леваева на сцену пригласили американского посла Александра Вершбоу. Это внесло отдельный нюанс в общую интригу: причем здесь Ханука в России и американский посол? Никто не против господина Вершбоу — человек достойный, но посол Израиля, то есть непосредственно еврейский посол, — господин Аркади Мил-Ман. Почему же его пригласили выступить только после господина Вершбоу? Случайностей в таких делах не бывает...

Программа гала-концерта была ориентирована на «шир-нармассы»: выступали Иосиф Кобзон, Игорь Бутман, Марк Розовский, Роман Карцев, группа «Чай вдвоем» и «Премьер-министр» (причем здесь «премьеры» — непонятно, разве что пригласили за название).

Хануку в Большом театре представлял раввин Адольф Шаевич. Все прошло без реверансов чиновников и чиновникам, атмосфера вечера была теплой. В антракте даже раздавали пончики с повидлом. На сцену поднялся сам раввин и стал бродить от меноры до края сцены, разводя руками. «Адольфу Соломоновичу нужна спичка!» — объяснил ведущий. В зале слышалось шуршание. «Дайте спичку, вам зачтется!» — обещал ведущий. Спички тут же появились. Раввин зажег ханукальную свечу, и начался концерт...»

— Хорошо читаешь светскую хронику, — сказал Старший бож, сидящий на кривом ящике. — Душевно. С выражением. В лицах... Молодец! Актер...

Тот радостно улыбнулся. Благодарно склонил голову. И отвесил поклоны всем окружающим.

— Мне тут приносят желтую прессу.. Будешь и дальше озвучивать?

Актер не сказал ни слова. Но изобразил на небритой физиономии однозначный ответ: мол, какие могут быть вопросы?

— Отлично!.. Будем регулярно устраивать что-то вроде политзанятий. Всем надо знать, как живет нынче в России-матушке. Одни жируют. Другие, как мы, в дерьме копаются, — резюмировал Старший.

На свалке он был непререкаемым авторитетом. Высокий. Здоровый. С тяжелыми кулаками и суровым, но справедливым нравом. Его боялись и уважали одновременно.

Биографию Старшего никто толком не знал. Поговаривали, когда-то был он интеллигентом. То ли писателем. То ли журналистом. То ли еще кем... Да и какое, собственно, теперь это имело значение?

Бомжи среагировали на светскую хронику по-разному. Некоторые вообще не поняли, о чем речь идет, некоторые развеселились, а были и те, что насупились.

— Дошуткуются, — хмыкнул старик в рваной телогрейке и ободранной женской меховой шапке.

Русские бомжи — молодые, средних лет, и старые стали расходиться. У всех здесь масса дел. Как бы ни сложилась судьба, а выжить хочет каждый.

Свалка позволяет выживать не только людям, опустившимся по тем или иным причинам на самое дно. Но кормит и собак. И лесных лисиц. И прочую живность.

Ныне она, как чеховский МХАТ, начинается с чаек. Они потеснили всех ворон — главных, казалось бы, природных мусорщиц.

Правда, здесь белые птицы ведут себя вовсе не поэтически возвышенно. Копшатся в смрадных отбросах. Кричат зычными, скрипучими голосами. Отчаянно дерутся...

Очередной мусоровоз, подпрыгивая на ухабах и надрывно урча, привозит новую порцию бытовых отходов. Вываливает их. И тут же уезжает, чтобы через час-другой вернуться снова.

Люди-«свалочники» быстро и слаженно сортируют привезенное... Главное, чтобы попалась хоть какая-нибудь еда и питье. Неплохо отыскать что-то из одежды, стеклопосуды, лома цветных металлов. Все это можно за копейки, но все же продать перекупщикам.

Новичков-чужаков, нарушающих суровые свалочные законы, сначала предупреждают. Если не доходит, расправляются беспощадно. Вплоть до убийства. Иногда даже труп не закапывают... Чего зря трудиться?

Кого бояться?.. Кто станет искать убийц никому не нужного существа под кличкой «бомж». Сами милиционеры побаиваются здесь появляться. К тому же у них своих проблем с бездомной публикой в Москве предостаточно...

От сумы да от тюрьмы не зарекайся, гласит давняя народная поговорка. Ныне — и от свалки тоже. Сегодня легко и буднично можно превратиться в оборванца, изгоя. В... мусор.

Демократическому государству нашему бомжи вовсе не в гостях. Не митингуют. Жалобные заявления в высокие инстанции не пишут. Пить-есть не просят. Пособий не требуют. Пенсий не получают. Потому как нет у них паспортов и прочих нужных бумаг с печатями. А нет документа — нет и человека.

Человеческое общество, к сожалению, имело и, наверное, всегда будет иметь дно. Но на нем в России все чаще оказываются в недавнем прошлом образованные люди. Вроде Старшего, читающего газеты и журналы, несмотря ни на что...

«Некоторые активисты светской жизни отправились в Куршевель прямо с новогодней вечеринки Романа Абрамовича. На бывшей даче Брежнева в Серебряном бору состоялась очередная встреча «клуба любителей Абрамовича», похожая на прошлые, как две капли воды. И в этот раз царили уныние и апатия, присущие всем увеселениям видного бизнесмена. Если бы не ретроинтерьеры дачи и снег за окнами, то у некоторых случилось бы «дежа-вю». Приглашенных, как всегда, было меньше, чем ожидалось: пришли пятьдесят вместо ста. И на этот раз гости, среди которых были «активисты клуба» — банкир Александр Мамут, бизнесмен Олег Дерипаска с женой Полиной Юмашевой, Татьяна и Валентин Юмашевы, томилась под Крестину Орбакайте, Валерия Сюткина и непременно Игоря Бутмана. Не оживляли атмосферу вечера и разговоры о том, что дачу Брежнева, наверное, скоро будут сносить. И так же, как и полгода назад, гости сидели как прибитые к стульям и встrepенулись только с приходом неизменной фаворитки хозяина — Верки Сердючки.

Почему именно на вечерах господина Абрамовича всегда «мухи дохнут на лету» — непонятно. Вроде сам он в новогодний вечер улыбался, никого не одергивал и откровенно кайфовал под «Чайф» (он вообще очень любит эту группу), но вот «не умеет оттягиваться Роман Аркадьевич» — вздыхали в Куршевеле два дня спустя и, увы, были правы. Единственным живым моментом вечера стала светская новость: за столами обсуждали роман главного редактора журнала «*Harpers Bazaar*» Шахри Амирхановой с Борисом Ельциным-младшим.

«Если ты был в Куршевеле, ты уже звезда», — говорят французы. Увы, это более «пиар», нежели реальное положение дел, но неопиты клюют. Девушкам кажется, что тут пасутся стада свободных бизнесменов. Мамут под ручку с Абрамовичем

бродят по горам в поисках блондинок. Другие хотят приобрести к «тусовке», ошибочно полагая, что всякий, кто вышел на остановке «Куришевель», — уже светский человек и полноправный член бомонда. А между тем, если ты не «в обойме», не имеешь правильных знакомств, то и визит в Куришевель совершенно бессмысленное дело.

К тому же не всякий Куришевель есть тот самый. Курорт с возжеланным названием расположен на разных уровнях: 1300 метров, 1550, 1650 и 1850 метров. Последний, собственно, и является тем самым, модным и престижным Куришевелем. На остальных уровнях живут люди попроще, они на подъемниках добираются до гнезда богачей и наводняют заветный Куришевель-1850.

На высоте 1850 метров в супердорогих гостиницах свободных номеров нет — все они переполнены «русскими». Но в гостиницах от трех звезд и ниже свободных мест навалом. «Русские» облюбовали несколько отелей. Номер в Vublos стоит от 800 до 1800 евро, и бронировать его надо минимум за два месяца.

Крупные бизнесмены снимают шале. Их в Куришевеле гораздо больше, чем гостиниц. Названия самые удивительные. Так, один красивый резной домик носит имя «Амударья», а кто его так назвал — неизвестно. Одно из лучших шале (в самом центре у церкви) в этом году снимали Ксения Собчак и Алекс Шусторович. В их деревянном доме, со старинной мебелью и камином, три спальни, огромная гостиная и прекрасный вид на горы. Снять жилье такого уровня стоит 40 000 долларов в неделю, но это далеко не самое «крутое» шале Куришевеля. Например, шале «Аляска» стоит 120 000 долларов в неделю, за эти деньги можно наслаждаться большим бассейном, баней. Там несколько спален и гостиных. Обычно жители шале заказывают служанку, это обходится около тысячи евро в неделю...»

Давно она появилась у метро «Новослободская». Вечно грязная. Всегда полупьяная... Бомжиха, словом.

Называли ее Ларкой. Сколько ей лет, никто определить толком не мог. Может быть, тридцать. А может, шестьдесят. Кто она, чем занималась и где жила раньше, тоже никто не знал... Да и кого в наше время заинтересуют биографические данные чужеродного всему окружающему существа?

Ночевала Ларка в пыльном закутке на чердаке. А ведь когда-то у нее, как позже выяснилось на суде, имелась нормальная двухкомнатная квартира на Волгоградском проспекте. И специальность у нее была нормальная. Работала в больнице медсестрой.

Была у нее и настоящая любовь. Несчастливая, правда... Они собирались пожениться, но незадолго до свадьбы волею слу-

чая любимый доктор погиб от шальной пули во время бандитской разборки.

Старая ее подруга, найденная во время следствия, поведала, что тогда-то и началось падение. Она повадилась пить. С каждым днем все больше и больше... В конце концов ее уволили с работы.

Потом какие-то «деловые» напоили ее до беспамятства и пообещали золотые горы. Уговорили продать им двухкомнатную квартиру и перебраться в коммуналку, в небольшую комнатенку. Вскоре Ларка оказалась вообще без жилья. На улице... Она подалась ближе к центру, подальше от родного района, чтобы не попадаться на глаза друзьям и знакомым.

В тот роковой день она всего-навсего подобрала пустую бутылку с асфальта. Четверо полупьяных подростков, сидящих рядом на скамейке, просто озверели.

— Ах ты, тварь, нашу посуду воруешь! Кто тебе разрешал?..

— Ребятки, да если б я знала, что вам бутылка нужна — ни в жизнь бы не взяла... Отпустите меня.

Ничего не помогло... Озверевшие подонки поволокли Ларку в глубь дворов, к развалившемуся двухэтажному дому без крыши. Прохожие видели это, но никто не сказал ни слова. Никто пальцем не пошевелил.

Подростки решили сначала просто избить ее. Потом сорвали одежду. И по очереди начали насиловать. В конце концов единогласно решили и забили бомжиху обломками старых кирпичей.

Во время следствия выяснилась еще одна деталь. Оказалось, ее двухкомнатной квартирой мошенники завладели обманным путем. И милиция давно разыскивала законную владелицу.

Но нашли Ларку слишком поздно. Обезображенной и мертвой — в развалинах двухэтажного дома без крыши в районе «Новослободской»...

«В нью-йоркском музее Соломона Гуггенхайма открылась выставка «Russia». Ужин в фойе «Гуггенхайма» почтили присутствием Владимир Путин, Владимир Потанин, свита обоих Владимиров, артисты, галеристы и американские миллиардеры.

Это было настоящее серьезное светское событие, то самое, для которого за год готовятся туалеты и смокинги. У входа толпился весь нью-йоркский свет. Все подъезды к музею были перекрыты, и лимузины еле смогли подобраться ко входу. Из них выплывали дамы в вечерних туалетах. Российских красавиц представляли певица Миранда Мирианавили и галеристка Стелла Кей, чья галерея принимала участие в выставке.

Не обратить внимание на госпожу Кей в черно-серебряном русалочном платье от Escada и госпожу Мирианашвили в кремовом длинном туалете от Versace было невозможно. Цепкий мужской глаз директора музея Томаса Кренса выхватил их из толпы, и на глазах у изумленной публики господин директор помог барышням пробраться через бордюры, перелезть через ограждения и завел их внутрь.

Наблюдавший за этим пассажем Зураб Церетели, на прошлом российском вернисаже в «Гуггенхайме» проявивший чудеса проходимости, в этот раз стоял как миленький и даже не пытался подлезть под загородки. Напомним, что два года назад на том же месте в тот же час скульптор выкинул немислимый кульбит. Он улучил момент и подлез под запретную ленточку, когда в зал входили Владимир Путин с Томасом Кренсом, и таким образом оказался в кадре. Наутро на первых полосах американских газет появилось фото с подписью «Мистер Путин, мистер Кренс и неизвестный».

На обложке роскошного каталога большими красными буквами горело слово «Russia», так же было оформлено и фойе «Гуггенхайма». Владимир Путин на пятнадцать минут уединился с Томасом Кренсом в директорском кабинете, затем вышел к гостям и на красном фоне произнес речь.

Президент прибыл в Нью-Йорк без супруги, но с многочисленной свитой. Весь прием он держался довольно раскованно и даже шутил. Несколько метров его сопровождала куратор выставки, на вид — совсем девочка. И какой-то местный миллиардер, американец, «сан фасон» подошел к Путину и радостно сказал: «А это ваша жена?» — «Not yet» («Пока нет»), — ответил президент.

В этом году прием был очень сдержанным — если на прошлой русской выставке в «Гуггенхайме» икру подавали бадьями, то в этот раз даже шампанское было признано слишком игривым для такого повода, предлагали только вина и водку. За ужином подавали ассорти из fruit de mer и баранину на косточке.

Владимир Путин пробыл около получаса и покинул банкет. Через десять минут после ухода президента отклонялся и Владимир Потанин, отказавшийся держать даже «спонсорскую» речь. От господина Потанина не дождались и формального тоста, и тогда ему на подмогу пришел речистый Леонид Лебедев. Затем господа отправились в ресторан «Русский самовар» к Роману Каплану, где хозяин, давний друг Бродского и других знаменитых русских эмигрантов, забавлял всех историями...

Как-то домработница решила навести порядок на кухне. Протирая полки, наткнулась в очередной раз на трехлитровую банку со сливовым вареньем.

«Уже несколько лет тут стоит, — подумала она. — Хозяйка, наверное, о ней просто забыла. А варенье наверняка загну-стело и испортилось. Выкидывать пора».

Так домработница и сделала... Окончив уборку, загрузила ненавистную банку и прочий мусор в полиэтиленовый пакет, вышла на улицу и выбросила в контейнер.

Вечером она на всякий случай доложила хозяйке о выбро-шенном варенье... Та побледнела. Закатила глаза и чуть было не потеряла сознание. Истошно заорала и опрومتью кину-лась во двор.

В своем шикарном платье бизнес-леди бесстрашно пере-гнулась и залезла в вонючий мусорный контейнер... Он был почти пуст. Со слабой надеждой вытряхнула пару пакетов. Но заветной банки в них не оказалось.

— Дура... Тварь провинциальная, — зашипела хозяйка на подошедшую домработницу. — Там... 250 тысяч евро храни-лось. Других сбережений у меня почти нет.

Слегка помятая и взбешенная бизнес-леди зацокала каб-луками в ближайшее отделение милиции. Пообещала щедр-ое вознаграждение асу уголовных дел Мохову. И поведала ему о пропавшей банке с увесистой пачкой евро.

Сыщик без какого бы то ни было сочувствия выслушал жалобно всхлипывающую даму. Усмехнулся: мол, такого еще в жизни не слышал. И сделал скептический вывод:

— Какой дурак, найдя подобную сумму, захочет ее вернуть?! Скорее всего, сгниют ваши евроки на свалке за городом!

Ан нет. Все сложилось иначе...

Ольга Ступня еле-еле успела прямо перед мусоровозом вытащить из контейнера ту самую банку. Довольная, она от-правилась с добычей в выселенный дом, где обитала вместе с другими бомжами.

Балда, Ефрейтор и Сверчок (так их именовали местные милиционеры) были не против отведать сладкого... Отковы-ряли ножом крышку. И принялись по очереди лакомиться загустелым, но вполне съедобным вареньем.

Неожиданно ложка наткнулась на что-то твердое. Вскоре опытным бомжам удалось извлечь на свет божий баночку из-под кофе, плотно обмотанную скотчем. В ней, как выясни-лось к их полному восторгу, покоилась уйма иностранной ва-люты.

Ее сразу и без каких-либо возражений забрал здоровен-ный детина Балда. Он пообещал честно пропить-проесть ев-ропейские деньжата вместе с друзьями. Чем, собственно, они тут же и занялись...

Несколько дней спустя Мохову доложили об обнаружении на его участке трупа женщины... Это оказалась Ольга Ступня.

На месте убийства в выселенном доме валялись бутылки из-под фирменной водки, банки и баночки с остатками красной и черной икры.

Подозреваемых нашли поблизости, в скверике перед магазином. Закусывали пятизвездочный коньяк хлебом с бужениной Ефрейтор, Сверчок и Балда. В его карманах обнаружили более двухсот тысяч евро.

На допросе свою вину бомжи сразу же признали. И подробно рассказали, что тогда произошло... Все оказалось до страшного просто.

Той ночью все вместе они хорошо поели и попили. А полбутылки водки оставили на утро. На опохмелку.

Но договоренность Ольга Ступня нарушила. Не удержалась от соблазна. И опустошила заначку на рассвете.

Неопохмеленный Балда решил — «за подобное скотство надо ее строго наказать». И врезал бомжихе по голове пустой посудинкой. Но не рассчитал силу удара и случайно проломил ей череп...

«Несколько лет подряд телеведущая Ксения Собчак по случаю своего дня рождения задавала пиры на всю губернию. На «балу гламура» по ресторану расхаживали девочки в золотых панталончиках. А на балу «антигламура» гости наряжались в тельняшки и ушанки в пивбаре «Жигули». И вот впервые за всю историю бренда «Ксения Собчак» телеведущая решила уехать из Москвы, по ее словам, «с глаз долой, из сердца вон». Девушка устала от публичности и теперь пытается обрести благословенную зрелость. И потому вместо большой гулянки она с узким кругом близких друзей и мамы Людмилы Нарусовой отправилась в поход по Нилу на длинной 70-метровой лодке.

Путешествие началось в Каире. Оттуда по великой реке компания пошла в Луксор и Карнак, где все и закончилось праздничным ужином. Торжество устраивали в храме Рамзеса. Днем там ходят толпы туристов, но на вечер свято место специально закрыли для госпожи Собчак с друзьями. У входа в камерный зал горели факелы. Гости переоделись в египетские одежды. Саму именинницу нарядили Нефертити. Играл египетский джаз. Изображения богов смотрели со стены с неодобрением, но сама госпожа Собчак выглядела счастливой, умиротворенной, и, как замечали гости, «необычно кроткой».

После ужина девушки стали искать удобства. Стрелка WC привела их к непонятной загородке: рамы, обтянутые полиэтиленом, и флажки. Госпожа Собчак, напивавшаяся смирением, не стукнула кулачком и не велела подать сюда нормальную человеческую уборную, а решила, что раз так, то придется принимать обычаи страны такими, как они есть, тем более

что за несколько дней путешествия к египетской гигиене гости почти привыкли. Многие уже воспользовались санузлом по-карнакски, но, слава Рамзесу, выяснилось, что цивилизованные удобства за углом, а стрелка по ошибке завела к раскопкам внутри храма.

Несмотря на временную перегрузку публичностью, госпоже Собчак все же пришлось устроить в Москве камерный праздник для тех, кто не может себе позволить тратить свое драгоценное олигархическое время на ее африканские причуды. Эти тяжелые на подъем люди собрались в ресторане «Cantinetta Antinori», и крупная соль московской светской злости сразу развела налет египетского человеколюбия. Да и как сохранить кротость, когда сенатор Умар Джабраилов преподносит золотое ситечко со словами: «Ну, ты же Эллочка-людоедка! Променяла антикварный стул на ситечко. Вот и любуйся теперь на него!»

Бизнесмен пытался устать именованницу намеками на коллизии ее личной жизни, но в тысячный раз убедился: удар госпожа Собчак держит так, что можно поучиться: «Приз за самый лучший, самый точный подарок сегодня достается Умару Джабраилову!» Бизнесмен растрогался, расслабился и тут же получил неожиданный укол рапирой: «Вот достойный подарок, — воскликнула госпожа Собчак, увидев кольцо с бриллиантом от Стивена Вебстера. — Не то, что некоторые, — с ситечком приходят!..»

Ей не повезло... В контейнере было полно всякого мусора. Но ничего съестного. Видно, сегодня здесь уже кто-то потрудился. И выгреб все до крошки.

Надо идти в соседний двор. Дай Бог, удастся найти что-нибудь из еды. Если и там пусто, не стоит особо расстраиваться. До полной темноты еще не меньше часа.

Рано или поздно должно обязательно повезти... Но все-таки ей было очень обидно. Она зло пнула контейнер ногой и отправилась дальше.

Пожилая бомжиха привыкла не обращать никакого внимания на косые, пренебрежительные, нередко ненавидящие взгляды людей... Что поделаешь, если так непутево сложилась ее судьба? Бывшая учительница истории о прошлом заставила себя никогда не вспоминать. Просто вычеркнула его из памяти, словно другой жизни и не было вовсе.

Она жила только сегодняшним днем... Была бы хоть какая одежда и еда. Не выгнали бы только из подвала, где ночевала. Ухитриться бы хоть иногда помыться и постирать белье. Все остальное — ерунда. Пустое. Бессмысленное. Ненужное. Протянула очередной денек — и хорошо.

Жизнь заставила бывшую историчку переквалифицироваться в опытного мусоролога. Сегодня она могла бы рассказать своим ученикам все об особенностях бытовых отходов в столице.

В мусорных контейнерах на рабочих окраинах обычно можно найти картофельные очистки. Консервные банки из-под тушенки. Пачки из-под дешевых макарон и сигарет. Бутылки из-под паршивой водки и вина. В них практически нет газет и журналов, за исключением бесплатных рекламных проспектов. Зато масса старой обуви. Изношенной до дыр одежды. Поломанных абажуров и настольных ламп. Испорченных недорогих электрических чайников.

А вот в контейнерах у, как теперь модно называть, элитных домов — суперсовременная бытовая техника с малыми изъянами. Ее зажавшимся богачам легче выбросить, чем везти в ремонт.

Здесь — почти новая одежда и обувь. Пустые бутылки из-под виски, джина, очень дорогих вин. Масса глянцевого журналов и сплошное изобилие продуктов-люкс. То недоеденные лангусты. То остатки жаркого из косули. То еще что-нибудь экзотическое. Можно найти целые банки с оливками. Разные деликатесы в иностранных упаковках. Нетронутые батоны хлеба. Свежие воши и фрукты.

Когда-то бывшей учительнице удавалось иногда подкармливаться с «барского стола». Но теперь — нет. Конкуренция у элитного жилья слишком большая и жестокая.

Здесь побеждают в борьбе за выживание более молодые и здоровые люди без определенного места жительства. Ныне ее удел — лишь бедные кварталы...

Пожилая божиха зашла в соседний двор. У помойки, едва различимые в сумерках, виднелись до боли знакомые, странные существа — «помощники». Они вяло переругивались и рылись в контейнере.

В тот вечер ей пришлось бродить до самой темноты. Повезло в конце-то концов. Нашла-таки на ужин горбушку черствого хлеба. Огрызок соленого огурца. И почти целую луковицу. И еще, к ее радости, попались несколько косточек. Бывшая учительница всегда подкармливала бездомных, как она сама, собак...

«Избранником певицы Алсу стал молодой бизнесмен Ян Абрамов. Он (друзья называют его Яником) происходит из богатой семьи бакинских евреев. Самостоятельной бизнес-единицей назвать его пока трудно. Пиротехнический бизнес Абрамова-младшего был создан при непосредственной помощи его

олигархических родственников и не идет ни в какое сравнение с оборотами его клана.

Все подступы к парадному подъезду сторожили милиционеры и свирепая охрана с автоматами наперевес. Пройти на свадьбу можно было лишь, имея в руках приглашение с монограммой «ЯА». Жених и невеста — Алсу Сафина и Ян Абрамов подъехали к концертному залу «Россия» к восьми вечера на джипе-лимузине белого цвета. Следом за автомобилем поскакал было неизвестный папарацци, но споткнулся, упал и тут же был посажен в милицейский «бобик». Кстати, ходили слухи, что за поимку папарацци держимордам из охранного агентства «Карат» посулили кругленькую сумму.

Концертный зал внутри «закудрили» не на шутку. Пройдя по красной дорожке, гости попадали в райский сад. В холле стояли деревья с орхидеями и лилиями на ветках и вазы с золотыми фруктами. Стены и даже потолок были задрапированы сиреневыми и золотыми полотнами с вензелем «ЯА». Жениха и невесту гости встречали аплодисментами. Ян Абрамов (официальная должность — глава компании «Новые оружейные технологии») и Алсу в пышном подвенечном платье цвета шампанского медленно прошли к золотому столику — там их ждала работница загса. Трехметровый шлейф за невицей несли дети.

После этого гости стали вручать подарки. К некоторым из них подходила пресс-секретарь и подробно расспрашивала, на какой подарок кто расщедрился, чтобы составить опись для прессы. Распаковывать дары, правда, не спешили, но «Бентли» — презент от «друзей Яна» — было не утаить. Отец Яна — Рафаэль Абрамов — подарил молодым пентхауз в центре столицы.

После речей подавали фаршированных омаров, кушанья с каштанами и черную икру. Затем, по еврейскому обычаю, молодых усадили на стулья, взяли на руки и стали подбрасывать вверх.

Гости ждали выступления зарубежных звезд. За неделю до свадьбы появились слухи, что Дженифер Лопес, Мэрайа Кэри и Селин Дион эксклюзивно выступают на торжестве, тем более что Мэрайа Кэри Янику Абрамову не чужая. Слухи не подтвердились, хотя в день свадьбы таксисты у «России» рассказывали, что видали Майкла Джексона. На самом деле выступали Джордж Бенсон, джаз-бэнд «Джи-Джи», «Рики энд Повери». Все они играли под потолком, на подвесной сцене.

Расходились по домам после трех часов ночи. Алсу и Ян уезжали последними в полседьмого утра. В воскресенье празднования продолжались в зале приемов Safisa...»

Этот район еще в советские времена считался престижным. Здесь, рядом с метро «Аэропорт», в добротных каменных домах получали квартиры академики, профессора, известные писатели и артисты.

А с недавних пор тут возводят элитное жилье, которое приобретают, ясное дело, лишь избранные.

Роскошь и нищета по соседству — явление для Москвы, да и всей России, привычное. Наглядных примеров тому предостаточно... От «Аэропорта» можно пройти по улице Усиевича до кинотеатра «Баку». Около него организовался стихийный рынок. На нем персонажи без определенного места жительства торгуют всяким барахлом. Старичок в рваной фуфайке, надетой на голое тело, продает хозяйственную сумку с оторванной ручкой... Девица с фингалом под глазом пытается сбыть облезлые женские сапоги... На асфальте сидит старушенция с опухшей физиономией и демонстрирует на грязных ладонях потрескавшиеся перчатки...

Рядом с убогим рыночком плавно останавливается шикарный, блестящий, огромный лимузин. Из него выходят два сравнительно молодых человека.

— Слушай, братан! — восклицает один из них. — Как же мне осточертело деньги делать!.. Эх, пожить бы хоть недельку бомжом!.. Никаких тебе лишних забот!

— Какие проблемы, старик?! — искренне удивляется второй. — У нас теперь за бабки, сам знаешь, все можно. Я тебе прямо сейчас по мобильнику подберу подходящий вариант...

И подобрал. Оказалось, в столице есть, к примеру, продюсерский центр «Князевь».

Он предоставляет возможность дамам из высшего постперестроечного света попробовать себя на поприще уличной проститутки. А джентльменам — побомжевать.

Клиента заграницей по высшему разряду. Мать родная от истинного бомжа не отличит.

Будете, если есть желание, ночевать у вонючей помойки. Днем — на улице кланчить деньги с протянутой рукой.

Одежонку выдадут соответствующую, но, само собой, продезинфицированную и незаразную.

Пахнуть от любителя острых ощущений будет непотребно. Если тот, конечно же, не против.

На вас время от времени станут наезжать менты. Подставные, правда. Так что травмы и прочие неприятности — исключены.

Еду будете находить в помойном ведре. На сей раз абсолютно натуральную — свежайшую икру и лососину.

И стоит-то недельная забава сущие копейки для «нового русского»...

«Роман Абрамович подарил Евгению Швидлеру яхту. В ответ на эту нервную новость «речной олигарх» Роман Троценко вывел на Москву-реку всю здешнюю флотилию яхт. Дескать, и у нас не хуже, чем в «нашумевшем монахском порту Эркюль».

Самая большая из яхт Романа Абрамовича — «Пелорус» (115 метров) пришла в порт старинного германского городка Любек. Именно оттуда олигарх следит за чемпионатом мира по футболу. Другой экспонат своей флотилии — 108-метровую яхту «Le Grand Bleu» — владелец «Челси» презентовал партнеру Евгению Швидлеру.

«Le Grand Bleu» входит в десятку самых крупных яхт класса «люкс». На первом месте в этом списке яхта «Platinum» (160 метров), принадлежащая шейху Аль-Мактуму. Затем идут «Rising Sun» (138 метров) Ларри Эллисона и «Octopus» Пола Аллена. Первоначально подарок Абрамовича оценивали в 114 миллионов долларов. Но за пару дней цифра выросла до 170 миллионов. Как это так быстро повысилась капитализация яхты — непонятно.

Подарить человеку океанскую яхту — все равно что подарить слона. Непонятно, чего больше — радости или головной боли. За год лодка сжирает десять процентов от себестоимости. А значит, только содержание «Le Grand Bleu» обойдется Евгению Швидлеру от десяти до двадцати миллионов долларов в год, даже если он мало путешествует и почти не тратится на топливо.

Впрочем, если новый владелец сдаст эту лодку, он сможет выручать до миллиона долларов в неделю. Обычно даже миллиардеры не гнушаются сдавать свои корабли напрокат. Так делает и владелица парусника «Fосea» (бывшая жена шейха Муна Аюп), и Мохаммед Аль-Файед. Но и тут есть подводные камни. «Разбогатели мы и тоже завели яхту, — рассказывали светскому обозревателю очень состоятельные соотечественники, попросившие не упоминать их имени в газете. — Осень, мы в Лондоне, лодка стоит во Франции, денежки капитану и команде идут. И вот открывает как-то наша мама глянцевоый журнал в парикмахерской. Матушки! Это сон или наваждение?! До боли знакомая корма, а на ней — певец Джонни Холлидей! Вгляделись — да это же наша посуда, другой такой нет! Оказалось, капитан решил подзаработать и сдал лодку в обход нас...»

Именно поэтому у американцев есть поговорка: «Все, что летает, плавает и занимается сексом, — лучше брать в ренту». Но это пусть скупердяи чахнут над золотом и высчитывают рентабельность, а наш человек мелочиться не любит. «У Абрамовича много лодок, — развяснял «Известиям» один из

«морских волков» (по совместительству — волк российского бизнеса). — Куда их девать — солить, что ли? А продавать — как-то несолидно для него. Вот и приходится дарить, избавляться. Ведь главный кайф — это не плавать, а заказывать новое, все более и более крутое».

Ну, а когда есть и вилла на Лазурке, и домик на Рублевке, и «Феррари», и яхта в порту Эркюль, а волшебный горшочек все варит и варит, то, чтобы облегчить баланс и хоть как-то проредить денежную массу, прикупают яхту и в Подмоскowie. Поскольку плавать там решительно некуда, да и сезон короткий, и дно царапается, и топливо некачественное, то здоровые посудины стоят у причалов и увеличивают благосостояние владельцев яхт-клубов... Ну а чтобы хозяева лодок все-таки могли прогулять свои игрушки, на Москве-реке, в Нескучном саду, состоялся фестиваль яхт, инициированный «речным олигархом» Романом Троценко...»

Надо доехать до остановки «7-й автобусный парк» на Дмитровском шоссе. Пройти совсем недалеко к речке Лихоборка. Спуститься в овраг... У самой воды под кронами вековых раскидистых ив и находится стоянка бомжей.

Под деревянным навесом — старые-престарые, грязные, прожженные матрасы и такие же одеяла. Рядом — мангал из кусков арматуры и стол из рекламного щита.

Под ним — незатейливая кухонная утварь. Закопченное ведро без ручки. Пара чугунных сковородок. Черный от копоти чайник. Помятая кастрюля без крышки. Несколько засаленных мисок и ложек.

Верховодит здесь Игорь Иванович. Ему за шестьдесят. Коренной москвич. До пенсии работал на аэродроме. Жил в трехкомнатной квартире у Белорусского вокзала с бывшей женой и дочерью. Та вышла замуж за шустро и наглого молодого человека. Вскоре все окончательно и бесповоротно переругались. Он оказался на одной стороне. Его родственники и зять — на другой. Борьба шла не на жизнь, а на смерть... Однажды вечером приехали милиционеры и забрали Игоря Ивановича.

На суде выяснилось — его недруги утверждали, что он «приставлял к животу беременной дочери нож и грозил ее зарезать»... Приговорили бывшего авиатехника к полугоду в зоне общего режима.

Когда вернулся в Москву, не решился возвращаться в свою квартиру. «Боюсь! Они придумают чего-нибудь похлестче, и упекут меня на более длительный срок. Ясно же, что от меня хотели избавиться. Короче, я им как бельмо в глазу»...

На берегу Лихоборки с Игорем Ивановичем обитают еще

трое. Молодой молдаванин-нелегал Виталий. Шумный и склочный алкаш Эдик. Звероподобный, но молчаливый и безобидный мужик лет пятидесяти по кличке Будулай.

Каждый день он бродит по окрестностям и собирает в мешок всякие железки. Делает несколько ходок. Вечером сортирует и идет сдавать. На вырученные деньги приобретает чего-нибудь из еды и выпивку... Бомжует уже не первый год.

А вот Виталий оказался за бортом недавно. Приехал из Молдовы в Москву на заработки. Через три месяца хозяин неожиданно его уволил, так и не заплатив ни копейки из обещанных.

Эдик — законченный алкоголик. Пропил в этой жизни все, что только можно было. Работу. Семью. Квартиру. Да и здесь, на берегу Лихоборки, от него никакого толку. Но его терпят, не выгоняют в шею. Все-таки — какой-никакой, а человек. Ведь бомжами не рождаются. У каждого своя судьба. Своя трагедия.

Летом для них еда — не проблема. Владельцы небольших магазинчиков и палаточек расплачиваются за какую-нибудь мелкую работенку продуктами.

С наступлением осенних заморозков бродяги из зеленых зон потянутся в поисках более или менее теплых мест столицы. Одним — повезет. Другим — нет.

Далеко не всем суждено дотянуть до следующего лета. По статистике, ежегодно в зимнее время от холода, истощения и болезней в России умирают в среднем десять тысяч человек без определенного места жительства...

«Москва отпраздновала день рождения своего мэра. Гостей главного труженика по сбору «меда» со столицы принимали в Манеже. Словно ожерельем из черного жемчуга, здание было окружено лимузинами. Стилизованный под псеку зал охраняла туча серой мошки и кровососы в фирменных фуражках. И пока VIP-рой губернаторов, депутатов, политиков и мастеров культуры вился перед входом в улей, по стерильным улицам в Манеж летел Главный Гость — Владимир Путин.

Он похвалил юбиляра за преобразование облика Москвы, назвав результат метаморфоз «почти европейским городом».

Следом на сцене появился Геннадий Хазанов, облаченный в летний мундир генералиссимуса. Сталин-Хазанов напутствовал президента многозначительной фразой с грузинским акцентом: «Да свиданья, таварищ Путин!» и поднял тост за юбиляра: «Дарагой таварищ Лужков. Хотелось поднять за вас бокал грузинского вина, но, к сожалению, я не нашел его в вашей Москве!»

После отъезда верховного гостя плотины прорвало, и слюхи полились, как мед с пчелок мэра. Юбилэра чуть не утопили в елее.

Поклон отбивали все сферы общества: интеллектуалы, спортсмены, крупные капиталисты, весь «лужковский набор» мастеров культуры. Патентованные соловьи мэра — Иосиф Кобзон и Олег Газманов, как всегда, пели вместе с ним. Передавая юбиляру поздравления от попстаи и лично товарища Пугачевой, стихотворец Резник натянул на себя рыжий парик.

По-настоящему остроумен был подарок Олега Табакова. Прочитовав «Ревизора», актер «дал городничему на лапу» борзыми щенками...

И пока супруга мэра, «глаза и кудри опустья», «в умилены, молча, нежно», внимала поздравительным речам, дамы косились на хозяйские жемчуга, надетые прямо на платье.

«Известия» уже сообщали, что, по слухам, госпожа Батурина обрела прописку в одном из особняков лондонского района Holland Park. Слух облетел всю Москву и подтвердился.

Юбилей политика — это измерение его удельного веса. По уровню гостей судят о значении человека в государстве. По размаху, по количеству приветствий в прессе, по явке самых сановных персон этот день рождения показал мощнейший потенциал Юрия Лужкова. «Второй человек в государстве», — говорили гости, покидая Манеж. «Второй не второй, а человецище матерый», — гудела ночная улица...»

Что-то непотребное творится не только с людьми, но и с природой. В самом конце ноября через Москву перекинулись многоцветные дуги-радуги. Никогда прежде такого не бывало... Да и декабрь бьет все тепловые рекорды.

В зоопарке медведи категорически не желают впадать в спячку. Жирафы и прочие теплолюбивые из «зимних квартир» вышли на свежий воздух. Водоплавающие птицы, окончательно запутавшись с временами года, готовятся к весенним свадьбам.

Зазеленели городские газоны. На подмосковных дачных участках пробиваются из земли лук и чеснок. Стали набухать почки на сирени. В лесах голые стволы осин украсились коричнево-желтоватыми кустиками опять.

Наконец-то пошел снег. И температура впервые опустилась ниже нуля. Скоро, как обещают метеорологи, опять потеплеет... Но сегодня, утром 21 декабря, огромный рекламный щит на крыше станции метро высвечивает красным цветом: -9. Не очень-то холодно, по нашим понятиям.

Но с непривычки морозец покусывает мочки ушей, заставляя москвичей озябшими пальцами растирать побелевшие носы...

Неподалеку от входа в подземку в сугробе полусидит-полулежит бомж. На нем старое длинное пальто. Спортивная шапочка, закрывающая уши и лоб. Кисти рук засунуты в рукава. Глаза закрыты. На худом, морщинистом, небритом лице словно бы застыла... счастливая улыбка.

Пожилая женщина заходит в вестибюль метро. Находит дежурного милиционера. И просит его вызвать «скорую» для умирающего мужчины на улице.

— Не моя это территория, — возмущенно цедит страж порядка. — Я только за станцию отвечаю.

— Но помрет ведь... Я вас очень прошу.. Будьте добры, позвоните... Вызовите «неотложку», пожалуйста.

Милиционер смягчается. И, что-то недовольно урча, набирает 03. С чувством выполненного долга пожилая женщина выходит из милицейской комнатки и отправляется вниз на эскалаторе...

Слица полусидящего-полулежащего бомжа по-прежнему не сходит счастливая улыбка. Последнее время он выживает только за счет добрых воспоминаний. Старая-престарая, пожелтевшая фотография под стеклом на столе его кабинета. Матушка, отец, старшая сестренка и он сам на руках у бабушки...

Летом родители снимали дачу в Подмосковье. Дружной семьей они обедали в беседке на улице. Все очень-очень вкусно. Особенно картофельные котлеты в клюквенном киселе...

Урок. Его и лучшего друга, соседа по парте, строгая математичка выгоняет из класса за плохое поведение. Она назидательно говорит, что «так негоже вести себя лучшим ученикам школы»...

Студенческий строительный отряд. Почти без выходных они строят коровник в далеком сибирском колхозе. По вечерам — песни под аккомпанемент гитары, потрескивающего костра и журчанье ручья...

Свадьба в студенческой столовой. Гостей и друзей — масса. Жена — красавица. Нескончаемые тосты. Песни. Танцы.

Он стал отцом. В бинокль на четвертом этаже роддома вблизи видит миниатюрных братьев-близнецов. Весна. Свежий ветерок. Зеленые почки на деревьях. Солнышко. Чего еще надо для полного счастья?..

Лето. Черное море. Жена загорает на пляже. Они с сыновьями, уже почерневшими от загара, дурачатся в воде. Смех. Соленые брызги. Ласковый песочек под ногами...

В сорок с небольшим защитил докторскую. Ни одного черного шара. Такое случается не часто. Удовлетворение. Гордость...

Он стал дедом. Внучек редко капризничает. Куда чаще солнечно улыбается. И от переполняющих его эмоций хлопает маленькими ладошками. Русский род продолжается. Несмотря ни на что и ни на кого...

Останавливается медицинская машина. Из кабины шустро выскакивает молодой, здоровенный санитар в зеленом комбинезоне.

Он деловито надевает резиновые перчатки и открывает задние двери. Вытаскивает носилки и стелит на них черный пластиковый мешок.

— Бомжара... Не очень-то он еще и старый, — рассуждает санитар.

— Пятый жмурик за смену, — вздыхает подошедший молодой водитель. И начинает загибать пальцы. — Два парня-наркомана. Школьница-самоубийца. Старушка. И вот этот... Вымирает народ-то...

— Надо работу менять... А то сам того гляди загнусь от безнадеги, — говорит санитар. — Ну, Иваныч, давай грузить... Делать нечего.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

БЕСЕДА

Молодой ученый Латов расстелил постель, разделся, лег на кровать и потянулся за свежим журналом, в котором была напечатана его статья.

В прихожей раздался звонок.

Латов поднялся, открыл дверь и увидел своего соседа Марата Картошку. Румяный, по моде наголо остриженный, он походил на только что испеченного колобка.

— Привет! Как живешь? Давно не виделись, — сказал Картошка, входя в комнату.

Латов пошел вслед за ним, сел на кровать. А журнал положил на колени. Посмотрел на Картошку и деликатно заметил:

— Поправился ты.

— Еще бы! — обрадовался Картошка, прижимая ладони к выпуклому животу. — Тоня у меня женщина правильная. И что она во мне нашла — сам не пойму. Ты же видел, какая красавица?! По городу с ней идешь, мужчины глаз с нее не спускают. Будто и нет кроме нее ни одной женщины. А кормит!.. Хочешь курочку — ешь курочку. Хочешь огурчик — ешь огурчик. Хочешь икры — по-

ПРОЗА

жалуйста: хоть красную на черную намазывай, хоть наоборот! Видишь, как раздобрел? А силы у меня — слона африканского в баранку согну! А ты как живешь?

— Да все так же, работаю. Вот, в журнале моя первая статья вышла.

— Статья? О чем твоя статья?

— О вулканах на Луне.

— О вулканах? Далось тебе эти вулканы... А я, брат, живу — ахнуть можно. Тоню сейчас на юг отправил, на целый месяц. Ну, женщина, вот повезло! Ты же знаешь, я теперь за стенкой у тебя не живу, квартира пустая. Я у них живу. Мать у нее портниха... Ну, а кормят! Я с работы, когда вторая смена, поздно прихожу, так, представляешь, сидят и ждут, чтобы накормить. Прямо наперегонки, будто на разряд сдают... А ты как живешь?

— Да так себе... Статья вот в журнале...

— А я отправил Тоню в Железноводск, пусть отдохнет. И не поехал сегодня к ее матери. Прикатил домой цветочки на балконе полить. Ну, жизнь! Сам себе завидую... А у тебя что?

— Ничего особенного. Статья вышла...

— Тоня моя банок разных наставила: грибы соленые — двадцать литров, калины, малины — и не сосчитать!.. А записываться с ней пока не буду. Знаю: как запишешься, так конец, у меня уже было... Ковер повесила, зайди, — ахнешь. Покрывало черного цвета на кровать с золотой бахромой, — такого у царя не было. А хрусталия натащила! Одна пепельница чего стоит — вот такая, с твою голову. Рублей пятьсот. На белом хуже смотрится, а поставишь на полированный стол или на полку секретера — ахнешь!.. Вот бы тебе такую женщину, а? Ты бы напрочь о своих вулканах забыл. И вообще, как ты живешь?

— Как тебе сказать... Статья вот...

— Послушай, ты меня не стесняйся, я сам был таким, как ты, понял? У меня тоже в голове, знаешь, сколько всяких мыслей колобродило.

Он подмигнул молодому ученому, сел на стул возле кровати, счастливо рассмеялся.

Беседа продолжалась!..

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ

До седьмого класса ребята с девчонками у нас не ходили. А в седьмом ходить стали: Миша Спирин с Жанной Савостиковой, Витя Ходыко с Гретой Горностаевой. В общем, почти все. Я и сам не заметил, как один остался. Дай, думаю, и я ходить начну — вдвоем веселей, а главное в разговорах умственные способности развиваются.

Подошел на большой перемене с Лильке Таракановой — кругленькая такая, с веснушками, но учится лучше всех. И говорю, мол, давай ходить начнем, чтобы развивать умственные способности. А она даже обиделась:

— Разве так предлагают?! Ты записку напиши, как положено. Тогда я, может быть, и соглашусь.

Ну, Тараканова, ну, гигант! Как это я раньше не догадался?

Целый урок мучился, но все-таки написал: «Тараканова Лилия, предлагаю тебе дружбу. Давай ходить, чтобы тренировать умственные способности. Жду ответа, как соловей лета. Коля».

Передал ей. Смотрю, читает. А на переменке подходит она ко мне, обратно мою записку протягивает и говорит:

— К сожалению, не согласна. Дело в том, что ты у нас круглый двоечник по пению. Вот когда справишься, тогда посмотрю.

Ну, Тараканова, как она права! Ну, уж петь-то я научусь.

В хоровой кружок пошел. И так научился эти самые песни исполнять. И эстонские, и японские, одну даже гондурасскую выучил. Но особенно проникновенно выходил у меня вальс: «Криворожье мое, Криворожье, ты мой город зеленый, родной». На районном смотре-конкурсе диплом получил и в университет благодаря своему замечательному голосу поступил. Смотрю, и тут все ходят. А рядом, в соседней группе — Тараканова учится. Подошел к ней как-то на улице, прежнюю записку протянул и говорю, мол, а не сходить ли нам, Тараканова, в кино? Она записку глазами пробежала, вернула ее мне и говорит:

— Нет, Коленька, не могу я в кино. Ты у нас в спорте какой-то незаметный. А мне нравятся мужественные парни: хоккеисты, боксеры...

Да, думаю себе, бокс — это вам не хоровое пение. Тут одних голосовых возможностей мало. Но, делать нечего, пришлось пойти. На первой же тренировке сломали нос и подбили оба глаза. Но не бросил. К пятому курсу мастером спорта стал, и чемпионат страны выиграл. Ну, думаю, теперь уж она согласится. Подошел к ней на выпускном вечере — нарядная такая, веселая — ту же записку протянул. А она даже не взглянула и говорит:

— Нет, Коленька, не могу я с тобой. Дело в том, что мне нравятся творческие мужчины: художники, композиторы...

Верно, думаю, как она права!..

...А вчера во Дворце культуры состоялась моя первая персональная выставка — сто картин представил. Устал я креп-

ко, присел в уголок отдохнуть, бороду расчесать. Вдруг вижу, старушка в зал входит — седенькая такая и деревянной палочкой постукивает. Подошла ко мне и говорит:

— Молодец, Коля, я в тебя верила.

Я по голосу догадался, кто это. Быстро в карман полез, достал свою записку, пожелтевшую от времени, и ей протянул. А она качнула головой и говорит так тихо, еле слышно:

— Не надо, Коленька, я теперь и так согласна. Будем ходить, чтобы развивать умственные способности.

ХОЧУ ПЕРЕМЕН

Я вам не из простых. Не какой-нибудь Петька-токарь или Васька-пекарь. Я к интеллигентам ближе: кладовщиком тружусь, мыла выдаю. На работу и с работы чистые ходите? Тот же! А не выдам — ардалионами станете ходить, что значит с греческого — замарашками...

У меня два брата в городе живут. Захожу — к ним перееду. Но я не такой. Я, можно сказать, патриот родного края. Только не знаю, как вас, а меня в последнее время электричка раздражать стала. Вот вчера вошел в вагон, Коку встретил. Он семечками угостил. Сидим, лузгаем. Научный спор ведем о ногах женских. Вдруг подходит грубиян в папахе и учит:

— Это же вагон! А вы, как хавроньи, весь пол шелухой усеяли.

У Коки глаз дергаться начал. А левый кулак сжался на колене и словно бы раскалился добела.

— Брось, — говорю, — Кока, не обращай внимания.

Сидим дальше. Лузгаем. Напротив нас три девушки мороженое едят. Съели, а бумажки в руках зажали — боятся бросить. Они же липкие, их держать противно. Ну и девицы, никогда бы не женился на таких.

Тут наши кореша входят — Епифанов и Клумбин. Поздоровались, достали колоду. Сидим, лузгаем и в подкидного играем. Ну, азарт, понятное дело. И вдруг нате: пожилой такой, седой с головы до пят. Очки мизинчиком поправил. Думаю, спросить чего хочет. А он — бах в самое сердце:

— Прекратите безобразия. Тут женщины, дети, а у вас ни одного цензурного слова.

— От сказал! — хихикнул Клумбин. — Наша демократия вашу цензуру давно отменила. И правильно сделала.

— Ваша демократия мозги и совесть вам отменила, — не унимался пожилой. — Ваша демократия идиотов из вас понаделала.

Покраснел Клумбин, надулся. Обидно, конечно, когда при тебе демократию оскорбляют. И спрашивает:

— Ты, седая развалина, где выходишь? Вместе выйдем.
— Женщины ведь, дети, — запинаясь, проговорил очкастый. А вижу, струсил, попятился.
— Ладно, — говорю, — сдавай. На всех дураков не хватит кулаков. Может, он в последний путь едет.

Сдал. Играем и лузаем. А тут на остановке — Алик Дюбин. И не один, а с полбаночкой. Ну, выпили, мануфактуркой закусили. В общем, все тихо, мирно. И все-таки нашелся один. Здоровенный, как Геракл! А бородища такая, что из нее только кончик носа, будто колышек, и две синеватые лужицы глаз. И рокочет, будто самолет какой, будто аэробус:

— Вы что, господа неумытые, в пивнушку вагон превратили?

Ну, думаю себе, тут уже невозможно. Аж ладонь засвербела. Смотрю на дружков, кто из них первый встанет и потащит этого антика за бороду в тамбур. Но сидят. И, главное, молчат. А бородач ткнул пальцем в мое плечо и приказывает:

— Убери. И шелуху, и бутылку.

— Это вы мне? Да я, знаете, кто? Я...

— Знаю. А потому немедленно убери. А то не поленюсь и выставлю из вагона.

Смотрю, молчат мои дружки. А весь вагон на меня уставился, будто не понимает, что происходит.

Эх, души ваши мыльные, а еще земляки!..

Поднял я бутылку, в карман опустил. Шелуху сгреб и тоже в карман.

— Так-то, господа, — кивнул бородатый. — Тише едешь — дело мастера боится. И на будущее прок.

Хлопнул своими лужицами и сел рядом на освободившееся место. А три девицы — ужас, какие хамки! — протянули мне свои бумажки от мороженого и говорят:

— Пожалуйста, и наши заодно...

Делать нечего, взял. И тоже в карман. А сам думаю: «Нет, пора перебираться в город. Перемен душа просит. Перемен!..»

ТРУСЫ НА ПАМЯТЬ

— Твой долг, Леша, принести коллективу пользу. Ты человек надежный, а что боксом не занимался — пустяк, — говорил боцман Кузьмич и аккуратно завязывал мне тяжелые перчатки.

— А что потом? — спрашивал я, боясь поднять глаза на белые канаты.

— Это женский вопрос, мужчины его не задают. Но тебе отвечу: потом холодный душ, весеннее настроение по случаю нашей победы и бесплатный ужин на родном корабле, — говорил он, снимая с моей руки часы «кварц» и опуская их в свой карман.

— Нет, я так не могу. Я всего лишь матрос, а не боксер, у меня же...

— Что значит «не могу»? У настоящего матроса и в мыслях не должно быть такого, что он чего-то не может. Настоящий матрос может все: надо — он поэт, надо — артист, надо — врач. А надо — космонавт или вот как ты сегодня — боксер!

И тут нас вызвали на ринг.

— Ты, салага, какие цветочки любишь? — смеясь, поинтересовался мой противник, когда мы подходили к канатам.

— Дак эти, незабудки... А что?

— Ничего, спросил для памяти. На кладбище тебе их принесу.

— Я же не для себя на ринг выхожу, сказали, для коллектива надо.

— Коллектив в наше время — барахло. Лучший коллектив в наши дни — кладбище. Скоро ты убедишься.

«Бэм-м!» — ударил гонг.

— Первый раунд! — объявил судья-хронометрист.

Мой противник улыбнулся — хороший такой паренек — и стал топтаться рядом со мной. А потом приблизился и как ахнет.

И «скорая» повезла меня в больницу...

На похоронах с пламенной речью выступил боцман Кузьмич. Он говорил, что я преданный коллективу товарищ, что это очень жаль расставаться с такими замечательными людьми, и что экипаж корабля за мои высокие моральные качества решил наградить меня именными спортивными трусами.

Я надел трусы поверх черных форменных брюк, поудобнее улегся в гробу на стружках, блаженно вздохнул и сказал:

— Нет худа без добра. Заколачивайте!..

НА ШИРОКУЮ НОГУ

Когда в нашем лицее стали говорить о занятиях сразу в десяти секциях, не помню. Зато помню, собрали нас в новый спортзал. Кто выступал, не помню, но выступал толково, обещал поднять спортивное дело до сияющих вершин. Тогда у нас и государственные дела пойдут семимильными шагами. В общем, сидели мы с ребятами радостные, что и нам открывается путь в сборную страны, а там, как знать, может, и в Госдуму. Потом уже, помню, завуч Леонид Николаевич сказал:

— А сейчас прошу всех записавшихся получить спортивную форму. Кто не получит, тому про сборную страны и про место в Госдуме следует забыть, без вас обойдемся.

Тут я подумал: «Молодцы, на широкую ногу ставят и средств не жалеют».

Не помню, где находилась эта база — я там больше не был — только, помню, выдали нам спецодежду. Не скажу в точности, что взяли другие, а лично я как записавшийся в тяжелую атлетику штангетки получил — ботинки такие, с тупым носом, низким каблуком и белым языком. Еще трико дали, а к нему широкий ремень, чтоб позвоночник не деформировался.

Ну, думаю, молодцы какие, и к выходу продвинулся. А Леонид Николаевич останавливает: дескать, подожди, еще штангу получишь.

— Да зачем штангу-то? — говорю.

— Затем, — сказал он, — что нужно работать с нею не только в спортзале на тренировке, но и дома, на утренней зарядке. Кроме того, у каждого своя штанга будет, чтоб обидно не было. И на занятиях с нею приходи, тогда результаты, знаешь, как вырастут!

Помню, не хотел брать, сильно тяжелая. Даже сказал ему:

— Что я вам, подъемный кран? Я лучше лишний раз в ночной клуб «Одноглазый пес» на шоу схожу.

— Не ходи, Калинин, в «Одноглазого пса», не нравится мне такое название.

— При чем тут название?

— Моряки говорят: «Как свое судно назовешь, так оно и поплывет». Бери, Калинин, штангу, все-таки — своя. На дворе у нас такое время, что мы стараемся взять даже то, что нам никогда не пригодится.

Ну, взял. А сам думаю, куда бы ее приладить? Блины придется грузилом сделать, чтобы дверь в квартире сама закрывалась. А гриф к двум столбам во дворе пришпандорю — братишка Витя качели повесит.

В общем, помню, рад был: ни с того, ни с сего столько добра приволок...

Назавтра явился в лицей в штангетках. Иду себе, поскрипываю. И только спохватился, что зря надел, что, может, неплохо это, вижу, Кеха Вероломов идет. И точно в таких же. За руку поздоровались.

— Не жмут? — интересуется.

— Нет, специально на два размера больше брал.

— А мне правый — в мизинце трет, нужно поменять.

Так и пришли со скрипом. А тут, смотрим, все наши — кто в чем: человек пять в таких же, как я, штангетках, трое футболистов в бутсах и трусах, четверо каратистов в кимоно, двое на гоночных велосипедах по коридору едут. А Вилька Ману-

кян вообще сострил — прямо в трико пришел, здоровый такой и волосатый, как снежный человек. В общем, не лицей, а будто стадион перед олимпийскими играми. Только директор наш, Семенов у памятника Петру Великому, как страж, стоит, и никакой формы на нем не имеется.

Смотрю, навстречу Леонид Николаевич идет. А на ногах ботинки лыжные, да еще вместе с лыжами. Увидел это директор и спрашивает:

— Что это вы, Леонид Николаевич, на лыжах? Лето ведь?

— Привыкать надо, чтобы в спортивной форме находиться. И чтобы в Госдуме видели, насколько я — спортсмен. Ничего, с недельку покручусь, а так как по маслу пойдет, — сказал убежденно декан и пошел было дальше. Но зацепился лыжей за стойку фотовитрины и упал.

— А лыжи у него хорошие, не то, что твои штангетки, — сказал мне директор. — Может, и мне спортивной формой обзавестись? Где, ты говоришь, база выдачи?

— Там, — показал я на выход, и директор ринулся туда.

Тут мимо двое в гидрокостюмах прошли. Ну, я сразу понял: вчера в секцию подводного плавания записались. И так мне обидно стало, что я своими штангетками маху дал. Подошел к ним, и назло так спрашиваю:

— Маски-то зачем?

— Удобно, сам видишь. К тому же, из рогатки никто в глаз не попадет.

Сел я в аудитории за стол и подумал: «Как был ты неумным, так и будешь. Вон, люди с толком записались, а ты... Но, говорят, скоро авиационную секцию откроют. Вот бы открыли! Взял бы самолет и... ох, даже голова кружится, даже сердце приос-танавливается — все-таки самолет — это вам не штангетки!..»

Не успел додумать до конца, как в дверях возникла секретарша директора — Наталья. И с ходу закричала:

— Малинин, ты директора не видел?

— А что случилось?

— Там избирательная комиссия пришла, будут в члены Госдумы кандидатов отбирать.

— И м-меня? — заикнулся я.

— А ты в чем?

— Во! — показал я свои ноги.

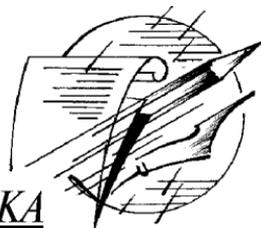
— Тогда не знаю, может, и тебя. Давай скорей в актовЫй зал, там отбор состоится... Где же директор, о, Господи, как же без директора?!..

ТУПИКИ ЛИБЕРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Все никак не уйдут от нас (а никуда и не денутся вовек) эти проклятые вопросы: «кто виноват?» да «что делать?». Они так тесно спаяны между собой, что лишь тронь один, как тут же другой объявится. Потому что первый направлен на выискивание причин совершившегося (а вовсе не на обвинение кого-то, как некоторые полагают), а второй чаще — на устранение этих причин, когда все неладно складывается. А много ли у нас нынче ладного-то?

Виноватых отыскивают с усердием и легкостью. Некоторые указывают на коммунистическую систему, доведшую народ до края пропасти (а разве на системе той нет вины?), другие некоторые — на нынешних реформаторов, все разрушивших и обрекших страну на разграбление (так ведь и у них рыльце в пушку). Соответственно, и способы исправления предлагаются: либо вернуться к прежнему, либо учинить такие покруче прежних реформы, чтобы к старому возврата уж никак бы не смогло быть. Впрочем, это крайности, а между ними тоже немало нагорожено.

Что притом люди страдают, а русский народ в прямом смысле вымирает и вырождается — многих ли это волнует? Кто не может приспособиться, тот обречен, туда ему и дорога, зато оставшиеся зажи-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

вут — лучше некуда. Хоть прямо так никто не высказывается, а в подтексте едва ли не все разумеют. И у всех вбита в сознание пошлая марксистская догма: главное — базис. Вопрос «что делать?» оборачивается вариантом «как базис обустроить?» То есть как сделать, чтобы созданы были условия к всеобщему процветанию, чтобы вору было воровать невыгодно, а выгодно делу служить и тому процветанию способствовать? Но еще мудрый дедушка Крылов предупреждал:

*В ком есть и совесть и закон,
Тот не украдет, не обманет,
В какой бы нужде ни был он;
А вору дай хоть миллион —
Он воровать не перестанет.*

Подтверждений этой истине — хоть отбавляй, у всех они перед глазами. Не базис, оказывается, а совесть потребна. Не будет совести — какой базис ни создавай, всё разворуют. Впрочем, эта истина уже банальна.

Значит, главное — совесть? Нет. Совести нужна опора. Достоевский давным-давно как важнейший закон жизни вывел: совесть без Бога есть ужас, она может заблуждаться до самого безнравственного. И: если Бога нет — все позволено.

Это тоже уже тысячу раз говорилось, но как-то плохо усвоилось. Ныне же на пути к пониманию давней истины воздвигается мощная преграда в облике либерального сознания, того самого, какое выдается теперь за главную ценность, без которой и жизнь не в жизнь. Так и объявляется: без либерального сознания, без демократии мы не выживем, поэтому за них нужно бороться всеми силами.

Сама этимология термина указывает, что либеральное сознание зиждется на понятии свободы как на базовой своей основе. Выше свободы нет ничего в мире — главный постулат либерального сознания. Привлекательно. Кто же не жаждет свободы! Свобода — это та ценность, которую иной даже на жизнь не променяет: кому нужна жизнь в рабстве?

Но что такое свобода?

Если поглядеть на практику нынешних ревнителей свободы, то обнаруживается, что свобода понимается как вседозволенность, как возможность делать любые мерзости, обосновывая то именно необходимостью свободного самовыражения.

Посмотрим на современные СМИ — ничего либеральнее в мире не найти, а все кричат, что им свободу ограничивают. И потому, что раздаются порою здравые голоса: нельзя же такой разнузданности потакать. Или пресловутые нехачубы (по на-

чальным Немцов, Хакамада, Чубайс, узурпировавшие название «Союз правых сил»), важнейший оплот либерального сознания: именно под соусом права на свободное самовыражение они финансировали откровенное торжество порока, выступление группы «Тату». Вспоминается также покойная Г. Старовойтова. Когда шли протесты против кощунственного фильма Скорцезе о Христе, именно она заявила, что показ фильма есть осуществление принципа свободы информации. Правда, этот принцип не помешал ей подать на кого-то в суд, когда появились сведения, выставившие ее в недобром свете. О Старовойтовой ничего дурного сказать нельзя, о Христе Спасителе — можно. Речь не об этой даме, а о той самой двойной морали, которую исповедует именно либеральное сознание. Себе позволяется любая мерзость, но не смей сказать о том: тут же начнутся крики о покушении на свободу.

Князь П.А. Вяземский давно сказал о подобной практике (за что получил от либералов свою порцию гнусной брани):

*Послушать — век наш — век свободы,
А в сущность глубже загляни:
Свободной мысли коноводы
Восточным деспотам сродни.
У них два веса, два мерила,
Двоякий взгляд, двоякий суд:
Себе дается власть и сила,
Своих наверх, других под ступ.
У них на все есть лозунг строгий
Под либеральным их клеймом:
Не смей идти своей дорогой,
Не смей ты жить своим умом.
Когда кого они прославят,
Пред тем колена преклони.
Кого они опалой давят,
В того и ты за них лягни.
...Скажу с сознанием печальным:
Не вижу разницы большой
Между холопством либеральным
И всякой барищиной другой.*

«Холопство либеральное» — точно сказано. Потому что такое сознание и выбора не дает: следуй за слепыми поводярыми и не смей шагу в сторону ступить: тут же заклеят как реакционера, сталиниста, фашиста и т.д. Здравый же смысл обычно понимает свободу именно как возможность выбора.

Однако, если поразмыслить, то свобода выбора вовсе и не свобода. По крайней мере, это низшая степень свободы. Поразмыслим. Когда-то Бердяев высказал нетривиальную мысль: трагизм человеческой жизни не в том, что существует добро и зло, а в том, что человек должен постоянно выбирать между ними. И это так. Мы постоянно оказываемся перед выбором — и отказаться от выбора нет возможности. Но какая же это свобода, когда мы не права имеем выбирать, а вынуждены совершать выбор?

Эта вынужденность определена тем, что мы находимся в рабстве у греха. Именно грех тянет нас к возможности выбора между безгрешным действием и греховным, к собственному произволу, к вседозволенности. Мы укоренены в свободе выбора, тогда как высшая степень свободы есть укорененность в независимости от зла, от греха, когда нет необходимости выбирать между добром и злом. Мы же удободвижны, даже легкодвижны к греху, по слову владыки Иоанна (Шаховского).

Чтобы понять смысл подлинной свободы, зададим себе такой вопрос: тянет ли меня (если я нормальный человек) пойти сейчас и убить кого-то? Нет. Значит, у меня нет выбора: убить или не убивать? Нет. И я свободен? Да, именно свободен, я не в рабстве у какого-то греховного стремления. Ну а подумать о ком-то с осуждением? Да, это бывает. Но у меня же выбор: осуждать или не осуждать. Вот именно оттого, что выбирать надо, бороться с таким стремлением, я и сознаю себя несвободным.

Либеральное сознание, приверженное атеизму (в лучшем случае — невнятному деизму) не несет в себе понятия греха, и тем самым запретов на грех, поэтому оно не способно к осознанию трагизма самого понятия свободы в поврежденном грехопадением мире. (Когда недавно одному из либералов сказали, что «Тату» несут грех, он высокомерно возразил: это не грех, а свобода самовыражения личности.) Поэтому оно так равнодушно ко всякому греховному деянию.

Где нет понятия греха, там нет сознания полноты ответственности. Свобода выбора предполагает именно ответственность за свой выбор, и это делает свободу тяжким бременем, от которого человеку хочется поскорей избавиться (это понял и гениально выразил Достоевский в легенде о Великом Инквизиторе), но ему хочется одновременно и ощущать себя свободным. Выход из этого, казалось бы, неразрешимого противоречия один: отказ от выбора через укорененность в грехе — при одновременном отказе от самого понятия греха. Это блестяще удается либеральному сознанию. Человек ста-

новится рабом темных страстей и чувствует себя при том совершенно свободным в своих действиях. Он чувствует, что для него нет никаких запретов и ему все позволено.

Правда, чтобы избежать крайностей вседозволенности, от которых может пойти вразнос вся общественная жизнь, либерализм не может обойтись вовсе без некоторых ограничений, и прибегает для того к помощи закона. Недаром либеральное сознание так привержено принципу юридикзма. Конечно, закон, при ослаблении государства, оказывается весьма ненадежен, что мы и видим в нашей собственной житейской и общественной практике сплошь и рядом, но ничего иного либеральное сознание предложить не может. Правовое сознание доходит до полного абсурда, возглашая: пусть рухнет мир, но восторжествует закон. Но ведь закон к тому и предназначен, чтобы удержать мир от разрушения. Закон как самодовлеющая ценность — бессмыслица абсолютная. Однако либеральное сознание не может избежать подобных тупиков.

При господстве необузданной вседозволенности, при отсутствии самого сознания греха, то есть такого деяния, которое умножает зло на земле, неизбежно должна отрицаться единая Истина. Ибо Она тут же установит четкие непреложные понятия, систему запретов, ясное различие добра и зла. Помню, кто-то из отечественных демократов, возражая против усиливающегося влияния Церкви, заявил: Христос чужд демократии, поэтому Церковь несет опасность общественной жизни. А возьмите одного из ярчайших носителей либеральной мысли телеакадемика В. Познера: не упустит случая, чтобы не лягнуть Православную Церковь. А вспомним яркую ненависть демократической общественности к попытке ввести в школах курс основ православной культуры. Труднее ведь будет воровать и развратничать. (Не все, конечно, понимают истинную причину этой кампании против Православия.) Чтобы облегчить действие зла, в обыденное сознание внедряется весьма успешно идея плюрализма, как основной демократической ценности: единой Истины нет, всякий прав по-своему, у каждого свои представления о добре и зле.

Отсутствие четких критериев в распознавании дурного и доброго в нашей жизни рождает россыпь мелких идей, хаос мнений, праздную бесконечную болтовню «властителей дум» в нескончаемых телевизионных «ток-шоу» (и язык одновременно уродуется) и — полную растерянность перед миром, не всегда и сознаваемую из-за расплывчатости сознания.

Порою все обретает комические формы. Так, в первом номере газеты «НГ Религия» за 2004 г. некая ученая дама, бри-

танский религиовед и социолог Айлин Баркер, не сомневаясь, заявила: «Но ведь я могу сказать, что я — Дева Мария, а вы скажете, что нет — вы не Дева Мария. И мы с вами никогда не договоримся, так как независимых критериев для оценки подобного заявления не существует».

Банальный вопрос: а если кто-то заявит, что он Наполеон? Тоже будем «договариваться»? Но при таком понимании может объявиться несчетное количество «богородиц» и даже «христов», не говоря о сонме самозванных святых. Поди докажи, что они не настоящие: критериев-то нет!

Кто-то возразит: но разве не то же, допустим, у хлыстов с их многочисленными «христами» и «богородицами»? Нет, не то же. У хлыстов, как и в любой другой секте (примеров — не счесть), появление разного рода лжесвятых и лжебогов есть результат веры, извращенной, дикой, нелепой, бесовской, дурацкой, какой угодно, но — веры. У британской же ученой дамы просто демонстрация полной тупиковости либерального сознания.

А. Баркер просто не знает, как отличить правду от лжи, поэтому признается: «Мне не нравится использование слова «секта» в прессе». Ну, если нельзя доказать, что сия дама не Дева Мария, то иеговистов, которых она рьяно защищала в нашем суде как эксперт, также можно назвать «единой святой соборной и апостольской церковью». А почему нет?

Печально не то, что появляются подобные «девы», «эксперты в делах веры», а то, что их ведь всерьез принимают, так что и в судах выслушивают.

А еще то страшно, что невнятность критериев Истины означает отсутствие верных ориентиров на жизненном пути. Если так, то в подобных условиях человек, как и само общество, — обречен на гибель. Без ориентиров не только что в тупик забресть (тут еще полбеды), но и в пропасть свалиться легко.

Горе тем, которые зло называют добром, и добро — злом, тьму почитают светом, и свет — тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое — горьким! (Ис. 5, 20)

Все ориентиры перепутаны, и грех все более заявляет о себе как о господине всего.

Порою слышится: но ведь демократия дала неограниченную свободу и для религиозной жизни, спасибо сказать бы надо. Однако всё дело в том, что она дала эту свободу не из любви к Истине, а от полного равнодушия к ней. Демократия сознает возможность причинить вред телу человека, в ограниченном виде может признать и вред душевный, но понятия духовного вреда в системе либерального сознания просто нет. Иначе либеральные девы не отстаивали бы интересы

сект в российских судах. Или вспомним, с каким восторгом и симпатией принимали высшие чины государства того же Асахару или Муна! Нужно пустить газ в метро, чтобы прогнать чье-то непрошибаемое сознание.

Есть простая истина: неверное понимание Бога может нанести непоправимый вред духовной жизни человека, определить его тяжкую участь не только в земной жизни, но — в вечности. У нас, правда, под духовностью понимают чаще душевные проявления (этику, эстетику, эмоции и пр.) или извращения, подобные оккультизму, магии, астрологии и т.п. Либеральное же сознание успокаивает: все одинаково хорошо, все есть самовыражение личности, а в нем — цель жизни. И тем обрекают нас на гибель.

Однако это сознание не возникает само по себе, оно есть следствие более жестокого и губительного мировоззрения, более коварной идеологии, имя которой — гуманизм.

Мы часто путаем два слова (лингвисты называют такие слова паронимами) — гуманизм и гуманность. Гуманность основана на любви к людям, к ближнему своему, на той любви, которая заповедана нам Сыном Божиим. Гуманизм — антропоцентричная система мировосприятия, понимание человека как самодостаточной ценности, меры всех вещей.

«Под гуманизмом <...> мы разумеем, — писал С. Франк, — ту общую форму веры в человека, которая есть порождение и характерная черта новой истории, начиная с Ренессанса. Ее существенным моментом является вера в человека как такового, в человека, как бы предоставленного самому себе и взятого в отрыве от всего остального и в противопоставлении всему остальному — в отличие от того христианского понимания человека, в котором человек воспринимается в его отношении к Богу и в его связи с Богом. Из титанических, «фаустовских» мотивов Ренессанса рождается представление об особенном достоинстве человека, как существа, самовластно и самочинно устрояющего свою жизнь и призванного быть верховным властелином над природой, над всей сферой земного бытия».

Внешне это все весьма привлекательно и для гордыни нашей лестно. (Не забыть бы только, что гордыня стала источником всего зла в тварном мире.)

В гуманистическом соблазне человек лишается понимания в себе образа и подобия Божия и вожделеет собственными усилиями «стать как боги», то есть постоянно воспроизводит в своей жизни первородное искушение и поддается ему. Вообще-то первым гуманистом был дьявол, соблазнивший наших прародителей, а цель его — погубить род людской. Вот бы чего не стоило забывать.

Гуманизм ведет с неизбежностью к религии человекобожия — со всеми его последствиями, вплоть до фашизма, которого так боится либеральное сознание, его же провоцируя бессознательно.

В гуманизме человек поставлен в центр бытия, стало быть, он и есть мера всех вещей, стало быть, он и определяет все критерии и ориентиры. Однако сколько голов, столько и умов, то есть столько же, неизбежно, критериев истины. Вот откуда тот хаос больших и малых истин, в каких давно заблудилось либерально-гуманистическое сознание.

Человек, поставивший себя в центр мира, естественно, не желает для себя никаких ограничений и культивирует вседозволенность, лишь вынужденно ограничивая ее законом, который сам же и спешит нарушить.

Поскольку в гуманистической системе человек есть мера всех вещей, то понятия греха для него существовать не может, ибо о грехе можно говорить лишь тогда, когда всю иерархию ценностей определяет слово Божие. Но человек вытесняет Бога (вернее, ему кажется, будто он освобождается от «религиозных пут»), и никаких иных законов, кроме самовластно самим же установленных, он не признает, и тем обесмысливает само понятие греха. Собственному произволу открываются тем неограниченные возможности.

На периферии этой системы и появляются дамочки и девы, которые никак не могут уразуметь, чем же они отличаются от Матери Божией.

Истинное наименование гуманизма — безбожие, богоотступничество.

Человек ставит себя в центр мира, но и обрекает себя на безнадежное одиночество, на конечную гибель.

Проследивая тупиковые пути либерального сознания мы доискиваемся ответа на вопрос «кто виноват?». Ответ на него проясняет и другую проблему: «что делать?» Как что! Отказаться от безбожия и либерализма.

И познаете истину, и истина сделает вас свободными (Ин. 8, 32).

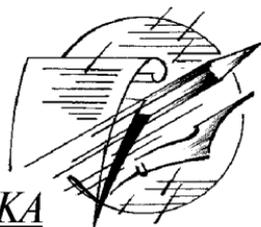
МЕДВЕДЬ В УДУШАЮЩИХ ОБЪЯТИЯХ

Специфика партнерства России и КНР

Экономические отношения между РФ и КНР сложились таким образом, что представляют собой выкачивание из России технологий и невозобновляемых природных ресурсов в обмен на поставки из Китая низкокачественного ширпотреба и постепенное установление контроля со стороны КНР над важнейшими отраслями экономики Сибири и Дальнего Востока РФ.

Выгодность торгово-экономического сотрудничества между двумя великими державами, коими являются РФ и КНР, имеющими между собой одну из самых протяженных в мире сухопутных границ, представляется самоочевидной. Тем не менее рассмотрение нынешнего положения и тенденций в данной сфере рождает сомнения в том, что российско-китайское экономическое сотрудничество действительно выгодно и перспективно или по крайней мере может стать таковым для российской стороны.

Существует предположение, что Китай выглядит оптимальным партнером в решении Россией задачи подъема Сибири и Дальнего Востока, поскольку природные ресурсы с этих территорий имеет смысл разрабатывать, только если

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

они будут отправляться в Китай. С другой стороны, только на Россию может ориентироваться возрождаемая сейчас старая промышленная база северо-востока Китая, созданная при помощи Японии и СССР в 30-е и 50-е годы. Фактически, однако, из подобного предположения следует, что Сибирь и Дальний Восток рассматриваются как сырьевые приатки Китая и одновременно рынки сбыта для его товаров, не находящихся спроса в более развитых странах. В связи с этим вице-президент Китайского института международных проблем Жуань Цзунцзэ указывает на то, что Россия не желает быть сырьевой базой, а Китай хочет увеличить импорт энергоресурсов и экспорт высокотехнологичной продукции. Россия считает, что может участвовать в модернизации предприятий северо-востока Китая, однако большинство этих предприятий предпочли бы приобретать оборудование на Западе.

Рост сырьевой ориентации российского экспорта в Китай является стабильной тенденцией. Так, объем поставок лесоматериалов за 2001—2005 годы вырос на 33%, быстро растет также доля нефти и нефтепродуктов. Зато доля машин и оборудования в экспорте РФ в КНР упала ниже 2%. В китайском экспорте в Россию, наоборот, растет доля машин и оборудования, она уже превысила 50%.

Суммарная доля древесины в экспорте Читинской области в Китай выросла с 0,9% в 1995 году до 87,8% в 2002 году. Экспорт древесины вырос с 10,3 до 1287,4 тыс. куб. м, при этом цена упала с 82,56 до 43,5 доллара за кубический метр. Резкий рост зависимости Читинской области от торговли с Китаем привел к потере из-за этого связей с другими странами, превращению Китая в монопольного покупателя древесины, диктующего цены. При этом вся деревообработка находится на территории Китая. В Приморье ежегодно нелегально вырубается около 1,5 млн. куб. м древесины.

Китай ориентируется на создание в России предприятий со своей 100%-ной собственностью, ориентированных на вывоз всей продукции в Китай. Еще в начале 90-х отмечался продуманный и целенаправленный характер действий китайской стороны на российском направлении. Во второй половине 1992 года правительство пограничной провинции Хэйлунцзян по согласованию с Пекином приняло решение о содействии своим торгово-промышленным компаниям на рынках Дальнего Востока России. Для предприятий провинциального уровня, выходящих на дальневосточный рынок, предусматривалось право на пятилетнюю беспрошленную деятельность, не облагаемую налогом.

Бартерная торговля поддерживалась в связи с тем, что ею могли заниматься социальные низы, а Россия становилась

рынком для торговли низкокачественными товарами, которые больше нигде сбыта не находили. Эта торговля принесла китайской стороне огромную прибыль и была крайне неравноправной для России. Такой характер торговли очень сильно способствовал ее криминализации и поддержанию теневого сектора экономики России.

После прекращения бартерной торговли в 1996 году китайские компании приграничной торговли получили от руководства КНР разного рода льготы. Эти компании действуют скоординированно против разобщенных российских компаний. Российским бизнесменам в Китае очень сложно получить даже открытую информацию, поскольку китайская сторона этому всячески препятствует. Китайцы же легко создают в России предприятия со своей 100%-ной собственностью и начинают фактически торговать сами с собой.

Существуют многочисленные примеры и формы незаконной деятельности (подпольные банки, изготовление фальшивых документов, контрабанда, браконьерство, распространение наркотиков). Практически любую сферу деятельности на территории России китайцы развивали в первую очередь в теневой направленности, что позволяло им получать большую прибыль, чем легальные формы бизнеса. Китайские преступники имеют возможность свободно покинуть Россию, на их место прибывают новые. Ни в одной стране китайцы не имели и не имеют таких либеральных условий для своей деятельности, как в России. Например, китайские турфирмы имеют возможность обслуживать китайских туристов и на российской территории. Это очень сильно способствует нелегальной миграции. В самом Китае эти люди никакого наказания не несут. Диаспоры берут на себя ответственность за отправку пойманных нелегалов в Китай, что ведет к росту коррупции и превращает диаспору в элемент государственного регулирования. Важнейшей целью внешней политики китайского государства является создание крупных, экономически и политически влиятельных, национально и социально замкнутых колоний этнических китайцев. Китайские правоохранительные органы уже начали вести самостоятельную деятельность на территории России.

О том, как китайская сторона видит экономические отношения между РФ и КНР, в частности, приграничную торговлю, можно судить, например, по выдержкам из статьи начальника управления пограничной торговли провинции Хэйлунцзян Цай Кайфу.

«Различные компании не должны противодействовать друг другу, важно сотрудничать и взаимодействовать, преодолеть

вать трудности сообща. Нельзя блюсти только свои частные интересы в ущерб интересам государства».

«Важно поощрять крупные и средние предприятия на перемещение оборудования, техники, рабочей силы в страны СНГ, создание совместных предприятий и предприятий с 100%-ным китайским капиталом».

«Следует поддерживать тесные связи с исследовательскими отделами провинциального парткома и правительства, а также представителями научно-теоретической сферы с целью получения теоретического обоснования для приграничной торгово-экономической деятельности. С другой стороны, важно также укреплять наши связи с посольствами и консульскими учреждениями за рубежом, с иностранными административными ведомствами, информационными органами и судебными инстанциями, с тем чтобы внешнеэкономическая деятельность пользовалась их поддержкой, получала от них указания и имела информационное и юридическое обеспечение».

Очевидно, что внешнеторговая деятельность китайских предприятий находится под жестким государственным контролем (вплоть до «получения указаний») и действует в рамках единой государственной стратегии.

Президент Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян Цюй Вэй считает, что необходимо объединить усилия двух стран для освоения нефтяных и лесных ресурсов, определив эту задачу как важнейшую для правительств обеих стран. Необходимо «удовлетворить неуклонно растущие потребности Китая в нефти и лесе». «России следует проводить льготную политику по отношению к Китаю в плане участия Китая в освоении восточных районов, поощрять китайских предпринимателей еще активнее внедряться в восточные районы, принимать участие в освоении запасов нефти, природного газа, леса и других природных богатств». Китай готов предоставить несколько сот тысяч свободных лесорубов, чтобы в 10 раз увеличить поставки леса из России в Китай, поскольку сам Китай вырубки сократил по экологическим соображениям, а его потребности при этом растут. За поставки древесины Россия может получить до 10 млрд. долларов. Еще 10 млрд. долларов РФ, по мнению Цюй Вэя, должна получить за то, чтобы 1 млн. китайских крестьян обрабатывал 10% российских пахотных земель. Поскольку Сибирь слабо заселена, «выходом из положения могло бы быть использование качественной, дешевой и многочисленной китайской рабочей силы для участия в освоении обширных районов восточной части России». «Россия нуждается не в

десятках или сотнях тысяч, а в миллионах китайских рабочих рук в интересах развития своей экономики». Предлагается, чтобы российское правительство поощрило на повестку дня вопрос о принятии политики, поощряющей приезд китайской рабочей силы в Россию, создавало соответствующее общественное мнение, благосклонное отношение к появлению китайской рабочей силы на российском рынке.

Директор Института России Хэйлунцзянского университета Ли Чжуаньсюнь отмечает низкую емкость товарного рынка Дальнего Востока из-за слабого развития экономики и небольшой численности населения. «Преследуя цель освоения товарного рынка Дальнего Востока, мы не должны ограничиваться только торговлей. Для освоения товарного рынка Дальнего Востока необходимо применять стратегию «выхода», что означает поощрение участия китайских предприятий в разработке природных ресурсов на территории России и строительстве заводов по переработке сырья».

Хань Фэн представляет себе российско-китайское сотрудничество следующим образом: «В технико-экономическом сотрудничестве необходимо широко использовать китайскую рабочую силу и технологии, российские ресурсы и капиталы третьих стран, осуществлять глубокую переработку российского сырья, превращая его в готовый продукт. Особое внимание следует уделить использованию китайской рабочей силы для освоения земельных и лесных ресурсов России».

В целом внутриэкономические проблемы Китая его руководство планирует решать за счет привлечения дешевых природных ресурсов России и практически бесплатного использования разработок российских научных и производственных баз. После вступления Китая в ВТО его производители активно захватывают российские рынки потребителей товаров в качестве монополистов, диктуют России невыгодные условия контрактов, игнорируя ее интересы. Российская сторона не готова к конкуренции с китайским бизнесом, который пользуется эффективной налоговой и финансовой поддержкой своего государства

Хорошо скоординированная деятельность китайских экономических субъектов направлена на выкачивание из России ее природных и интеллектуальных ресурсов, альтернативные варианты экономического сотрудничества являются откровенно иллюзорными.

По мнению профессора МГУ, доктора исторических наук, главного научного сотрудника ИМЭМО РАН, одного из ведущих российских китаеведов В.Г. Гельбраса, «Пекин наме-

рен добиваться увеличения ВВП в 4 раза к 2020 году. По подсчетам китайских специалистов, Китай использует значительную часть своих природных ресурсов до 2011 года, а к 2020 году у него возникнут проблемы даже с удовлетворением потребностей в каменном угле. Китай нуждается в природных ресурсах всей планеты. Нельзя исключать жестких акций Китая в отношении сопредельных государств, включая Россию. Проблема обмена территории и ресурсов на мир может стать реальной. Тем более что в Китае о территориальных претензиях к России, вопреки официальным заверениям, на деле не забывают».

Будут ли Пекин и Вашингтон делить мир?

Не исключено, что внешняя экспансия станет для Китая единственным способом разорвать gordiev узел проблем и противоречий. В этом случае интересы США и КНР войдут в конфликт, который может быть разрешен канализированием китайской экспансии в направлении России с согласия Вашингтона. Парирование такой угрозы должно стать основной задачей отечественной дипломатии.

Очевидно, все китайское общество в целом объективно заинтересовано в том, чтобы был найден выход из нынешней ситуации, сложившейся в КНР. При этом, однако, представители подавляющего большинства социальных групп заинтересованы в сохранении нынешней модели реформ. Это естественным образом относится к тем социальным группам, которые выиграли от реформ (например бюрократия или предприниматели).

Однако и остальные социальные группы, в том числе и проигравшие от реформ, не заинтересованы в смене модели, поскольку она лишь ухудшит их положение, увеличив количество безземельных крестьян и безработных. Таким образом, для подавляющего большинства членов китайского общества имеет место столкновение долгосрочных и краткосрочных интересов. Практически всегда в истории такое столкновение решали в пользу краткосрочных интересов, а применительно к современной КНР — в пользу сохранения нынешней модели развития.

По-видимому, любая проблема Китая по отдельности вполне решаема. Беда в том, что решение одной проблемы усугубляет другие. Именно это сочетание «разнонаправленных» проблем делает сам Китай огромной проблемой и вызовом для всего человечества. Сегодня мировая финансовая система фактически держится на Китае, который владеет колос-

сальным объемом американских долговых обязательств. Значительная, причем увеличивающаяся часть самых разнообразных потребительских товаров производится в Китае по низким ценам, очень радуящим западных обывателей. Исчезновение или резкое подорожание этих товаров стало бы сильным шоком для очень многих.

Экологическая обстановка в Китае начинает всерьез влиять не только на окружающие страны, но и на всю планету (пыльные бури иногда добираются до Северной Америки). В случае возникновения в Китае серьезных проблем гуманитарного характера человечество просто не сможет ему помочь из-за колоссальной численности населения страны.

Нынешняя градуалистская политика китайского руководства (медленное эволюционное движение) большинству отечественных и западных наблюдателей представляется не просто правильной, но единственно возможной. Вполне вероятно, что это действительно так, но неясно, есть ли у руководства КНР временной ресурс для продолжения такой политики, учитывая, что многие проблемы усугубляются. Например, 15 лет назад Китай был экспортером нефти, а сегодня стал вторым после США ее импортером. С другой стороны, совершенно непонятно, какую политику можно предложить в качестве альтернативы.

Может ли Китай решить указанную совокупность проблем без ведения внешней экспансии? Ведь экспансия позволяет внеэкономическим путем получить доступ к дефицитным ресурсам и территории для проживания избыточного населения. Если не может — какую форму экспансии он изберет и в каком направлении двинется? До настоящего времени руководство КНР декларировало политику мирного возвышения и вместе с Россией выступало за сохранение традиционной ялтинской системы международных отношений. Именно эти факторы лежали в основе российско-китайского стратегического партнерства.

Эксперты с обеих сторон признают, что это партнерство ценно Москве и Пекину не само по себе, а как форма противостояния гегемонии США. Кроме того, стороны, сосредоточенные на решении экономических проблем, просто не могли себе позволить конфронтацию между собой.

Однако ситуация может постепенно измениться. Во-первых, Китай, по-видимому, достаточно болезненно отнесся к признанию Москвой независимости Абхазии и Южной Осетии, рассматривая это как шаг к полному и окончательному разрушению ялтинской системы. Для Пекина, имеющего проблемы с Тибетом и Синьцзяном, это неприемлемо. В бу-

душем Китай, возможно, сам начнет ломать систему международных отношений, но пока он к этому не готов. Система ломается без участия Китая на условиях, которые ему невыгодны.

Во-вторых, модель экономических отношений между Россией и Китаем становится все менее интересна обеим сторонам. Эта модель крайне невыгодна для России, Москва постепенно начинает это осознавать. С другой стороны, Китай выкачал из нас все интересные ему военные технологии советских времен и теперь хочет технологий перспективных. У Москвы хватает реализма не делиться ими.

В-третьих, в Центральной Азии Москва и Пекин постепенно становятся конкурентами. Россию начинает напрягать экономическая экспансия Китая в этот регион, в частности — его попытки перетянуть на себя местные энергоресурсы.

При этом ключевым остается вопрос, укрепится или ослабеет антиамериканская направленность российско-китайского союза. Для России, очевидно, было бы выгодным укрепить эту направленность, но, как было сказано выше, события в Южной Осетии — не та основа, на которой данное укрепление может произойти. Никакой полноценной поддержки Пекина в данном вопросе Москва не получит.

Более того, если российско-американские отношения будут обостряться и дальше, то в Вашингтоне появятся сторонники идеи отдать Россию Китаю, то есть дать Пекину понять, что Америка ничего не будет иметь против, если китайская экспансия пойдет в северном направлении. В обмен на это Китаю будет предложено не проявлять слишком большой активности в других частях Земного шара. По некоторым сведениям, Пекин уже несколько лет безуспешно зондирует в Вашингтоне вариант дележа мира между двумя странами.

Высочайшая взаимная зависимость Китая и США в области экономики и ограниченность нынешних американских военных возможностей может привести к благосклонному отношению американской элиты к реализации подобного сценария. Для США весьма выгодным будет вариант замыкания Россия и Китая друг на друга, что заведомо поглотит силы сторон. Гегемония США в мире подорвана, и Вашингтону необходимо нейтрализовать своих основных оппонентов.

Россия не может полностью следовать в фарватере ни Вашингтона, ни Пекина, она явно не располагает возможностями для того, чтобы столкнуть их между собой, оставшись при этом в стороне. Сложно маневрировать между Пекином

и Вашингтоном, не слишком ссорясь с каждым и не растворяясь ни в одном. Кроме того, у России есть дефицит могущественных союзников. Таким оптимальным союзником для России могла бы стать, к примеру, Индия. Формирование соответствующих союзов можно считать приоритетной задачей российской дипломатии в ближайшем будущем.

Сценарий будущей войны с Россией уже известен

«Уже сейчас можно подумать не только об ужесточении пограничного контроля, но и об изменении его форм. В России южные границы традиционно находились под наиболее пристальным государственным надзором. Прилежавшие к ним территории имели статус не губерний, а краев — административных единиц, в управлении которыми гражданские и военные функции были соединены. Представляется, что некоторые элементы дореволюционной системы охраны сухопутных границ можно позаимствовать и сейчас — как для пресечения нелегальной миграции, так и для эффективной борьбы с преступностью» (В.Гельбрас).

Сопоставление фактов позволяет сделать предположения о том, каковы реальные цели китайского руководства применительно к России (и некоторым другим соседним с Китаем странам). Концепция единой китайской нации и культивирование восприятия своей страны как «всеми обиженной» имеет в Китае вполне прагматические внутренние цели: идейное сплочение населения, противодействие этническому и социально-экономическому сепаратизму. Экспорт рабочей силы также имеет очевидное утилитарное значение — сброс социальной напряженности и получение валютных поступлений.

Совокупностью этих мер Китай выигрывает время, оттягивает наступление кризиса, пытаясь предотвратить его вообще, не выходя за рамки нынешней градуалистской политики. И внешнюю экспансию он предпочитает вести «спокойным», «мирным» экономическим и демографическим путем. Однако нельзя не учитывать возможности реализации другого сценария, военного. Он, разумеется, нежелателен для Пекина. Но отнюдь не исключен.

Видимо, он может быть применен в том случае, если китайское руководство увидит, что серьезный внутренний кризис становится неизбежным. И решит, что единственным способом избежать его становится активная, форсированная внешняя экспансия, обеспечивающая захват территорий и ресурсов и отвлекающая население от внутренних проблем. То есть быстрая открытая экспансия будет рассматри-

ваться как меньшее зло по сравнению с внутренней катастрофой. В этом случае очень пригодится и историография (как идейное обоснование), и мигранты на территории России (как «пятая колонна», обеспечивающая «эффективный контроль над стратегическим районом за пределами географических границ»). И собственно военные концепции тоже пригодятся, они давно разработаны.

Вооруженные силы Китая строятся в соответствии с концепцией «стратегических границ и жизненного пространства», которая разработана для обоснования и правомочности ведения ВС Китая наступательных боевых действий. Концепция основана на той точке зрения, что рост населения и ограниченность ресурсов вызывает естественные потребности в расширении пространства для обеспечения дальнейшей экономической деятельности государства и увеличения его «естественной сферы существования». Предполагается, что территориальные и пространственные рубежи обозначают лишь пределы, в которых государство с помощью реальной силы может «эффективно защищать свои интересы». «Стратегические границы жизненного пространства» должны перемещаться по мере роста «комплексной мощи государства». Концепция подразумевает перенесение боевых действий из приграничных районов в зоны «стратегических границ» или даже за их пределы, при том что причинами военных конфликтов могут стать сложности на пути «обеспечения законных прав и интересов Китая в АТР».

Надо учитывать очень высокую роль ВС в политической жизни Китая (главным руководящим постом в китайской властной иерархии считается не пост генсека ЦК КПК и тем более не пост председателя КНР, а пост председателя Центрального военного совета), а также практическую безграничность людских ресурсов. Очень большая безработица среди молодежи и «дефицит невест» делают высокие собственные потери в ходе боевых действий не просто допустимыми, но, возможно, даже желательными для военно-политического руководства страны. Наличие у России ядерного арсенала не может считаться панацеей, поскольку Китай также имеет ядерный арсенал. Превосходство России в средствах доставки межконтинентальной дальности (которая в данном случае является избыточной) во многом нивелируется наличием у КНР значительного числа ракет средней дальности, которые при наличии между странами общей границы играют роль стратегических. Россия не имеет таких ракет, поскольку связана положениями советско-американского Договора о РСМД.

Следует отметить, что в последние годы войска Шэньянского и Пекинского военных округов НОАК (самые мощные из семи военных округов, именно они прилегают к границе с Россией) начали проводить учения, которые можно трактовать исключительно как подготовку к ведению наступательных действий против РФ.

Внешняя экспансия для Китая является способом выживания. Вопрос в формах и темпах. Военная форма экспансии не предопределена, но отнюдь не исключена. Причем в последнее время появился очень благоприятный для Пекина фактор. После победы Гоминьдана и на парламентских, и на президентских выборах на Тайване мирная капитуляция Тайбэя становится практически гарантированной. Поэтому Китаю не придется тратить огромные ресурсы на войну за Тайвань, наоборот, он получит в свое полное распоряжение огромные финансовые и технологические ресурсы Тайваня. И обратит свой взгляд на север.

«Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009—2018 годы)» является, пожалуй, беспрецедентным в мировой истории примером, когда формально великая держава, обладающая формально огромным военным потенциалом, просто сдает другой стране почти половину своей территории. А народ при этом безмолвствует.

Провидцем быть очень тяжело и неприятно. Просто мучительно. Свойство человеческой психики таково, что умом понимаешь, насколько все будет плохо, а душа это отталкивает. И говорит о том, что, наверное, так плохо все же не будет. Увы. Будет даже хуже.

Я несколько лет назад предсказывал, что наша нынешняя власть ликвидирует ВС РФ, превратив их остатки в придаток Внутренних войск (для решения внутренних же задач), а также в выставку вооружений для потенциальных импортеров. Душа говорила, что так все-таки не может быть. Оказалось, что очень даже может. Нынешние «реформаторы» с ошеломляющей скоростью провели в жизнь именно этот вариант.

Про китайскую угрозу во всех ее аспектах я тоже пишу много лет. И здесь душа верить отказывалась, нашептывая, что не может же быть так плохо. И здесь, однако, разум победил. Именно так плохо все и будет.

НОАК стала делать «Большие шаги», совершенно откровенно репетируя агрессию против России. В условиях вышеупомянутой ликвидации наших собственных ВС и эфемер-

ности ядерного сдерживания (по крайней мере, применительно к Китаю) Кремль, видимо, пришел к выводу, что лучше сдать сразу. А Китаю только того и надо, ведь еще Сунь-Цзы учил, что лучше победить, сохранив вражескую армию, чем уничтожив ее.

Пораженцы. Россию-таки продали

«Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009—2018 годы)», опубликованная на сайте «Ведомостей», предполагает сдачу Китаю практически всех месторождений полезных ископаемых (кроме, пожалуй, якутских алмазов) во всех регионах к востоку от Красноярского края. Т.е. практически на половине территории страны. Включая Магаданскую область, Сахалин, Камчатку и Чукотку, куда китайцы пока проникли довольно ограниченно из-за отсутствия наземных коммуникаций. Чтобы устранить этот досадный недостаток, будет открыто прямое авиасообщение по маршруту Петропавловск-Камчатский — Далянь. А потом товарищи полетят к нам широким потоком по множеству направлений: будут организованы авиалинии из Хух-Хото, Хайлара, Маньчжурии (в данном случае речь идет о городе Маньчжурия), Харбина, Чаньчуня, Шэньяна, Даляня, Муданьцзяня, Цзямусы, Цицикара, Хэйхэ, Дацина во Владивосток, Магадан, Читу, Улан-Удэ, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Южно-Сахалинск, Якутск, Анадырь, Петропавловск-Камчатский, Томск. Можно обратить внимание, что здесь охвачена уже и Западная Сибирь.

Не надо думать, что стратегические союзники полетят к нам только по воздуху, гораздо больше их поедет по земле. Описание автомобильных и железных дорог, которые товарищи поведут со своей территории на нашу, занимает несколько страниц «Программы». Под это дело будут максимально расширяться пограничные пункты пропуска. Чтобы не создавать друзьям неудобств (пока граница еще формально существует).

Часть друзей поедет к нам в качестве туристов, чему посвящен небольшой раздел «Программы». Но большинство их займется другим, гораздо более полезным для своей страны делом. Они приступят, наконец, к хозяйственному освоению Сибири и Дальнего Востока «по полной Программе».

От Иркутской области до Чукотки китайцы займутся освоением десятков месторождений золота, серебра, меди, мо-

либдена, титана, ванадия, магнетитов, угля (в т.ч. содержащего редкоземельные металлы), апатитов, цеолитов. Они будут также заниматься вырубкой и переработкой нашей древесины, глубокой переработкой уловов водных биоресурсов, морзверобойным промыслом, разливом байкальской воды. Кое-где они будут строить жилье — на Сахалине, в Петропавловске-Камчатском, в Улан-Удэ. Т.е. там, где пока еще китайцев относительно мало. А теперь, когда их и там станет много, надо же им будет где-то жить. Вот и построят они себе доступное жилье. Под это дело там же построят кирпичные заводы. Потому что к освоению новых территорий китайцы подходят очень основательно. Они приходят навсегда. Ведь на всех этих многочисленных месторождениях и немногочисленных заводах будут работать именно китайцы.

Территория северо-востока Китая тоже будет охвачена «Программой». Там будут строиться перерабатывающие высокотехнологичные предприятия для освоения сырья, принадлежащего из регионов, которые Россия пока формально будет считать своими. Разделение труда абсолютно четкое — на территории как бы России в рамках «Программы» не появится ничего более «наукоемкого», чем кирпичные и цементные заводы. На территории Китая — исключительно предприятия высокой переработки, а также логистические и торговые комплексы (мы даже и этого не удостоились).

Причины такого разделения банальны — у нас нет ни людей, ни технологий. Технологий по большей части вообще нет, а людей нет на востоке страны. Возможность того, что их можно туда «заманить» экономически (хотя бы работой на добывающих и обрабатывающих предприятиях) в Москве, видимо, никому даже не приходит в голову. В Москве вообще никому никогда не приходит в голову, что какие-то негативные тенденции в развитии страны можно попытаться переломить.

Несколько лет назад одним из любимых лозунгов юных кремлевских «штурмовиков» (т.н. «Наших») была борьба с «пораженцами». Под коими подразумевались либералы, которые якобы не верили в наши светлые перспективы, в наш «подъем с колен». По этой концепции представители нынешней власти как раз числились «антипораженцами». Хотя, пожалуй, не то что в отечественной, но в мировой истории трудно найти больших пораженцев, чем та группа лиц, что руководит сегодня Россией. Она капитулирует перед любым противником (противником может быть не только «кто-то», но «что-то»), причем еще до того, как он потребует капитуляции. Случай с Китаем — самый яркий пример такой политики.

Да, разумеется, иностранный капитал и иностранные технологии были абсолютно необходимы для того, чтобы Россия смогла освоить свой собственный восток, закрепить его за собой. Было бы совершенно нормально, если бы вышеупомянутые десятки месторождений золота, серебра, меди, молибдена, титана, ванадия, магнезитов, угля (в т.ч. содержащего редкоземельные металлы), апатитов, цеолитов были бы примерно в равных пропорциях (по несколько штук) отданы для освоения компаниям из Китая, Тайваня, Южной Кореи, Японии, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Индии, «тигров» Юго-Восточной Азии, возможно, из стран ЕС — с условием строительства по соседству с месторождениями перерабатывающих предприятий по новейшим технологиям, на которых будет работать российский персонал (за исключением специалистов-инструкторов и части руководства). Это было бы ответственной политикой ответственной власти. Но если все месторождения сдаются одной стране, то это, мягко говоря, странно. Если эта страна — Китай, то все вопросы насчет нашего будущего снимаются.

Поэтому китайцы уже не уйдут, они совершенно легально поглотят Восточную Сибирь и Дальний Восток, полностью привязав его к себе экономически и колонизировав демографически (т.е. полностью повторив косовский вариант, только в других масштабах и гораздо быстрее). Отыграть ситуацию назад будет невозможно уже никаким способом. Даже если предположить, что в Кремле появится такая власть, которая попросит китайцев уйти, излишне объяснять, что сделано этого не будет. А сил для того, чтобы заставить их уйти, у Москвы не будет тем более.

Во-первых, как уже было сказано, экономика Сибири и Дальнего Востока станет частью экономики Китая. Во-вторых, политическая и экономическая элита этих регионов будет на 100% скуплена Китаем и станет обслуживать его интересы. В-третьих, китайцев в этих регионах станет больше, чем россиян. При этом значительная часть россиян уже тоже поневоле китаизируется (и в силу жизни в китайском окружении, и по соображениям экономического характера). В-четвертых, от ВС РФ к тому времени, видимо, не останется практически ничего. Немногочисленные части в Сибири и на Дальнем Востоке будут сразу и намертво блокированы китайцами, так же как и транспортные коммуникации из европейской России. Зато из самого Китая в рамках «Программы» будут построены замечательные и очень удобные коммуникации, по которым части НОАК будут переброшены на российскую территорию практически мгновенно. А китайс-

кие СЯС к тому времени будут заведомо сильнее российских. Соответственно, ядерный фактор тоже не сработает.

После этого юридическое оформление принадлежности Восточной Сибири и Дальнего Востока Китаю станет чистой формальностью, не имеющей даже особого значения.

Если «Программа» будет проведена в жизнь, октябрь 2009 г. войдет в историю как месяц, когда была оформлена ликвидация России в ее нынешнем виде. При этом даже не очень понятно, а какую выгоду от этого получит остальная Россия. Впрочем, главное, что выгоду получит определенная группа лиц...

Памяти островов на Амуре

Россияне не заметили, как у них отняли 174 кв. км территории страны. Событие это почему-то прошло без торжеств. И пятилетний юбилей подписания соответствующих российско-китайских документов власти встающей с колен России почему-то отмечать не стали.

В середине XIX века Россия начала осваивать Приморье, где разграничение между Россией и Китаем проведено не было, какое-либо влияние Китая отсутствовало (не было китайских населенных пунктов, не действовали законы Китая, не было даже китайской топонимики). В 1854 году генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев с целью обеспечения функционирования гарнизона Петропавловска-Камчатского, подвергшегося нападению англо-французской эскадры, организовал четыре сплава по Амуру, который тогда целиком находился на китайской территории и назывался Хэйлунцзян. В следующем году император Китая запретил плавание русских судов по Амуру. Одновременно Муравьев получил из Санкт-Петербурга указания провести новые переговоры о границе. Китай в это время подвергался агрессии со стороны Англии и Франции, которые были противниками и для России в только что закончившейся Крымской войне. В 1857 году в Пекин был отправлен адмирал Путятин, однако власти Китая чинили всяческие препятствия его миссии. Несмотря на это, Путятин отказался участвовать в совместных с западными странами действиях против Китая.

В мае 1858 года в Айгуни (ныне Хэйхэ) начались переговоры между Муравьевым и представителями властей северных провинций Китая. 16 мая был подписан договор, получивший название Айгуньского. По нему левый берег Амура признавался владением России, а вопрос об Уссурийском (Приморском) крае оставался открытым, этот район провозглашался совместным владением России и Китая. Плава-

ние по Амуру, Уссури и Сунгари разрешалось только русским и китайским судам. Маньчжурское население на левом берегу Амура могло проживать на прежних местах, сохраняя китайское подданство. Договор был ратифицирован китайским императором 2 июня, русским — 8 июля.

Залогом успеха русской дипломатии на этих переговорах стало то, что левый берег Амура так и не был освоен Китаем, но уже началось его освоение Россией. В то же время России не удалось добиться возвращения земель на правом берегу Амура и Аргуни, которые были отторгнуты у России по Нерчинскому договору 1689 года.

Для окончательного решения данного вопроса в Пекин был направлен генерал-майор Игнатъев. Переговоры проходили в условиях, когда Пекин был захвачен и разграблен англо-французскими войсками. Игнатъев выступил в роли посредника между Китаем и западными союзниками. 2 ноября 1860 года между Россией и Китаем был подписан Пекинский договор. В нем были подтверждены положения Айгуньского договора применительно к левому берегу Амура, Уссурийский край (правый берег Уссури) также передавался во владение России.

В тексте договора не была определена принадлежность островов на Амуре, Уссури и других пограничных реках. Однако к договору была приложена карта, на которой рукой Игнатъева была проведена линия границы (красная линия). Подписал карту только сам Игнатъев (князь Гун, подписывавший договор со стороны Китая, сделать это отказался). Тем не менее император Китая утвердил указ вместе с картой.

В июне 1886 года было проведено уточнение прохождения границы на самом южном ее участке (на стыке с корейской границей) и в районе слияния Амура и Уссури. Соответствующие протоколы были подписаны 26 июня и 14 июля в урочище Новокиевском. Вторым из этих протоколов подтверждалось, что пограничный столб, обозначенный на русских картах буквой Е, устанавливается на левом (китайском) берегу протоки Казакевичевой, а острова в месте соединения Амура и Уссури (Тарабаров и Большой Уссурийский, самые большие на Амуре и Уссури) напротив Хабаровска являются русской территорией. Это определялось и той самой красной линией на карте, приложенной к Пекинскому договору. Красная черта Игнатъева четко определяла принадлежность именно этих двух островов России, для большинства остальных она была слишком мелкомасштабной (1:105 000), на ней были обозначены только 82 острова на Амуре и 6 на Уссури.

Уже в начале 20-х годов XX века Пекин потребовал от СССР вернуть границу, установленную Нерчинским дого-

вором. Однако в тот момент Китай находился в состоянии гражданской войны, а затем и войны с Японией, поэтому вопрос замяли.

Затем началась «великая дружба» между СССР и КНР. Москва вложила в народный Китай гигантские средства. Тем не менее уже в 50-е годы в КНР начали вновь поднимать территориальный вопрос.

Консультации между правительственными делегациями СССР и КНР по уточнению линии границы начались в Пекине 25 февраля 1964 года. При этом целью советской делегации было обсуждение ситуации на отдельных участках границы, китайской — обсуждение всей границы в целом. Советская сторона предполагала действовать, исходя из существующей линии границы и соответствующих договоров, китайская исходила из того, что все эти договоры являются «неравноправными» и необходимо подписывать новый договор. Признание «неравноправного» характера договоров предлагалось зафиксировать юридически.

Разумеется, для Москвы такие требования были неприемлемыми. Тем не менее она согласилась на то, что граница должна проходить по главному фарватеру Амура и Уссури. Как было сказано выше, Пекинский договор не определил принадлежность островов на пограничных реках. Де-факто почти всеми островами владел СССР. Он занял их в 30—40-е годы, когда на другой стороне Амура и Уссури располагалось государство Маньчжоу-Го, то есть фактически Япония, находившаяся с нами в состоянии холодной войны, регулярно перераставшей в горячую.

Ныне остров Даманский, который бездарное руководство СССР сдало 1969-м, называется Чжэньбао. На нем находится музей боевой славы НОАК. Боевой славы тех, кто был стерт в порошок «Градами», потерпев сокрушительное поражение в открытом бою. Но потом они победили без боя. И, в отличие от нас, прекрасно помнят о тех событиях. Более того, целенаправленно поддерживают эту память, интерпретируя ее в духе вечной правоты Китая всегда и во всем.

Основным спорным участком в восточной части границы стали острова в районе Хабаровска. Китай потребовал передачи ему островов Тарабаров и Большой Уссурийский. Эти острова имели большое стратегическое значение. На них находились укрепрайоны Советской армии, над Большим Уссурийским проходит посадочная глиссада хабаровского аэропорта. На острове также находились дачные участки хабаровчан. Принадлежность островов, по сути, определяет режим судоходства по Амуру и Уссури.

При решении проблемы хабаровского участка советская сторона (с политической точки зрения) исходила из Пекинского договора и Новокиевских протоколов. С точки зрения гидрологии советская сторона считала, что между Амуром и Усури нет никакого разрыва, берег Амура переходит в берег Усури. Китайцы же заявили, что правым берегом Амура является берег основного русла, то есть Тарабаров и Большой Усурийский, а протока Казакевича соединяет две реки.

В 60-е годы стороны не просто ни до чего не договорились, но дело дошло до боев за Даманский. После прихода к власти в Москве Горбачева отношения между странами начали быстро улучшаться. В начале 90-х умирающий СССР и стремительно растущая КНР договорились в основном о разделе пограничных островов.

По соглашению от 16 мая 1991 года Россия (на тот момент — РСФСР в составе СССР) получила 1163 острова на пограничных реках площадью 886 кв. км, Китай — 1281 остров площадью 851 кв. км. Принадлежность Тарабарова и Большого Усурийского, однако, не была определена.

В 90-е годы казалось, что началась новая великая дружба, Россия и Китай заявили о стратегическом партнерстве, подписали целый ряд соглашений в различных областях. Пекин при этом продолжал требовать у Москвы острова, Москва, однако, требования игнорировала.

Потом «ужасные 90-е, когда Россия все сдавала», закончились. Мы якобы стали стремительно «вставать с колен» и возвращать утерянные позиции. В рамках «вставания» и «восстановления» мы ушли из Косова, Лурдеса и Камрани, порезали железнодорожные МБР РС-23. Это было сделано в 2002—2003 годах. А в 2004 году дело дошло и до островов у Хабаровска. 14 октября 2004 года Россия сдала Китаю Тарабаров и половину Большого Усурийского. Вообще-то это означает отказ от Пекинского договора. О чем Китай нам когда-нибудь непременно напомнит. 30 мая 2005 года соответствующий договор, подписанный в Пекине, ратифицировала Госдума РФ, 1 июня его подписал тогдашний президент В. Путин. А в начале декабря 2009 года Тарабаров и половина Большого Усурийского были окончательно переданы КНР.

Между тем федеральные власти до сих пор не нашли средств, чтобы расплатиться с собственниками земель, которые были переданы КНР. Это почти 80 человек — жителей пригородных хабаровских деревень. Дело в том, что на Большом Усурийском острове, часть которого и отошла Китаю, в частной собственности находилось несколько тысяч гек-

таров земель. В основном это луга, пастбища и сельскохозяйственные угодья. Владельцы земли на теперь уже российско-китайском острове в прошлом работали в местном совхозе, и гектары заливных лугов им в свое время дали для развития частных подсобных хозяйств. Когда зашла речь о передаче островов Китаю, их даже никто не предупредил. По закону государство должно выплатить всем фермерам компенсацию. Суммы разные — в зависимости от того, насколько активно используется земля, но в любом случае счет идет на миллионы рублей. Правда, для этого, несмотря на наличие сертификата, пришлось доказывать, что земля эта частная и что она действительно отошла соседям-китайцам. Люди тратили по несколько десятков тысяч рублей на то, чтобы собрать необходимый пакет документов. Хотя этого они не должны были делать!

Тогда, шесть лет назад, во всей России нашелся один человек, который решил в законном порядке оспорить сдачу Китаю российских земель. Этим человеком оказался Александр Аладин, житель Самары, никогда не бывавший на Дальнем Востоке, и, что интересно, член партии «Единая Россия». Он обратился с иском в Конституционный суд, с запросами в МИД и Госдуму, чтобы проверить конституционность сдачи островов и добиться отмены соответствующего соглашения.

МИД ответил Аладину очень вежливо, описав историю того, как строилась российско-китайская граница. И только в одном месте «чуть-чуть» уклонился от истины, сообщив, что Тарабаров и Большой Уссурийский якобы были заняты СССР в 20—30-е годы. Про Новокиевские протоколы 1886 года и пограничный столб Е в МИДе удивительным образом забыли.

Ответ Конституционного суда оказался просто потрясающим: *«Конституционный суд Российской Федерации правомочен проверять конституционность лишь не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации по запросам органов и лиц, к которым граждане не отнесены»*. Не могут, оказывается, граждане России оспорить факт отъема у России ее территории. В связи со столь замечательным положением вещей принять иск Аладина КС отказался.

Не менее великолепный ответ дал комитет по международным делам Госдумы на предложение Аладина отменить соглашение с КНР: *«Обращаем Ваше внимание на то, что в соответствии с пунктом 1 статьи 37 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» прекращение международных договоров Российской Федерации «осуще-*

ствляется в соответствии с условиями самого договора». В Дополнительном соглашении между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее восточной части такого условия не содержится». То есть отменить сдачу островов невозможно в принципе, никогда, ни при каких обстоятельствах!

Попытался Аладин сослаться на статью 8 Декларации о государственном суверенитете России, принятой 12 июня 1990 года (в честь нее мы, кстати, отмечаем наш главный государственный праздник): «Территория РСФСР не может быть изменена без волеизъявления народа, выраженного путем референдума». Но и по этому поводу получил он «достойный ответ», на этот раз от помощника председателя Совета Федерации. Оказывается, Конституция РФ ту декларацию отменила.

И сам председатель СФ ответил Аладину. Он написал: «Можно с уверенностью утверждать, что при сохранении у отдельных ученых и экспертов различных оценок истории территориального размежевания, так называемая территориальная проблема больше никогда не будет омрачать практические двусторонние российско-китайские отношения». Вере Сергея Миронова в чистоту помыслов «стратегического партнера» можно лишь искренне позавидовать.

На том эпопея Александра Аладина и закончилась. Он в очередной раз убедился, что никаких реальных прав гражданин РФ не имеет.

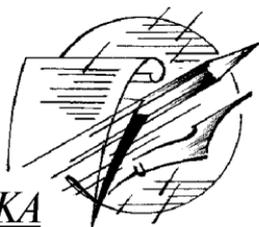
Впрочем, после сдачи Китаю почти половины российской территории вместе с населением какие-то там острова принципиального значения уже иметь не будут.

ХОХЛЫ И КАЦАПЫ

От редакции. Мы долго сомневались, публиковать ли данную статью в нашем журнале. Тему «украинства» наш журнал неоднократно поднимал на своих страницах, порой резко и для кое-кого нелицеприятно. И все же не хотелось никого обижать этими хоть и крепко вросшими в нашу жизнь пренебрежительными обзывалками: «хохлы» и «кацапы», тем более когда на Украине сменилась власть, и отношения наших государств имеют тенденцию к улучшению. Однако автор статьи пытается всерьез разобраться, в чем же реальное отличие между двумя нашими народами, некогда составлявшими единую нацию. И хотя мы согласны не со всеми авторскими характеристиками украинцев и русских, тем не менее есть в них и большая доля правды.

Статья носит полемический характер, и редакция готова опубликовать другое, не согласное с ней мнение.

Сразу предвижу нервный вскрик нашего политкорректного полуинтеллигента (как сказали бы раньше — в чеховском пенсне, у которого из-под крахмального воротничка выбивается горьковская косоворотка разночинца): «Нет такого народа «хохлы», а есть «украинцы» (причем произнесет он это слово

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

непременно с ударением на предпоследнем слоге)! А я вот не признаю такого отдельного этноса, который известен всего-то 150 лет — больно уж маленький срок, чтобы говорить о нем всерьез. В то же самое время этнический термин «хохлы» существует в русской лексике порядка четырех веков — с тех пор, как казаки Запорожья стали выбривать себе головы на турецкий манер, оставляя лишь хохолок, который, отрастая, превращался под шапкой в липкую от пота «селедку», по-малорусски — «оселедец» или чуб («чуприну»), что то же самое... И поскольку субкультура этой самой боевой и одиозной части малорусов стала знаковой для бывшей киеворусской земли (в то время — заграничной для Московского царства), то вскоре с обликом хохла-запорожца в представлении москворусов сросся и весь малорусский народ, говоривший на одном с запорожцами наречии, которое было понимаемо в Москве без толмача, за исключением небольшого ряда слов, заимствованных у поляков и крымских татар.

При этом тогдашние хохлы считали себя народом исключительно русским и ни о каком таком «украинстве» не помышляли, поскольку «украина» (с ударением на втором слоге) или «украйна» — это всего лишь «окраина», приграничная полоса земли, лежащая «у края», и именовать себя отщепенцем, то есть живущим на самом отшибе родной земли — будто на выселках — считалось у казаков, как теперь часто говорят, «западло».

И, кстати, «украиной» эта территория была по отношению именно к Москве (откуда и пошло название), и потому звалась она малорусской украиной (естественно со строчной, а не заглавной буквы). А были еще другие украины — и на юг от Москвы, и на восток... Так что все выдумки современных киевских *науковців* насчет каких-то древних *укрів*, явившихся якобы ядром «современной украинской нации» и давших название сегодняшней независимой Украине, есть полная чушь, за которую в приличном обществе лишили бы статуса ученого, а в подлинно демократическом — высекли бы нагайкой и прогнали со двора, как брехунов и провокаторов. Но не те принципы обрели господство в суверенной киевской державе. Госвласть и была заказчиком фальсификаций, коими намеревалась прикрыть суть своей провальной по всем направлениям политики, в результате которой второй по численности народ в СССР за два десятилетия *самостійності* деградировал до уровня полешуков второй половины XIX — начала XX века (читай А.Куприна, В.Короленко и других русских писателей).

Так вот хохлы. Что же оно такое?... Недавние киевские власти были не новы в своем стремлении завуалировать правду,

поскольку они — прямые наследники советских драпировщиков истины, которые, надо сказать «научно» и оформили реальное существование киеворусов под новым, отличным от слова «русский» названием. То, что лишь декларировали национал-социалисты (или, если больше нравится, социалисты-националисты) правительства Петлюры, с успехом воплотили в жизнь интернационалисты-коммунисты в рамках проекта «УССР». Правда, в 1934 г. пришлось провести некоторую коррективу (наиболее восторженным «украинцам» снесли голову), но в целом этот УССР-овский проект только окреп, окончательно убедив хохлов, что они никакие не русские, а особая нация — «украинцы». И народ покорно поменял свой этнический титул, будто сменил прежний прелый кожух на новое и более модное пальто-реглан с пояском и искусственным мехом. Поглядел в зеркало, притопнул ногой: «Гарно!.. А горилка с салом останутся?» — «Горилка и сало остаются», — ответили из ЦК. — «Ну и все! Будьмо украинцями!» — обрадовался народ, который прикрыл свою малорусско-хохлацкую душу новым этнополитическим нарядом. Только суть-то ведь остается, сколько фасон ни меняй — в моде то ратин, то габардин, то болонья, то кожа — а хохол, он и в XXI веке хохол...

Вот эта его константа и побудила меня, может быть, впервые в отечественной публицистике попытаться, отринув всякие полуинтеллигентские филии и экстремистские фобии, разобраться, что же он такое в этническом плане — хохол. А чтобы изображаемое было нагляднее, для сравнения буду использовать образ россиянина. А чтобы хохлам не было обидно, что я их так называю (они ведь народ гонористый!), я буду и современных русских именовать по-хохлацки «кацапами», то есть русскоговорящими. Термин «москали» здесь не вполне подходит, поскольку им именуют, как правило, представителей Российского государства, а кацапы — это простые русские люди, не обремененные никакими государственными полномочиями.

Для несведущих: само слово «кацап» появилось в Малороссии после гонений Никоновской церковной реформы, когда несогласные с нею приверженцы «древлего благочестия» бежали на «украины» Московского государства, в том числе и в Малороссию. И поскольку хохлы бороды брили, а москворусы — нет, про них в шутку говорили: «как цап», то есть, как козел, с бородой... Обратите внимание, на современной державной *мове* это звучит иначе: «як козел», что лишний раз подтверждает, в XVII веке малороссы говорили таки по-русски (диалектное слово *цап* и до сих пор характерно для

районов малороссийского Полесья, где «кацапы» первоначально и осели. Со временем этим словом хохлы стали называть всех русских. Я не обижаюсь на «кацапа», так что и предмету моего рассмотрения на «хохла» обижаться не следует.

Еще хочу добавить, что я не «турист» в этом вопросе. Я родился в УССР и вырос, уехав в Россию учиться и оставшись там, ежегодно бываю на своей малой родине на протяжении вот уже нескольких десятилетий. Потому мои познания хохлов гораздо старше украинской *незалежності*. Я хорошо помню ту эйфорию на Крещатике в конце 80-х, когда у киевского горсовета восторженные люди под жовто-блакитным флагом раздавали всем прохожим бланки заявлений на получение украинского гражданства. И все хватали, тут же заполняли и опускали в *скриню*, так же восторгаясь наступившими новыми временами и не подозревая, что ждет их, в тот момент еще благополучных советских граждан, в условиях действительной, а не декларативной независимости от Центра, как тогда политкорректно именовали Москву и ее кацапов.

Все эти события происходили еще «на Украине» — одной из самых благополучных республик СССР. Кацапы упорно продолжают и донныне твердить это свое «на», хотя «Украина» — уже не крайняя (географически) составляющая общего государства, а вполне «самостийная держава», то есть сама себе Центр. Следовательно, считало «демократическое» киевское руководство, нужно говорить «в Украине», как «в Германии» и «во Франции»... Ну что ж, вот они бы на своем *нерусском* языке так бы и говорили, однако они и кацапов начали поучать, как тем на своем русском надо правильно грамматическое управление строить...

Вот в эту самую Вукраину (пишу так, поскольку на местной *мове* русское «окно» превратилось в «викно», а «он» и «она» — в «вин» и «вона», «ус» — в «вус», а «уже» — во «вже») я и совершил очередное свое путешествие, которое стало непосредственной основой этого очерка.

В Москве Хохляндия для кацапа начинается не в вестибюле станции метро «Киевская» и не на набережной Тараса Шевченко. Ее первое присутствие он ощущает на перроне вокзала, где выстроились в ряд торцы многочисленных поездов — хочешь в Ужгород, хочешь в Жмеринку, хочешь в Кременчуг... Но это разноцветные заманки, потому что все эти поезда идут прежде всего в Киев, а уже потом, после него, разбегаются в разные стороны.

А вот вам и конкретно поезд Москва — Киев. Проводники — крутая сажень в плечах, все в белых тужурках и с золотящи-

мися погонами на плечах. Им бы в составе миротворческих сил в Афганистане с талибами сражаться или в Ираке порядок наводить. Но они тут. Проверяют билеты и предлагают пройти в вагон. А в вагоне... даром что плацкартный — но сиденья-то в нем и не полки вовсе, а диваны с ворсистым, чуть не бархатным покрытием! А под ногами пол — весь в мелкую звездочку, так и искрится... Правда, при этом куда-то делись сетчатые полочки, где пассажиры любят держать гигиенические принадлежности и полотенца, да рундуки под этими диванами на треть сократили свою емкость, но не в этом суть, а в том, что эти вагоны — писк международной совместной деятельности давних исторических врагов, а ныне *щирих* партнеров — хохлов и поляков. Что называется, утерли нос кацапам, у которых до сих пор все по старинке...

Несмотря на центральную часть страны, первая остановка этого маршрута будет лишь через три часа, и то минут на десять, поэтому в ожидании таковой пытливому кацапу впопыхи и приглядеться к тому, что делается внутри вагона.

Он сразу же наверняка удивится, увидев, что проводник забирает его билет к себе в кляссер, в то время как российские билеты имеют копию — то есть состоят из двух листков, второй из которых и изымается проводником, а первый должен быть возвращен пассажиру. Но, как говорится, со своим уставом в чужой монастырь не ходят.

Кое-кто по своей неугомонной расейской привычке испросит чаю. В кацапских-то поездах стакан с кипятком можно получить едва ли не раньше, чем откроются туалеты. Здесь же, в хохляцком, титан закипает через час, а то и два... Дело в том, что есть две вещи в мире, к которым хохол относится не то что с презрением, но — с полным равнодушием. Это чай и баня.

«Чай не пьешь — какая сила?» — восклицает кацап, живущий в холодной северной широте. А хохлу невдомек, что за прелесть в том напитке?.. Эта очень существенная разница в нашем генотипе сложилась исторически. Во времена Московского царства чайные караваны шли из Китая в Россию. И дальше — в Малороссию не следовали. И, таким образом, привычка чаевничать закрепилась у нас и не закрепилась у них, хотя чаевники татары имели место быть и в бывшей Киеворуссии, но тамошние русские (еще не хохлы), видать, «из принципа» не стали привыкать к вражескому напитку...

В то же время кофе попал в Европу минуя Русь — с запада, на кораблях Колумба и ему подобных. И, таким образом, напитком бар в Хохляндии стала — «кава», как называли кофе поляки и под каким он (оно) вошел (вошло) уже в местную *мову*.

Но *кава*-то была дорогой для хохляцкого кармана, и народ после борща и галушек пил *узвар*. Кацап сроду не догадается, что оно такое. Понятно, что варится, но из чего — не допрешь... А варился он из того, что валялось в саду под ногами — из яблок, груш, слив... Вот и получается, что узвар — это самый разобычный компот, который имел естественную сладость (экономия!) и мог питься за милую душу холодным (опять экономия!). Вот почему титан в хохляцком поезде — не брат русской печи, которая, разогревшись, очень долго держит заданную температуру. Эта ее особенность по наследству перешла и к титанам кацапских вагонов... (На обратном пути я уже, подобно другим пассажирам, решил обзавестись более гигиеничным питьем — газводой в пластиковой бутылке.)

Кстати, о газводе. Вот ее-то в дорогу и берут чаенепьющие хохлы. Но если кацапу хватит поллитровой бутылки минеральной или простой питьевой, хохол обязательно прихватит баллон побольше — литра в два и непременно цветной и сладкой — со вкусом груши или яблока (вот она, генетическая память про былой *узвар*!) За дорогу (а в пути трезвый хохол, как правило, спит, не переодеваясь, на верхней полке), он вспомнит и пригубит свой «узвар» едва ли раза два-три. Но по приезде обязательно прихватит баллон с собой (как же — добро!)

Кацапа передернет от такой рачительности: «Добра-то...» Но из природной деликатности он промолчит...

Спать на постели в уличной одежде, чтобы потом проснуться в нитках, постельной пыли и еще чем-то подобном — это пример генетической памяти хохла. Он презрителен к своему костюму, пусть дорогому и модному, как те запорожцы. Помните у Гоголя: «В самом деле, это была картина довольно смелая: запорожец, как лев, растянулся на дороге. Закинутый гордо чуб его захватывал на пол-аршина земли. Шаровары алого доброго сукна были запачканы дегтем для показания полного к ним презрения. Полюбовавшись, Бульба пробирался дальше по тесной улице...»

Оно и сейчас, это отношение, не поменялось. Хохол чувствует себя в своей тарелке, когда не стянут пиджаком и не сдавлен штиблетами. Если же оказия заставит его надеть костюм, да еще с галстуком — он нелеп, как медведь в португее.

И кацапы такие есть, особливо из тех, что на волне капитализации ломанулись из сел и поселков в город — для них братковские кожанки и китайские треники 90-х были ой как к лицу. И в магазинах в роли охраны в мешковатом камуфляже они смотрелись вполне органично... Но как только ис-

теблишмент меняющейся жизни потребовал от них костюма и бэйджа, вот тут все и выплыло наружу: и шея-то у такого тонка для ворота с галстуком, и с плеч-то покатых пиджак съезжает...

Однако вернемся в поезд. Пассажир, спящий в одежде на постели и хранящий всю дорогу упорное молчание (ни тебе «здрасьте» при посадке, ни «всего хорошего» при расставании), это благо для едущих с ним в одном купе двух кацапов. Но есть еще и четвертый пассажир — молодой человек с Ивано-Франковщины, напуганный московской милицией, проверившей у него документы и поинтересовавшейся, почему в миграционной карте нет отметки с места пребывания. Парень пытался отбрехаться, что больше трех дней не сидел на одном месте, перемещаясь по родственникам. Но менты народ ушлый, они потребовали с него в подтверждение легенды о непрерывной миграции билеты, которых у него, конечно же, не было... Чем кончилась эта нечаянная встреча московских ментов и одинокого хохла, можно лишь догадываться, но след ее — терпкий запах потной одежды парня изнурял нас всю дорогу.

А он не виноват. Просто от природы есть такие люди, которым необходимо каждый день становиться под душ — утром и вечером. Но ведь хохлы-то боятся воды, как кошки!.. Вспоминается анекдот, слышанный мной в прежний приезд. Хохла спросили: «А где это вы моетесь?» — «Да в речке!» — «А если зима?» — «А, сколько там этой зимы...» Очень близко к правде. В Хохляндии до сих пор во многих пятиэтажках нет горячей воды. Кто-то когда-то решил, что поставить в каждой квартире колонку, благо подвод газа имеется, намного экономнее, чем тянуть магистраль с горячей водой...

Однажды летом, пребывая в *незалежной* и отчаявшись, наконец, помыться по-человечески посредством использования этой газовой колонки, я решил вспомнить детство и посетить, как когда-то с отцом, городскую баню. «Ну-ну...» — с иронией покачала головой моя родня, но мешать не стала... Что же я получил в итоге?

Старая городская баня — внушительное здание постройки еще времен промышленной революции конца XIX века — оказалась проданной городскими властями какой-то могучей секте под молельный дом... Не больно расстраиваясь, я сел на троллейбус и поехал в другую, что была подальше. Но оказалось, что эта баня вовсе скрыта за ветхостью и на ее месте ни шатко ни валко возводится новая. Когда будет? А к зиме и закончат. Впрочем, если не закончат, то «сколько там этой зимы»... Но у меня память хорошая и я помню, что за

базаром в 70-е гг. была построена абсолютно новая и современная банька, куда любили ходить немногие здесь поклонники парной и многие — пива в буфете. Увы, оказалось, в годы *незалежности* это заведение было перепрофилировано в какое-то собесовское учреждение и теперь здесь пахнет не паром и пивом, а пыльным тюлем и геранью на окнах... Тут я, честно говоря, сник и начал думать, а может, и впрямь — на речку? Но сердобольный старичок, что шаркал мимо, сказал: «А вы поезжайте за вокзал. Говорят, тамошняя баня в прошлом году еще работала. И пар был...»

Будь я упрямым хохлом, то плюнул бы и вернулся домой к своей старой колонке с полутеплой водой. Но я кацап, который любит не только выпить чаю, но и не дурак на предмет помыться да еще веником, сидя на полке, себя похлестать. И потому отправился аж за вокзал...

СOLIDное двухэтажное здание для помывки населения оказалось уже ополовиненным чем-то родственным, типа прачечной. Остальная же его часть работала из шести рабочих дней в неделю всего четыре, при этом, как в селе, по четным дням баня была открыта для мужчин, а по нечетным, само собой, для женщин. Разумеется, день моего появления оказался нечетным... Но самое сильное впечатление, оставшееся от этой последней моей надежды, — название банно-прачечного комбината. Он назывался «Айсберг»...

И я лишний раз убедился, что мы с хохлами — люди совершенно различные. Их это заграничное (!) название привлекло образом белизны (и, надо полагать, чистоты), а я расхохотался, вспомнив песню: «А ты такой холодный, как айсберг в океане...» Если баня внутренним температурным режимом оправдывает свое название, то я лучше останусь невымытым. Холодная баня, как и остывший чай, в понимании кацапа — нонсенс. И потому я пошел восвояси в полной убежденности, что лучше теплая вода в речке, чем холодная парилка в бане.

Это я к тому, что чудеса, с которых началось путешествие в хохляцком поезде, на запахе не заканчиваются. Когда вы, утомившись от долгих разговоров с попутчиком и сидения на комфортном диване, вспомните об отправлении естественных надобностей и по звездной дорожке, мерцающей под ногами, пройдете в туалет, то испытаете шок, будто из Лувра сразу попали в Бастилию...

Впечатление такое, что производители вагона, соорудив внове спальную его часть, по злому умыслу пришпандорили к нему туалеты от вагонов трехдесятилетней давности, настолько они загажены невниманием со стороны проводни-

ков. И стены несут на себе следы неведомо какой грязи, и на полу всегдашняя миргородская лужа, а уж раковина в таком тусклом виде, будто до нашей посадки в Москве в нее отхракался и отсмотрался батальон хохляцких новобранцев. К мылу (которое таки есть) страшно прикоснуться, будто им мылась бригада качегаров... Но при этом воды из крана вы так просто, по заведенным у кацапов правилам посредством надавливания ладони на сосок — не добудете... Вы долго будете в тусклом свете осматривать стены сортира в поисках кнопки или рычажка, пока случайно не заденете ногой некий выступ, который в вагонной документации наверняка именуется педалью и должен быть выкрашен в заметный для пассажира цвет, но здесь — слившийся с цветом общей грязи и потому могущий быть замеченным только случайно... В добавление ко всему — неизменно настезь откинута верхняя часть окна. Хохляцкий способ дезодорации (экономия!).

За весь рейс проводник в погонах ни разу не пройдет по вагону с веником, а уж к туалету приблизится лишь затем, чтобы замкнуть его при пограничном контроле...

Оно конечно — мужчина, моющий туалет, курьезен в своем занятии. Дело это, разумеется, бабье. Тогда зачем же столь крепкотелые хлопцы идут на бабскую работу? Баб, что ли, Вукраине на это нет?... Э-э-э! Для хохла эта бабская с виду должность — самый лакомый кусок. Перемещаясь на большие расстояния за казенный счет, да еще получая при этом зарплату, хохол может блестяще осуществлять свой бизнес!

В 90-е, когда враз обедневшая бывшая жемчужина СССР спасалась только торговлей мясом, в Москву — кацапскую столицу — везли без преувеличения мириады сумок, набитых оным «стратегическим» продуктом. Каждый торговец затаскивал в вагон такое количество этого кровавого в полном смысле багажа, которое превышало его собственный вес. При этом не встречая возражений со стороны проводника. Более того, проводник даже помогал ему распахивать сумки по вагону, закидывать на третьи полки, прятать в бельевые люки, угольные кладовки и собственные кандейки. Потому что имел с каждого мясокурьера положенную мзду. На таможне особо жадных из них проводник предательски сдавал чиновнику. Тот журил нарушителя и также получал от него свою долю дани, которой, впрочем, честно делился опять же с проводником... Особо «раздевались» вьетнамцы и китайцы. Сначала их, безбилетных (ибо они не имели права пересекать российско-украинскую границу) сажали к себе проводники, затем «зайцев» «внезапно» обнаруживали пограничники и таможня, сначала кацапские, затем хохляцкие. Схе-

ма бизнеса, при которой овцы оставались целы, а волки — сыты. Вот она, подлинная дружба (читай: взаимовыручка) народов, а не то, что там талдычили большевики...

Нынче все проще, цивилизованнее. Нет ни мешочников, ни вьетнамцев. Сегодня сами проводники гоняют в Москву и обратно контрабанду, получая за это от заказчика стабильный процент.

Да и таможня сегодня поскушнела. Дома построены, машины куплены... Можно было бы еще, да уж времена не те. Сегодня кацапские погранцы ловят в поездах не нарушителей границы, а беглых алиментщиков и банковских должников. А хохляцкие и этого не делают — у них контакты с проводниками стабильные.

Кацапам известно про ушлость хохлов. Это они не из зависти, а скорее из легкого восхищения ими сочинили широко известную поговорку: «Где хохол прошел, там еврею делать нечего». Правда, у нее есть и алаверды: «А где татарин прошел, там и хохол отдыхает!» Но довольные признанием своего первенства, хохлы этого продолжения не ведают, ибо судьба позаботилась, чтобы они на хохляцком железнодорожном поле играли без соперника...

Предупредительности белотужурочного и золотопогонного хохляцкого проводника хватает только до второй таможни. После — сколько бы времени до конца рейса ни оставалось, он занят исключительно собой. Он не пристает к пассажирам, чтобы те сдавали белье, не пугает, что за час до прибытия закроет туалеты, не собирает стаканы, не возвращает отобранные при посадке билеты. Его мысли всецело заняты расчетами — сколько взять с того, кто придет за товаром, сколько уже отстегнуто одному таможеннику и другому, сколько потребует начальник поезда, за то, что за весь рейс он ни разу не прошел по вагону, сколько останется самому. И уже идут планы на обратный путь — как бы что спрятать, чтобы таможенник поверил, что ничего не везешь (и, значит, не делиться), либо часть спрятать, а часть оставить на видном месте (чтобы заплатить меньше таксы), ну, и так далее... Если вы в это время, к несчастью своему, подойдете к проводнику с каким-либо вопросом, то встретите не хамство, нет — полное равнодушие. Вы для него уже никто. Он вас демонстративно не видит. Нынче он **пан**. До начала следующего рейса...

Если в Кацапии сегодня ради прикола воздвигают статуи водопроводчику, «челноку», чижику и т.п., то в Хохляндии на киевском вокзале следует установить памятник проводнику как *символу нації, яка не сгорбилась за часів незалежності*.

Но вот я сел в междугородный автобус. В хохляцких автобусах вентиляционные люки старого совкового типа — они образуют щель только навстречу потоку воздуха и никак по-другому. По мере набора автобусом скорости эта щель стала источником сквозняка, не такого уж сильного, но все же. «Закреть бы ее, — подумал я, но тут же мое кацапское *alter ego* возразило: «А вдруг кому-то не понравится? Хохлы народ крепкий, им свежий воздух приятней духоты...» Вот так сидел я и терпел это небольшое, но все-таки неудобство, пока сидящий по ту сторону прохода молодой хохол не встал и не захлопнул этот злополучный люк.

«Молодец! — возликовал я про себя и тут же возмутился: — Вообще мог бы и спросить, а вдруг я буду против?» Нет, не спросил. Ему по фигу, как к этому отношусь я, равно как и другие пассажиры. Он был сосредоточен только на себе, любимом, на своих личных ощущениях, и действовал исключительно в своих личных интересах... Я сразу вспомнил того проводника в золотых погонах, которому было абсолютно наплевать на состояние вагонного парка *Укрзалізниці*, на которой он служит. Он думал только об успехе своего личного гешефта, а как там оно будет в целом — его не занимало... И мне на ум пришла давнишняя, ставшая уже классической поговорка, которую сочинили, заметьте, не кацапы: «Ничего не знаю, моя хата с краю»...

И в России немало «нового» народу так живет, но все же открыто демонстрировать свое пренебрежение ко всему остальному миру решаются не многие. Общинный дух, формиовавшийся наряду с прочими факторами российской генотип, окончательно из нас не выветривается...

В Хохляндии, как и у кацапов, сельские населенные пункты выходят непосредственно к шоссе и бегут за вами вдоль дороги с километр, а то и два. И хоть бы одну традиционную хату вы увидели — мазанку, крытую соломой. Ничуть! Все из белого кирпича, под железом или шифером, а которые и под новомодным андулином. И гаражи-то воротами на улицу, и то, и се... Одно удовольствие ехать такой дорогой, понимая, если бы хохол «раньше думал о Родине», ничего этого у него и не было бы...

Сравните среднегодовой показатель солнечных дней у нас и у них, график температур, коэффициент плодородия почвы, и сразу станет ясно, что хохлу при его трудолюбии нужно упираться раза в три меньше, чем кацапу. При этом фруктовые деревья, ягодные кусты и виноградные лозы растут здесь и плодоносят без прямого участия хозяина, а в Кацапии даже троекратное усилие земледельца не дает паритета с

хохляцким урожаем. Значит, большая часть заработанного уходит не на белокирпичные стены, а на закуп дополнительного пропитания, зимней одежды и дров. А поскольку «той зимы» в Кацапии гораздо больше, то и главные силы расходуются даже не на себя, а на обеспечение кормом скотины...

Согласитесь, удовлетворенность жизнью при таком раскладе у кацапа и хохла разная. Захоти кацап жить по принципу «моя хата с краю» — и погибнет, ибо в одиночку в наших природных условиях не выжить. Может, потому и не получили распространения в Великороссии стольпинские хутора, а общинность бытия явилась фактором российской жизни, а не украинской?

Неопределенность жизни кацапа, обусловленная сложными почвенно-климатическими условиями, когда свое бытие можно более-менее реально спрогнозировать лишь на ближайший сезон, породила в великороссах склонность к рассуждению о высоких материях. Не случайно к исходу XIX века мы имеем такой значительный ряд доморощенных философов, чьи воззрения выросли не на клумбах Европы и не на хохляцких супесях и черноземах, а на худосочных грядках российского Нечерноземья. А если подверстать к этому ряду еще и писателей (Л. Толстого, Ф. Достоевского), чьи рассуждения о специфике российской жизни ничуть не менее глубоки, чем у любомудров, то станет ясно, что все это торжество мысли — духовная сублимация неудовлетворенности русских бытием материальным. Жили бы хорошо, и голову бы не мучили...

Хохлы этим не страдают. Неслучайно все «выродки» в их среде, желающие поупражняться мозгами, естественным образом перетекали в Великороссию (Тоголь, Бердяев, Вернадский, Короленко). В Малороссии для их «проповедей» не было бы достаточной «паствы». Однако, получив их труды из Кацапии, «выродков» этих и здесь, в Хохляндии, начинали уважать как духовных пророков.

Но на генотип рядового (классического) хохла это не оказало ровным счетом никакого влияния. Мысли его заняты совсем другими соображениями, поскольку его микрокосм, как мы уже сказали, — собственная хата, *особистий добробут*. И, рассуждая в этом направлении, хохол планирует, как бы из предприятия, коим он занят, получить еще больший доход, нежели обещано. Вот здесь его смекалка, зачастую лишенная положенного между сторонами сделки политеса, работает на все сто.

«Не обманешь — не проживешь» — пословица вроде кацапская, но придумана она кацапами, мне думается, не в

оправдание своих жизненных позиций, а как философское осмысление факта своей обманутости. Опять же вспоминается: «Где хохол прошел, там... (вставьте название любого другого народа) делать нечего»...

Вообще «ум» и «хитрость» — это два села, которые лежат на разных берегах одной реки «жизнь». Если тебя господь Бог сподобил жить в первом, то и нет нужды обращаться ко второму. Но в том и дело, что для того, чтобы жить в первом, не каждый головой вышел. Вот и образовалось на противоположном берегу второе село, да не одно, а целый ряд сел (не вдоль них ли ехал я на автобусе?)

О хитрости хохлов создано много анекдотов, а анекдоты, как известно, гораздо точнее (и правдивее) научных монографий. Однако любое представление нуждается в объяснении, если мы хотим всерьез понять его суть.

Думается, со своей хитростью хохлы не родились. Если вспомнить славян в «дохохляцкий» период, то история сохранила нам факты, когда наши общие предки неизменно становились жертвой более «хитрых» соседей, как то: аваров, готов, хазар... Словом, ранняя история прахохлов решалась без их воли (сюда бы я подверстал Крещение Руси в греко-христианскую веру, которая затем в эпоху до Никоновских реформ органично проросла в тело исконной славянской православной религии). Никаких «тройных коней» в деяниях славян этого периода по отношению к другим народам не просматривается. Торжество так называемой Киевской Руси (этот пассионарный, по терминологии Л.Н. Гумилева, период в развитии славяно-русов) длился, если считать от Крещения (986 г.) и до 1132 г., когда умер последний «стабильный» киевский князь Мстислав Владимирович, длился всего-то два с половиной века, а если вычесть годы усобицы в междукняженье Владимира Святого и Ярослава Мудрого, Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха, то и того меньше. В 1240 г. Киев сжег Батый. Но и до него Киеву активно портили жизнь печенеги и половцы... Был период, когда Киев долгие годы лежал в руинах, а местные жители, спасаясь, уходили далеко на запад, дабы сохранить популяцию от полного уничтожения. Назад вернулись уже не они сами, а их выросшие внуки и правнуки, сохранившие самоназвание, но частично утратившие язык предков (под влиянием западнославянских говоров). Вот отсюда и началось несовпадение языка Москвы и Киева.

Ко времени возврата бывших киевлян на пепелище эта территория уже не контролировалась центральной русской властью и, следовательно, должна была достаться более сильным соседям. И если официальный сюзеренитет языческой

Литвы еще не был столь тяжелым, то набеги из-за Дикого поля Крымской орды стали актами, близкими к геноциду. На протяжении долгого времени крымцы с регулярностью совершали набеги на бывшие киеворусские земли и уводили в полон до 40 тыс. человек. И это не считая убитых в схватках и сожженных городов и сел... После одного такого набега, казалось, лет сто должно пройти, чтобы восстановилось население. Однако нет. И через два года было кого полонить, и еще через два... Крымцы усердствовали по той причине, что уж больно хороший товар были эти бывшие киеворусы. На работорговом рынке они «на ура» раскупались как просвещенной Европой, так и Ближним Востоком — мужики на галеры и в каменоломни, бабы и девки — в гаремы...

Думается, Литва не случайно, заключив унию с Польшей, уступила последним киеворусские земли. Потому как сама не могла защитить их от крымских набегов.

Поляки — сила посерьезней литвинов. Однако по отношению к хохлам и менее толерантная. Мы под влиянием совковой пропаганды привыкли думать, что крепостное право — исключительно явление, свойственное проклятому царизму. Однако закабаление крестьян было характерно, пожалуй, для большей части Европы, включая Пруссию (будущую Германию) и, естественно, Польшу. Преимущество простолудинов-великороссов перед хохлами было в том, что гнет в Московии был исключительно социальным. В Малороссии же к этому первому свойству добавилось еще угнетение по национальному признаку (поляк — хохол) и, самое главное, по религиозному (католики — православные).

А ведь была еще прослойка в виде греко-католиков (униатов), которые, соблюдая веру отцов, были одинаково презираемы и первыми (за то, что не до конца окатоличились), и вторыми (за то, что предали греко-христианскую веру).

Так вот гнет. Хохлы с образованием Речи Посполитой (так стало называться объединенное государство Польши и Литвы) оказались между молотом и наковальней — сверху поляки, снизу крымцы с турками (Турции тогда принадлежали крепости Азов, Очаков, Измаил и территория Приднестровья с Бессарабией, не говоря уже о румынских княжествах и Болгарии). По сути, реальное образование *незалежной* Запорожской республики (сечи) есть результат этой сатанинской (беспощадной)ковки, когда греко-славянское православие — «русская вера» — изничтожалась огнем и мечом.

И была еще одна сила, которая не участвовала в межнациональных разборках, но была весомым грузом на повседневной жизни хохлов. Это евреи или, как их именовали польски, «жиды».

Изгнанные когда-то из Испании и проследовавшие через всю Европу и осевшие в Польше, они нашли пристанище на новых землях Речи Посполитой. Почему именно там? В этом нет ничего необычного. Государства, получавшие в результате завоеваний или политических сделок новые территории, стремились заселить их пришлым народом, только бы коренное население там не оставалось преобладающим. Эти новоселы и были фактом присутствия новой метрополии на приобретенных землях. Так что в этом плане действия Екатерины II по заселению Новороссии и Крыма немцами, сербами, болгарами, греками и, конечно, хохлами и великороссами, а также подобная «колонизация» Николаем I только что завоеванного западного склона Малого Кавказа — не оригинальны. Специальным декретом на новые земли приглашались все желавшие (конечно, с принятием подданства метрополии).

Не исключаю, что сговор о переселении евреев в Мало- и Белороссию мог произойти и по инициативе их самих. В нашем разговоре важно не это. А то, что евреи стали использоваться поляками как дополнительный фактор гнета. Постепенно в их руках стала сосредотачиваться значительная часть ростовщического и банковского капитала, им почти повсеместно стали принадлежать винокурни и кабаки — *шинки* (как известно, место в жизни хохлов, да и кацапов — второе после церкви), и наконец, сами православные храмы оказались... в аренде у евреев. Храм запирался на замок, а ключ был у «жида» — захочет откроет, а не уговорят (естественно, звонкой монетой), то и нет...

Ну, как хохлу в такой ситуации не быть хитрым? Он оказался самым бесправным, живя на своей родной территории. Даже цыгане на базаре — и те свободней его. И, конечно, в ситуации, когда разум и сила не подскажут выхода из создавшегося положения, только хитрость и есть та валюта, что поможет остаться вживе...

По сути дела, хохлу ничего не оставалось, как впитывать в себя те чужеродные качества, которые помогут выжить в сложившейся веками ситуации. Отсюда восточная страсть к богатству (им можно в случае чего откупиться), польский гонор и жестокость (первый как знак превосходства над теми, кто в данный момент ниже тебя, вторая — как средство долговременного устрашения противника в период межнациональных *змаганнь*), еврейское лукавство и жадность (как средства накопления богатства), цыганское умение воровать (как относительно легкий способ приобретения того, чего у тебя нет). И еще одно качество: то, чего ни у одного из этих народов поза-

имствовать было нельзя в силу его отсутствия у них, но что выработалось в самом генотипе хохла — долготерпеливость. Пожалуй, хохол — один из немногих народов, который добивается своего упорным и целенаправленным трудом.

Белокирпичные коттеджи вдоль дороги возникли не в одночасье. А тот проводник в погонах будет ездить до тех пор, пока не достигнет лучшего по сравнению с соседями *добробуту*. На это (в зависимости от его амбиций) уйдет не год и не два... По этому показателю я бы сравнил хохлов лишь с корейцами на луковом поле и японцами на рисовом.

Именно это последнее качество — долготерпеливость — и помогло выжить народу. Поляки в конце концов перестали существовать как государствообразующая нация, Крымская Татария рассеяна и больше не возродится. Евреи мигрировали дальше — в Россию и Палестину. А хохол остался. Мытый в сотне щелоков, он выжил в сложнейшей этнополитической ситуации, правда, вышел из нее не совсем в том качестве, в котором входил.

Кто не знает их народного песенного хита «*Карії очі, чорнії брови*»? Но мало кто задумывается, что поэтический облик, приведенный в этих строках, — не совсем славянский. Точнее, совсем не славянский. А общепринятый образец национальной женской красоты Наталка-Полтавка? — ее внешность целиком подпадает под вышеприведенные песенные стандарты. А если вспомнить известную базарность хохляцких баб, да безмерную склонность их к золоту — золотые зубы, золотое монисто, толстенные обручальные кольца... А классические казацкие оселедцы, шаровары, цветные сапоги с загнутыми кверху носами элиты хохляцкого народа — заporожцев? А «народные» костюмы танцевальных коллективов — где запросто соседствуют красное и зеленое (у кацапов такое сочетание принято считать «татарским»)? Все это признаки сугубой азиатчины, которая вошла в сознание народа и закрепились в нем как свое собственное...

Но не все хохлы однородны. В Правобережье наряду с вышеперечисленными качествами вы встретите и подлинно славянские типы. Это потомки древлян и волынян, которые, дичась, жили в Полесье и потому в значительной массе остались недоступными для крымских работорговцев.

Не знаю, сохранились ли они в реальности — типичные дома полещуков, но вы еще можете увидеть их фотографии начала XX века. Это не дома — это целые крепости из бревен диаметром с добрый арбуз. К этим домам примыкает подворье, закрытое со всех сторон глухой высокой изгородью из таких же лесоматериалов.

А если бы вы видели в музее их телеги величиной с дилижанс, вас взяла бы оторопь — да какая лошадь сдвинет такую с места?! А лошадьми они и не пользовались. Пара волов была их двигателем. И сами полешуки телом были под стать этим диковинным животным.

Давно нет уже волов в украинских хозяйствах — все больше трактора и автомобили — но люди размером «со средней величины медведя» (Гоголь), остались! Когда они приезжают в город на базар, их особенно заметно — по тому, как они движутся: стихийно и не обращая внимания на всех остальных. Если они тянут тележку с товаром, лучше не попадаться им на пути — сомнут и пойдут дальше. Для них нет никого вокруг, кроме них самих. Не дай Бог таким по случаю попасться под кулак — убить не убьют, но покалечат с одного удара...

Но если взрослые полешуки озабочены хоть какой-то целью (продать и купить), то их молодежь, похоже, девственно чиста в плане мышления. Да, они знают, что такое *гроші*, но корячиться по-родительски им *не дуже охота*. И поэтому они, столь же мускулистые и рукастые, слоняются без дела. Вот где приложение сил для идеологов! И те работают. Поскольку никакой особой идеологии, кроме национализма, «оранжисты» не придумали, то именно он, родимый, и встраивается в пустые головы неприкаянной молодежи, особенно в провинции. Вот такой парадокс, впрочем, опробованный уже в «пуговичных» (Ахматова) республиках Прибалтики и приведший к разочарованию многих молодых литовцев, латышей и эстонцев.

Украине же идеологическая чересполосица идет прямо от власти. С одной стороны, на банкноте в 10 гривен красуется предатель Мазепа, ему, как и Бандере, ставятся памятники, ОУНовец Шухевич удостоивается звания Героя Украины, а с другой, в этой стране существует государственный праздник День партизанской славы, который отмечается в сентябре и сопровождается возложением венков к могилам павших воинов Красной Армии. В музее того же Бердичева я не увидел ни одного упоминания о «героях ОУН» — экспозиция о войне целиком отвечала советским идеологическим нормам...

Нечто такое и происходит с нынешней хохляцкой молодежью. Сиюминутная эйфория оранжевого майдана кончилась ничем. Остались воспоминания о классной тусовке и полное непонимание текущего момента. Уважения к победившей власти — никакого. Но и отторжения сильного не видно. Хохол привык уважать власть как таковую, не отрыва-

ясь от своих личных дел. Ему исторически известна власть польская, российская, немецкая, советская. К каждой есть свои претензии, но главное достоинство каждой иноземной власти — это впечатление ее силы и стабильности.

Была и своя — «украинская». Но недолгие дни пресловутой национал-социалистической Центральной Рады, затем Скоропадчины (что и сказать — говорящее название), затем петлюровской диктатуры оставили память властной неразберихи и стойкий запах обильно пролитой крови. Не случилось отречения российского царя, возможно, все обернулось бы и как-то по-иному. Думаю, самостийники договорились бы с Центром об относительной автономии и развитие территории пошло бы эволюционным путем.

Но вернемся все-таки к вопросу о национализме хохлов — есть он или его нет? Его нет. Но он есть.

Нет его в обычной жизни. Но вы найдете его в газетках, услышите по радио. Не говоря уже о школьных учебниках. В учебнике русского языка местного (киевского) изобретения солидный раздел отведен русскоязычному тюремному жаргону — то есть отступлению от принятой языковой нормы. В книжке собрана не только лексика типа: «пахан», «крыша», «разборки», «стрелки» и др., но предусмотрены и практические занятия — надо составить рассказ, используя исключительно слова этого ряда...

Что это — национализм или глупость? Или... хитрость?

О том, что национализм Вукраине был и есть, говорит отток евреев из *незалежной*. Даже в Бердичеве, неофициальной «столице» евреев, осталось их, как шутят местные хохлы, всего два — улица Свердлова и улица Либкнехта...

В России, где с начала 90-х также наблюдался отток евреев за границы, положение иное: фамилии и места, которые занимали в Кацапии их носители, говорят сами за себя: Гайдар, Березовский, Смоленский, Гусинский, Ходорковский, Вексельберг, Швыдкой, Фрадков... И это только те, кто не скрывал своей национальности.

Вообще евреи — это лакмусовая бумага любого политического режима. Они первыми чувствуют, что в реальности происходит. Если поляки в начале 20-х гг. массово поехали из УССР на этническую родину по причине возрождения Польши как суверенного государства, чего они и их предки чаяли на протяжении всего XIX века, то евреи поехали из Вукраины, как только запахло *незалежностью*, по другой причине — ибо генетически помнили нелюбовь к себе хохлов. Слово «погром» прочно вошло в их генетическую память и не будет забыто ни при каких условиях.

Вукраине выгодно дружить с Польшей, потому что у той есть деньги. Неважно откуда — свои или из Ватикана. Главное, что если коготок польских интересов увязнет в теле Вукраины — значит, можно будет торговаться с поляками по тому или иному поводу. И с неременной выгодой для себя. Хохляцкие власти на местах не помнят, что одним из первых шагов российской имперской администрации в конце XVIII века, после возвращения Правобережья в состав единого русского государства, было повсеместное закрытие иезуитских монастырей как «пятой колонны» католической экспансии на канонических землях Православия и организованной сети политического шпионажа. Не помнят они и о чисто кацапском разгильдяйстве, когда Россия, сказав это свое решительное «А», о произнесении столь же сильного «Б» не подумала и в итоге в течение XIX века получила два крупных польских восстания, унесших жизни десятков тысяч человек с обеих сторон... Думается, *незалежная*, развивая дружеские отношения с давним этническим врагом, по-прежнему хитрит, думая строить свою политику в зависимости от выгоды. Здесь хохол неизбывен.

И еще один психоэтнический аспект — синдром холопа.

Все же, как ни относишь хохлы к полякам, те для них были и господами, и источником европейской культуры, которая шла на малорусские земли отнюдь не из Московии. Польский язык был для хохлов языком господ, польская одежда и традиции — одеждой и традициями господ. И, конечно, центр Вселенной располагался в Варшаве, а не в Киеве или еще где. Кровавые межэтнические разборки, которые случались на протяжении всей истории совместного польско-хохляцкого проживания, ничего в этом отношении не меняли. У хохлов были сотники, полковники, гетманы, а у поляков — графья, воеводы, короли! Психологическая подчиненность понятна. Как и культурная. Уже в царско-русские времена учителями музыки в Малороссии были по преимуществу кто? Поляки. Живописцы и соответствующие учителя — кто? Поляки! Самые крупные магнаты, владельцы богатейших поместий и собиратели предметов искусства кто? Все те же поляки. Об этом во времена СССР не любили говорить, потому и история Украины была какой-то невнятной, главным образом отражающей социальные взаимоотношения, нежели межэтнические.

Вообще нет ничего хуже политически ангажированных науки, искусства, мировоззрения. Все это ведет в сумерки неправды, из которых потом народы выбирают десятилетиями, если не веками...

Говоря о польском влиянии на современных хохлов, нужно сказать, что они (опять же, главным образом, *западенці* — жители Западной Украины) посредством включения в свою *мову* абсолютно польской лексики, сделали нынешний «украинский язык» совершенно отличным от его русской прасовы. Сделано это было целенаправленно: лишь бы не походило на современный русский и тем самым доказывало, что *українська мова — це інше*.

Помню случай, который произошел со мной еще в 60-х, когда я, студент, учившийся уже в России, приехал домой на каникулы и купил книжку — модную тогда повесть шестнадцатилетнего эстонца Мати Унта «Прощай, рыжий кот». В России отдельным изданием она, кажется, так и не вышла, а вот в УССР, на тогдашней украино-советской *мове* — пожалуйста... Я, получивший в школе на выпускном экзамене по украинской литературе «5», считал себя не без основания владеющим *мовой* в совершенстве. Так оно и было. Однако в упомянутом книжном тексте я встретил два абсолютно не понятных мне слова: «краватка» и «сукня». Приехав на каникулы в следующий раз, я спросил об этих двух словах у одноклассницы, учившейся во Львове, и она мне с ходу перевела: первое — это «галстук», второе — «платье»... Клянусь, я ни до, ни после ни от одного из хохлов не слышал таких слов. Все говорили: «галстук» и «плаття». И листая сегодня тогдашний орфографический словарь для школьников, я нахожу те же «галстук» и «плаття». Понятно, что в словаре польского языка значатся именно: «krawat» и «suknia».

Таким образом подтверждается истина, что так называемая *українська літературна мова* — это плод искусственного составления, целью которого было доказательство того, что малороссы — не русские, а «україньці» — совершенно другой этнос...

Я видел украинских гастарбайтеров, когда возвращался домой в Россию. Прежде, в 90-е, они ездили бригадами и гужевали всю дорогу до Москвы, точно новобранцы, подъезжая и выпивая все, что взяли из дому. Там, впереди — их ждал труд по 14 часов в сутки и сухой закон.

Сегодня едут в одиночку. Каждый знает, куда и зачем. Вот на боковой полке сидит седоватый мужик за 50. Его рука толщиной с мои две. Что с ним было до 1991 г., не знаю. Но то, что в последующие два десятилетия он повламывал дай Бог — ощущается. Возможно, и белокирпичный дом уже построил, и «Вольво» купил, и детей женил — ему бы дома сидеть под грушей и *узвар* пить, а вот снова лезет в ярмо, точно бык, чего-то ему в жизни еще недостает. Возможно, он не знает кацапской пословицы: «Всех денег не заработаешь»...

А напротив меня сидит в той же позе, скрестив на груди сильнющие руки, хохол значительно помоложе. Ему лет 35. И он едет в Кацапию «в работы». У меня глаз наметанный, я это и без вопросов вижу. Он внешне спокоен, смотрит в окно. О чем же думает? Может, вспоминает, что было время, когда и на родине работы всем хватало, а если кто и снимался с места, то уж за о-очень длинным рублем, который, выходит, и даже сегодня длиннее гривны.

А я, пережив бессонную ночь из-за храпевшей, точно былинный Илья Муромец, *интеллигентного взгляду* соседки и еще из-за двух этих опереточных таможен — их и нашей — сидел и молча считал версты и часы: скорей бы, скорей покинуть эту чужую (да, теперь уже чужую) территорию на колесах, чтобы ступить ногой на тоже не больно гостеприимный, но все же свой расейский перрон, после чего я враз перестану быть кацапом, а до хохлов мне уже не будет никакого дела...

И позже, уже совсем под вечер, когда я, набегавшись по делам, вошел в вагон поезда, идущего в мое Нечерноземье, то вдруг удивительным образом почувствовал себя на родине. Тихо, без суетни расселись пассажиры по своим местам, отдали проводнице билеты (вторую их часть, как положено), застелили постели и тронулись в неблизкий путь под мерное покачивание состава.

Две девушки-проводницы были улыбочивы и внимательны. А туалет сиял каким-то домашним уютом. Особо умиляла выстиранная белая тряпочка, какой они, должно быть, протирали зеркало и полку у крана и которая сушилась на поручне... Я возвращался по проходу на свое место вдоль заправленных белыми простынями постелей и ловил себя на мысли: вот как нужно воспитывать патриотизм — не парадми и фейерверками, орденами и премиями, а всего лишь двухнедельной поездкой в сопредельную страну ближнего зарубежья! Я думаю, образ поезда, уходящего в глубину бесконечных просторов России — это тот психотерапевтический прием, не осознанный еще руководством страны, который способен вылечить любую физическую усталость, зализать всякую душевную ссадину, буде она случится внутри человека.

И чем дальше я погружался в безбрежье этих просторов, чем чаще выходил с сигаретой на платформы во время стоянок, тем больше понимал, что мы — русские — другие. Ну, где за границей вы увидите еще этот праздник — прибытие поезда дальнего следования, когда чуть ли все пристанционные бабки и тетки выходят к тебе навстречу со своей снедью... Оно конечно, не от богатой жизни несут на перрон кар-

тошку в прозрачных пакетах, огурцы собственного посола и прочее. Им нужна наша пассажирская копеечка. И мы даем им ее. Дело ведь в том, что нехитрая эта снедь — повод посмотреть друг другу в глаза, улыбнуться, обменяться парой фраз — нам, утомленным долгим лежанием на полке, и им, скучающим в своей негромкой глубинке, для которых новые лица на перроне, что для нас свежий номер газеты.

И я вспомнил, что где-то в Хохляндии на запад от Москвы в это время идет другой *потяг* и другой проводник в белой тужурке с золотыми погонами, запершись в своем купе, подсчитывает на бумажке финасовый результат этого рейса и неудовлетворенно шмыгает носом: «Мало. В прошлый раз больше было...»

И я подумал, какие же мы все-таки разные, даже делая одно вроде дело. Как далеко жизнь и история увели нас друг от друга...

У нас в гостях журнал «Родная Ладога»

На первый взгляд, название нашего журнала имеет территориальную ограниченность. На самом же деле оно очень емко и в географическом, и в этимологическом смысле, ведь очень многие русские литературно-художественные журналы имеют названия водно-речных массивов: «Волга», «Москва», «Байкал», «Дон»... Тяга литераторов к таким названиям, может быть, определяется словами Достоевского: «Все, как океан, все течет и соприкасается, в одном месте тронешь, в другом конце мира отдается». Тонко чувствующему сердцу художника близок этот образ целостности мироздания, духовной сверхпроводимости, найденный великим писателем и особенно понятный русскому человеку через сравнение с водной стихией.

В древние времена Апостол Андрей Первозванный разрушил в Старой Ладоге языческие капища и воздвиг каменный христианский крест, а позже в этих благословенных, красивейших местах во всей полноте проявился монашеский подвиг и образовалась Северная Фиваида — несколько монастырей: Валаамский, Александро-Свирский, Коневедский.

Ладога дала жизнь реке Неве, а значит, Петербургу, во спасение которого во время войны преобразовалась в Дорogu жизни.

ПИСАТЕЛЬСКОЕ БРАТСТВО

Журнал «Родная Ладога» тоже предполагает осилить труднейшую дорогу, «Дорогу жизни», прокладываемую сегодня через души русские, которые «силы смерти» пытаются оторвать от исконных корней, от исторически сложившихся национальных ценностей.

Главный редактор журнала «Родная Ладога» Андрей РЕБРОВ

Глеб ГОРБОВСКИЙ

СЛЫШНО, КАК ДЫШИТ СТРАНА...

ОККУПАНТЫ

На что это похоже:
как тучи, как бурьян, —
одни и те же рожи
заволокли экран!

Кто вздыбил муть такую?
Владельцы вилл, «Тойот»?
Кто платит, тот банкует,
танцует и поет.

Народ нахмурил брови:
на кой ему шуты?
Неровен час, неровен —
допляшут до беды.

Народ опять обужен,
обижен, обнесен...
Ему Есенин нужен,
а не старик Кобзон.

ВОТ МЫ РОМАНОВЫХ УБИЛИ

Вот мы Романовых убили.
Вот мы крестьян свели с полей.
Как лошадь загнанная, в мыле,
хрипит Россия наших дней.

— «За что-о?! —
несется крик неистов, —
за что нам выпал жребий сей?»
За то, что в грязь, к ногам марксистов
упал царевич Алексей.

* * *

Вновь отпылала заря.
Смутному голосу внемлю:
«Боже, верни нам царя,
выручи русскую землю!»
Шум этой жизни и гам
я в своем сердце смиряю.
Молча к разбитым ногам
вновь кандалы примеряю.
Ночь на дворе, как стена.
Темень, как камень, недвижна.
Слышно, как дышит страна.
Все еще дышит... Чуть слышно.

* * *

Родина, дух мой слепя,
убереги от сомнений...
Разве я против тебя?
Против твоих завихрений!
Что же ты сбилась с ноги?
Или забыл тебя Боже?
Или тесны сапоги
красно-коричневой кожи?

Бодро шуршит ветеран
мимо камней мавзолея.
Мрачно вещает экран.
Слаще застолья и злее!
Корчится Вечный огонь.
Русь почернела святая...

...Нищий раззявил ладонь,
а ведь ладонь — молодая!

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ

Федору Абрамову

Не крыши, крытые соломой,
не труд с рассвета до зари,
не вкус слезы ее соленой —
а свет, идущий изнутри!

Не пугы права крепостного,
не худоба пустых полей,
не гомон пения хмельного,
а совесть нации моей!

Не только с поля-огорода
делилась сущою едой,
но кровь огромного народа
своей питала чистотой.

И если что-то есть и дышит
в моей строке, сверля покой, —
оно идет на сердце свыше!
И — от избушек над рекой...

Геннадий ИВАНОВ

ЛУЧИСТЫЕ ХОЛМЫ

ВETERAN

Русланову слушает старый солдат,
И вольно в душе, как в долине.
Да, он консерватор и он ретроград,
Но был в сорок пятом в Берлине.

И песня как ветер летит сквозь года
Из дали поверженной прусской —
Русланова пела в рейхстаге тогда
С великою удалью русской.

Шумите, витии, не знавшие бед,
В герои себя возводите.

Не знали ни бед, ни великих побед,
Что вам остается — шумите.

* * *

Вот и осталась неделя,
Только неделя — а там
В синюю полночь апреля
Пасха пожалует к нам.

Да, на исходе недели,
Что там ни говори,
Самые темные ели
Будут сиять изнутри!

В АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЕ

Душа сегодня мечется, болит:
Что делать среди мерзости и срама?
«Быть русским! — говорит митрополит. —
Не отступать от веры и от храма».

Мы отошли, мы заблудились, мы,
Безумные, испили чашу яда —
И помрачались многие умы...
К себе самим
Теперь вернуться надо.

Опять народом православным стать.
Господь зовет уныние отринуть
И о Руси Святой
Возревновать.

* * *

Теперь все как бы утопает в иле,
Теперь здесь трудно даже тракторам.
Где крепкий берег? Где конец могиле?
Конечно, на холме, где Божий храм.

К нему идти, к нему душой стремиться.
Вот в чем спасенье, понял я вполне.
И ничего, что грязь все длится, длится...
Дожди шли долго в нашей стороне.

* * *

В сердце утомленном затихает битва.
Только я ступаю на родимый путь.
Хорошо читается во поле молитва,
«Господи Иисусе...» — выдыхает грудь.

Этот путь привычный, этот путь не страшен —
Поле да кустарник, птичьи голоса...
Так бы вот и шел я среди лугов и пашен
По холмам лучистым
Прямо в небеса.

Валентина ЕФИМОВСКАЯ

РУССКАЯ ИГРУШКА

ДОМ С АНГЕЛОМ

С мамою и я жила в блокаде...
Кто сказал, что не было меня,
Если жизнь в блокадном Ленинграде
С первого запомнила я дня.

Были клены небывало алы,
В худобе болезной тополь наг,
И Петра десница простирала
Предостереженья явный знак.

Зла не ждали голуби и розы,
Золотом переливалась тень.
В городе бомбежки и морозы
Грянули в один и тот же день.

Замело, завьюжило, завыло.
Помню, как Неву теснили льды.
Вкуса не забуду до могилы —
Невской замерзающей воды.

Той воды, которую в бидоне
Матушка моя с трудом несла.

Ангел на ее старинном доме
Каменно простер свои крыла:

На нее, еще девчущку, глядя,
Ей безмолвно прочил райский свет...
До рожденья в мирном Ленинграде
Я жила в аду блокадных лет.

МАТРЕШКА

Матрешка — русская игрушка,
На диво миру хороша.
Она, простушка-веселушка,
Сложна, как русская душа.
В своем наряде ярком, алом,
В цветах посадского платка
Она — как бесконечность в малом,
Объемом дробным велика...
Ее задумал древний мастер
Подобной лестнице, — она
В иерархическом согласье
К единому устремлена.
Вот так и звезды во Вселенной
Разумно соподчинены,
И мы так душами смиренно
Стать частью целого должны.

Юрий ПЕРМИНОВ

ГОСПОДЬ НЕ ОСТАВИТ РОССИЮ

* * *

А снегу сегодня
нападало столько,
что хватит его для зимы...
В небесах
загадочно светится
лунная долька —
улыбкой погожей
в Господних устах.

«Христос воскрес!» — солнечно, по-детски
приветствует поселок дурачок;
в глазах — восторг, щебечет сердце птичкой
непуганой... Воистину воскрес!
Блаженный Ваня — крашеным яичком
любуется, как чудом из чудес.
Никто не знает — кто он и откуда,
но прижилась у нас не с кондачка
примета незатейливая: худа
не будет, если встретить дурачка,
ни днем, ни ночью горя не случится...
Нет у него ни страха, ни «идей»...
Кого он ищет, всматриваясь в лица
любимых им, затюканных людей?..
И ничего ему не надо, кроме
Любви!.. Раскрыл, блаженствуя, суму,
и, преломив горбушку хлеба, кормит
небесных птиц, слетающих к нему..

* * *

Инфляция. Ненастье. Выживание.
Нет камушка за пазухой, туза
нет в рукаве, но в сердце — есть желание
пойти туда, куда глядят глаза.

Вот насушу сухариков, надежную
куплю обувку, ежели найду,
и жизнь начну — неспешную, дорожную,
у матушки-природы на виду.

...Живу молитвой — солнечной, латающей
сегодняшние пасмурные дни,
своим трудом... Куда мне дальше кладбища
бескрайнего — с могилками родни...

* * *

Христовым Словом слышен Русский Спас
Нерукотворный — в клекоте и гаме.
Нам говорят: не любят мнози нас...
Ну, так и быть — останемся врагами!

Переживем картавую хулу,
Пусть лает нынче каждая собака,

но даже самостийному хохлу
Москва-река дороже Потомака.

Москаль хохлу — товарищ на века!
Язык наш русский — так пошло от веку —
всемирного дороже языка
казаху и таджику. И узбеку.

Нам не страшна антихриста орда.
Мы каждого страдальца обогреем:
не потому ль — спаси, Господь — всегда
еврей в России может быть евреем?

Живем — сердечно, стало быть, людьми,
которым чужды пришлые мессии...
Не любят нас... Ну, что же: в нелюбви
такой — лишь часть величия России.

Врагов мы любим — наших: не одним
мы живы днем, пусть им не будет пусто...
Но Божьих мы врагов не пощадим,
по слову Иоанна Златоуста!

Василий БЕЛОВ

ДАНЯ

Рассказ

Санки везет папа, а в санках сидит закутанный в одеяло Даня. Он глядит на дорогу и на холодное солнышко. Снег так весь и сверкает, даже глядеть нельзя. Но Даня все равно глядит. Даня, Данилка, Даниил. Как только его не называют, и все по-разному. Правда, он совсем еще маленький — такой, что даже не все буквы выговаривает. Даже в школу не ходит, а ходит в совхозный детсадик. Вернее, его увозят туда в санках. Увозят на всю неделю, а в субботу снова домой привозят. Сегодня ночью будет Новый год, и папа везет Даню домой.

— Даня, Даня! — кричит с горы третьеклассник Борис. — Беги, Даня, сюда!

Но Даню, конечно, не отпустили на гору. Вдруг папа встретился с директором совхоза.

— Опять на третью ферму концентраты не подвезли! — сердито сказал директор.

Папа тоже почему-то заругался, потом вынул Даню из одежды и велел идти домой.

— Ножками? — спросил Даня.

Папа ничего не сказал и опять заспорил с директором. Пришлось идти одному, хотя до дому было еще порядочно. Даня долго перешагивал уроненную на дорогу жердь и чуть-чуть не чебурахнулся. Но вот, наконец, и родное крылечко. У Дани сердце замерло, как на качелях. Сейчас он маму увидит. Только сначала валенки надо веником обмести. Р-раз, р-раз — и все! Ух, и здорово топает Даня своими новыми валенками! Дотянуться-то дотянулся, а двери все равно самому не открыть.

— Эх ты, карандаш! — засмеялся отец и открыл дверь. И сразу Даня маму увидел.

— Мама! Мама! — закричал он и чуть не заплакал: уж очень он ей обрадовался.

А мама откинула полотенце, которым она обтирала чайную посуду, и так прижала Даню к себе, что у него даже косточка какая-то хрустнула. Долго она его не отпускала.

Хорошо дома. Половики настланы по белому полу, кот Жмурик спит. Лапы свои вытянул и знай себе спит. Новые занавески мама повесила, печка топится и трещит, а Даня сидит у печки и ест пряник. Жмурика он сразу разбудил, и тот трется о Даню и мурлычет. Мама гладит платье, отец газету читает, и мама слушает, что папа рассказывает. Чего-то про ферму, про концентраты.

— Вот, Даня, папу-то опять ругают, — сказала она.

Даня вытащил из-за комода ящик с игрушками. Вот он, Мишка, с одним стеклянным глазом. И пожарная машина не заводится. Лягушка-квакушка пока заводится, но Даня еще прошлый раз уронил в щелку заводной ключик...

— Папа, достань ключик.

— Даня, иди сюда, не мешай папе, — говорит мама. Даня подошел и обжег палец об уютю. Сразу стало больно и захотелось реветь.

— Знаешь, я сейчас принесу тебе елочку из кладовки, — сказала мама. — Хочешь елочку?

Конечно, Даня хотел. Мама надела пальто и без платка вышла в сени. Она принесла небольшую елочку.

— Во какая! — восхищенно сказал Даня про елочку. Она была чуть побольше Дани, пахла зимой и лесом.

Даня потрогал ее за ветку. Колется! И начал прыгать на одной ноге, а мама обернула конец елочки бабушкиной фуфайкой и вложила в большое ведро. Теперь елочка стояла и

не падала. Мама взяла из шкафа коробку с прошлогодними украшениями. У Дани даже дух захватило, какие были красивые шары. Целый год лежали, а ничего им не сделалось. И петух с красной бородой, и лиса на веревочке, бусы — все тут было!

Мама разукрасила елку и поставила у дивана в маленькой комнате, но Дани все равно захотелось еще чего-то. Он сложил в ящик старые игрушки и направился в большую комнату.

— Ты чего, Даня? — спросила мама.

— Пошел на обед.

Мама долго прижимала его к себе, и смеялась, и пела про Волгу.

Уже протопилась печка, Жмурик опять лег спать, а Нового года все не было. Даня запросился на улицу, и мама опять надела на него пальто и валенки.

— Гляди, Даня, за калитку не бегай! — сказала она, сняла с веревки выстиранное белье и ушла в дом.

Ох, и снегу на улице! Уже почти вечер, солнышко село, а снег все равно белый. Только тропинки к воротам не белые — наверно, от валенок. Весь поселок дымит тоже белым и пушистым дымом. Репродуктор у конторы кричит на морозе, ребята на горе катаются на лыжах, Борис тоже там.

— Иди сюда, Даня! — крикнул он. — Чего стоишь, иди сюда!

Но Дани туда нельзя. Тогда Борис подъехал к нему сам. Даня так и уставился на его настоящие лыжи.

— Даня, ты на кого будешь учиться? — спросил Борис.

— На папу. А ты?

Борис, опершись на палки, долго глядел на красную далекую зарю. Он сдвигал и раздвигал свои брови.

— Даня, — зашептал он, — я буду скоро лунатиком. Хочу стать лунатиком. Буду ходить по проводам и по крышам. Все лунатики по крышам ходят. Бабушка говорит, если будешь на луне спать, обязательно будешь лунатиком. Она занавеску на окно повесила.

Даня слушал очень внимательно.

— ...Хочу ходить по крышам. Я уже хотел раз поспать на луне, да спать уж больно хотелось. А сегодня обязательно не просплю и отодвину занавеску. Чтобы луна прямо в окошко светила...

— А моя бабушка летом приедет, — сказал Даня. — Моя бабушка — это мамина мама. Когда я большой буду, я ей заводные тапки куплю. Она толстая, у нее ноги тихо ходят.

— Тапки? — спросил Борис. — Таких не продают. Где ты их купишь?

— В купилке.

— Не в купилке, а в магазине, — поправил Борис.

— В магазине, — как эхо, повторил Даня.

Вышла мама, ласково взяла Даню на теплые руки и унесла, а Борис тоже поехал домой. Над поселком зажглась яркая зеленая звезда, вдалеке, у конторы, проурчала машина, в домах загорались новогодние огни. Даня, засыпая, думал о бабушке, о заводной лягушке-квакушке и о Борисе, который хочет ходить по крышам.

— Мама, а я тоже буду лунатиком?

— Будешь, будешь. Спи, милый.

Он засыпал, этот счастливый Даня, а мама сидела рядом на диване и рассказывала сказку про тетерева и про лису. В большой комнате горел свет, а здесь елочка мерцала своими шарами у самой головы, и Жмурик тоже был рядом. Глаза у Дани сами вдруг закрылись, и мама поцеловала его в щеку.

— Спи, маленький, спи.

«Мама, ты куда не уйдешь?» — хотел спросить Даня, но не успел и сладко заснул. Ему снился детсадик и пушистый морозный снег, но не белый, а голубой. Жмурик пошел по этому снегу, оглянулся на Даню и исчез в снегу. Легкая и далекая тревога чуть кольнула Данино сердечко, но ему уже снился медвежонок с одним стеклянным глазом и елочка с голубыми шарами.

Вдруг Даня вздрогнул во сне. Вздрогнул от ночной тишины, открыл глаза и проснулся.

— Мама, — с надеждой позвал он.

В комнате было тихо, ему никто не отвечал.

— Мама! — уже со слезами в голосе крикнул Даня и вскочил.

В одних трусиках, босиком, натываясь на что-то, он пошел в большую комнату. Но ни мамы, ни папы там не было, лишь белела под луной не разобранный кровать. И он заплакал, сначала тихо, потом все громче и громче.

С улицы в окна сочился призрачный снежный свет, на стеклах мерцали звездочки инея, за печкой тяжело ходил кот, и мамы нигде не было. Дане стало совсем горько, одиноко и страшно. Все его забыли, только в темноте тикал будильник. Вздрагивая всем тельцем и плача навзрыд, он с трудом влез на кровать, и закричал:

— Мама, мамочка!

И опять ему никто не ответил! Светила в окошко луна, мерцал иней на стеклах, и кот ходил в темноте, но Даня уже не

слышал, как он ходил. Даня зашелся в плаче, захлебнулся и задрожал, как от холода.

Сколько времени проплакал Даня? Может быть, до самого Нового года, может, не до самого. Измученный тревогой, совсем обессиленный одиночеством, он заснул на не разобранной кровати.

Квадрат, освещенный новогодней луной, уже передвинулся далеко в сторону, когда за окном стукнула калитка. Вошла с улицы мать, веселая, краснощекая. Она сняла пальто, подошла к дивану и ахнула, кинулась в большую комнату.

— Даня! Где Даня?!

А отец уже стоял над сыном, который, свернувшись крохотным калачиком, ногами в изголовье спал поверх покрывала.

— Даня, маленький, ну что ты? — мама осторожно взяла Даню на руки.

Он вздрогнул, будто отголосок страшной ночи опять зазвучал в маленьком сердечке. Не открывая глаз, прижался к матери, крепко обхватил ее за шею.

— Мама, мама миленькая, ты пришла?

От мамы пахло вином, снегом и еще чем-то, может быть, луной. Даня снова был счастливым, снова мерцала шарами елочка, и снова Жмурик мурлыкал ему свою сказку.

И Даня опять заснул, теперь уже счастливее всех на свете.

За окном морозное облачко окутало тихую новогоднюю луну, совхозный поселок белел пушистыми крышами. В комнате было тепло, елочные шары тихо звенели на колючих ветках. Даня дышал глубоко и счастливо.

Ты спишь, Даня? Твои страхи велики, но забывчивы, твоя тревога ушла, и мама сидит в твоём изголовье, а ты летаешь во сне, потому что растешь. Ты будешь ходить по крышам, ты будешь летать по небу, ты увидишь луну. Когда-нибудь ты пройдешь по золотой лунной кромке так же, как сейчас Новый год идет по большой тревожной Земле. И синий громадный шар этой Земли будет светить тебе издалека.

НАЦПРОЕКТ

Миниатюра

Помню с детства страшную историю, как волки пришли в соседнюю с нашим поселком деревню, зарезали в хлевушках несколько овец, порвали двух собак...

И людей совсем не боялись.

Наш одноклассник Саша Фанькин три дня тогда не ходил в школу, а когда пришел, рассказал, что волки всю дорогу за ним, как собаки, бежали...

— Как же ты прошел? — замирая от страха, спрашивали мы. — Они ведь и загрызть тебя могли...

— Я это... — сказал Фанькин. — «Отче наш» всю дорогу читал...

— А что это? — не поняли мы.

— Ну, молитва такая... — объяснил Фанькин. — Бабка меня научила, чтобы я до школы дошел...

Рассказ этот поразил меня, и я часто представлял себе занесенную снегом деревню, волков, бегающих в огородах по сугробам, Фанькина, который, читая «Отче наш», бредет по лесной дороге в школу.

Потом эта история позабылась, а снова всплыла в памяти уже в наши годы, когда я ехал к приятелю попариться в баньке в его деревенско-дачном доме.

Уже наступали сумерки, когда мы свернули с гострассы на не тронутый асфальтом проселок.

Снег тут был чистым, даже и у дороги.

— Что это за чудеса у вас? — спросил я, когда мы въехали в совершенно безлюдную деревню. — Вроде следы кругом, тропинки протоптаны, а людей никого не видно.

— И не увидишь теперь... — вздохнул приятель. — Прячутся все...

— Прячутся? От кого?!

— От банков... — сказал приятель. — Банки на нас напали... Вначале, понимаешь, здешним мужикам кредиты предлагать стали... Первое время по глупости несколько человек взяли по пятьдесят тысяч, а потом, когда расплатились, оказалось, что им еще по сто тысяч отдать надо...

— Н-да... — сказал я. — Такое и в городе бывает... Попали, что называется... Но другие-то поумнее оказались? Не брали больше таких кредитов?

— Не брали, конечно... Только от банков этих, куда денешься? Разослали, понимаешь, всем карточки с деньгами как бы в подарок, а тоже как кредиты оформили. В общем, сейчас у нас в деревне редко кто меньше миллиона банкам должен...

— Да ну тебя... — сказал я. — На кой хрен банкам эти развалюхи нужны...

— Не знаю... — сказал приятель. — Говорят, мигрантами какими-то, что ли, наши деревни заселять собираются... В общем, такой вот у нас деревенский нацпроект осуществляется... В райцентре уже и судебных исполнителей завели. Теперь местные прячутся все, боятся, что приедут из райцентра и из домов выгонят...

— Но ведь это же мошенничество... — сказал я. — В суде можно доказать, что кредит обманом оформлен... Да и из жилища не имеют права выселять судебных исполнители... Тоже можно в суд обратиться...

— Можно, — согласился приятель. — Если у тебя деньги есть, можно и того, что ты на самом деле должен заплатить, не платить... Ну а без денег, без адвоката, чего же в теперешнем суде докажешь?

На это мне возразить было нечего...

Молча смотрел я на пустынную деревенскую улочку, на темные окна деревенских домов.

Вот деревенская улочка кончилась, потянулись вдоль дороги корпуса ферм. Слепшими глазницами выбитых окон смотрели они на мехдвор, где темнели в сумерках заржавевшие остовы тракторов и комбайнов.

И горький комок встал в горле...

Ну да...

Можно, конечно, подобно нашим депутатам-либералам рассуждать о русском разгильдяйстве и пьянстве... Только ведь деревенским разгильдиям и пьяницам в одиночку не сотворить было такого. Тут надобно было условия создать, чтобы пьянство и разгильдяйство в такую силу вошло. И кто же, спрашивается, условия эти создал? И где, не среди же местных, прячущихся от банков мужиков, искать подлинных виновников этой разрухи?

— В Москву надо ехать, эту нелюдь искать... — сказал приятель, словно услышав меня.

— Наверное... — согласился я. — Только чего же в такую даль дорогу мять... Телевизор включи и увидишь...

— Не-е... — приятель покачал головой. — В телевизоре этого не видно. Телевизор любую нелюдь как людей показывает... Ни за что не отличишь, если по телевизору смотреть...

Я не стал спорить.

— Отче наш, Иже еси на небесах! — вспоминая своего одноклассника Фанькина, проговорил я. — Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...

Тяжелая сырая темень уже лежала по обе стороны дороги.

Лишь изредка вспыхивали в этой тьме слабые огоньки недогрызенных русских деревень...

Владимир КРУПИН

РОССИЮ СПАСЕТ СВЯТОСТЬ

В русском слове есть тайна. Она в любви к родине. Любишь Отечество — слово доверяется тебе, позволяет использовать его, оно соединяет твое сердце с сердцем читателя. Не любишь Россию, и пиши, и долдонь сколько угодно — все улетит на ветер, это не слова, а высохшие их оболочки. Говоришь, что пишешь правду, но правда без любви — это жестокость. Слова, рожденные расчетливым мозгом и хитрым языком, не были в сердце, не управлялись молитвой, кто же им поверит? Язык без костей, им мелет Емеля. Пока его неделя. Язык определяется в Писании как «прикраса неправды».

Обращение «братья и сестры», стало привычным, будто всегда так и было. Как и не взрывали храм Христа Спасителя и Иверскую часовню при входе на Красную площадь, как и не молчали колокола церквей...

Господь вразумляет по русской пословице: чем заболел, тем и лечись. Он дал нам свободу воли, всё в Его руках, и Он вправе спросить, как мы этой свободой пользуемся? И французы, и большевики, и либералы — это все называется кратко — бич Божий для нашего поумнения. Как в свое время гунны и Атиллы для Европы. Утешение в понимании, что все то, от чего мы страдаем, нами заслужено, а, главное, показывает любовь Божию к нам. «Любай, да наказует». Кого Бог любит, того наказывает. Представьте: сколько бы мы недосчитались в своих рядах, не будь такого простого и целебного понятия, как отцовский ремень.

А Россию Господь любит. Иначе он не даровал бы именно ей, нам с вами, такое величие и богатство русской культуры. Представьте мир без русского слова — мир онемееет, без русской музыки мир оглохнет, без русской живописи — ослеп-

нет. Более того, Россия — душа мира. Если что с нею случится, остальное тело мира погибнет автоматически. Останутся одни сникерсы.

Именно словом, устным и письменным, происходили оболыщения доверчивых душ. Вообще, доверчивость очень хорошее чувство. Этой доверчивостью русских всегда пользовались враги России. Но есть слова, обозначаемые различными частями речи, и есть Слово, Которым все создано. А словоизвержения политиков, звучащие на митингах, льющиеся из голубой помойки телеэкрана, печатающиеся в газетах, они вроде бы русские, но действие их кратко. Почему? Ответ один — бездуховны. Кто поверит, например, разным Хакамадам, Гинзбургам, Немцовым, если они против преподавания Основ православия в школе. Или писателю, который взялся обустроить Россию, а до этого долго разрушал ее.

Язык русского писателя, а в идеале всякого пишущего на русском языке, это не язык политиков, не язык дипломатов, которые договорились до того, что язык дан для скрывания своих мыслей, а это свидетельство для вечности о времени, которое судьбой досталось писателю и которое он обязан правдиво и доказательно описать. Так и было, когда русский язык служил игумену Даниилу, Афанасию Никитину, Иосифу Волоцкому, Игнатию Брянчанинову, Данилевскому, Феофану Затворнику, Ломоносову, Державину, Тихону Задонскому, Димитрию Ростовскому, Крылову, Пушкину, Тютчеву, Гончарову.. Список огромен. Русская литература заняла и уже всегда будет занимать ведущее место в мире. Но западный мир впал в опасное заблуждение, изучая историю России по художественным произведениям. Для православной страны понятие истории особенное. Есть одна история — мир или приближается ко Христу, или удаляется от Него. Остальные события человеческой жизни только прикладные к этому выстраданному Россией правилу.

Что есть духовность языка? Это его наполненность святостью. Это служение спасению души. Дух — третья ипостась Святой Троицы, то есть это Господь. Для творческого человека слово «одухотворенность» означает не просто вдохновение, а состояние души, когда цель работы — снискание Духа Святаго.

Поиски духовности вне Христа обречены. Они ведут не просто в тупик, а в погибель. Они не только бесполезны, это в лучшем случае, но и опасны. Вспомним Врубеля, Вольтера, Батюшкова, Гаршина, да многих, закончивших жизни схождением с ума. А сколько писателей и поэтов уже в наше время сошло с ума, покончило с собой, просто спилось. Это и есть следствие обезбоженности.

Одухотворенное слово не отыщешь листанием словарей, оно в тебе с детства, от бабушек по отцу и по матери, от реки и леса, от первых слез, от первой любви, оно, чистое и родниковое, оно в тебе, но как достать его из-под завалов последующей жизни? Вспомним: «Здесь узрела душа Ферапонта что-то Божье в земной красоте». То есть красота уже была, и ее видели многие, но разглядела ее душа святого. Возможно ли это для нас, смертных тварей Божиих? Возможно ли с нами чудо слышания диктующего с небес голоса? Да, если человек выйдет с ними на связь, то есть будет воцерковлен. Отраднo, что количество употребляющих на письме христианскую лексику растет, но оно опережает число православно живущих, а надо бы наоборот.

Есть выражение, которое стало заштампованным шаблоном: красота спасет мир. Под этим лозунгом проводятся конкурсы всяких мисс вселенных, где их измеряют, как лошадей для продажи. Да, эти красотки красивы, но их голая красота никого не спасает, а только развращает.

Россию спасет святость!

Святость — главное слово, хранящее Россию. И общий период русской литературы это утверждает. Русская литература спасена тем, что жила совестью народа. А совесть — это глас Божий в человеке и обществе. Русские писатели вышли из народа, но не ушли от него. Вместе с ним печалились и радовались, берегли его святыни. Писатели первыми выступали за возрождение храмов. Например — храм Христа Спасителя в Москве, первый председатель его Совета Владимир Солоухин, и храм Василия Белова в Тимонихе и распутинский храм в Усть-Уде на Ангаре, и прославление великого воина Феодора Ушакова в лике святых, и десятки видимых примеров и сотни и тысячи невидимых, ибо жертвы и подвиги для спасения души свершаются тайно...

А слово-обращение «Братья и сестры» означает еще и кровное братство. И не простое, родственное, но братство во Христе. Мы же причащаемся Тела и Крови Христовых, а выше этого счастья нет ничего.

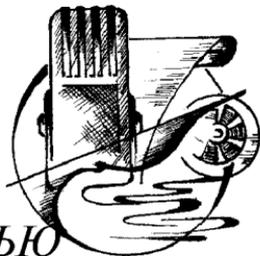
Вообще, если бы не было этого главного итога — обращения писательского творчества к поискам спасения России только на путях Православия, пришлось бы горестно спросить: если мы такие хорошие, что же так тяжело России? Но радостно знать, что она бессмертна, что она — Дом Пресвятой Богородицы, что мы — дети Божии, братья и сестры, что время последних столетий было русским в мировой культуре и будет таковым и в новом тысячелетии.

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ЛИКВИДАЦИЯ

Решением Государственной думы в Российской Федерации введена в действие двухступенчатая система высшего образования. Но далеко не все ученые, политики, представители общественности восприняли это новшество с восторгом. На наши вопросы отвечает В.А. Юдин, профессор, доктор филологических наук, заслуженный работник высшей школы РФ.

— *Владимир Александрович, чем отличается новый закон, который, как Вы и Ваши единомышленники считают, надо еще совершенствовать, от прежде действующего?*

— Как известно, не всякая новация является показателем модернизации. По прежнему закону право выбора образовательной программы принадлежало непосредственно вузу, с учетом его научной и профессиональной направленности, уровня квалификации преподавательского состава, бюджетной и материально-технической базы, учебно-лабораторного оборудования и т.д. В настоящее время это право передано министерским чиновникам. Неужто последние о семи пядях во лбу, а вузовское сообщество их глупее?... Не думаю. Скажем, на филологическом факультете Тверского госуниверситета, где я работаю более 30 лет, столько высококвалифици-

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

рованных профессоров, что им вполне по силам справиться с автономной разработкой и активным внедрением образовательных программ. Если кому-то и давать такое право, то непосредственно ведущим вузам прежде всего, а не кабинетным теоретикам.

— *Очевидно, этой новацией не исчерпывается вузовская модернизация?*

— По прежнему закону право выбора траектории обучения принадлежало студенту. Студент после четырехлетнего бакалавриата мог пойти в специалисты, затем в магистры, возможны были самые разные траектории. Ныне только две траектории: или специалист, или бакалавр, магистр. Если после бакалавра ты собрался в специалисты, то начинай сначала. Почему? Некая сакральная тайна, покрытая мраком, известная лишь кабинетным чиновникам Минобразования. По прежнему закону студент мог продолжить образование на любой ступени. По новому закону между бакалавриатом и магистратурой введен конкурсный отбор. Это значит, что качественное высшее образование становится доступно не всем, а только избранным. При этом совершенно очевидно, что количество бюджетных мест в магистратуре резко сокращено по сравнению с количеством бюджетных мест на бакалавриате.

— *Чем такая диспропорция грозит?*

— Я думаю, легко прогнозировать отрицательные последствия для отечественного высшего образования, для экономики и страны в целом. Фактически создаются две системы высшего образования: одна, условно говоря, для блондинок, в лучшем случае для офис-менеджеров, вторая, более или менее качественная, прежде всего для представителей экономической и политической элиты. Дискриминация молодежи, желающей учиться, по социальному признаку налицо.

— *Важно ведь не только получить высшее образование, но и трудоустроиться по специальности после окончания вуза...*

— Бакалавры, как показывает опыт, испытывают большие трудности с трудоустройством, по крайней мере значительно большие, чем традиционные специалисты. Есть даже известная шутка, когда приходит студент к работодателю, говорит: здравствуйте, я бакалавр. Тот ему отвечает: вижу, что не Иванов, но чему тебя учили? Я не очень понимаю.

— *Как известно, Россия подписала Болонскую декларацию, предусматривающую двухступенчатую и двухуровневую систему вузовской подготовки. Получается, как ни ропщи, как ни возмущайся, а караван идет...*

— Не совсем так. Министерство образования и науки извратило принципы Болонского процесса (далеко не я один

так думаю). Те, кто читал Болонскую декларацию, поддержанную в Российской Федерации, наверняка помнят, что ее ключевые идеи — это добровольность и академические свободы. У нас же в России Болонский процесс, или так называемая двухступенчатая и двухуровневая система, навязываются сверху.

— *С высшей школой в России более-менее ясно. А что происходит с профтехучилищами, техникумами, колледжами?*

— По-моему, тут и вовсе дело идет к ликвидации большого числа учебных заведений этого уровня. Учебные заведения начального и среднего профессионального образования, с неразумного благословения министра Минобрнауки Фурсенко, передают на региональное финансирование: уже 216 профтехучилищ переданы в регионы, на очереди — еще около 950 техникумов и колледжей. Большинству регионов, конечно же, не под силу такая ноша, а значит, будет слияние, перепрофилирование и в конечном итоге — ликвидация большого числа учебных заведений этого уровня. Как депутат Тверского областного парламента, не понаслышке знакомый с возможностями нашего регионального бюджета, смело могу сказать: нам этой нагрузки не потянуть. В системе профтехобразования сегодня трудятся только энтузиасты. Подобная горе-оптимизация скорее походит на ликвидацию.

Аналогичную ситуацию российская система образования уже пережила в процессе оптимизации малокомплектной сельской школы. По данным Росстата, только за последние восемь лет в стране было закрыто более 8 тысяч сельских школ.

Вот почему на съезде Союза директоров были сформулированы следующие требования: бюджеты начального и среднего образования наращивать теми темпами, как и бюджет высшей школы; принять закон о возвращении налоговых льгот по образованию; зарплату мастерам производственного обучения поднять до средней зарплаты в промышленности; ввести отсрочку от призыва в ряды Российской армии для студентов СПО и учащихся НПО, имеющих среднее общее образование; стипендии студентов в этих учебных заведениях должны расти быстрее, чем в вузах.

Но, думаю, эти предложения с действующим министром Минобрнауки Фурсенко не решить. О модернизации в ее подлинном, а не фиктивном виде пока мечтать не приходится. Необходимо решительно остановить процесс разрушения образования в стране.

— *Принятый Госдумой закон о бюджетных учреждениях, который уже назвали «самым страшным за последние 10 лет», поставил точку в разговорах о бесплатном среднем образова-*

нии в России. По новому закону все учреждения поделят на три большие группы — казенные, бюджетные и автономные, при этом государственные школы получают право законно проводить платные уроки.

Как теперь будут учить в школе, и сколько это будет стоить? Что сулит российской школе принятие нового закона, разделяющего бюджетные учреждения на казенные, бюджетные и автономные? Ведь он затронет в том числе и школу?

— Этот закон — финальная точка в истории про бесплатное среднее образование в России. В будущем нас ждет новая школа, такая, какой ее видит наше правительство: самоокупаемое учреждение, зарабатывающее деньги на своих учениках. Во главе новой школы будет стоять не директор, в нашем привычном понимании, а менеджер.

— А как же Конституция, дающая право на всеобщее бесплатное среднее образование?

— Правительство нашло хитрую форму сделать среднее образование платным, и при этом де-юре не противоречащим Конституции. Бесплатное образование останется, однако сократится его объем. Насколько? Из принятых нормативных актов пока об этом нельзя судить. Но, помня заявление нашего министра образования о том, что «математика мешает ученикам мыслить креативно», ожидать стоит худшего...

— Речь идет о платных образовательных услугах, которые по новому закону разрешили оказывать автономным и бюджетным образовательным учреждениям?

— Да, именно. Теперь, если уложить все инициативы правительства в одну систему, то перед нами предстанет школа, в которой будут учиться наши дети в 2015 г., а может быть, и раньше. Так, в обычную среднюю школу ребенок будет приходить, к примеру, на первые три урока (которые будут определять некий стандарт) бесплатно. Вторая тройка предметов уже будет оплачена государством частично, например, на 30%. Далее — обед, а после — часы профобразования. Эти часы будут проходить на предприятии, с которым директор сумел заключить договор, например, в ближайшей аптеке. Профобразование призвано реализовать пожелание Фурсенко о том, чтобы дети выпускались из школ уже ориентированными на конкретную профессию. Платные уроки — перевод школы на хозрасчет. Таким образом, правительство в 2015 г., согласно планам Министерства образования, получит желаемую самоокупаемую школу полного дня.

— А какова роль в этом принятого закона?

— Во-первых, принятый накануне закон подводит юридическую базу под то, что государственная школа становит-

ся предприятием, способным зарабатывать достаточно денег для самоокупаемости, выполняя заказ на образовательные услуги. Во-вторых, способствует укрупнению образовательных учреждений, поскольк, кроме платных услуг, статус автономности определяет порядок получения субсидии, выплата которой целиком будет на совести местного чиновника. Именно он будет определять, есть ли у данной школы социальный заказ на образовательные услуги или нет. Там, где, по его мнению, заказа нет, со временем возникнет не школа, а что-то другое. Кроме того, с принятием закона в образовательной сфере возникнет конкурентная среда, отчего процесс укрупнения также пойдет быстрее. Этого с нетерпением ждут в кабинете министра образования. Однако конкурировать школы будут не за качество образования, а за прибыль.

— *Возможно, переход на такую систему работы позволит школам увеличить зарплаты учителям?*

— Нет, такого не произойдет. Форма оплаты ведь остается той же — подушевой, к тому же она была введена под проект «самоокупаемой школы» и меняться не будет. При этом общая масса денег, выделяемая на учителей, не изменилась, изменился только порядок распределения средств. Как правило, в школах увеличились зарплаты директоров и главных бухгалтеров. А учителя получают по восемь тыс. рублей и ведут по 30 часов в неделю, при норме 18.

Правда, в качестве стимула труда отдельные учителя (успешно овладевшие компьютерными технологиями) из той же общей бюджетной суммы школы получать будут значительно больше своих коллег. Но это будут лишь привилегированные единицы. В массе своей как был российский учитель многострадальным, таким же многострадальцем в ближайшей перспективе и останется...

— *А как же заявления Фурсенко о том, что образование все-таки не станет платным?*

— Министр образования говорит о том, что этого не произойдет до конца 2011 года. А что нас ждет после, судите сами. Нужно помнить другое обещание министра: к 2015 г. перевести школы на самоокупаемость.

— *Так и что нас ждет в перспективе?*

— Расслоение по имущественному признаку на всех образовательных уровнях. В школе будут ученики, которые смогут оплачивать платные предметы, и те, которые не смогут. Сами школы разделятся на школы для бедных и богатых, а нерентабельные учреждения и вовсе закроются. Жителей мегаполиса такая перспектива не очень пугает, а вот тем, кто живет в закоулках российских регионов, об образовании придется забыть.

— Это опять какой-то иностранный опыт, как с ЕГЭ, или на этот раз целиком наша инициатива?

— Насколько я знаю, ничего подобного в развитом мире нет. В Америке пытались одно время провести подобную реформу, но взбунтовались родители. Германия уже несколько лет идет по пути всеобщего бесплатного образования, в Финляндии образование одинаково доступно как в столице Хельсинки, так и в труднодоступной для него Лапландии.

— В начале разговора Вы упомянули, что принятие этого закона — финальная точка. Уже ничего нельзя изменить?

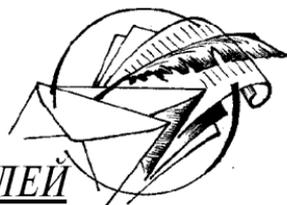
— Да, знаете, это своего рода контрольный выстрел. Сначала была введена новая система оплаты труда для учителей, потом в сознание директоров пошло внедрение термина «образовательная услуга», об этом неоднократно заявлял Фурсенко, после президент заявил о необходимости привлечения менеджеров, а премьер-министр предложил вынести физику за рамки школьной программы. Под эту говорильню происходила реализация заявленных инициатив, при этом они проводились в режиме непонятной секретности. Сам закон на первое чтение в Госдуму был внесен под Новый год, то есть мы проснулись с ним уже первого января 2010 года. Насколько мне известно, по всей стране прошли мастер-классы по «Инновационному менеджменту в управлении образованием», на которых директорам объяснили необходимость учиться зарабатывать деньги на учениках. Теперь положен последний кирпичик. Единственное, что остается, это работа на местах. Каждый конкретный родитель может использовать возможность влиять на образовательную деятельность своей школы, войдя в ее попечительский совет или родительский комитет. Новое законодательство дает им довольно широкие полномочия.

КАК УЛУЧШИТЬ ЗДОРОВЬЕ НАРОДА

Академик РАМН И.А. Гундаров в статье «Преодоление демокастрофы в России» («Молодая гвардия», 2009, №10) утверждает, что преодолеть демографическую катастрофу в России нельзя ни при капитализме, ни при социализме. Нужен, по его мнению, переход к так называемому социогуманизму, который отвечает менталитету наших граждан, издавна приверженных к коллективному, общинному строю их жизни.

И.Гундаров, наверное, прав, если имеет в виду полное преодоление демографической катастрофы. Он прав, когда говорит о необходимости отмены шоковых экономических и социальных реформ, которые привели к разрушению экономики и к потере уверенности людей в завтрашнем дне. Ведь еще в пятидесятых годах прошлого века знаменитый автор теории стресса Ганс Селье в книге «От мечты к открытию» (М.:Прогресс, 1979) писал: «Ничто так не разрушает человека, как сознание выключенности из жизни; отсутствие того будущего, которое прежде освещало каждый его шаг».

Между прочим, И.А. Гундаров еще в 2005 году в интервью «Убийство русского народа» («Молодая гвардия», 2005, №3) говорил, что три основных фактора вызывают демогра-

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

фическую катастрофу в России: экономические, социальные реформы и неизвестный якобы нашей науке фактор «Х». «Этот фактор действует с огромной скоростью распространения». Он может, по словам автора, синхронно действовать на расстояниях, удаленных друг от друга на тысячи километров. Этот фактор влияет почти на все болезни: острые, хронические, инфекционные, токсические, неинфекционные. Влияет внезапно, одновременно и синхронно.

Опуская детали статьи И. Гундарова от 2005 года, замечу, что автор оценивает потери русского народа в конце XX века в 17 млн. граждан. И. Гундаров считает эти потери результатом непреднамеренных действий М. Горбачева и Б. Ельцина и не затрагивает сверхсмертности в начале XXI века.

Санкт-Петербургский Общественный комитет «За восстановление в России жизни по поясному времени» еще в 2000 году показал, что упомянутым ранее фактором «Х» является опережение природного ритма смены дня и ночи. Это опережение достигается в России зимой от 3 до 6 часов, а летом от 2 до 3 часов, и вызвано оно тремя причинами: применением круглогодичного «декретного» часа — сдвига стрелок часов на один час вперед относительно международной системы часовых поясов, «летним» временем — дополнительным сдвигом стрелок вперед еще на час на весну, лето и часть осени, а также постоянством времени начала рабочего (учебного) дня в течение года на всей территории часового пояса.

Скорость распространения упомянутого фактора «Х» соответствует скорости вращения Земли вокруг своей оси.

О недопустимости такого опережения природы знали еще в древности. Недаром верховные египетские жрецы, возводя на престол очередного фараона, провозглашали: «Фараон может всё. Он не может только трогать время!»

Наш хронобиолог Н.И. Моисеева в книге «Время в нас и время вне нас» (Лениздат, 1981) писала: «При всем безграничном стремлении к покорению природы Время относится к числу вещей, нам вовсе не подчиняющихся».

Сотни писем граждан в средства массовой информации, правительству Федерации и более 600 писем СПб комитету, содержание которых регулярно доводилось до правительства, свидетельствуют о несогласии наших граждан с практикой «декретного» и «летнего» времени, нарушающей условия нормального ночного сна человека — существа дневного. Его деятельность должна осуществляться в светлое время суток. Ночной сон является важнейшей составляющей суточной жизни человека. От его качества зависят здоровье, работоспособность, производительность труда и качество учебы,

продолжительность жизни, способность к деторождению, а также безаварийность на производстве и в быту.

Отечественными (Н.А. Агаджанян, Ф.И. Комаров, В.И. Хаснулин, Н.И. Моисеева, И.Г. Карманова, В. И. Шапошников) и зарубежными учеными (У. Демент, Ю. Ашофф, М. Токата, П. Хаури, С. Корен, Л. Лэмберг, У Вэй Синь) установлены следующие условия нормального ночного сна человека:

- пробуждение не раньше восхода Солнца;
- нормальная длительность ночного сна: для детей зимой — 11, в среднем, а летом — 10 часов; для взрослых — на 2 часа меньше;
- отсутствие скачков длительности соседних суток, нарушающих согласованную работу всех систем организма человека.

Особенно велико влияние на здоровье населения пробуждения до восхода солнца в зимнее полугодие. Зимой постоянное в течение года время начала рабочего дня вызывает дополнительное опережение ритма природы, превышающее опережение, вызванное «декретным часом», от 2 до 5 раз. В результате суммарное опережение природы достигает, например, в Санкт-Петербурге 5 часов — при начале работы в семь утра (по «декретному времени»).

Опережение ритма природы вызывает лишение предутренних фаз ночного сна, особенно важных для растущего организма детей и репродуктивных возможностей взрослых, что практически снижает рождаемость в стране. Опережение природы ведет к систематическому недосыпанию людей. Дети СПб. недосыпают 2—3 часа ежедневно, 40—60 часов в месяц и в пять раз больше в течение пяти месяцев зимы. Взрослые СПб., при начале их работы в семь утра, недосыпают ежедневно по 4—5 часов, а в течение пяти месяцев зимы 320—400 часов. Ежедневное недосыпание жителей Москвы меньше на час, чем у жителей СПб., а недосыпание граждан Архангельска на час больше по сравнению с Петербургом. Поэтому превышение смертности над рождаемостью на Севере России больше среднероссийского в полтора раза.

Приводим выдержки из писем, адресованных СПб. Комитету.

Середенко Г.А., детский врач с 30-летним стажем, г. Мончегорск Мурманской области: *«Дети особенно болезненно реагируют на сломанные жизненно важные природные механизмы. После перевода стрелок по весне в ближайшие 6 (шесть) недель у 97% детей нарушаются сон и поведение. У многих отсутствует аппетит без видимых причин, повы-*

шается общая заболеваемость. У части детей появляются острые невроты адаптационного периода, впервые выявленные нервные тики и мигренеподобные головные боли. У школьников и подростков резко усиливаются неуверенность, депрессия, агрессия, снижается жизненный тонус, ухудшается успеваемость...»

Коган З.П., Хабаровск: «Дети встают рано, долго не могут проснуться, ходят с закрытыми глазами, есть не хотят... С кем ни поговоришь — одно и то же. Зрение у детей падает по этой же причине. Глаза закрыты, мозг спит, желудок не работает. Это можно назвать издевательством, уничтожением малолетних».

Якушевская С.А., пос. Пограничный Приморского края: «Я не раз была в Китае, в ближайшем к нашему поселку городе Суйфэньхэ. Летом у нас с ними разница во времени 3 часа, а зимой — 2, хотя ехать от нас до Суйфэньхэ всего полчаса. Когда их школьники, выспавшиеся и улыбающиеся, идут утром в школу, наши бедолаги уже заканчивают четвертый урок. Может, отсюда и начинаются психозы, нежелание учиться, плохая успеваемость, агрессия и т.д.?»

Когда я работала, то приходилось вставать за два часа до рассвета. Сейчас я на пенсии, но каждое утро чувствую эти украденные два часа.

Разве это не цинизм заявлять вслух, что осуществляется «переход на летнее время на один час», когда на самом деле на один час — это зимой, а семь месяцев в году длится переход на два часа. Да и может быть, кто-нибудь из государственных деятелей покажет, где же это в России лето длится аж семь месяцев?! Как «достучаться до небес», т.е. до наших государственных деятелей?..»

Однако Управление метрологии Гостехрегулирования РФ (бывшего Госстандарта России) годами бездоказательно утверждает об отсутствии в России и во всем мире данных о вредности «декретного» и «летнего» времени. А, кроме того, ссылается на давно устаревшие данные Международной Организации гражданской авиации (ИКАО) об учете сдвигов времени только больше 4 часов. На самом деле с 1985 года новые рекомендации ИКАО и отечественные «Руководства по авиационной медицине» требуют учитывать даже одночасовой сдвиг времени.

Стоит заметить, что Управление метрологии не отвечает за здоровье граждан, в отличие от Российской академии медицинских наук (РАМН), главного научного учреждения страны по здравоохранению, которое неоднократно свидетельствовало о вредности для здоровья «декретного» и «летнего»

времени. РАМН рекомендовала отменить эти ложные системы счета времени и вернуться к счету времени по международной системе часовых поясов.

Ежедневное недосыпание детей и взрослых накапливается и не компенсируется полностью ни отличным питанием, ни медицинскими мерами, ни даже сном до полудня по выходным дням.

Хроническое недосыпание приводит к хроническим усталости и болезням, вызывает депрессию, потерю воли к жизни, аварии и катастрофы по вине уставших людей, а также сильную тягу к алкоголю, табаку и наркотикам, как средствам временного преодоления хронической усталости.

Скачки длительности соседних суток при переходе от «зимнего» к «летнему» времени и обратно вызывают десинхроноз — нарушение нормальной работы внутренних биологических часов человека и в итоге нарушение согласованной работы всех органов человеческого организма. Десинхроноз у взрослых длится 2—3 недели, а у детей 6—8 недель.

Все нарушения сна приводят не только к заболеваниям и преждевременной инвалидности, но и к повышенной смертности. По данным Росстата за 1980—1998 годы, только из-за «декретного» и «летнего» времени ежегодно умирало до 75 тысяч граждан.

В результате медицинских, в т.ч. клинических, исследований группой ученых Сибири под руководством профессора В.И. Хаснулина в сентябре 1999 г. были проведены парламентские слушания в Госдуме РФ, которая в первый и в последний раз приняла рекомендации об отмене «декретного» и «летнего» времени. Этому предшествовали и расчеты по данным Центрального Диспетчерского Управления РАО «ЕЭС России» об экономии электроэнергии за счет «декретного» времени в 2,5 млрд. кВт/час и в 2,0 млрд. кВт/час за счет «летнего» времени. Суммарная экономия энергии оказалась меньше полупроцента от производимой энергии, а в расчете на душу населения в год составила всего 26—30 квт/час.

На парламентских слушаниях 1999 года председатель Проблемной комиссии РАМН «Хронобиология и хрономедицина» академик РАМН Ф.И. Комаров, следуя рекомендациям Проблемной Комиссии, предложил отменить в России и «декретное», и «летнее» время.

Совместное заседание 4 ведущих отделений Российской Академии медицинских наук в июне 2001 года приняло Решение о необходимости безотлагательного возврата страны к поясному времени. На основе этого Решения 23.10.2001 г. Дума Томской области провела парламентские слушания и

внесла в Госдуму России законопроект «О переходе Российской Федерации к поясному времени». Этот законопроект был поддержан 09.04.2002 г. Президентом РАМН и к началу 2003 года — тремя четвертями субъектов Федерации. Однако 19.03.2003 г. Госдума России незаконно отвергла, меньшинством депутатов и с нарушением Регламента Думы этот законопроект, не проведя парламентских слушаний.

Практически все нарушения ночного сна человека можно устранить даже в нынешних, трудных для большинства народа экономических и социальных условиях за счет достижения согласия ритма жизни России с природным ритмом смены дня и ночи, к которому организм человека приспособился за тысячи лет жизни.

Чтобы достичь такого согласия, нужно, во-первых, вернуться к счету времени по международной системе часовых поясов, отменив круглогодичный «декретный» час (о нем многие забыли или не знают) и «летнее» время. Во-вторых, нужно от постоянного в течение года времени начала рабочего дня перейти к зимнему и летнему времени начала работы (учебы) для конкретного, достаточно обширного района каждого часового пояса.

Поэтому СПб. комитет предложил:

1. Отменить круглогодичный «декретный» час.
2. Отменить сдвиг времени еще на один час вперед, устанавливаемый ежегодно на 7 месяцев весны, лета и осени («летнее» время).
3. Отказаться от постоянного в течение года времени начала рабочего дня и перейти к разному зимой и летом времени начала работы (учебы), т.е. привести социальный ритм жизни в стране к согласию по времени с Природой.
4. Для реализации этого согласия с Природой СПб комитет предложил внести изменения в Трудовой Кодекс РФ, рекомендовав работодателям и организаторам дневной деятельности начинать рабочий (учебный) день в зимнее полугодие (с 23.09 по 21.03) спустя полтора-два часа после самого позднего поясного времени восхода Солнца в данном, достаточно обширном, районе часового пояса 22 декабря.
5. В летнее полугодие работу (учебу) начинать на час-полтора раньше.

Например, рабочий день зимой на юге России в центре часового пояса с широтой 42 градуса следует начинать в 8.50—9.20 поясного времени, а в центре пояса на параллели 50 градусов в 9.30—10.00 поясного времени. На параллели Санкт-Петербурга с широтой 60 градусов, в центре часового пояса, рабочий день зимой начинать в 10.30—11.00 поясного

времени. В Москве и Московской области, традиционно отнесенных ко второму часовому поясу, что и СПб., работу зимой начинать в 9.30—10.00.

На восточной границе каждого часового пояса для всех широт работу начинать на полчаса раньше; на западной границе — на полчаса позже, чем в центре пояса.

В Заполярье, с его полярными днем и ночью, игры со стрелками часов никакой экономии энергии обеспечить не могут, но наносят удар по здоровью людей и экономике Крайнего Севера. Поэтому в Заполярье следует, по расчетам СПб. комитета и по мнению жителей Севера, начинать рабочий день зимой в 10.00, а летом — в 9.00 часов утра по поясному, разумеется, времени.

Разное время начала работы зимой и летом в данном районе часового пояса не повлияет на здоровье человека из-за отсутствия сдвигов стрелок часов, которые и вызывают десинхроноз.

Предлагаемый ритм жизни России исключит нынешние объективные условия для нарушений ночного сна граждан, обеспечив их пробуждение всегда после восхода Солнца. Это оздоровит население, особенно детей и подростков, сэкономит не менее сотни тысяч жизней в год и приведет к ощутимому выигрышу для экономики страны в целом.

Такой ритм жизни позволит:

- обеспечить нормальное развитие детей — сохранением преемственных фаз их сна;

- исключить хроническое недосыпание;

- значительно улучшить физическое и духовное здоровье населения, в том числе призывников и спортсменов — за счет улучшения качества их жизни в детском и подростковом возрастах;

- снизить тягу населения к наркотикам всех видов, как средствам преодоления хронической усталости, вызванной недосыпанием;

- уменьшить хронические усталость и болезни — следствие недосыпания и повысить работоспособность людей не меньше чем на 10%, что увеличит производительность труда, качество учебы и образования;

- уменьшить аварийность и травматизм по вине уставших людей;

- повысить продолжительность жизни людей за счет исключения скачков длительности соседних суток при нынешних сезонных переводах стрелок часов;

- снизить затраты государства и граждан на лечение за счет своевременного выполнения рекомендаций хрономедицины, а также за счет снижения расходов на лекарства;

— уменьшить на 10% превышение смертности граждан над рождаемостью, вызванное опережением поясного времени круглогодичным «декретным часом» и «летним» временем;

— уменьшить на 5% пиковые нагрузки на электростанции — за счёт разного на юге и севере начала рабочего дня.

СПб. комитет в содружестве с хронобиологами Перми и Новосибирска при поддержке НИИ медицины труда РАМН установил, что в результате жизни по «декретному» и «летнему» времени работоспособность в стране снижается минимум на 10%. Это позволило СПб. комитету определить, что ущерб от применения ложного счета времени достигает как минимум 1—2% от валового внутреннего продукта (ВВП) России и её бюджета. В ценах докризисного, 2007 года, ежегодные потери России только из-за применения «декретного» и «летнего» времени достигают по ВВП страны 310—620 млрд. руб., а по бюджету — 62—124 млрд. руб.

Переход к новому ритму жизни увеличит за счет роста работоспособности людей на 10% валовой внутренний продукт (ВВП) России минимум на 1—2%, т.е. в ценах докризисного 2007 года на 310—620 миллиардов рублей. Это увеличение ВВП в десятки раз больше экономии, которая в ценах 2007 года стоила около 7 миллиардов рублей.

Поэтому СПб. комитет в марте 2010 года, отзываясь на предложения президента РФ Д. Медведева об оценке целесообразности отмены «декретного», «летнего» времени и о необходимости модернизации экономики России, довел до президента РФ предложения по организации нового ритма общественной жизни России.

Говоря о влиянии опережения природы по времени на экономику страны, приведем следующие итоги расчетов СПб. комитета:

Одиннадцатилетнее противодействие правительства РФ оздоровлению граждан и существенному выигрышу для экономики России привело к преждевременной смерти не менее миллиона граждан и общему снижению ВВП России как минимум на 3,5—7 триллионов рублей (в ценах 2007), а доходной части бюджета — на 700—1400 млрд. рублей.

Из сравнения этих потерь с экономией электроэнергии, составившей в ценах 2007 года около 7 млрд. рублей, видно, что «выигрыш» экономики России от применения ложных систем времени на порядок меньше ущерба, вызываемого их использованием, что, несомненно, противоречит «Концепции устойчивого развития Российской Федерации».

А ведь в этой Концепции, утвержденной Указом президента РФ, сказано: «Никакая хозяйственная деятельность не может быть оправдана, если выгода от нее меньше вызываемого ею ущерба».

Разовые, а не ежегодные сезонные, два раза в год, затраты бюджета страны на переход к новому социальному ритму жизни составят не более 100 миллионов рублей, что в сотни раз меньше безусловного выигрыша бюджета в 60 миллиардов рублей (20% от выигрыша в ВВП).

Негативное влияние российского разлада с природой на здоровье и саму жизнь наших граждан суммируется с негативным влиянием на большинство населения страны шоковых экономических и социальных реформ и вместе с ними ухудшает демографическую ситуацию в России.

В этой связи можно уверенно утверждать, что после исключения имеющегося у нас опережения природы по времени (исключение фактора «Х» по И.Гундарову) уменьшится и негативное воздействие на население страны экономических и социальных реформ — вследствие присущего большим системам эффекта взаимного влияния однонаправленных негативных факторов российской системы общественной жизни.

Предлагаемая технология жизни обладает преимуществами и системы поясного времени, и системы местного солнечного времени, будучи лишена недостатков каждой из них в отдельности.

Россия как суверенное государство может и должна, презрев выгоды фармацевтического, алкогольного, развлекательного и других видов бизнеса, прекратить игры с природой. Это оздоровит население, сэкономит жизни десятков тысяч граждан ежегодно и приведет к ощутимому выигрышу для экономики страны в целом. В этой связи нельзя игнорировать пример Казахстана, который в марте 2005 года отменил «летнее» время, не испросив согласия России, Европейской Экономической комиссии ООН, Всемирной Организации Здравоохранения, а руководствуясь лишь интересами своего населения и своей экономики. Декретный час был сохранен в Казахстане, чтобы разлад с природой по времени с Россией не превышал одного часа.

Реализация предлагаемого социального ритма жизни улучшит здоровье тех 10—20% взрослого населения, которое занято особо тяжелым и опасным трудом, например, сменной работой, вахтовым трудом или трудится в составе экипажей воздушных судов гражданской авиации.

Таким образом, здоровье граждан России можно улучшить даже в рамках «звериного капитализма средневекового характера».